

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P Дискурс Ни

Научно-практический альманах

PHILOSOPHY - ФИЛОСОФИЯ
POLITICS - ПОЛИТИКА
POWER - ВЛАСТЬ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Ди-Ни

Выпуск 8

Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций

Институт
философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук

Выпуск подготовлен
при поддержке
гранта РГНФ №07-03-83305 а/у

Екатеринбург
2009

DISCOURSE-P
ДИСКУРС Ни

УЧРЕДИТЕЛИ:

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ДОМ УЧЕНЫХ»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ДИСКУРС-ПИ»

Адрес редакции:

620144 г. Екатеринбург
ул. 8 Марта, 68, комн.3.

Телефоны:

(343) 251-70-58
(343) 251-77-85

E-mail: dipi@nm.ru, rusakova_mail@mail.ru
www.discourse-pm.ur.ru, www.madipi.ru

При перепечатке
ссылки на альманах
«Дискурс-Пи»
обязательны.

Редакция
не несет ответственности
за особенности
дискурса авторов

Тема следующего выпуска:

«Дискурс виртуального мира»

ISSN 1817-9568

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.Ф. Русакова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.А. Александров
Л.М. Андрюхина
О.Г. Дука
Е.Г. Дьякова
Ю.Г. Ершов
К.В. Киселев
Ю.В. Конецкий
О.В. Коркунова
В.О. Лобовиков
И.П. Малинова
Б.С. Модель
И.М. Модель
С.В. Мошкин
Д.В. Нежданов
Л.И. Рыженко
Д.Л. Стровский
Е.М. Сурина
И.Б. Фан
Л.Г. Фишман
А.Э. Якубовский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В.В. Алексеев
Б.Б. Багиров
С.Е. Вершинин
А.В. Гайда
М.Е. Главацкий
Б.В. Емельянов
А.Д. Кириллов
В.Б. Куликов
К.Н. Любути
М.А. Малышев (Мексика)
Д.А. Миронов
В.Ф. Олешко
А.В. Перцев
В.И. Разумов
В.Н. Руденко
В.М. Русаков
А.Е. Спасский
Е.А. Степанова
Е.С. Тулисов
М.А. Фадеичева

Ответственный секретарь

Е.Г. Грибовод

© Составление О.Ф.Русакова, 2009
© Дискурс-Пи. Научно-практический
альманах, выпуск 8. 2009.

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова

Вызов мультикультурных коммуникаций7

Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций

А.В. Александрова

Дискурс иронии в социокультурном контексте.....8

Л.М. Андриянина

Русская философия в европейской перспективе.....10

Мариэ Денн (Бордо, Франция)

От сопоставления Гуссерля и Хайдеггера к установлению
двух модусов бытия и темпоральности в контексте
европейских культур. Значение этой проблематики в
диалоге между Западом и Россией14

С.А. Нижников

Мораль и политика в социокультурном контексте17

О.Ф. Русакова

Дискурс глобальной глэм-культуры21

М.А. Фадеева

Особенности кроссэтнической коммуникации в условиях
постмодерна.....26

В.М. Русаков

Дискурс травелога: словари и справочники как изречение
неизреченного.....29

К.С. Романова

Хаос глобальных массовых коммуникаций как угроза
духовной целостности личности34

Е.В. Ишменев

Дискурсивный анализ информационных конфликтов38

Галерея

Б.В. Емельянов

Елена Блаватская: искушение Востоком.....40

В.И. Мелехин

«Исторические письма» Петра Лаврова: современное
прочтение42

Г.А. Гасимова

Антон Макаренко: неизвестные штрихи к известному
портрету46

С.Г. Банных

Л.Н. Гумилев: дискурс этноса48

А.А. Лицук

Немецкие штудии профессора П.И. Новгородцева52

Антропология

А.С. Гагарин

М. Шелер: экзистенциал любви в антропологии сердечной
интенциональности.....57

И.Л. Данилова (Гетеборг, Швеция)

«Кризис» шведского театра с точки зрения культурной
антропологии61

Е.А. Степанова

Нравственность и/или религия64

T. Muravitsky (USA), B. Emelyanov (Russia)

The russian soul: eternal femininity and eternal «babje»69

Геополитика

Р.С. Мухаметов

Внешиполитические ориентации российской элиты72

Л.Г. Фишман

Уроки августа75

Персона

«Почему одни люди не едят других», или чем занимается
социология. Интервью с Б.В. Дубиным (И.Б. Фан).....81

Сексуальный смотритель

С.Н. Некрасов

Голубой дискурс в философии или как возможна мужская-
женская гомософия91

Парадигмы и процессы

А.Г. Шабуров

Дискурс и значение справедливости.....94

М.С. Ильченко

Поверхность смысла и смысл на поверхности: новая
онтология Жилия Делеза96

К.А. Лобато (Толука, Мексика)

Эстетика гротеска в современной испаноамериканской
литературе.....100

А.Ю. Смирнова

«Этичность» и «экологичность» как инструменты
современного маркетинга (на примере
Великобритании).....104

Игра в бисер

В.О. Лобовиков

Модальный дискурс-анализ: от формальной логики к формальной этике алетических, деонтических и эпистемических модальностей 108

Тропы метода

В.Л. Берсенёв, А.П. Горст, Е.Л. Юшук

Конкурентная разведка в контексте искусства войны 112

Т.В. Шекунова

Элита: возможности дискурса 118

С.Н. Березин

Постфеноменологический дискурс 125

А.Е. Спасский

Цели дискурсологии 128

Г.Е. Сахарова

Риторические фигуры, основанные на языческих архетипах 129

Трибуна

С.В. Мошкин

Россия и Запад после грузинской войны 135

Вести МАДИ 137

Юридический дискурс

В.Н. Руденко

Система японских судов с гражданским участием (saiban-in seido) в дискурсе правовых коммуникаций 141

М.Ф. Казанцев

Договор – великий коммуникатор 146

Политические технологии

Н.А. Комлева, А.Г. Наронская

Политическая элита как комбатант 150

А.С. Кузнецов

Интегративная теоретическая модель парадипломатии 154

Д.Н. Устюжанина

Дискурс брэнда «Россия» 158

Е.Л. Сысолятина

Парламентаризм как средоточие социокультурных факторов 161

Конференц-зал

Е.Н. Коваленко

Третья международная научная конференция «Дискурсология: Теория. Методология. Практика» 163

В.М. Русаков

Дискурс травелога (отчет секции 3-й международной конференции «Дискурсология») 164

Афористикон

А.А. Коряковцев

Философ на окраине (афоризмы и наблюдения) 165

М.А. Малышев (Мехико, Мексика)

Время, иллюзия, надежда (парадоксы и ироничные фразы) 167

Клуб дядюшки Лю

В.М. Русаков

С облегчением вас, «приличные люди» 170

Эссе

В.С. Мартъянов

Размышления о мифологии террора в важнейшем из искусств 171

Г.М. Скопин

Беседы со «знающим человеком» о превратностях шоу-бизнеса и культуры в отдельно взятом городе 177

Поэтик

А. Гагарин

Косматые сердца 181

И. Михайловский

Колыбельная. Урбанизация. Плюрализм 182

У. Возная-Любутина

Шоколадная осень 184

В. Говорков

Старый дом. Я яблоки другу в больницу привёз 186

Новые книги по философии, политологии социологии и праву

(Е.М. Сурина) 187

Editor's Preface

O.F. Rusakova

Challenge of Multicultural Communications.....7

Discourse of the Global Sociocultural Communications

A.V. Alexandrova

Discourse of Irony in the Sociocultural Context.....8

L.M. Andryukhina

Russian Philosophy in the European Perspective10

Maryse Denn (Bordeaux, France)

From the Comparison of Husserl and Heidegger to
Constitution of the Two Modes of Existence and Temporality
in the Context of European Cultures. The Significance of This
Issue in the Dialogue Between the West and Russia.....14

S.A. Nizhnikov

Morality and Politics in the Sociocultural Context.....17

O.F. Rusakova

Discourse of Global Glam-Culture21

M. A. Fadeicheva

Features of Cross-Ethnic Communication in Conditions of a
Postmodern26

V.M. Rusakov

Discourse of the Travelogue: Dictionaries and Guides As
Saying not Expressed.....29

K.S. Romanova

Chaos of Global Mass Communications As Threat of Spiritual
Integrity of the Person.....34

E.V. Ishmenev

Discursive Analysis of the Information Conflicts38

Gallery

B.V. Yemelyanov

Elena Blavatskaya: East Temptation.....40

V.I. Melekhin

«Historical Letters» by Peter Lavrov: Modern Reading.....42

G.A. Gasymova

Anton Makarenko: Unknown Strokes to a Known Portrait...46

S.G. Bannykh

L.N. Gumil'ov: The Discourse of Ethnos48

A.A. Litsuk

The German Studies by Professor P.I. Novgorodtsev52

Anthropology

A.S. Gagarin

M. Sheler: Ekzistentsial of Love in the Anthropology of Heart
Intentionality57

Irina Danilova (Gotheburg, Sweden)

«Crisis» of Swedish Theatre from the Point of View of
Cultural Anthropology61

E.A. Stepanova

Morality and / or Religion.....64

T. Muravitsky (USA), B. Emelyanov (Russia)

The Russian Soul: Eternal Femininity and Eternal «Babje» .69

Geopolitics

R.S. Muhametov

Foreign Policy Orientations of the Russian Elite.....72

L.G. Fishman

Lessons of August.....75

Person

«Why Some People do not Eat Others», Or What the
Sociology Does? Interview with B.V. Dubin (I.B. Fan)81

Sexual Watcher

S.N. Nekrasov

Blue Discourse in Philosophy Or How the Male's-Female's
Homosophy is Possible91

Paradigms and Processes

A.G. Shaburov

Discourse and Meaning of Justice94

M.S. Ilchenko

Surface Meaning and the Meaning on the Surface: A New
Ontology of Gilles Deleuze96

Carmen Álvarez Lobato (Toluca, Mexico)

Aesthetics of the Grotesque in Modern Spain-American
Literature.....100

A.U. Smirnova (London, United Kingdom)

«Ethics» and «Environment» As Tools of Modern Marketing
(On an Example of the Great Britain).....104

«Beads Game»

V.O. Lobovikov

Modal Discourse-Analysis: From Formal Logic to a Formal
Ethics of Alethical, Deontical and Epistemical Modalities .108

Tropes of Method

V.L. Bersenev, A.P. Horst, E.L. Yuschuk

Competitive Intelligence in a Context of Art of War 112

T.V. Shekunova

Elite: Opportunities of a Discourse..... 118

S.N. Berezin

Postphenomenological Discourse 125

A.E. Spasskiy

The Objectives of Discoursology..... 128

G.E. Sakharova

Rhetorical Figures, Based on Pagan Archetypes 129

Tribune

S.V. Moshkin

Russia and the West After the Georgian War 135

MADI News..... 137

Juridical Discourse

V.N. Rudenko

The System of the Japanese Courts With Civil
Participation (Saiban-In Seido) in the Discourse of Law
Communications 141

M.F. Kazantsev

The Contract - the Great Communicator 146

Political Technologies

N.A. Komleva, A.G. Naronskaya

Political Elite As a Combatant 150

A.S. Kuznetsov

Integrative Theoretical Model of Paradiplomacy 154

D.N. Ustyuzhanina

Discourse of Brand «Russia»..... 158

E.L. Sysolyatina

Parliamentarism As a Focus of Sociocultural Factors 161

Conference Chamber

E.N. Kovalenko

3rd International Scientific Conference «Discoursology:
Theory. Methodology. Practice» 163

V.M. Rusakov

Discourse of Travelogue (The Report of Section of the 3rd
International Conference «Discoursology» 164

Aphoristics

A.A. Koryakovtsev

The Philosopher at the Edge. Aphorisms and
Surveillances 165

M.A. Malyshev (Mexico City, Mexico)

Time, Illusion, Hope (Paradoxes and Ironic Phrases)..... 167

Uncle Lu's Club

V.M. Rusakov

With Relieving You, «Decent People»..... 170

Essay

V.S. Martyanov

Reflections on the Mythology of Terror in Major of Arts.... 171

G.M. Skopin

Conversations with «Knowledgeable Man» About the
Vicissitudes of Show Business and Culture in a Particular
City..... 177

Poetic

A. Gagarin

Shaggy Hearts 181

I. Mikhailovsky

Lullaby. Urbanization. Pluralism 182

U. Voznaya-Lyubutina

Chocolate Autumn 184

V. Govorkov

Old House. I have Brought Apples to the Friend in a
Hospital 186

**New Books on Philosophy,
Politics, Sociology and Law**

(E.M. Surina)..... 187

ВЫЗОВ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

О.Ф. Русакова

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института
философии и права УрО РАН,
Президент МАДИ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Социокультурная реальность столь же глобальна, как и пресловутый мировой финансовый кризис, о котором сегодня говорят все. Однако далеко не все осознают, что финансово-экономические катаклизмы, обозначенные словом «кризис», связаны не только со спекулятивной природой современного капитала, но и с глубокими ментальными процессами. Кризис как разруха начинается с головы. Превращение рыночной ценностной ориентации в ранг мировой религии не могло не привести к деформации реальности, как социальной, так и виртуальной. В итоге обожещаемая рыночными фундаменталистами «невидимая рука рынка» показала всем фигуру из трех пальцев.

Авторы настоящего выпуска альманаха обращаются к ментальным аспектам социокультурных коммуникаций, которые в значительной степени влияют на формирование

интеллектуального ландшафта современного мира. В центре внимания – разнообразие идей, дискурсов, концептов, верований, образов, смыслов, которые находятся в состоянии микса, диалога, вызова, амбивалентности. Основная тенденция такова: мультимыслие в современном медиапространстве оборачивается мультикультурным плюрализмом и контрапунктом. Ирония, гротеск, монструозность характеризуют эстетику мультикультурности. Данные моменты отмечает, в частности, в своей статье, посвященной современной испаноамериканской литературе, профессор из Мексики Кармен Альварес Лобато.

Многие статьи посвящены разным аспектам и вопросам философских коммуникаций в контексте определенной ситуации диалога культур. К примеру, профессор из Франции Мариз Денн, считает, что углубление диалога «Гуссерль-Хайдеггер», доведенное до новой постановки онтологического вопроса, может помочь в решении проблем, касающихся особенностей взаимодействия России и Запада.

Для наших авторов принципиально важным является обращение к антропологической сердцевине философских и культурно-этических коммуникаций. Данная тема – в центре внимания статей наших постоянных авторов – К.С. Романовой, А.С. Гагарина, Е.А. Степановой. Современным прочтением трудов известных мыслителей отличается серия статей, помещенных в рубрике «Галерея», которую курирует профессор Б.В. Емельянов.

Различные аспекты массовых политических коммуникаций эпохи глобализации получили освещение в работах М.А. Фадеичевой, Н.А. Комлевой, А.Г. Наронской, А.С. Кузнецова. Читатель здесь встретится с интересными понятиями и терминами, с такими, к примеру, как «парадипломатия» и «комбатант». С анализом конфликтных политических коммуникаций современности читателей знакомят оригинальные статьи С.В. Мошкина, Л.Г. Фишмана, В.С. Мартыанова, В.Л. Берсенева и др.

В настоящем выпуске впервые появилась

рубрика «Юридический дискурс». Ее представляют доктора юридических наук, наши постоянные авторы В.Н. Руденко и М.Ф. Казанцев. В фокусе их внимания такие юридические феномены как дискурс суда и договора.

Не ошибусь, если скажу, что многие читатели альманаха давно и заслуженно полюбили рубрику «Афористикон». В этот раз нас снова приглашают на пиршество ума известные философы-афористы М.А. Малышев и А.А. Коряковцев. Размышляя над афоризмами вместе с авторами, удивляешься, казалось бы, очевидному: «А народ-то – голый!».

Надеемся, что любознательный читатель зацепится глазом за статьи, посвященные таким социокультурным новообразованиям, как глэм-культура, этичный маркетинг, о которых идет речь в статьях О.Ф. Русаковой и А.Ю. Смирновой. Любители же «игры в бисер» наверняка получат удовлетворение от смакования логических процедур модального дискурс-анализа, которые приготовил «шеф-повар» одноименной рубрики профессор В.О. Лобовиков.

Желаю всем хорошего интеллектуального аппетита.

ДИСКУРС ИРОНИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А.В. Александрова

Александрова А. В.

Уральский государственный университет
им. Горького,
г. Екатеринбург

Ирония превращает то, что для человека непереносимо, враждебно и тревожно в противоположное, затеявая своего рода игру слов и действий, обозначаемых этими словами (Философские идеи Людвига Витгенштейна. - М., 1996. - 169 с., ИФРАН, 1996).

Коммуникативные практики отражают способ восприятия актуальной реальности и ее артикуляции, формируют стереотип реагирования на происходящее вокруг нас и соответствующую им модель поведения. Сегодня, феномен повседневных коммуникаций в отношениях людей породил вербально артикулированную форму содержания сознания – дискурс иронии.

Ирония, начинает доминировать в современном социокультурном пространстве, создав модель взаимодействия в форме гипертрофированного нарратива юмора и стеба. В диалогах (вопросах, ответах, адресованных собеседнику или целой аудитории) все чаще фигурирует,

проговаривается ироничный, шутливый нарратив, облекающий в насмешливые формы скрываемую истину или приоткрывая ее.

Возникает вопрос, почему в постмодернистском обществе актуализировалась такая коммуникативная модель взаимодействия, которая сегодня стала нормой и транслируется в повседневной культуре (СМИ, особенно структура эфира таких телеканалов как ТНТ, СТС), практики повседневного взаимодействия (Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. - Том I, 1998. - № 2.).

Если мы посмотрим на то, что и как мы говорим в повседневных практиках, то обнаружим, что социокультурное пространство общества, в котором мы живем, представляет собой семантическое поле с множеством контекстов, в котором существует дискурс иронии и самоиронии как текст, как его вербализованное значение и его интерпретация (Умберто Эко «Отсутствующая структура. Введение в семиологию». М., Симпозиум, 2006 г.). Контекст проговаривания и говорения включает в себя объективированное выражение нашего сознания (Постмодернизм: Энциклопедия / Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - 1040 с. - (Мир энциклопедий, см. дискурс) в тексте, коммуникации, и аксиологические системы говорящего и создающего ироничный текст, а так же его культурный опыт

и культурные коды. (Постмодернизм: Энциклопедия / Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - 1040 с).

Вернемся сначала к самой иронии и историческому и социальному контексту ее существования, возвращаясь в современный социокультурный контекст. Именно античная ирония дала рождение европейской иронической традиции нового времени, получившей особое развитие, начиная с последней трети XIX века. Ирония, как средство комической подачи материала, строится на противопоставлении буквального смысла слов и высказываний их истинному значению. Моделью иронического стиля является структурно-экспрессивный принцип различных речевых приёмов, помогающих придавать содержанию своим скрытым контекстом ().

«Eiron» (греч) означает «говоря», «говорить». (Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом. 2003.- 1280 с). Фигура иронии семантически неоднозначна: с одной стороны, она – высмеивание и в этом отношении профанация некой реальности, основанная на сомнении в ее истинности или даже предполагающей неистинность этой реальности. А с другой же – проба этой реальности на прочность, оставляющая надежду на ее возможность или – при уверенности в обратном – основанная на сожалении об отсутствии таковой – например, «горькая ирония».

Итак, в античные времена ирония имела следующие значения:

1. Ирония обман и пустословие (Платон), выражает полную противоположность тому, что не выражается.
2. Насмешка, ирония - вопрошания (Сократ), в процессе которого собеседнику открывается истина.
3. «Хвастовство - истина - ирония» (Аристотель). Притворство в сторону преувеличения, хвастовства, а так же пренебрежительное отношение к людям.
4. «Характерах»: ирония – это «сокрытие собственной враждебности, игнорирование враждебных намерений противника, успокаивающее воздействие на обиженного, отстранение назойливости (или доведение до его сознания собственной назойливости), утаивание собственных поступков» (Геофраст).

Ирония в постмодернистском социокультурном контексте, открывающего множественность реальностей (Социологическое обозрение. Альфред Шюц «О множественности реальностей», Том 3, №2, 2003), проявляется как бесконечное означивание нарративом иронией разговорных контекстов и форм его предметов.

По мнению Ильи Коляжного, характерные особенности российского литературного постмодернизма – «глумливое отношение к своему прошлому», «стремление дойти в своем доморощенном цинизме и самоуничижении до крайности, до последнего предела». По словам того же автора, «смысл их (т.е. постмодернистов) творчества обычно сводится к «приколу» и «стебу», а в качестве литературных приемов – «спецэффектов» ими используются ненормативная лексика и откровенное описание психопатологий...».

«Глумление и стеб», проговариваемые в тексте коммуникации актуализируются в текущей ситуации, которая проговаривается дискурсом иронии здесь и сейчас, наталкивает на мысль о завуалированном послании и обыгрывает любую ситуацию или феномен в форме иронии или самоиронии, акцентируя внимание на иронии сексуальности и жизненных трудностей. Часто дискурс иронии выступает в форме коннотативной оговорки, типа «Врачи боролись за его жизнь, но он выжил» (Михаил Жванецкий).

Таким, образом, мы можем говорить в свете вышесказанного контекста гипертрофированности иронии, о ее функциональном значении. Так, ирония позволяет заниматься самооправданием, возвеличивать, приуменьшать, относиться с пренебрежением, скрывать истинность значения действительного, высмеивать недостатки и нерадивость (приносить значимость субъекта или объекта в некоторых контекстах), а так же и использовать иронию как защитный механизм (можно сослаться на Томаса Манна, что «ирония – главный фермент переваривания действительности»).

Фигурально выражаясь, социокультурного взаимодействия, акторы проговаривают текст во множестве контекстов, позволяя циркулировать дискурсу иронии и самоиронии в тексте между субъектом и субъектом, субъектом и объектом на уровнях повседневного взаимодей-

тивия, институционального и в поле широкого медийного пространства.

Ирония к предмету или субъекту своего рода свидетельство преодолеваемой зависимости от этого предмета или субъекта. Предмет, субъект – другой или я сам, находясь в семантическом поле жизненного пространства, структурирует это пространство, выстраивая зависимости и нарратив связей.

Через иронию или самоиронию, стеб ста-

новится очевидна возможность преодоления зависимости от предмета или субъекта. Таким, образом, нарратив дискурса иронии с современной социокультурной реальности через коммуникативные практики – это форма ухода от зависимости, некая ступень или степень свободы от того, что «навязывается», долженствует над нами, тревожит нас, находится в поле постоянного контроля.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Л.М. Андрюхина

Андрюхина
Людмила Михайловна

доктор философских наук,
профессор Уральского
Гуманитарного Института,
ученый секретарь УрО РАН

Еще в конце XIX века русский философ А.И. Введенский писал «об общем законе развития философии любого европейского народа». Таким законом он считал, если выразить его мысли на современном языке, открытость философии и взаимовлияние философских учений различных стран. «Чуткость к чужим учениям – наилучший залог успешного развития философии» (Введенский А.И. Судьбы философии в России. М., 1898, с.4-5).

Для развития российской философии именно сегодня, на наш взгляд, важна не только глубинная внутренняя саморефлексия по поводу поиска своего своеобразия в открывшемся для России, вследствие социальных перемен, пространстве европейской и мировой философской мысли, но и повседневная забота о том, чтобы преодолевать, часто искусственно возводимые, барьеры, а также сохраняющиеся и воспроизводящиеся стереотипы восприятия себя и других. Эта задача разрешима только в реальном межкультурном диалоге. Реальный диалог, реальная межкультурная коммуникация в европейском и мировом пространстве долж-

ны прийти на смену периоду «работы внутри текстов» и стать для российской философии главным приоритетом.

Открытость философии приобретает новые смыслы. Это уже не только открытость как доступность и свободная миграция текстов, но это открытость как готовность к диалогу, как чуткость в восприятии иного, как умение слушать и слышать, как взаимопонимание и отклик, как сотрудничество и сотворчество.

Именно поэтому особое значение приобретают самые различные формы международного взаимодействия (проекты, программы, конференции, встречи, неформальные контакты и сообщества). Они значимы, прежде всего, как формы реального диалога, совместной философской работы, но могут быть и предметом дискурсивного анализа с целью выявления тех точек взаимного интереса, из которых как из, своего рода, «средоточий жизни» могут высветиться перспективы философского развития.

Именно в этом контексте хотелось бы обратиться к двум значимым событиям философского дискурса. Это две, прошедшие во Франции в г. Бордо конференции, посвященные русским философам:

«Густав Шпет и его наследие. У русских истоков структурализма и семиотики». Бордо, 21-22-23-24 ноября 2007 года, при поддержке журнала «Вопросы философии»;

«Творчество А.Ф. Лосева в контексте европейской культуры. Плавильный тигель влияний и интериоризация границ», посвященной 115-

летию со дня рождения Алексея Лосева (23 сентября 1893 г.) с участием «Дома А.Ф. Лосева» (Москва), 25-27 сентября 2008 года.

И та и другая конференции организованы Маризой Денн, известным во Франции и в Европе философом, доктором философии, профессором Университета Мишеля де Монтеня – Бордо-3. Мариза Денн возглавляет в университете Бордо-3 отделение славянских языков, с 2002 по 2007 годы являлась директором Научно-Исследовательского Центра по изучению Славянских Цивилизаций, с 2006 года она – организатор исследований в рамках международного проекта «Европа, европейскость, европеизация», осуществляемого под эгидой Национального центра Научных Исследований (НЦНИ:CNRS) и Центра Гуманитарных Наук Аквитании (MSHA), и координатор приоритетных исследований славянских стран в рамках четырехгодичной программы MSHA и Университета Мишеля де Монтеня Бордо-3.

Уже много лет активно занимаясь исследованием особенностей российской философии и культуры, Мариза Денн вдохновила очень многих специалистов во Франции и других европейских странах обратиться к русской философии. В течение уже нескольких лет, коллектив преподавателей, исследователей, аспирантов и студентов-магистрантов, руководимый ею, работает над распространением творческого наследия русских философов. Издательство Киме уже опубликовало перевод труда Шпета *«Внутренняя форма слова»* (1927), выполненный профессором Николаем Завьяловым. Со своей стороны, Мариза Денн осуществляет перевод на французский язык работы Г. Шпета *«Явление и Смысл»* (1914).

Прошедшие в г. Бордо конференции, посвященные творчеству Г. Шпета и А. Лосева (а сегодня уже идет подготовка третьей конференции, посвященной П. Флоренскому) задуманы и организованы как связанные единой темой и задачей – представить русскую культуру в европейском контексте, раскрыть тот исторический факт, что творчество великих русских философов являлось неким «плавающим тиглем», соединявшим многообразие смыслов и интенций культур Востока и Запада, и увидеть, что именно этот синтез несет в себе источник

обновления и развития гуманитарных наук сегодня.

Нельзя не сказать и об особой атмосфере этих конференций. Каждая из них может служить примером плодотворной совместной работы, сотрудничества и сотворчества, соединения усилий специалистов очень высокого уровня из Франции, России, Испании, Польши, Италии, Германии, Японии и других стран, что, несомненно, было достигнуто как итог очень основательной подготовительной работы, настоящего подвижничества Маризы Денн в соединении с особой неформальной заинтересованностью французской стороны, руководства Университета Мишеля Монтеня и Центра гуманитарных исследований Аквитании. Работа на этих конференциях стала поиском и открытием новых смыслов, звучаний, новых ракурсов и значений, путей включения русской философии в культурный контекст и перспективы развития современной европейской культуры.

Перспективный взгляд на творчество Г. Шпета и А. Лосева можно считать главным лейтмотивом в работе конференций. В докладах о Густаве Шпете слова перспектива и перспективность непосредственно связывались с генеративными, порождающими структурами и смыслами трудов Г. Шпета.

В статье «Новая семиотическая перспектива» (на которую мы здесь будем опираться) Александр Люсый, обобщая итоги конференции, выразил ее главный прогноз: «Если XX век в гуманитарной сфере во многом прошел под знаком Михаила Бахтина, то в XXI, вполне вероятно, аналогичная роль властителя методологических дум перейдет к Густаву Шпету» (http://www.russ.ru/culture/teksty/novaya_semioticheskaya_perspektiva).

М. Денн в докладе «Структура слова и выражения в творчестве Густава Шпета» показала, что именно открытия Шпета являются тем научным фундаментом выхода из философии постмодерна, предвещающей конец и угасание гуманитарных наук. Этот выход обеспечивается перенесением данных наук в более широкий и основательный исторический контекст за ограничительные рамки «смертоносного», по определению Мишеля Фуко, структурализма, что возрождает философские, логические и

герменевтические перспективы. Поэтому и нужно изучать стремление Шпета организовать гуманитарное знание на укоренении надвременных структур.

Сергей Хоружий («К границам феноменологии: Шпет, Гуссерль и интенциональность в перспективе неклассической антропологии») сравнил феномен Шпета с проектами синтеза гуманитарного знания Флоренского, Кассирера, Н. Марра, раннего Лосева. Путь к новому консенсусу, к зрелой рецепции мысли Шпета наметился с пониманием того, что главный его вклад нельзя вмести́ть в рамки какого-то одного направления или гуманитарной дисциплины. С помощью Шпета Хоружий обнаружил в сфере мистического опыта понятие обобщенной или усиленной – «холистической» – формы интенциональности.

Представитель «Вопросов философии» Борис Пружинин («Семиотическая перспектива методологии гуманитарных наук») противопоставил шпетовскую методологию модной куновской методологии парадигм, которая ведет к релятивизму (и даже «отравляет» процесс познания). Шпет обнаружил область, где из смеси логического и эмоционального возникает гипотеза, что открывает семиотическую перспективу.

С докладом «Плавильный тигель В. фон Гумбольдта и внутренняя форма Г. Шпета в контексте проблемы творчества», выступил известный психолог Владимир Зинченко. Среди многочисленных метафор, помогающих науке воспринимать реальность происходящего «внутри» творческого акта, особое место занимает идея плавильного тигля, которую Шпет почерпнул у Вильгельма Гумбольдта. Что же там кипит? Да она самая, внутренняя форма, в которой плавится даже логика! Развитые в дальнейшем российскими психологами идеи Шпета о внутренних формах слова, действия и образа позволяют это теперь представить более конкретно.

Представляющий академическую науку Бордо Николай Завьялов в докладе «Понятие внутренней формы у Густава Шпета: актуальность и перспективы (в психологии и когнитивных науках)» привлек большой объем естественнонаучного знания. Он обнаружил во

«Внутренней форме» предвосхищение будущей телесности языка, хотя там еще не используется понятие нейронов. Культурная среда – агент эволюции, которая осуществляется не только на уровне ДНК, но и на уровне выражения, установок, корреляции между стабилизационным состоянием и изменением.

На конференции, посвященной А. Ф. Лосеву, осмысление места и значения творчества А. Ф. Лосева в европейской перспективе приобрело иной характер. На первом плане было стремление понять особенности глубинного духовно-гуманитарного философского синтеза, осуществленного А. Ф. Лосевым, открывающего сегодня не только возможности появления новых тем и направлений гуманитарных исследований, но востребованного как основание жизни, бытия человека в современную эпоху. Именно собиранию воедино (подобно подбору цветных стекол удивительной и неповторимой мозаики) многообразных ракурсов, интерпретаций, видений, поражающего своим объемом, глубиной и охватом, творчества А. Ф. Лосева, послужили прозвучавшие на конференции доклады.

В докладе доктора филологических наук Е. А. Тахо-Годи «Творчество А. Лосева и традиции западноевропейской литературы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова)» были прослежены истоки интереса Лосева не только к античности, но и к европейской классике в целом, к которой он относился не просто как читатель, но как философ-мыслитель, по своему «переплавлявший» и воплощавший традиции западноевропейской литературы в своем творчестве.

А. П. Козырев (Москва, МГУ), исследуя тему «А. Лосев и религиозная философия в России», показал, как через влияние Владимира Соловьева А. Лосев унаследовал сам тип мысли: онтологический рационализм, триадический метод (столь же гегелевский, сколь и неоплатонический), самый утонченный схематизм мысли, исходящий из данных критического разума и из обращений к христианской и мистической традиции, что очевидно порождает противоречия, но дает возможность неожиданных для современной эпохи подходов.

Творчество А. Лосева было представлено на перекрестии различных мировых, европей-

ских и чисто российских традиций: гегельянства (П.А. Бойко, А.А. Тащиан, Кубанский госуниверситет, Краснодар), неоплатонизма (О. Кобенко, Университет Париж-IV-Сорбона), философии и теории семантики (Х. Куссе, Дрезденский университет, Германия), европейской лингвистики и литературы (С. Москвичева, Российский Университет Дружбы народов, Москва, Е. Артюх, Университет Клермон Ферра, Франция), философии языка (Л.А. Гоготишвили, Институт философии РАН, Москва, Ф. Осука, Национальный университет Йокогамы, Япония, Н. Анисимова-Фраппе, Тверской государственный университет), марбургского неокантианства (В.Н. Белов, Саратовский госуниверситет), философии математики (В.П. Троицкий, «Дом А.Ф. Лосева, Москва), метафизики имяславия (С.А. Нижников, Российский Университет Дружбы народов, Москва, М. Гидини, Пармский университет, Италия), исихастской эстетики (Д. Иоффе, Амстердамский университет) и эстетики Возрождения (Б. Тарасов, Литературный институт, Москва, ректор), современного театроведения (И. Данилова, Университет Гетеборга, Швеция), опыта китайского прочтения лосевской философской мысли (Н. Щеткина-Рошер, Университет им. Мишеля де Монтеня, Бордо-3), культурологии (В.В. Емельянов, Санкт-Петербургский государственный университет), философии и мифологии музыки (К. В. Зенкин, Государственная консерватория им. П.И. Чайковского, Москва,) и др.

Указав главные этапы реабилитации творчества О. Лосева, Мариза Денн, представила три книги, недавно появившиеся в Москве (Л. Гоготишвили: Непрямое говорение [2006: Языки славянских культур]; Виктор Троицкий: Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева [2007: Аграф]; Е. Тахо-Годи: Художественный мир прозы А.Ф. Лосева [2007: Большая российская энциклопедия]). Это позволило подчеркнуть важность литературы, феноменологии и математики в творчестве А.Ф. Лосева, и показать, как эти три области являются дополнительными для выделения главных идей русского мыслителя.

В докладах С. Змихновского (Кубанский

госуниверситет, Краснодар) «Теория мифа А.Ф. Лосева в контексте европейской социальной мысли» и Л. Андриюхиной (Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург) «Онтология творчества в трудах А.Ф. Лосева и современные креативные практики» были представлены перспективы интеграции творчества А.Ф. Лосева не только в теоретико-философский контекст, но и в пространство современных социальных и креативных практик.

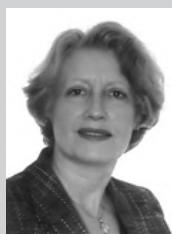
Презентация В.В. Ильиной («Дом А.Ф. Лосева», Москва) библиотеки-музея А.Ф. Лосева в Москве, с которой открылась работа конференции, не только познакомила с большой научно-исследовательской работой «Дома А.Ф. Лосева» по изучению наследия А.Ф. Лосева и русской философии в целом, но также позволила всем участникам прикоснуться к атмосфере мира А.Ф. Лосева, бережно хранимой в сердце современной России, ощутить непрерывающуюся несмотря ни на что связь поколений, времен, человеческих судеб, культур и традиций.

Прошедшие во Франции конференции – это знаковое, символическое событие, открывающее новые возможности и новые перспективы философского диалога, свидетельствующее не только о возобновлении интереса к русской философии во Франции, но и об актуализации таких позиций, как:

1. сотрудничество с целью понимания и нового переосмысления, очищения от стереотипов и идеологических наслоений (россиянами) собственных философских учений;
2. объединение усилий по развитию научных сетей, собиранию специалистов и интеллектуальных ресурсов;
3. продвижение русской философии в Европе, снятие стереотипов ее восприятия на западе;
4. включение философского наследия России в современные культурные контексты, их оживотворение, подключение к современному дискурсу и практикам;
5. развитие философских и в целом гуманитарных исследований как потенциала развития и обновления.

ОТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ГУССЕРЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА К УСТАНОВЛЕНИЮ ДВУХ МОДУСОВ БЫТИЯ И ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУР. ЗНАЧЕНИЕ ЭТОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ДИАЛОГЕ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И РОССИЕЙ

Мариз Денн

Мариз Денн

доктор философии,
профессор Университета
Мишеля де Монтеня, Бордо-3,
Франция

В заметках, которые Э. Гуссерль оставил на полях текста Хайдеггера *Sein und Zeit*¹, основатель феноменологии сразу отмечает пункт, который является, по его собственному выражению, «проблематичным»: дело касается самого главного в произведении Хайдеггера, т.е. определения *Dasein*'a². Гуссерль подчёркивает факт, что Хайдеггер отождествляет здесь *Dasein* с понятием человека. После этого замечания, Гуссерль удивляется тому, что Хайдеггер может опереться на такое *Dasein*, чтобы обосновать сущее в его целостности, включая и совокупность **исторического становления**. Гуссерль жалеет о том, что Хайдеггер *подвергает весь горизонт мира своей изначальной антропологической точке зрения*. Он упрекает своего прежнего студента в антропологизме и в историцизме.

Для Хайдеггера, дело обстоит совсем иначе. Со своей стороны, он давно уже обвинил своего учителя в том, что тот вновь вернулся к психологизму, который он (Гуссерль) хотел сначала опровергнуть.

В двадцатые годы, Хайдеггер уже стал критически относиться к гуссерлевской мысли и сам стремился к новому определению феноменологии.

В контексте русской культуры В.Г. Кузнецов хорошо подчеркнул близость философских

путей М. Хайдеггера и Г. Шпета³. Для обоих, бывших студентов Э. Гуссерля, гуссерлевская феноменология слишком [подчинена субъективизму, слишком ещё] зависит от доверия к теоретическим наукам, от идеи, что математика имеет преимущество в достижении истины.

Оба философа считают, что Э. Гуссерль подчиняет область сознания критериям физической науки и поэтому, в конце концов, не выходит из, всё ещё подразумеваемого им, противопоставления объекта и субъекта.

Если вернуться к Мартину Хайдеггеру, можно сказать, что, как и его прежний учитель, он хочет освободить свои философские размышления от всяких предпосылок. Наверное, здесь находится единственный пункт, постоянно соединяющий обоих немецких философов и составляющий основу того, что можно ещё называть феноменологией. Однако Хайдеггер определяет свой философский подход, откликаясь на то, в чём он упрекает Гуссерля. Замысел Хайдеггера в *Бытии и времени* состоит в том, что он хочет отстранить восприятие познающего субъекта от всех условий, которые благоприятствовали уже появлению сущего, его, так называемой, объективации. Из того, что является онтическим, он хочет выделить онтологическое. Но само онтологическое, в своём проявлении, оказывается непрестанно связанным с онтическим: поэтому аналитика *Dasein*'a опирается на основную онтико-онтологическую структуру того самого *Dasein*'a. В таком контексте, чтобы освободить свой подход от всяких критериев уже применявшихся к познанию мира, Хайдеггер ищет какое-то «доонтологическое настроение». Факт, что, в *Бытии и времени*, такое изначальное настроение (*Stimmung* по-немецки, *humeur* по-

французски) является «заботой», уже служил поводом для многочисленных специфических истолкований, особенно у философов русской эмиграции.

Но я не буду останавливаться на этих истолкованиях (хотя это уже позволило бы осветить некоторую специфику русской мысли). Я только подчеркну тот факт, что в тексте *Бытия и времени* обнаруживается специфичность хайдеггеровского подхода к онтологическому вопросу, и что сопоставление Гуссерля и Хайдеггера по поводу этого текста открывает путь к возобновлению этого вопроса, к новой его постановке и что, в связи с этим, мы можем подойти к размышлениям о разных модусах бытия и разных типах временности и, в таком контексте, задать себе вопрос о природе различий между Россией и Западом.

Хайдеггер сам объявляет, что, в *Бытии и времени*, он имел целью изъять *Dasein* из замкнутой субъективности каждого обособленного человека. Он стремился преодолеть замкнутость человеческого существования, которая, по его мнению, явилась следствием субъективного идеализма, от которого сам Гуссерль не освободился. Хайдеггер считает, что «доонтологический» опыт, который он описывает в *Бытии и времени*, определяет область, где бытие, присущее каждому человеческому существованию, еще не сокрыто разными критериями познания мира. Таким опытом обнаруживается для него горизонт, где возвращение к изначальному состоянию человека в мире открывает основу всех возможных познаний и восприятий мира. Здесь, в таком опыте обособиваются все возможные виды онтологизации. Открывается одновременно то, что составляет основу исторического становления.

Можно говорить, что, сопоставляя себя с Гуссерлем, Хайдеггер в *Бытии и времени*, стремясь преодолеть историю метафизики, открывает исторично-трансцендентальное понимание *Dasein* 'a. Но Хайдеггер по разным причинам, всё-таки, не даёт возможности выйти из истории Запада, которую он продолжает считать историей Бытия.

Если, с одной стороны, Хайдеггер осво-

бождается от субъективизма и психологизма Гуссерля, то, с другой стороны, он остаётся всё-таки, вопреки своим намерениям, в рамках западной метафизики. Как уже отметил Жак Деррида, он остаётся связан с такой историей метафизики, которую он, с другой стороны, старается преодолеть. В нашей работе⁴ мы показали, как надо, в конце концов, вернуться к некоторым элементам Гуссерлевской феноменологии, чтобы окончательно открыть возможность допустить в самой философии разные модусы Бытия и разные виды темпоральности (разные темпорализации темпоральности), возможность познавать, на всё ещё логоцентрической основе, другие модусы историчности.

В таком контексте, мы также показали как углубление диалога «Гуссерль-Хайдеггер», доведенное до новой постановки онтологического вопроса, может нам помочь сопоставить Запад и Россию на уровне их модусов осуществления в истории.

Я не войду в детали этого анализа, я только скажу, что надо тогда обратиться к Гуссерлю, и увидеть в нём не того, кто, достигнув самых априорных структур сознания, уменьшил восприятие действительности, а **наоборот, того, кто увеличил её уразумение**; того, кто, опираясь на самые теоретические науки, не оторвался от жизненного мира, а дал возможность вернуться к нему. Начиная со своих *Картезианских медитаций* – до текста о *Формальной логике и трансцендентальной логике*, Гуссерль предоставляет нам некоторые данные, благоприятствующие приобретению такого взгляда на его мысль. Науками, в феноменологическом смысле, не является то, что здравый смысл подразумевает под словом «науки», пишет он в этой последней книге⁵. Феноменологическая редукция для него открывает поле исследований. Надо сделать все выводы, вытекающие из основной и принципиальной точки зрения Э. Гуссерля. Тогда выясняется одно: освободив себя от всех предварительных условий для восприятия мира, Гуссерль не только дал возможность удержаться на абсолютной трансцендентальной позиции; он также поставил человека на путь, ведущий одновременно к имманентности к себе и к миру. Он открыл

новые перспективы для умозраительного восприятия мира и для обнаружения его во всей его собственной многосторонности – можно было бы даже сказать, заимствуя гуссерлевскую терминологию: для установления человека в жизненном мире.

Такое отношение к гуссерлевской философии позволяет не только преодолеть тупики хайдеггеровской мысли, а размышлять на более прочных теоретических основах о современном присутствии человека в мире.

Вытекают следующие факты: не только история западной метафизики не может больше являться историей забвения бытия, но нельзя уже отождествлять историю Бытия с историей Запада. Онтологический вопрос остаётся в стороне от единственной истории Запада. Здесь выступают только какие-то условия конституирующего сознания и этим только определяется какое-то историческое становление. А что касается современной эпохи, она тогда может мыслиться как представляющая человеку возможность развёртывать в каждой области человеческого познания все потенциальности, которые были выдержаны в предыдущих эпохах истории Запада. С прошлым нет разрыва, но в истории Запада мы оказываемся и остаёмся в контексте осуществления одной модальности бытия. Это значит, что, в становлении истории Запада, бытие не отсутствовало, но бытие, в то же время, не присутствовало вполне, как сказал бы Хайдеггер, в своей полной открытости. Оно только вполне проявляет одну из своих возможных модальностей.

В таком контексте и в конечном итоге, исходя из позиции занятой Гуссерлем, и отдавая предпочтение модальности бытия, мы оказываемся в таком положении, когда возникают разные задания:

- Во-первых, открыть первоначальные основные экзистенциальные структуры, которые позволили развёртывание истории Запада.

- Во-вторых, осознать ту возможность мыслить другие модальности бытия, и, в связи с этим, другие модусы проявления бытия в истории.

- В-третьих, задать себе вопрос о существовании модальности бытия, которая, как и другие, обосновывается в Логосе (т.е. возмож-

ности собирать сущее каким-то образом), но одновременно ставит человека в специфичное отношение к миру и ко времени, и поэтому соответствует определенному модусу темпоральности.

Мы постарались помыслить историю России через такую модальность, отличную от модальности бытия, характеризующей историю Запада. Мы это сделали, опираясь на особенности её истории, её культуры и её мысли. При этом возникли такие вопросы:

- До какой степени история России развёртывается на основе специфичного модуса конституирующего бытия?

- Какими тогда являются первоначальные структуры такого развёртывания?

- Какое особенное отношение, через Логос, к внешнему миру подразумевает такое философское спрашивание?

И, в рамках новой постановки вопроса о бытии через новое теоретическое осмысление различий между Россией и Западом, где находятся точки соприкосновения, как их установить?

В чём Россия и Запад могут сегодня сотрудничать в осуществлении истории Бытия, не исключительно принадлежащей Западу?

В этом сконцентрированы все существенные направления наших исследований в контексте основного диалога между Россией и Западом.

Мы здесь не будем излагать те первоначальные структуры, составляющие основы развёртывания на Западе и в России разных модусов историчности. Мы ограничимся только указанием на то, что, в случае их возможности, эти два типа историчности укореняются в разных типах проявления и осуществления Логоса. Это подразумевает разные типы схватывания мира, разные типы подытоживания элементов внешней реальности. На этом обосновывается переосмысление истории Запада и истории России, не как взаимоисключающих, а как параллельно существующих и вместе сотрудничающих в постоянном проявлении бытия в истории.

1. По мнению Р. Ингардена, Гуссерль прочитал оккуратно Бытие и время только в 1929-ом году. Об этом, J.F. Courtine, «Réduction phénoménologique-transcendantale et

différence ontico-ontologique», Heidegger et la phénoménologie, P., Vrin, 1990, p.208. Для текста заметок, мы опираемся на французское издание книги: E. Husserl, Notes sur Heidegger, Paris, éditions de Minuit, 1993.

2. Здесь-бытие по переводу В. Михайлова, но также большинства русских эмигрантов [С. Франк, Н. Бердяев...]; присутствие по переводу В. Библина, см. М. Хайдеггер, Бытие и время, М., Ad Marginem, 1997.

3. Логос, 1991, 2, стр. 213, примечание № 12.

4. См. Maryse Dennes, Dualisme et Principe de totalité. Recherche d'un fondement de la différence entre la russie et l'Occident, thèse de Doctorat soutenue à Paris X-Nanterre le 25

janv. 1989, fichier central des thèses: № 8503341L; См. Тоже: Maryse Dennes, Russie-Occident, Philosophie d'une différence, Paris, Menth, 1991; Maryse Dennes, Husserl-Heidegger, Influence de leur oeuvre en Russie, Paris, L'Harmattan, 1998, coll: «Ouverture philosophique». По-русски, см. Logos, Filosofsko-literaturnyj žurnal, Moscou, éd. du RGGU, 1996, 7, pp. 193-201 (A. Kozyrev).

5. Мы опираемся на французское издание этого текста: E. Husserl, Logique formelle et logique transcendante, trad. Suzanne Bachelard, P., PUF, 1965. Особенно, Introduction, стр. 3-25.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

С.А. Нижников

Нижников
Сергей Анатольевич

доктор философских наук,
профессор Российского
университета дружбы народов

Чтобы разобраться в проблеме взаимодействия политики и морали, выделим четыре возможных логических варианта их соотношения в широком социокультурном контексте.

1. Тезис Макиавелли можно выразить следующим образом: *только благая политическая цель оправдывает любые средства*. Так Макиавелли пишет о политическом деятеле: «Пусть обвиняют его поступки, лишь бы оправдывали результаты, и он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хороши...»¹. Следует правильно понимать этот тезис, так как он не направлен на апологию насилия. Целью для Макиавелли всегда оставалось «общее благо». Политический лидер должен «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»².

Согласно Макиавелли предательством, вероломством и жестокостью «можно стяжать власть, но не славу», и тех, кто следует бесчеловечности и совершает преступления, он не относит к «величайшим людям». Для него «жестокость жестокости рознь»³, поэтому «...гнусны и омерзительны искоренители религий, разрушители республик и царств, враги

доблести, литературы и всех прочих искусств, приносящих пользу и честь роду человеческому, иными словами – люди нечестивые, насильники, невежды, недотепы, лентяи и трусы»⁴. Макиавелли клеймит позором тех, кто обращается к тирании как средству обретения и удержания власти. В этом он осуждает даже Юлия Цезаря. Тиран для него, как и для Платона, несчастнейший из людей. Политика вне морали расценивается им как преступление. «Политика не отделяется у Макиавелли от морали, она полностью ее поглощает, не остается такой области, которая была бы независима от политики...»⁵. Политика *уже* моральна по своему определению. Иная мораль, внеполитическая, – только мешает реализации политических целей и потому должна быть упразднена, или к ней нет необходимости прислушиваться. Мораль превращается в технический инструментарий политика, лишается своей сущностной и универсалистской характеристики. Несмотря на наличие элементов гуманизма в политической доктрине Макиавелли, можно усомниться в его безупречности. Кроме того, от Макиавелли можно идти не только вперед, к полноценному и истинному, и в этом смысле *реальному* гуманизму, основанному на принципе ненасилия, но и назад, к полной его утрате – «макиавеллизму».

2. Тезис макиавеллизма, который есть опровержение Макиавелли⁶, – *цель оправдывает любые средства*. Если А.Х. Горфункель пишет, что «Соотношение между действительным учением Макиавелли и «макиавеллизмом

достаточно сложно», так как «сформулировав принцип оправдания средств, применяемых политиком, теми целями, которые он ставит перед собой, он дал возможность достаточно произвольного истолкования соотношения целей и средств политического действия»⁷, то согласно Николаю Бердяеву «Макиавеллизм не есть какое-то специальное направление в политике Ренессанса, но есть сущность политики, которую признали автономной и свободной от моральных ограничений»⁸. Примеры такой «политики», полагал другой русский философ Иван Александрович Ильин (1883-1954) дают Гитлер и Сталин⁹. По отношению к данным кровавым человеконенавистническим деспотам можно применить и более подходящий тезис: «*сопротивление добру насилием*», или «*уничтожение добра насилием*».

Нашлись «последователи» Макиавелли, которые опустили лишь одно определение в его высказывании — «благая» цель, но при этом смысл первоначального суждения полностью извратился. Эта деятельность не должна называться политической, «это не политика, а *гибель политики*»¹⁰. Она и запрещается Конституцией России и законами, однако до сих пор это определение можно найти в учебниках.

В действительной, то есть моральной политике власть не может рассматриваться как цель. Власть — это лишь инструмент для осуществления определенной общественной цели. Уже Аристотель определял политику как стремящуюся к благу: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе» (Политика 1282b 15). Это же утверждает и И.А. Ильин: «...мы отказываемся признать это «политической деятельностью»... это не политика, а *гибель политики*»¹¹.

Чтобы преодолеть крайности прошлого и современности, необходимо осуществить своеобразный возврат к классической политической философии, понятию добродетели (но не к платоновскому и тоталитарному государству), объединив ее с достижениями новоевропейской политической философии, свободой и

равенством. Необходимо объединить благо и свободу, только тогда возможно осуществление гуманистической политики.

3. Гуманистическая политика (И. Кант, Ф. Достоевский, М. Ганди, М.Л. Кинг и др.) исходит из тезиса «*благая цель может быть достигнута только благими методами*»¹². Данное высказывание является не пожеланием кота Леопольда («давайте жить дружно»), но аксиомой, подтвержденной на практике. Дело в том, что цель зависит от тех средств, с помощью которых она достигается, поэтому благая цель не может быть достигнута негодными средствами, она тогда видоизменится, будет уже другой, не благой. Это прекрасно осознавал Достоевский и стремился выразить в своем творчестве. Отвечая на вопрос, «что же есть истинная политика?», И.А. Ильин пишет: «утверждение *органической солидарности всех со всеми*». И далее: «*Истинное Политическое служение* имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но *весь народ в целом*. Политика по существу своему не раскалывает людей и не разжигает их страсти, чтобы бросить их друг на друга; напротив, она *объединяет людей* на том, что *им всем общее*». Поэтому марксистско-ленинское деление общества на враждебные классы и инспирирование кровавой борьбы между ними Ильин называет «*политическим развратом*»¹³.

Кант также выступил против макиавеллистского освобождения политики от морали или поглощения политикой морали: «Политика говорит: «*Будьте мудры как змии*», мораль прибавляет (как ограничивающее условие): «*и чисты как голуби*»; «истинная политика... не может сделать шага, заранее не отдав должного морали». Кант, наследуя традицию классической политической философии (Аристотеля) утверждал, что истинная цель политики — «соответствие общей цели общества»¹⁴. Он подвел итог теоретическим исканиям эпохи Просвещения, обосновывал правовые формы и методы борьбы за изменение общественного строя и объявил личность самоцелью общественной организации: «право человека должно считаться священным, каких бы жертв это ни стоило господствующей власти».

Однако Кант по просветительски наивно

мыслил, что даже дьявол, если он обладает рассудком, в итоге превратится в светлого ангела, что уж тут говорить о всемирной истории и таком пустяке, как человеческий эгоизм, – Кант безусловно верил в его социализацию. Он, как и его предшественники, полагал, что в итоге социализация эгоизма достигнет такой степени, что человечество из враждующих народов превратится во «всеобщее правовое гражданское общество»¹⁵. С одной стороны, Кант выступает против макиавеллистского освобождения политики от морали, с другой, он прославляет существующий в обществе антагонизм и эгоистическую природу человека, возвращаясь к методологии Макиавелли и Гоббса. Кротких людей Кант сравнивает с овцами и превозносит «завистливо соперничающее тщеславие», «ненасытную жажду обладать и господствовать» как двигателей прогресса, без которых «все превосходные природные задатки человека оставались бы навсегда неразвитыми».

Достоевский более пессимистичен на этот счет, у него Бог и дьявол борются в сердце человека за его душу. Природа человека выглядит у Достоевского антиномичной, и одному рассудку не справиться со злом, более того, он может быть на услужении злу. В отличие от Канта, ставшего родоначальником немецкой классической политической философии, Достоевского можно назвать родоначальником экзистенциальной гуманистической политической философии. Особенно глубоко его идеи развернулись в произведениях *Братья Карамазовы*, *Идиот* (критика насилия) и *Бесы* (непревзойденная критика всякого революционного насилия). Наиболее глубок, значителен и радикален символ «слезинки ребенка», изображенный Достоевским в *Братьях Карамазовых*, когда Иван Карамазов отказывается принять светлое совершенное будущее общество, если при возведении его фундамента необходима хотя бы одна слезинка ребенка¹⁶.

Новоевропейская социально-политическая мысль строится на принципах, заложенных Макиавелли и Гоббсом – это социология социализация эгоизма, поиска компромисса эгоизмов в парламенте. Новая политическая наука учит тому, что у человека нет ничего,

чего бы ему следовало стыдиться, но тем самым она способствует победе низменного в человеке. Лео Штраус заключает, что новая политическая наука «играет на лире в то время, когда Рим горит», правда, «она не знает, что играет на лире, и не знает, что Рим горит»¹⁷. Просветительские «либерально-демократические» идеалы внедряются любыми средствами, служат не всем и не человеку как таковому, а находятся в услужении определенных геополитических интересов. Самым интересным при этом является то, что метод «социализации эгоизма», принятый в новоевропейской и современной социологии и политологии, не является фундаментом сложившегося общественно-политического строя европейских демократий. Этот фундамент положен не в этих надстроечных и научных сферах, а в духовных основаниях европейской культуры, связанных с христианскими ценностями, пусть даже секуляризовано интерпретированными¹⁸. Именно духовно-нравственные ценности, а не просто социализация эгоизма и компромисс эгоизмов позволили построить и демократию, и правовое государство, и гражданское общество, и цивилизованную социально ориентированную рыночную экономику.

Насильственная макиавеллистская, гегелевско-марксистская, большевистско-либеральная (мы видим, как крайне правые в России объединяются с крайне левыми в призывах к насилию) методология решения общественных проблем должна смениться истинно гуманистической, демократической, в центре которой – не «духи истории» (Гегель), не «национальные государства» (Макиавелли), не «антагонистические классы» (Маркс), а хрупкая человеческая личность, ценность которой превышает любой идеологии, как «марксистско-большевистской», так и «либерально-демократической». А.С. Солженицын, следуя нравственной традиции великой русской литературы, также отстаивал принципы гуманистической политики: «Забывают, что только нравственная политика даёт добрые плоды в дальней перспективе»¹⁹. Писатель критиковал подмену ООН, ее Совета Безопасности решениями США и НАТО, войны, развязанные госдепартаментом США под видом «гуманных целей».

4. Пацифистская политика непротивленчества может быть выражена тезисом «*непротивление злу силой*» (Лев Толстой). При этом ее необходимо принципиально отличать от гуманистической политики ненасилия, исходящей из тезиса «*непротивление злу насилем*», но признающей при необходимости «*сопротивление злу силой*». Разница в этих тезисах и подходах – качественная, однако ее не всегда замечают, смешивая указанные положения. С.Н. Булгаков, выражая идею ненасилия, отмечал необходимость «соединить непримиримость к злодейству с немстительностью к злодеям»²⁰. Принцип ненасилия отличается от пацифизма тем, что не запрещает необходимую самозащиту от агрессора.

В заключение можно высказать мысль, что человечество лишь тогда достигнет уровня, необходимого для его выживания в современную эпоху, когда признает, и не на слове, а на деле, высшую ценность человеческой жизни, каждой конкретной единичной человеческой жизни. Когда воплотится высказанный Иммануилом Кантом великий гуманистический принцип «человек есть цель и никогда не может выступать в качестве средства». Человек не может приноситься в жертву никаким интересам и идеологиям. Современное человечество, несмотря на наличие и разработку идей ненасилия и ярчайшие примеры в истории человечества, в целом еще оказалось не готово к восприятию этой истины. Ненасилие должно пропагандироваться и воспитываться в новых поколениях, и оно должно становиться нормой жизни уже сейчас, иначе «завтра» может не быть. Новая политическая теория, основанная на хорошо забытых принципах «осевого времени», мировых религий и истинного гуманизма должна стать экзистенциально-личностной, а не классовой или либерально-экстремистской. Она должна быть не пацифистской, а активно отстаивающей добро.

1. Макиавелли Н. Государь или Рассуждение на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 148.
2. Макиавелли Н. Соч. М. – Л., 1934. Т. 1. С. 289.
3. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. М., 1999. С. 71, 73.

4. Там же, с. 176.
5. См. коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского к: Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982. С. 470.
6. Мерло-Понти отмечает в этой связи: «Можно сказать, что макиавеллизм есть опровержение Макиавелли...» («Заметки о Макиавелли», с. 256–257).
7. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 155.
8. Бердяев Н. О назначении человека. М., 1993. С. 287.
9. «С формальной точки зрения, – пишет И.А. Ильин, – их житейская борьба и их карьера – имела «политический характер, потому что они добивались государственной власти и захватывали ее. Но по существу дела их деятельность была анти-политической и противогосударственной. Как авантюристы и карьеристы, – они «преуспевали»; но как «политики» они осуществляли «позорный провал», ибо они губили свой народ в нужде, страхе и унижениях» (Ильин И.А. Кризис демократии обостряется... // Собрание сочинений: В 10 т. Т.2. Кн. 2. М., 1993. С. 153).
10. И.А. Ильин отмечал в этой связи следующее: «История знает множество авантюристов, честолюбцев, хищников и преступников, овладевавших государственною властью и злоупотреблявших ею. Нужно быть совсем слепым и наивным, чтобы причислять эти разбойничьи дела к тому, что мы называем Политикой» (Там же, с. 152).
11. Там же, с. 152–153.
12. «ненасилие требует, чтобы средства, которые мы используем, были так же чисты, как наши цели» (Кинг-младший М.Л. Письмо из бирмингемской городской тюрьмы // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). М., ИВИ РАН, 2000. С. 281.).
13. Ильин И.А. Кризис демократии обостряется... // Собрание сочинений: В 10 т. Т.2. Кн. 2. – М., 1993. С. 155, 156. Вместе с тем Ильин критиковал политику ненасилия, в том числе М. Ганди, что вступает в противоречие с основами гуманистической, моральной политики. Причиной этому служило его своеобразное понимание доктрины «сопротивления злу силой» (см. об этом: «О моральном обновлении человечества» // Там же, с. 288–291). Ильин не осознавал разницы между учениями Толстого (непротивленчеством) и Ганди (ненасильственным сопротивлением).
14. Кант И. К вечному миру // Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М., 1994. С. 37. С. 37, 55–56, 259, 290.
15. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Там же, т. 8. С. 12.
16. Эту же мысль Достоевский развивает в очерке «Пушкин» (Достоевский Ф.М. ПСС в 30-ти тт. Т. 26. С. 142.).
17. Штраус Л. Эпilog // Введение в политическую философию. М., 2000. С. 161.
18. Так, согласно Л. Штраусу «современность – это секуляризованная библейская вера»: «не надеяться на жизнь в раю, а установить рай на земле чисто человеческими средствами». Секуляризация в этом случае означает «сохранение мыслей, чувств, чувств или привычек библейского происхождения после утраты или атрофии библейской веры» (Штраус Л. Три волны современности. С. 69.).
19. Солженицын А.И. Перерождение гуманизма // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 2005. С. 513.
20. Булгаков С. Слово в неделю сыропустную // Булгаков С. Слова. Поучения. Беседы. Париж, 1987. С. 196.

ДИСКУРС ГЛОБАЛЬНОЙ ГЛЭМ-КУЛЬТУРЫ

О.Ф. Русакова

Русакова

Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор,
зав. отделом философии Института
философии и права УрО РАН,
Президент МАДИ

Современную стадию постиндустриального общества некоторые исследователи именуют глэм-капитализмом. Сущностнообразующим ядром данной стадии является гламур как социокультурный феномен и определенный тип экономики. «Гламур, – отмечает автор книги «Глэм-капитализм» Санкт-Петербургский социолог Д.В. Иванов, – это не просто эстетическая форма или культурная логика, это сама рациональность сегодняшнего капитализма» (2).

Глэм-капитализм – социально-экономическая формация, системно воспроизводящая потребительские ценности, составляющие ядро глэм-культуры. Глэм-культура родилась в недрах общества глобальной маркетинга и массового потребления. Ее маркетинговая стратегия ориентирована на рынки особого рода, а именно – на рынки развлечений, удовольствий, шоу-представлений, роскоши и моды. Масс-медийная сфера (ТВ, кино, гляцевые журналы,

реклама, Интернет) стала главным коммуникативным каналом, транслирующим ценности глэм-культуры.

Дискурс глэм-культуры строится на таких базовых концептуальных формулах, как «enjoy yourself», «бери от жизни все», «живи играючи», «не бери ничего в голову», «не грузи ближнего своего», «я этого достойна», «стань звездой», «равнение на звезд», «жить хорошо, а хорошо жить еще лучше», «бренд всему голова», «имидж – все», «шагай в ногу с модой».

Основными символическими фигурами, посредством которых артикулируется и транслируется дискурс глэм-культуры, являются презентруемые масс-медийными каналами статусно-престижные имиджи и бренды, а также модные образы, представленные знаменитыми топ-моделями и шоу-звездами.

Носителем и главным субъектом-распространителем дискурса глэм-культуры выступает группа так называемых селебритис (celebrities), то есть медийных знаменитостей. К ним относятся люди, постоянно присутствующие на экранах, пользующиеся большой популярностью у публики и имеющие возможность посредством СМИ влиять на взгляды, поведение и образ жизни обычных людей.

Селебритис олицетворяют собой телеологический идеал и воплощение жизненной мечты приверженцев глэм-культуры. Они для него одновременно и гуру и объект для подражания. Культ селебритис, идолопоклонство перед звездами экрана – важнейшая черта глэм-культуры, мотор ее развития и источник экономического процветания. Благодаря глэм-культуре, культивирующей образ жизни селебритис, активно развиваются и получают сверхприбыль целые отрасли так называемой креативной индустрии (модельный бизнес, шоу-бизнес, арт-маркетинг, спа-индустрия, пластическая хирургия, гурман-сервис, VIP-туризм и др.).

Институционально глэм-культура представляет собой мощную индустрию по производству имиджей и брендов в качестве товаров массового потребления. Основная функция имиджей и

брендов – производить впечатление на публику. В мире глэм-культуры все хотят производить впечатления, и каждый человек мечтает стать брендом.

Дискурс бренда доминирует в культуре гламура. Согласно теоретику брендинга Джону Гранту, структурно любой бренд можно представить в виде молекулы, составленной из цепочки культурных стратегических идей. В числе таковых – идеи здорового образа жизни, зрелищные идеи, лидерские и организационные идеи. В особую группу брендовых стратегий Грант выделяет стратегические идеи гламурных изданий, к которым он относит идеи эротизма и роскоши. (1). Дискурс бренда обладает такой характеристикой как мощь, в которой воплощается его суггестивная и аттрактивная сила. Благодаря данной силе, бренд способен внушать публике чувство привязанности к себе и даже фанатичной любви. Суть бренда как агента влияния схватывается посредством двух ключевых понятий: «известное медийное имя» и «общественная культовая привязанность». Важную роль в культивировании бренда играет мифология – легенды и истории, рассказывающие о жизни селебритис. Внимание к подробностям и особенно к скандальным историям из жизни звезд – атрибутивное свойство дискурса глэм-культуры. Житие знаменитостей – один из самых популярных жанров гламурных изданий («Караван историй», «Биография», «Тайны звезд» и др.) и гламурно-ориентированных телепередач («Истории в деталях», «Программа максимум» и др.).

Возникновение и распространение глэм-культуры можно рассматривать как определенный вызов культуре постмодерна, основу которой составляет антилогоцентризм, ориентирующий на стирание социальных и эстетических барьеров, различий между высоким и низким, профессиональным и профанным, главным и

второстепенным. Культура постмодерна принципиально всеядна, стахостична и клипообразна. В ней господствует принцип ризомы: все во всем. Возьмем, к примеру, такое понятие как роскошь (Luxe). Известный французский философ Жиль Липовецкий, специально исследовавший концепт роскоши, обнаружил в его культурно-историческом контекстуальном развитии определенную постмодернистскую тенденцию.

Согласно Ж. Липовецкому, в конце прошлого века, когда общество потребления достигло своего расцвета, коренным образом изменилось отношение людей к традиционным иерархиям ценностей, к семье, телу, роскоши. Во времена молодежной революции 60-х гг. о роскоши

говорили с насмешкой, считали, что вот-вот она исчезнет, уступит место чему-то более разумному, конструктивному. Роскошь рассматривалась как признак буржуазности, она противопоставлялась понятиям «молодость», «освобождение». Сегодня, в эру потребительского бума, молодежь больше не отвергает роскошь. Сейчас роскошь переживается как новый эстетический

опыт и больше не относится только к буржуа. Luxe – понятие, которое вошло в самоощущение современного индивида как нечто неотъемлемое. Сегодня люди могут купить что-то дорогое и высококлассное, а завтра – что-то дешевое и простое. Люди смешивают вещи. Сейчас вы кушаете сэндвич, а вечером отправитесь в шикарный ресторан (3).

Постмодерн объявляет равноценными и равнозначными все элементы пространства культуры. Его культурная практика основана на творческом монтаже и цитировании, на отрицании ценностного иерархизма.

Глэм-культура, напротив, претендует на то, чтобы упрочить иерархию в мире ценностей, восстановить барьеры, разрушенные культурой постмодерна. Для нее ключевыми категориями,

формирующими иерархическую картину мира, являются «рейтинг» («горячая десятка», «большая пятерка» и т.д.), «топ-модель», «звезда», «VIP-класс», «люкс», «бренд». Находясь в тесной связке с медийной и рекламной индустрией, глэм-культура выступает одновременно и продуктом и проводником медиа-рекламного тоталитаризма как режима ментального насилия.

Тоталитарность глэм-культуры проявляется в ее стремлении вовлечь в свою сферу все социальные слои общества. Основным средством воздействия на публику выступает такой психолого-маркетинговый инструмент как потребительский соблазн. Соблазн – это торговое предложение, от которого трудно отказаться. Глэм-культура выработала множество способов соблазнения самых несговорчивых «покупателей». Среди ее постоянных потребителей не только читатели глянцевого журналов, молоденькие фанаты звезд шоу-бизнеса, «рублевские» жены и завсегдатаи поп-тусовок, но также амбициозные интеллектуалы, писатели, политики и политологи, стремящиеся к славе и массовому признанию. Возникновение, к примеру, такого феномена как поп-наука непосредственно связано с влиянием глэм-культуры, более того, поп-наука сегодня является ее составной частью. Определенными чертами гламура обладает также литература, стремящаяся попасть в номинацию интеллектуального бестселлера. Известный писатель и семиотик Умберто Эко блестяще просчитал основные ходы литературно-интеллектуального глэм-соблазна, на базе чего сконструировал универсальную модель бестселлера, запустив на книжный рынок свои романы, вмиг ставшие популярными – «Имя Розы», «Маятник Фуко», «Баудолино», «Таинственное пламя царицы Лоаны» и др.

Глэм-культура, четко устанавливая шкалу ценностей посредством культивирования рейтинговой иерархии, звездности и брендовости, выполняет определенные дисциплинарные социальные функции. Ее дискурс столь же властен, нормативно и организационно заряжен как дискурс маркетинга и рекламы. Дискурс

глэм-культуры призывает к дисциплинарному порядку в области внешнего вида (регламентация в виде статусно-значимого дресс-кода) и поведенческих моделей, что сближает его с дискурсом средневекового сословного этикета. Глэм-культура предъявляет довольно жесткие дисциплинарные требования к телесной организации. В ней явно присутствует дискриминационный уклон в отношении тех, чьи фигуры не укладываются в модельные стандарты («90-60-90»), чей внешний вид не отличается ухоженностью и так называемой безупречностью (термин «безупречность» один из самых широко употребляемых в рекламе), кто не занимается активным потреблением модных брендов.

Смыслообразующим ядром дисциплинарных усилий потребителя глэм-культуры (назовем его глэм-культуристом) выступает набор имиджевых благ, который сулит ему реклама гламурной продукции. К таковым в первую очередь относится обретение блестящего, привлекательного и запоминающегося внешнего вида, воплощающего мечту гламура. Данная мечта артикулируется как вечная молодость, сексуальность, безупречность, спортивность, яркость, роскошность. Серьезные усилия, которые затрачивает глэм-культурист на приобретение имиджевых благ, выступают для него основным способом самоинвестиций. Вкладываясь в себя таким образом, он обретает востребованный на рынке глэм-капитализма нормативный товарный вид. Стратегия обретения гламурного вида является способом социальной идентификации и жизненного самоутверждения индивида в мире глэм-капитала. Возможность социального самоутверждения через глэм-культурную практику – вот чем в первую очередь завоевывает публику индустрия гламура.

Будучи неким вызовом культуре постмодерна, глэм-культура в то же время не является ее полным отрицанием. В ней, на наш взгляд, наряду с откровенным логоцентризмом присутствуют определенные элементы постмодернистской культуры. К таковым можно отнести иронию и самоиронию (например, серия анекдотов про блондинок), а также особо пристальное вни-

мание к феноменам чувственности – эротике, сексуальности, соблазну. Творчество М. Фуко, Ж. Бодрийяра, С. Жижека и других философов постмодерна, размышляющих относительно категорий соблазна и сексуальности, близко и внятно идеологам глэм-культуры. В этой связи можно говорить, что дискурс глэм-культуры представляет собой определенное логическое «снятие» (в гегелевском понимании данного слова) дискурса постмодерна.

Внутренняя логика глэм-культуры требует от своих поклонников подкрепления нормативно-ценностных ориентиров гламура соответствующим образом жизни. К основным чертам данного образа жизни, на наш взгляд, можно отнести следующие: нарциссизм, гедонизм, шоу-шик, холодная ирония в стиле cool, эротизм, имиджевый интеллектуализм, дефицит подлинности.

Под нарциссизмом подразумевается эгоцентрическое любование собственным отражением в зеркале, а также отражением себя в глазах окружающих, что в огромных дозах культивируется рекламой («Все в восторге от тебя...», «Я этого достойна...»).

Гедонизм как гламурный образ жизни означает восприятие жизни как праздника, который всегда с тобой. Веди себя так, чтобы все поняли, что ты – не чужой на этом празднике жизни, – диктует глэм-культура. Еще лучше, если окружающие будут видеть в тебе бон-вивана, легко и весело шагающего по жизни под девизом «no problem».

Игровая манера гламурной жизни реализуется в шоу-шике – еще одной важной характеристике глэм-культуры.

Шоу-шик – это синтез яркого зрелища, игры на публику и атрибуты шикарной жизни касты избранных – звезд шоу-бизнеса. Шоу-шик – это еще и гламурное представление об аристократическом, светском образе жизни. В роли светских львиц и львов выступают кумиры экрана, продюсеры, модные дизайнеры, топ-модели, «богатые и дерзкие», успешные и рейтинговые персонажи. Представления в духе шоу-шика часто присутствуют на экранах ТВ. Яркий тому

пример – рекламно-документальный сериал о приватной жизни «звездного» дизайнера Сергея Зверева.

Перформансы шоу-шика крайне важны для социального продвижения глэм-культуры в целом: эксплуатируя людскую страсть к подглядыванию за знаменитостями, они вербуют новых членов в ряды глэм-культуристов, расширяя тем самым клиентский рынок глэм-капитала.

Cool – это амбициозная манера сохранять холодное спокойствие, выдержку, что бы ни случилось. Стилль cool в глэм-культуре означает некий пофигизм, уход от серьезных тем, установку на ироническое отношение к тому, что считается высокой политикой и культурой. Дискурс в стиле cool – это риторика стеба, нацеленная на снижение пафоса посредством использования фигуры каламбура, переворачивающей традиционные смыслы. Типичными примерами

ироничных шоу в стиле глэм-дискурса являются популярные телепрограммы «Прожекторперисхилтон» и «Comedy Club».

Эротизм в контексте глэм-культуры представляет собой требование постоянной демонстрации сексуальной чувственности и привлекательности. В качестве нормативного ориентира предлагается определенная рейтинговая

шкала, составленная из звезд экрана и модельного бизнеса, получивших звание секс-символов. Специальному рейтинговому анализу подвергаются также отдельные части тела (губы, грудь, торс, плечи, руки, живот, зад, ноги и т.д.), эпизоды экранной жизни, манеры публичного общения. Словом, эротизация должна носить тотальный характер, чтобы отвечать лучшим образцам глэм-культуры.

Имиджевый интеллектуализм – это стремление произвести впечатление широко образованного, философски мыслящего человека, следящего за модными тенденциями в науке, литературе и высокой культуре. Для поддержки интеллектуального имиджа модные журналы предлагают глэм-культуристам набор имен популярных властителей дум, а также серии глубокомысленных цитат и выражений, взятых из книг знаменитых авторов.

Главное для глэм-культуриста – не быть, а казаться. За имиджевой привлекательностью нередко скрывается внутренняя пустота. Чувства, слова мысли, внешность заимствованы из глянцевого журналов, рекламных слоганов, медийных шоу, а потому – ненастоящие, искусственные. Жизнь заиклена на производстве и потреблении симулякров. Все самобытное, подлинное вытесняется, отчуждается и аннигилируется имиджевой кажимостью.

Дефицит подлинности – не только характерная черта, но и бич гламурной жизни. Достаточно небольшой рефлексивной иронии, чтобы почувствовать холодное дыхание пустоты и испытать тоску по реальной, настоящей жизни. Отсюда – восхищение так называемыми реальными (конкретными) ребятами. Отсюда – и тяга к путешествиям по странам и местам, не до конца пропитанным потребительской культурой.

Отмеченные черты гламурного образа жизни составляют концептосферу большинства рекламно-глянцевого журналов. В качестве иллюстрации возьмем хорошо известный в Екатеринбурге бесплатно распространяемый журнал «Empire».

Журнал представляет собой 160-страничное рекламное издание, посвященное тому, что в дискурсе глэм-культуры обозначается понятиями «fashion», «style», «popular-rich-free people». Моде и светским новостям отведено около 70 страниц. Каждый выпуск журнала содержит отчеты о модных мероприятиях города (презентации, сетки модных dj в модных клубах и др.). Примерно 15 страниц посвящено ювелирным изделиям, машинам, обзорам новинок кино и музыки. В каждом выпуске есть познавательная информация о сексе, гормонах, спорте, есть также подборка цитат по определенной теме, присутствуют авторские рассказы о путешествиях в различные города и страны.

Заголовки печатаются крупно, 30% из них написаны английскими буквами, поскольку светскому человеку привычнее читать Yves Saint Laurent, а не Ив Сен Лоран, Disquared, а не Дисуаред. И уж конечно Accessories Funny – это совсем не «Забавные аксессуары».

Светский человек, согласно Empire, это не просто ухоженный индивид в дорогой одежде и с дорогими аксессуарами, но еще и субъект, обладающий ценными и престижными знаниями. Он может блеснуть цитатами из великих («Не быть жадным – уже богатство, не быть расточительным – доход». Цицерон), поддержать разговор о Лас Вегасе («Город из фильмов и книг ограничивается кварталами старых казино и безумно длинной улицей новых игровых домов. Шаг влево, шаг вправо – обычный горд с обычными домами и людьми»), знает, как выглядит картина «A Coign of Vantage» Лоуренса Альма-Тадема, знает, что мини-юбка «вопреки всякой логике изобретена была не мужчиной, а женщиной», а колготки изобрел Yves Saint Laurent. Вслед за Empire светский человек может утверждать, что гламур – «это стиль жизни и способ самоподачи, при котором форма становится выше содержания».

Основной мессидж журнала таков: жизнь стала красивой, и чтобы ей соответствовать, надо следить за модой, за новинками автомобилестроения и за другими атрибутами блестящего образа жизни, время от времени окидывая себя критическим взглядом.

Из всех текстов по эмоциональности, живости, искренности интонации выделяется колонка главного редактора (П. Бабушкин). Читая ее, создается впечатление, что ее автор – человек из реальной жизни, настоящий, иронично рефлексирующий по поводу гламура. В качестве иллюстрации приведем фрагменты редакторского текста из № 3 журнала Empire (сентябрь 2007 г.):

«Шампанского! – рывкнул кто-то внутри меня, и пришлось идти до ближайшего магазина. «Тройка» в старой желтой трущобе через двор. Круглосуточный магазин советского типа, со всякими вытекающими из этого последствиями. Битая вывеска. Заиндевелые со вчерашнего дня алкаши с пахучей сивухой в пластиковой таре...

– Шестьдесят два рубля, – просипела толстая продавщица в синем халате с белой заколкой в крашенных волосах, протягивая увесистую гильзу советского.

Отчаянно расхотелось домой ...

За ржавыми руинами гаражного кооператива – парк. Там никого, если не считать бездомных собак, голубей и спешащих к троллейбусу бодрых старушек.

И ... что? И – к черту приличия.

С размаху! Обтянутым дорогим английским сукном задом грохнуться на облупленные доски и глотнуть раз. Другой. Третий. Задохнуться от шалого желания выматериться в голос, и выматериться-таки и глотнуть еще.

Фи, как негламурно».

Легкость стиля и самоирония придают журналу светский интеллектуальный шарм. Его насмешка над гламуrom – проявление все того

же гламура, только в своей более утонченной, изысканной форме. Тот же высший пилотаж гламура являют собой книги В. Пелевина, фильмы «В движении» И. Янковского и «Глянец» А. Михалкова-Кончаловского. Смеясь над собой, культура гламура очаровывает и вербует следующее поколение неофитов.

Литература:

1. Грант Д. Манифест инноваций бренда. Как создают бренды, переориентация рынков и преодоление стереотипов. М., 2007. С. 205 – 206.
2. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб. 2008. С. 9.
3. Чернышева В. Анатомия роскоши // Независимая газета, 27 апреля 2007 г.

ОСОБЕННОСТИ КРОССЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

М.А. Фадеечева

**Фадеечева
Марианна Альфредовна**

доктор политических наук,
доцент, главный научный
сотрудник Института
философии и права УрОРАН,
академик МАДИ
E-mail: fm366@mail.ur.ru

— Да на вас что – креста, что ли нету?
Нашего, краснокожего лопаєте. И не совестно?
— А вы из нашего отбивных не наделали?
Энто чьи кости-то лежат?

Евгений Замятин. «Арапы».

«Произошло то, что можно назвать почти полным уничтожением пространства. Сейчас новости узнают чуть ли не одновременно на всем земном шаре. С добрыми или дурными намерениями люди могут за день... перебрасывать с одного конца Земли на другой бомбы, наркотики и любые товары. Расстояния не служат больше защитой суверенности отдельных государств. Теперь границы одного перекрывают границы другого. Мы живем друг у друга на пороге. Фактически человечество стало одной

общиной» (1), – так размышлял Герберт Уэллс, американский писатель-фантаст, автор антиутопий и социальный мыслитель в 1941 году.

Действительно, «мы живем друг у друга на пороге». В глобальном мире – мире очевидных глобальных проблем, в условиях постмодерна массовых потребительских обществ мысль Г. Уэллса не просто актуальна, но превращается в методологический постулат, из которого придется исходить при решении теоретических и практических гуманитарных проблем. Современное человечество, насчитывающее порядка 6,5 млрд. человек, представляет собой единство многообразия. Оно едино благодаря своему происхождению и принадлежности к одному биологическому виду *Homo sapiens*, и многообразно благодаря историческим различиям. Последние в актуальном плане представляются различиями социальными и этническими. Вынужденное совместное и одновременное сосуществование различного порождает проблему коммуникации.

Многим исследователям известно то, что культура как таковая наиболее интенсивно развивается на перекрестке, пересечении различных культур. Рыночная площадь и поле боя – исторически определенные места кроссэтни-

ческих коммуникаций. В современности они видоизменились, но не утратили своей изначальной важнейшей функции. Кроссэтническая коммуникация обеспечивает развитие. Ее интенсивность определяет степень сохранения своей и освоения иных этнических культур, ее продуктивность зависит от того, насколько понято и освоено иное. Любое произведение материальной и духовной культуры можно рассматривать как некий текст, а также его прочтение и понимание. В самом общем плане текст представляется связанным знаковым комплексом, имеющим смысл и несущим информацию. В таком случае этническая культура тоже представляет собой связанный знаковый комплекс, имеющий смысл и несущий информацию в процессе коммуникации с другими этносами. В коммуникации нет «пустого пространства», она не может осуществляться «между», она всегда происходит «через». Особенно актуальна эта проблема в обществах постмодерна, в которых социальные атомы помещены в «плавильный тигель культуры» и, в силу своего совместного и современного существования, постоянно взаимодействуют. В процессе изучения кроссэтнической коммуникации исследователи зачастую забывают о том, что этнос – это абстракция большой степени общности. С этносом происходит то, что принято называть гипостазированием понятий. Мыслящий субъект принимает мыслимый предмет за предмет сам по себе. Происходит превращение понятия в вещь. И теоретическая конструкция выступает как некая наделенная независимым бытием сущность. Эссенциалистское мышление в духе средневекового реализма обнаруживает самостоятельное существование этноса как такового. Может казаться, что для индивида этнос выступает как целое, к которому он принадлежит, существующее над ним, имеющее свое самостоятельное и самодостаточное существование. В действительности этнос – это не что, это – кто. Этнос – это отдельный человек и люди, которые его окружают в повседневности, в самой его жизни. Этнос – это совокупность индивидов, при всей уникальности которых, есть некие внешние и внутренние черты сходства, более или менее ярко выраженные. Этнос – это определенное количество людей, имеющих сходство во вне-

шнем виде, языке и образе жизни. Условиями сходства может быть природа внутренняя (генетически наследуемые соматические черты при всем их многообразии) и природа внешняя (территория, ландшафт, климат). Никакого реального самостоятельного существования кроме как посредством реальной жизни отдельных людей этнос не имеет. В кроссэтнической коммуникации взаимодействуют не этносы как таковые, а индивиды.

В условиях постмодерных обществ можно обнаружить две разновидности кроссэтнической коммуникации. Первая разновидность: конструктивная и симметричная, предполагающая то, что незнакомый этнос-текст прочитан, понят, освоен и принят. Вторая разновидность: деструктивная и асимметричная, в которой незнакомый этнос-текст не прочитан, не понят, не освоен и не принят. «Этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если эта последняя сохраняется)» (3). Этнодифференцирующие признаки выполняют функцию различения, «к которым относятся: этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническая территория, язык, религия, культура, экономика, представляющие различные элементы этнической культуры, а также этничность носителей в качестве антропологических и психологических особенностей членов этноса» (4). Неизвестный автор XVI века составил таблицу «Краткое описание находящихся в Европе народов и их свойств», опубликованную в XVIII веке, ныне находящуюся в Венском естественноисторическом музее, также пытался выделить феномены культуры, имеющиеся у всех народов, но отличающие их друг от друга. И нашел 16 таких рубрик. Так, например, он описывал русских: «Обычаи – злодейские; разум – никакого; проявления этих свойств – невоздержанные; наука – на греческом языке; одежда – шубы; пороки – коварство; любовь – к кулачному бою; болезни – дифтерит; облик страны – наполнена льдами; воинские добродетели – с усилием; богослужение – схима;

пристрастия – к пчелам; времяпрепровождения – сон; сравнение с животными – осел; окончание жизненного пути – в снегу» (5). Исторически обусловленный своеобразный культурный облик этносов проявляется в таких феноменах культуры как язык, традиции и обычаи, мораль, религия, фольклор, которые и рассматриваются как этнообразующие и этнодифференцирующие признаки. Иногда к этим феноменам добавляется «образ жизни» этноса или стереотип бытового поведения. «Он представляет собой систему из множества компонентов (нормативов), важнейшими из которых являются: 1). пища; 2). одежда; 3). жилище (в частности, оформление интерьера); 4). гигиена (в частности, частота омовения тела – ежедневно, еженедельно и т.п.); 5). транспорт (способ передвижения); 6). язык (речь); 7). характер семейных отношений; 8). характер распределения семейного бюджета; 9). характер чередования труда и отдыха; 10). стиль общения (манеры, обычаи, нравы, привычки и т.п.)» (6). Попытки определить этнос через перечисление ряда признаков (язык, культура, территориальное единство, общность экономической жизни, самоназвание и др.) удавались не вполне. Практически невозможно выявить основной этноопределяющий признак, а список этнических признаков зачастую оказывается громоздким и, несмотря на это, неполным. Рассмотрение этнических признаков в их сравнении, отражая этническое многообразие, удовлетворяет познавательный интерес, на основе которого происходит кроссэтническая коммуникация. Это дает возможность понять иное и установить с ним контакт и взаимопонимание. Однако этому существенно препятствует, во-первых, миксинг постмодерна, когда в процессе кроссэтнической коммуникации смешивается и эклектично соединяется то в этнических культурах, что в традиционных обществах существовало раздельно. Во-вторых, анонимность и мгновенность коммуникации в массовых обществах не позволяет распознать этнические особенности, но только заметить антропологические признаки, которые неспециализированное сознание, будучи не в состоянии их адекватно определить, сводит к примитивно понимаемым расовым различиям.

Сравнение отчасти предполагает противопоставление.

«Дело в том, что отличительной чертой этноса является деление мира надвое: «мы» и «не мы», или все остальные» (7). Главное в кроссэтнической коммуникации видится в противопоставлении себя другим, в противопоставлении одного этноса значимому-другому или всему человеческому сообществу. «Мы» предложили предварительное значение термина: этнос – коллектив особей, противопоставляющих себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие – другие» (8). «Основной особенностью этнических общностей, отличающих их от других совокупностей людей, как раз и состоит в том, что их неперенным общим свойством, имеющим типологическое значение, является взаимное противопоставление» (9). «Мы», прочно укорененное в современном сознании, существует со времен мифов, когда первобытные мифотворцы не знали первого лица единственного числа. В современном обществе противопоставление «мы - они» остается первобытным пережитком племенной вражды. Современные мифотворцы успешно используют антитезу «мы-они» в качестве средства этнической мобилизации.

Этническое «мы» представляется как нечто вечное, раз и навсегда данное, являющееся абсолютной ценностью. Этническая сущность, зафиксированная в этнонимах и экзоэтнонимах, являющаяся в этнических авто- и гетеростерейтипах, заключенная в этнологические словари и энциклопедии создает устойчивые представления, преобладающие и в теоретическом, и в обыденном сознании, как будто бы этносы находятся в коробках на полках этнологов в неизменном состоянии. Однако этноопределяющие признаки, в том числе и стереотипы поведения, закономерно меняются в историческом времени. Постепенно складываясь, этнос не завершает в одночасье свое развитие и не остается неизменным. Сам процесс кроссэтнической

коммуникации в условиях постмодерна и его промежуточные результаты свидетельствует о том, что этнические культуры в их чистом, аутентичном виде можно обнаружить только в музеях и учебниках этнологии. Современный этнический мир – это постмодерный мир кроссэтнических коммуникаций, миграции и интеграции, аккультурации и ассимиляции, незавершенного этногенеза.

Примечания:

1. Уэллс Г. Наука и мировое общественное мнение // Уэллс Г. Собр. соч. в 15 т. М., 1964. Т.15. С.472.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т.2. С.461.

3. Токарев С.А. Проблема типов этнической общности (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964, №11. С.46.

4. Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. С.123.

5. Цит. по Белобородова И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект // ОНС. 2000, №2. С.96 – 102.

6. Бранский В.П. Социальная синергетика и теория наций. СПб.: СПб акмеологическая академия, 2000. С.12.

7. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. С.19.

8. Там же. С.41.

9. Бромлей Ю.В. К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы. М.: Наука, 1971. С.13.

ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА: СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ КАК ИЗРЕЧЕНИЕ НЕИЗРЕЧЕННОГО

В.М. Русаков

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
философии Института
международных связей,
г. Екатеринбург,
академик МАДИ

Фундаментальным фактом всемирно-исторического процесса межкультурного диалога является столкновение рационального и иррационального. Общеизвестно, что практически все стороны жизни чужеземцев воспринимаются как нечто выходящее за пределы нормы и правила. История мировой литературы со всей определенностью это засвидетельствовала. Иноземцы исповедуют неправильных богов («идолища поганые»), совершают чудовищные или нелепые обряды («бесовские радения»), пьют кровь и едят тело своего бога во время причастия в кошмарных местах («капищах») и ведут дикий (ненормальный) образ жизни: неправильно едят (Руками? Палочками? Столовыми приборами?) неправильную пищу (Китятину? Свинину? Собачатину? Насекомых?

Рептилий? Человечину?), неправильно совокупляются (с мальчиками, животными, неправильными способами), неправильно сочетают будни и праздники (веселятся на похоронах и плачут на свадьбах). Наконец, они неправильно говорят: они «немцы» (по-русски: «немые»), «варвары» (по-гречески: «барбарес» – не столько «бородатые», сколько нечленораздельно бормочущие). Их язык – «китайская грамота».

И.П. Магидович так отмечает это обстоятельство: «...до Геродота Скифия была мало известна грекам, хотя они и вели с ней торговлю. Скифия поразила его огромными безлесными равнинами, тучными пастбищами, в Скифии зимой пролитая вода «не делает грязи», т. е. замерзает! Поразили Геродота и огромные реки Скифии – Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр), Танаис (Дон) и др. Он знал с детства, что в Греции реки берут начало в горах, но в Скифии гор нет. По его мнению, эти реки должны были начинаться в каких-то больших озерах. Геродот собрал интересные, порой полужанровые сведения о народах, живших к северу и северо-востоку от скифов»¹. Столь же причудливо выглядели описания Марко Поло: «На севере, знаете, есть царь Канчи. Он Татарин, и все его подданные Татары; держатся

они татарского закона, а закон этот дикий; но соблюдают они его так же точно, как соблюдал Чингисхан и другие истые Татары; делают они своего бога из войлока и называют его Натигай; делают ему и жену, называют двух богов Натигаем и его женой: говорят, что они боги земные и охраняют их скот, хлеба и все их земное добро. Они им молятся; когда едят что-нибудь вкусное, так мажут своим богам рты. Живут они как звери»². Сколько самых невероятных и фантастических «фактов» зафиксировали судовые журналы и дневники экспедиций великих первооткрывателей! Иррациональность восприятия чужеземной культуры лежит в основе ксенофобии. Ксенофобию часто отождествляют с национализмом, однако между этими понятиями, как считают, есть существенное отличие: приверженцы националистических взглядов не обязательно испытывают негативные чувства к другим нациям, этносам или религиям.

Освоение новооткрытого подразумевает ту или иную форму рационализации изначально иррационального – идет ли речь о великих географических открытиях или об открытии иной страны и культуры «для себя» в туризме. Но как быть, если уже существовали названия, данные проживавшими здесь народами? Это первое, с чем сталкивается путешественник – именование, необходимо дать географические названия. Географические названия – это не просто обозначения в описании или на карте. С развитием взаимодействия и взаимопроникновения культур и народов меняется смысл географических наименований. По современным представлениям они являются незаменимым компонентом месторасположения любой пространственно организованной информационной системы. В литературе приводят примеры задержки или же доставки не по назначению продовольственной и иной помощи в случае стихийных бедствий – именно в связи с отсутствием информации о географических названиях или их недостаточной привязки к соответствующей местности. Сегодня практически любой справочник или путеводитель выступает верхушкой целого айсберга концептуальных и информационных систем, опирающихся на разветвленную инфраструктуру. Национальные картографические и топографические организации тратят много

времени и средств на сбор, подборку и использование самых современных географических названий, притом что аналогичная, хотя и не координируемая, деятельность часто осуществляется другими организациями и учреждениями. Такое дублирование усилий и пустая трата ресурсов вполне могут привести к появлению различных вариантов и противоречий в использовании географических названий. Карты, базы данных с географической привязкой и географические информационные системы (ГИС), основанные на стандартизированных географических названиях, имеют важнейшее значение для развития стран в условиях сегодняшней цифровой экономики.

Эффективность служб доставки может быть повышена с помощью использования четких и недвусмысленных названий, что приведет к экономии времени и средств.

Географические названия имеют важнейшее значение для представления практических результатов анализа и толкования пространственных данных, в частности предупреждения о цунами, лесных пожарах, а также об исчезновении естественных сред обитания и опасности изменения климата. Во всех этих случаях географические названия имеют важнейшее значение для планирования и оказания чрезвычайной гуманитарной помощи. На национальном и местном уровнях точные и последовательные географические названия имеют важнейшее значение для оптимального использования геоинформации в следующих областях: стратегия устойчивого национального планирования; экономическое развитие; охрана окружающей среды; координация служб экстренной помощи; торговля; сохранение культурного наследия; коммунальное хозяйство; туризм; системы связи; глобальные СМИ. Географические названия имеют первостепенное значение для успешного пользования любой поисковой системой, когда месторасположение играет важную роль.

Дискурсивное пространство различных форм травелога развивается в процессе разрешения множества проблем:

- теоретико-концептуальных (достижение соизмеримости и выразимости важнейших ценностно-смысловых категорий и понятий),
- институционально-политических (со-

здание международных организаций, заключение всевозможных конвенций),

- инструментально-инфраструктурных (организация работ, выработка процедур, стандартов).

Это хорошо видно на примере работы над словарями географических названий³. И хотя «Словарь современных географических названий» не является энциклопедическим собранием известных сведений о разных уголках планеты, – в этой книге дано меньше объектов, – но каждое приводимое название имеет яркую характеристику и нужные подробности, что позволяет рассматривать Словарь как общеобразовательное, научно-популярное и справочное издание. Над Словарем трудился коллектив, объединенный Московским центром Русского географического общества (Редактор Словаря академик В.М. Котляков). В Словаре помещено около 6000 слов-статей. В соответствии с общественным и географическим значением приводимых названий статьи подразделяются на несколько категорий. Крупные статьи включают:

- объяснение географического названия, дают историческую справку, географическое положение территории (после основного названия упоминаются другие (устаревшие, менее употребительные и пр.) названия того же объекта, а для иностранных названий в скобках дается их написание на коренном языке (латиницей или кириллицей),
- общие сведения о климате, рельефе, гидрографии, растительном и животном мире,
- заповедных и охраняемых территориях,
- транспортных путях, основных чертах хозяйства,
- отмечают главные достопримечательности и туристские объекты.

В небольших статьях даются географическое положение объекта, его связи с окружающей территорией, географические особенности. Для туристских и оздоровительных центров приводится их рекреационная и бальнеологическая характеристика, для охраняемых территорий – характеристика растительного и животного мира, заповедного режима, особо охраняемых объектов.

Кроме того, в отличие от словарей географических названий, выпущенных в 1976 и 1989 гг., особо характеризуются объекты, включенные в список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО. Естественно, все крупные географические объекты – континенты, их части, государства – сопровождаются картами.

Авторы особо отмечают проблему стандартизации географических названий. Вследствие дублирования географических названий и отсутствия их четкой регистрации службам экстренной помощи давались неверные указания; в результате терялось время, что, в свою очередь, влекло за собой гибель людей. Таким образом, странам следует создать национальную программу ликвидации такой несогласованности путем стандартизации географических названий для официальных целей. В конечном итоге объединение усилий при снижении общих издержек в большей степени отвечает интересам правительств, неправительственных организаций и населения в целом.

В настоящее время, в век «информационного общества» данная проблема существенно обостряется тем, что географические названия, применяемые во всех странах, используются в глобальных онлайн-информационных системах: необходимо, чтобы названия в каждой стране были правильно зарегистрированы и утверждены. В случае изменения географических названий (например, в Южной Африке Питерсбург был переименован в Полокван, а в Канаде залив Фробишер был переименован в Икалуит) информация о таких изменениях должна быть доступна для всеобщего пользования. Названия мест и топографических элементов, например Найроби, Мумбаи, Бандунг, Нуук, Сьерра-Невада, озеро Таупо и Эйсселмер – это ключевые элементы доступа в условиях цифрового мира.

Попутно заметим пусть и маргинальную проблему восприятия как собственных, так и иноязычных географических названий: см. интернетовские списки «прикольных» названий – Большие Пупсы (деревня в Тверской обл.), ул. Минструактивная (Смоленская обл.), Дешевки (деревня в Калужской обл.), Тухлянка (река на Сахалине), Лохово (поселок на Можайском ш.), Факфак (Новая Гвинея), Трусово (деревня в

республике Коми), ул. Забойная (Калуга), Кока-иновые горы (река в Пермской обл.), Косяковка (деревня в Башкирии), Ширияево (деревня в Самарской обл.), Ломки (деревня в Нижегородской обл.), Большой Куяш (деревня в Челябинской обл.), Иннах (поселок на Чукотке), Крутые Хутора (деревня в Липецкой обл.), Новопозорново (село в Кемеровской обл.), Лысая Балда (река в селе Заряное), Верхнее Зачатье (деревня в Чеховском районе), Дураково (деревня в Калужской обл.), Засосная (деревня в Липецкой обл.), Звероножка (река в Московской обл.), Да-да (поселок в Хабаровском крае), Вобля (река в Рязанской обл.), Хреновое (село в Воронежской обл.), Блювиничи (деревня в Брестской обл.), Большое Бухалово (деревня в Вологодской обл.), Свиновье (деревня в Одинцовском районе), Кончинино (деревня под Дмитровом), Раздериha (река в Дмитровском районе), Чуваки (деревня в Пермской обл.), Мусорка (деревня в Ульяновской обл.), Голодранкино (деревня под Магнитогорском), Красная Могила (Донецкая обл.), Кундрючья (река под Волгоградом).

Однако политические аспекты проблемы географических названий могут быть куда серьезнее. Lenta.ru сообщает: «В США набирает обороты борьба за исключение из географических названий слова «скво» (squaw), которое представители индейского населения считают оскорбительным, сообщает газета USA Today. Как рассказал Нейоксет Грейморнинг (Neyooxet Greymorning), профессор антропологии из Университета Монтаны, указанное слово изначально обозначало женщину, однако приобрело негативный оттенок с прибытием белых поселенцев, которые называли им распутных индианок. Теперь же, по словам Жаклин Джонсон (Jacqueline Johnson) из Национального конгресса американских женщин, это слово для женщин является оскорбительным. Как уточнила Валери Фаст Хорс (Valerie Fast Horse), член совета племени Кер д'Ален (Coeur d'Alene), проживающего в штатах Айдахо, Монтана и Вашингтон, в настоящее время слово «скво» используется как вульгарный термин для обозначения женских гениталий. Фаст Хорс добавила, что это слово в ее племени считается настолько непристойным, что его называют просто «словом на букву S». Из-за протестов индейцев фе-

деральный Совет по географическим названиям США в этом году уже переименовал 16 долин, ручьев и других природных объектов. Самого значительного успеха индейцы добились 10 апреля, когда Совет сменил название популярной среди туристов горы Скво-Пик (Squaw Peak) в Аризоне. Теперь она называется Пиестева-Пик (Piestewa Peak) – в честь Лори Пиестева (Lori Piestewa), погибшей в Ираке военнослужащей индейского происхождения. В общей сложности, к настоящему моменту были переименованы 940 различных объектов, от церквей и мостов до элементов рельефа, в названиях которых содержалось слово «скво». В девяти штатах – Миннесота, Монтана, Оклахома, Южная Дакота, Орегон, Мэйн, Флорида, Северная Каролина и Теннесси – были приняты законодательные акты о переименовании общественных мест с «оскорбительными» названиями⁴. Как быть, например, историкам олимпийского движения – однажды зимние олимпийские игры проходили в Скво-Вэлли?

А если добавить сюда периодически обостряющие по политическим мотивам страсти к переименованиям, то становится очевидным, сколь непроста судьба такого компонента травелога как географические названия.

Географические названия являются прямым и непосредственным элементом доступа к другим источникам информации. Они способствуют интеграции рядов цифровых данных, которые представляют собой важнейший и мощный инструмент процесса принятия решений для государственных органов и управленческого звена, а также способствуют сотрудничеству между местными, национальными и международными организациями.

Формирование глобальных информационных систем (и их элементов) сталкивается, разумеется, с проблемой – как переводить *географические названия*? Поисковая система GOOGLE так выстраивает шаги решения проблемы: «Рассмотрим некую страну А, говорящую на языке А, и язык Б (не являющийся государственным языком страны А). Вопрос: как передать географические названия страны А на языке Б? Существует два подхода к решению данной проблемы – традиционный и современный (или политкорректный).

1) Традиционный: носители языка Б сами определяют, как им называть географические объекты страны А. Зачастую название на языке Б сильно отличается от оригинального названия на языке А. Так, российская Москва по-немецки *Moskau*, американский Texas по-русски Техас, а немецкий *Aachen* по-французски *Aix-la-Chapelle*. Продолжать можно до бесконечности. *Достоинства*. Название объекта на языке Б определяется раз и навсегда. *Недостатки*. Не отражает реального названия объекта. Может возникнуть путаница на местности: носителю языка Б трудно ориентироваться в стране А, если он не знает аутентичных названий. *Как искать перевод?* Найти надежный традиционный источник на языке Б, изданный носителями языка Б (энциклопедию, атлас и т.д.).

2) Политкорректный. Носители языка А сами определяют, как называются их географические объекты на языке Б. Так, Киргизия превращается в Кыргызстан, Берег слоновой кости в Кот д'Ивуар, а Бомбей в Мумбаи. Желаящие могут продолжить. *Достоинства*. Название объекта на языке Б близко по звучанию к аутентичному названию на языке А. *Недостатки*. Система географических названий языка Б начинает зависеть от политической ситуации в стране А (и, в общем случае, от политической ситуации в любой взятой наугад стране). При очередном решении страны А сменить названия в языке Б, носители языка Б вынуждены переиздавать энциклопедии, атласы, следить за употреблением правильных названий в средствах массовой информации и т.д. Не все носители языка Б могут быть осведомлены об очередной смене географических названий в их языке. *Как искать?* Найти официальный документ страны А, написанный на языке Б. Например, веб-сайт государственной организации⁵.

Российскому пользователю очень хорошо известна такая ситуация. Не менее сложный вопрос: как перевести названия *флоры и фауны*? Та же система Google так формулирует практические шаги решения этой проблемы: «Необходимо использовать латынь – на латыни все названия строго систематизированы. Допустим, нам надо перевести «минтай» на английский и допустим это слово отсутствует в словарях. Первым делом находим латинское

название минтая в Google (+минтай +«латинское название»). Приходим к выводу, что это *Theragra chalcogramma*. Теперь ищем в Google «*Theragra chalcogramma*» и обнаруживаем, что этому латинскому названию соответствуют как *Alaska pollock*, так и *Walleye pollock*. Чтобы быть абсолютно уверенным, проверяем Pollock в английских словарях, используя OneLook. Там обнаруживаем, что *Theragra chalcogramma* соответствует *Walleye pollock*. Заодно обнаруживаем, что просто *pollock* – это другая рыба (*Pollachius virens*). Делаем вывод, что минтай по-английски – официально *Walleye pollock*, в просторечии может называться *Alaska pollock*. Чтобы удовлетворить любопытство и узнать, что такое *Pollachius virens*, делаем поиск по русскоязычному Интернету (+«*Pollachius virens*» +и). Обнаруживаем, что это сайда⁶.

Учитывая, что однозначных и «твердо» определенных классификаций животного мира не существует, то ситуация часто приобретает почти анекдотический характер – почти так, как это остроумно подметил еще Борхес: «В рассказе-эссе «Аналитический язык Джона Уилкинса» он описывает «некую китайскую энциклопедию» под названием «Небесная империя благодетельных знаний» («*Emporio celestial de conocimientos benivolos*»), в которой содержится классификация животных, согласно которой животные делятся на: 1) принадлежащих Императору, 2) набальзамированных, 3) прирученных, 4) сосунков, 5) сирен, 6) сказочных, 7) бродячих собак, 8) включённых в эту классификацию, 9) бегающих как сумасшедшие, 10) бесчисленных, 11) нарисованных тончайшей кистью из верблюжьей шерсти, 12) прочих, 13) разбивших цветочную вазу, 14) похожих издали на мух.

На примере составления морских карт и лоций хорошо видна связь концептуально-теоретических, институциональных и инструментальных средств для формирования качественного дискурса травелога, обладающего всей полнотой необходимых для эффективного функционирования свойств: «Вдоль прибрежной зоны материка, островов, крупных сибирских рек Енисей, Хатанга, Лена, Индигирка, Колыма общей протяженностью более 45 тыс. км проложены геодезические сети, выполнена

топографическая съемка, на шельфе полярных морей сделано около 4 млн. км промера глубин. И обнаружено при этом более 1200 случаев навигационной опасности. За долгие годы нами собран обширнейший материал, ставший национальным достоянием России. При общей протяженности традиционной трассы в 3500 миль (6475 км), протяженность рекомендованных путей, на которых обеспечиваются безопасные условия судоходства, в четыре с лишним раза больше. А на трассах Северного морского пути продолжаются, между тем, промерные работы. Моря изучаются для создания все новых и новых навигационных карт, лоций, руководств, пособий. Ими снабжаются для плавания все суда. А сами трассы обеспечиваются навигационным оборудованием для поддержания этих трасс на современном уровне, для лоцманских проводок на Енисее, Хатанге, Анабаре, Колыме.

Мореплаватели же информируются об изме-

нениях в навигационной обстановке и режиме плавания, ведется постоянный надзор за судами по предотвращению загрязнения арктических морей нефтепродуктами. Между тем, у нас – всего лишь 21 гидрографическое судно и 10 – служебно-вспомогательных»⁷ – пишет Евгений Ключев – начальник Государственного гидрографического предприятия Минтранса России.

1. См.: И. П. Магидович. Путешественники Древней Греции // Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. 3 изд., М., 1967.
2. Книга Марко Поло / Пер. И.П. Минаева. СПб., 1902. – С. 92-93.
3. См.: Словарь современных географических названий. Ред.: В. М. Котляков. М., 2006.
4. <http://www.Lenta.ru/>
5. <http://www.google.com/intl/ru/help.htm>
6. Там же.
7. Евгений Ключев. Без них, как без рук // <http://segodnya.spb.rus.net/3-4-00/32.htm>

ХАОС ГЛОБАЛЬНЫХ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ КАК УГРОЗА ДУХОВНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

К.С. Романова

**Романова
Кира Степановна**

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

Еще относительно недавно духовные и интеллектуальные усилия мыслящего человека были так или иначе связаны с осмыслением социального освобождения или становления человека и овладение им силами природы (именно это вызвало к жизни деятельный тип личности, реализовавшей себя в научно-техническом и социальном творчестве), то сегодня эти усилия подчинены задаче нового самоопределения,

поиску новой гармонии, но теперь в условиях порожденного им и противостоящего ему глобального мира.

Коммуникация есть важнейшее свойство существования социума. Термин «социальная коммуникация» появился в начале XX века. После второй мировой войны появляются философские концепции развития общества, которые рассматривают социальную коммуникацию как основу, источник и стимул общественного развития. Так, З. Бжезинский в своей теории технологического детерминизма определяет средства информации и коммуникации как главные источники социального прогресса.¹

Массовая коммуникация в глобальном мире приобрела черты социального института, занятого производством, хранением и распространением информации. Этот социальный институт определяет природу сообщества не сам по себе, а только будучи опосредованным социальными

и политическими интересами.

Современная массовая коммуникация как социальный институт одновременно выступает в качестве самостоятельных субъектов (газеты, радио, телевидение, Интернет, и др.), наделенных определенными функциями и властно волевым воздействием, и в качестве сферы борьбы различных интересов: частных, корпоративных и общественных; местных, национальных, и международных; экономических, политических, культурологических и др. Массовая коммуникация в роли субъектов рыночных отношений обладает такими свойствами как агрессивность, цинизм, меркантильность, нахальность, лживость и сенсационность, предпочитая их проявлению скромности, правдивости, толерантности.

Коммуникация не существует без информации, их связь детерминирована, так как информация определяет содержание и формы коммуникации. Философское понимание коммуникации выделяет следующие ее важнейшие функции: как средство связи между различными объектами, коммуникация как обмен, передача информации между отдельными субъектами и обмен информацией в обществе в целом.

Современные технологии в целом глобальны по характеру своего воздействия, но в первую очередь это относится как раз к информационным технологиям, которые как бы продолжая центральную нервную систему людей, соединяют их в едином «глобальном объятии» (М. Маклюэн).

В настоящее время, когда глобализация охватывает все стороны жизни общества, социально-политические процессы характеризуются общественной «квазиидеологией», которая включает в себя синтетические ценности от правых, от левых, от либералов, патриотов, националистов, коммунистов и др. Этот фактор определяет существование в обществе категорий людей, поведение которых в политике и идеологии является сложным результатом взаимодействия в их головах различных тенденций: тенденции, вытекающей из тех или иных форм осознания отчуждения человека, из разочарования его в существующих формах жизни и идеологии, в буржуазных партиях и организациях, из мифологизации реального

строения общественного бытия, смешения различных религиозных идей, мистики и т.д.

На личность воздействуют факторы социального манипулирования. Человек постоянно находится в ситуации выбора. Личность имеет огромные информационные возможности, так как социальные технологии, направлены на манипулирование и ускорение социальной адаптации личности, но сама необходимость постоянного принятия решения может быть представлена как ограничение свободы. В обычной жизни люди редко задумываются о законах и технике коммуникации, чаще опираются на собственный опыт и стереотипы, свои представления и убеждения.

Если собственно коммуникативный аспект проблемы лишен сугубо национальной специфики, то аспект социально-психологический чрезвычайно насыщен ментальностью (коллективным бессознательным). Во-первых, Россия с ее великой речевой культурой имеет особое отношение к слову, то есть речевым формам коммуникации; во-вторых, в историческом прошлом тоталитарный характер управления и монополизация информации, до сих пор делают россиян особенно доверчивыми к информации, исходящей от средств массовых коммуникаций; в-третьих, наличие противоречий между «идеальными» и «обыденными» нормами социальной жизни. Общение всегда предполагает понимание. Если мы с кем-то общаемся, и в интеллектуальном, и в духовном, и в эмоциональном плане, то нас понимают, если происходит со-общение. Даже самая простая коммуникация не есть передача какой-то существовавшей до акта коммуникации истины, усваиваемой затем адресатом, а есть переживание.

В качестве примера эмоционального воздействия и манипулирования сознанием можно привести передачу талантливого Сергея Курехина «Ленин – гриб.» в телепрограмме «Пятое колесо» от 17 мая 1991 года с ведущим Сергеем Шолоховым.² Прошло уже более семнадцати лет, а память о просмотре этой передачи не отпускает. Эта передача наглядно показывает, какие методы возможны для обработки аудитории и создания иллюзорного образа с помощью спекулятивной научной аргументации, а также абстрактных ссылок научных авторитетов, и

использование художественных средств для эмоционального воздействия. В передаче использовались материалы интервью с видным ученым микологом, который страстно увлечен объектом своего научного исследования, много знает о нем и увлеченно рассказывает. Фрагменты его интервью и служили аргументом к тому «приколу», который был положен в основу передачи. Больше всего меня потрясла реакция некоторых телезрителей, и не только студентов, а как не странно людей с высшим образованием, к тому же естественным (биологи, химики, медики), которые обратились ко мне совершенно серьезно за комментарием с вопросом: «Знаю ли я, что Ленин-гриб, и что я теперь об этом думаю?» Для справедливости следует отметить, что большинство из них были женщины, наделенные повышенной эмоциональностью.

Как отмечают физиологи, лингвисты и другие специалисты в области мозга и его функций, язык и шизофрения тесно связаны. Исторически развитие мозга обусловило автономность его полушарий. Левое – ответственно за речь. Но как раз из-за того, что полушарии приобрели разную спецификацию, у некоторых людей мозг в целом не справляется с таким сложным управлением. Тогда развивается недуг – шизофрения (раскол ума). Главное в чем она выражается как раз и есть расщепление личности с последующими нарушениями воли, эмоций, мышлением и речи.³

Если говорить о нормах, то следует отметить, что идеальные нормы, как правило, усваиваются практически в готовом, сформулированном виде, легко воспроизводятся словесно, с их помощью можно анализировать чужое поведение или объяснять своё. Но реальность, которую они отражают, практически не опирается на личный опыт переживания и, поэтому, в каком-то смысле, они всего лишь заученные «правила». Обыденные нормы, как раз наоборот, непосредственно связаны с тем, что происходит с человеком каждый день, каждый час. Эти норы труднее сформулировать, они далеко не всегда осознаны, их реализация скорее автоматична, поэтому, опираясь на них проще действовать, чем их объяснять. Грубо говоря, идеальные нормы являются нормами «для всех» или «для дру-

гих», обыденные нормы, это те же идеальные нормы, но трансформированные обыденным индивидуальным сознанием и пропущенные через повседневность, поэтому они пригодны лишь для себя и своих близких. В процессе социализации различные социальные институты (дошкольные учреждения, школа, СМИ и др.) внедряют в сознание человека идеальные нормы: быть честным, бескорыстным, заботиться о других, помогать ближнему, любить Родину и т. д., то есть учат тому, что само общества считает образцом поведения. Нормы обыденной жизни усваиваются совсем иначе. Они формируются на опыте удач и неудач в ситуациях социального взаимодействия.

Достижения НТР, которые сегодня доступны даже ребенку, обеспечивают людям раскованность, свободу, мобильность, неограниченный доступ к информации, к различным формам разнообразных контактов, но все это носит в основном потребительский характер. Человек по природе своей любит все блестящее. На этом основан известный метод гипноза; стоит неотступно следить за вращающимся блестящим шариком – заснешь. И очень часто такими шариками, вгоняющими нас в «сон разума», в интеллектуальный ступор, является блеск заоблачных идеалов, блеск тайного и далекого знания, блеск чужой гламурной жизни. Часто этот «глянец» и его воздействие оказывает разрушающее действие на личность. «Идеалы далеки от меня, я ничего не стою, мое дело ничего не стоит...» На этой основе формируется неуважение к себе. Изменяется социальная форма реализации себя. В этих условиях главным становится «казаться» любой ценой, тем, кем хочешь быть, а не «быть» самим собой. Сегодня мы часто сталкиваемся с людьми, дезорганизованными в своем сознании, с разрушенной исторической памятью и безродно мечущейся тотальной завистью и стремлением к подражанию «успешному Западу». Обыденные нормы представляют собой как бы концентрированную «правду жизни». Противоречие между декларируемыми идеальными и обыденными нормами создает постоянный внутренний конфликт личности, нарушающий ее гармонию существования как с окружающей средой, так

и самой собой.

В современных условиях Россия принимала новые капиталистические ценности и формировала новые капиталистические отношения далеко не в бескровных условиях. Речь идет не только о реальных кровавых битвах различных «Бригад» и других бандитских разборках, нашедших свое отражение в средствах массовой информации не только в жанрах криминальной хроники, но в жанрах художественных произведений, с участием выдающихся и признанных деятелей культуры, которые по своей сути должны оказывать определенное влияние на формирование общественного сознания, хотя бы в нравственной и эстетической их составляющей. В любом случае, наличие в общественном сознании столь сильных и разно направленных ориентаций (на сохранение единства и равенства, и в то же время достижения индивидуального успеха любой ценой) сыграло огромную роль в определении судьбы страны, и оказалось важным психологическим фактором в формировании нового поколения людей.

В свое время М. Мамардошвили писал о том, что личность живет как бы в двух различных измерениях: в мире рационализированной общественной поверхности, внутренне освоенной ее отчужденным сознанием, и в мире объективных исторических судеб, которые словно фатально выпадают на ее долю. Связь одного с другим вообще не выступает, один противоречит другому, и оба индивиду. Существует тем самым особый способ, каким социально-историческая реальность проявляет себя в глазах обыденного сознания людей; занавес над фактическим содержанием их общественных отношений приоткрывают, совершенно неожиданные бедствия и катастрофы – безработица, разорение, кризисы, истребительские войны, личные заключения и разочарования, мытарства в лабиринте бюрократических и авторитарных организаций и т.п. Именно в такие моменты под благообразной маской повседневного существования вдруг обнаруживается дьявольский лик действительности. Только в этой форме

человек узнает об объективной материальной обусловленности своей деятельности и бытия. Сознание не выдерживает взаимодействия этих двух различных измерений, в которых оно вынуждено постоянно жить. Сознание реагирует массовыми невротами, или мифами спасения, нигилизмом, цинизмом, или анархическим бунтарством и т.д.⁴ Особо следует отметить состояние социально психологического равнодушия в обществе, которое формируется у людей как защитная реакция в ответ на ложь, лицемерие, манипуляцию с фактами действительности. Это состояние свидетельствует о депрессивности общества, о его болезни. Не случайно Бруно Ясенский в «Заговоре равнодушных» отмечал: «Не бойся врагов - в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».⁵ Потребность в работе сообща на принципы общности, коллективизма, социальной справедливости для русских всегда была истинной сущностью, что связано с геополитическими факторами (суровый климат, большие пространства, высокие издержки производства), и с культурными традициями. Радикальные перемены в обществе, трансформирующие его экономическую структуру и в искаженном виде отраженные в средствах массовых коммуникаций, вызывают изменения и нарушения в социальном характере. Для преодоления этой проблемы сначала необходимо ее осмысление, а затем участие специалистов различных областей знания.

1. Бжезинский З. Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру. // Философский энциклопедический словарь И. 1983. С. 53.

2. <http://www.skeptik.net/prikol/Lenin-gr.htm>

3. Черниговская Т.В. Мозг и есть вселенная. // Человек. №2. 2008. С.89-93.

4. Мамардашвили М. Как я понимаю Философию. Москва. Изд –во «Прогресс» 1990 год. С.263.

5. OCR Busya <http://lib.aldebaran.ru/> «Бруно Ясенский «Главный виновник» Правда; Москва; 1986.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

Е.В. Ишменев

Ишменев
Евгений Васильевич

аспирант ИФиП УрО РАН,
доцент МАДИ

Рост значения СМИ в современном политическом процессе формирует потребность теоретического осмысления информационной сферы с точки зрения ее воздействия на развитие социально-политических конфликтов. В этой связи, не достаточно определить специфику сферы информации в ее отношении к «внешней» реальности, но следует рассмотреть информацию как инструмент социального «взаимодействия», от которого во многом зависит развитие и разрешение конфликта. То есть деятельность СМИ должна быть рассмотрена не просто с точки зрения функции освещения конфликтной ситуации, но и как способ влияния на эту ситуацию. Отправным примером в этом случае может служить анализ ситуации военного конфликта, предложенный новозеландским исследователем Дональдом Мэтьюсоном. В своей работе «Медиа-дискурсы. Анализ медиатекстов» он указывает на пример вооруженного конфликта, который еще до вступления в активную фазу получает определенную форму в рамках посланий СМИ. В этом случае «война может случиться, если она структурирована в формулировках оправдания и прославления»¹.

Представленный пример свидетельствует о чисто метафизическом прочтении конфликтной ситуации. Используя факты и события «внешней» реальности, СМИ имеют возможность представлять эту реальность с позиций ее возможного изменения. Тем самым СМИ оказываются способными определять цель политического процесса. При этом важно, что сценарий событий, предложенный СМИ, совсем не обязательно должен получить

объективное подтверждение. Последнее обстоятельство становится проблемным для тех исследователей, которые рассматривают объективность информации как «залог» свободы индивида относительно разного рода манипуляций СМИ. Так, сторонники позитивистских подходов трактуют информацию как результат «отражения» объективных закономерностей и настаивают на возможности ее верификации. Одним из способов верификации является использование строгих научных методов и экспертных оценок при формировании информационных посланий. Однако в рамках такого подхода встает проблема соотношения различных символических форм, используемых при отражении *социальной* действительности. Многообразие форм презентации содержит в себе предпосылки для возникновения *непонимания* информации аудиторией во взаимодействии со СМИ. «В мире, где производство информации шире, чем ее потребление, индивидуальное внимание неизбежно отвлекается от содержания послания к его форме. Н. Фэрклоу называет это нормальным взаимодействием»². Примером здесь может служить ситуация «избыточности» информационных потоков. Ее суть заключается в том, что многообразие потоков производимой информации не соответствует способности аудитории соотнести эти потоки между собой. В общем виде проблема избытка информации поставлена в работе Федорова А. В. «Информационная безопасность в мировом политическом процессе», в которой автор связывает кризис теории информационного общества с «преувеличением» значения количества производимой информации как критерия социального развития»³.

Альтернативная трактовка информации представлена в теории социального конструктивизма. В рамках данной теории устанавливается связь между способом конструирования информации и ценностными (моральными) предпочтениями СМИ. В свою очередь, способ взаимодействия СМИ и аудитории находится в зависимости от ценностей и традиций, которые

существуют в обществе. Однако в конструктивистской теории мало говорится о том, каким образом ценностные предпосылки конструируемой информации соотносятся с интерпретируемой реальностью. Встает вопрос о том, насколько вообще эта реальность необходима для создания информационного сообщения. Не замещает ли собой социальное конструирование те метафизические формы информации, которые критикуются представителями теории «отражения»?

Оригинальная трактовка проблемы метафизических конструкторов, обнаруживаемых в сфере социально-политических отношений, представлена в дискурсивной теории постструктуралистов. Как и в случае позитивизма, критика метафизики постструктуралистами объясняется угрозой того, что метафизическая форма в дискурсе вытеснит объективность настолько, что возвращение к этой объективности окажется не возможным. Однако определение объектов дискурса в постструктурализме принципиально отличается от позитивистского прочтения. Так, М. Фуко в своей работе «Археология знания», рассматривая объекты дискурса, указывает на их *неструктурированный* характер. Одним из примеров для него является совокупность не связанных статистических данных, которые на уровне дискурсивной практики формализуются и предстают перед исследователем в виде текста⁴.

Формализация объектов дискурса предполагает использование определенных мыслительных и языковых форм. В отличие от позитивистского понимания в постструктурализме отражение внешней действительности зависит от формы социально-политического взаимодействия. То есть форма дискурсивной практики задает значение и смысл объектов дискурса, что обеспечивает *взаимопонимание* между участниками социальных отношений. «Воссоздание социальной реальности является функцией любого дискурса объекта. Обычно это реализуется путем формирования коллективной идентичности. Эта функция дискурса объекта – формирование коллективной идентичности – является основополагающей, остальные функции могут быть реализованы только при условии апеллирования к ней как

к базовой»⁵. Как уже было замечено, область значений и объектов дискурса относятся к разным уровням структурированности. Объекты дискурса можно определить как референт по отношению к образуемым значениям дискурса. Парадокс постструктуралистской критики метафизики, заключающийся в неспособности критика выйти за пределы метафизических форм, *объясняется* спецификой дискурсивного мышления. Такое мышление всегда связано с необходимостью обращения к некоторой мыслительной форме, где суть последней – «различие» объективного и символического. Именно способ различения референта и его значения задает *конвенцию* на область дискурсивных значений. В этой связи, не удивительно, что введение категории различия имеет принципиальное значение для постструктуралистской теории, поскольку данная категория определяет форму дискурса.

Важный вклад в развитие методов анализа информационной сферы внесли исследователи политического медиа-дискурса. Учитывая опыт предшественников, представители данного направления поставили вопрос о возможной степени замещения уровня дискурсивных объектов формальным уровнем дискурса. В рамках системного подхода к анализу дискурса было установлено, что дискурсивная форма способна заменять собой область дискурсивных объектов. То есть форма социального взаимодействия может рассматриваться в качестве референта для дискурсивной практики. Эта ситуация была определена как «натурализация» дискурса. С одной стороны, натурализация дискурса СМИ может свидетельствовать о существовании конвенции во взаимодействии аудитории и СМИ. С другой стороны, возможна ситуация, когда конвенция присутствует исключительно на уровне СМИ. «Эта ситуация проявляется в том, что тексты означают не то же самое для производителей (информации), что и для аудитории»⁶.

В соответствии с предложенными способами рассмотрения информационной сферы, можно выделить основные варианты влияния СМИ на развитие социально-политического конфликта:

1) Высокая степень верификации дискурса

СМИ свидетельствует о том, что в информационной сфере объективно отражается развитие конфликта. Если же аудитория принимает форму взаимодействия со СМИ, то деятельность последних предоставляет возможность контроля за тем, как протекает конфликт.

2) Малая структурированность объектов дискурса СМИ свидетельствует о том, что освещение конфликта зависит от способа формализации дискурса. Поскольку объекты дискурса являются мало структурированными, то способ формализации дискурса СМИ коррелирует с тем, как нормы социального взаимодействия соотносятся с областью неструктурированных объектов. Так, например, развлекательный или новостной жанр СМИ по-разному соотносят свою аудиторию и ситуацию конфликта. При этом важно учитывать, что способы формализации могут варьироваться, в зависимости от выбора тех объектов дискурса, к которым обращаются СМИ. Поэтому освещение конфликта в этом случае содержит в себе предпосылки для возникновения конфликта в рамках информационной сферы.

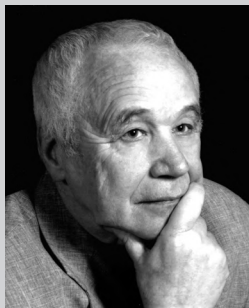
3) Натурализация дискурса СМИ свиде-

тельствует о том, что в способах освещения конфликта большее значение имеет форма, чем содержание. Аудитория в этом случае ориентирована не на количество предоставляемого фактического материала, а на качество взаимодействия со СМИ. Формат СМИ следует рассматривать как форму социального консенсуса. Деятельность СМИ не направлена на формирование определенного отношения аудитории к конфликту, а является отражением этого отношения. Исключением здесь оказывается ситуация, когда аудитория проявляет малый интерес к взаимодействию со СМИ.

1. Matheson D. Media Discourses. Analysing Media Texts. Open University, 2005. P. 4.
2. Fox, J., Fox R. The power-discourse relationship in a Croatian higher education setting. Education Policy Analysis Archives. <http://epaa.asu.edu/epaa/v10n5.html>
3. Федоров А. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М., 2006. С. 220.
4. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 416.
5. Михалева О. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки. <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state15/>
6. Talbot M. Media Discourse. Representation and Interaction. Edinburgh University Press, 2007. P. 7.

ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ: ИСКУШЕНИЕ ВОСТОКОМ

Б.В. Емельянов

Емельянов
Борис Владимирович

доктор философских
наук, профессор УрГУ,
академик МАДИ

«Человек есть тайна!» Один – маленькая тайна, другой – большая, третий – очень большая тайна. Жизнь и творчество Е.П. Блаватской – очень большая тайна. Над этой тайной бились современники, многие загадки ее фантастической жизни не раскрыты до сих пор. Даже для дотошных исследователей Блаватская остается

«сфинксом XIX столетия».

Меня в этой ее тайне волнует лишь одна ее сторона: как и почему эта удивительная женщина, не имевшая образования, вела научные споры (и выигрывала их!) с выдающимися учеными, а в своих книгах ставила и обосновывала проблемы, которые до сих пор не имеют решений.

Ответ я вижу таким. Семнадцатилетняя Елена фон Гран (такова ее девичья фамилия, а род восходил к Рюрику и князьям Долгоруким) вышла замуж за вице-губернатора Эриванской Губернии Блаватского, который был старше ее втрое. Желая остаться свободной, она сразу же покидает мужа и на несколько лет исчезает из поля зрения родных. Посещая Египет и Южную Америку (Мексика, Перу), Блаватская всякий раз интересовалась оккультными знаниями

народов этих стран. Они волновали ее, потому что уже в детстве она проявляла незаурядные способности, поражающие окружающих.

В Лондоне в 1851 г. Блаватская встретила со своим Учителем, который сказал ей, что со временем она создаст Теософское общество, «поведал ей о всех трудностях, которые ей придется преодолеть, и сказал, что до этого ей надо будет провести три года в Тибете, чтобы подготовиться к выполнению этого очень трудного дела» (Wachitmeister K.E. Reminiscences of H.P. Blavatsky and the Secret Doctrine. L., 1893.с.58). Чтобы верно оценить эту встречу и последующее «ученичество» Блаватской, необходимо пояснить, что вкладывается в понятия «Учитель» и «ученичество» на Востоке. Для европейцев, утративших всякое представление об эзотеризме, они весьма непривычны. На Востоке же в течение многих веков такие понятия существовали и продолжают существовать. Учитель – это адепт Божественной мудрости, обладающий сверхнормальными психическими способностями. Такие способности у многих людей находятся в скрытом состоянии, но со временем могут развиваться до полноты проявления, считают современные психологи. А если это так, то нелогично отрицать возможность достижения отдельными людьми более высоких ступеней психической и духовной эволюции.

Учителя сами находят себе учеников. Ученичество не предполагает сидения за партой и даже не всегда носит характер прямого общения. Часто это обмен письмами, ясновидящее психическое общение, возможность которого ученые так же не отрицают. Ученики никогда не говорят о своей принадлежности к школе и оккультному обучению. Причина этого одна: оккультная школа развивает в учениках высшие силы, которые ни в коем случае не должны стать достоянием недобрых людей.

С этой встречи цель для Блаватской была одна – уехать в Индию, а затем в Тибет. Впервые в Индию она уехала в 1852 г., но попасть в Тибет ей воспрепятствовал британский резидент

в Непале; во второй раз она посетила Индию в 1856 г., но и на этот раз Тибет остался для Блаватской недоступен. И только спустя восемь лет с 1864 по 1867 г., а затем и в 1869г. она жила в Тибете, получая от Учителя эзотерические знания, которых так добивалась. Блаватская прежде всего освоила язык священнослужителей Древней Индии санскар, что позволило ей прочитать древние книги. «Язык священнослужителей (санскар) многое передает особыми знаками, являющимися скорее идеограммами, чем слоговым письмом... Санскар, санскрит и другие оккультные языки заключают в каждом знаке свое число, цвет и особый звук, как в древнем еврейском языке», – пишет Блаватская в «Тайной доктрине». Затем она получила определенную «оккультную тренировку» и уже после этого, выполняя задание учителя, создала Теософское общество и приступила к

написанию своих известных книг. Первой большой книгой была двухтомная «Разоблаченная Изида» (1877), посвященная «истории и философии восточных школ и их взаимоотношению с современностью». Когда Блаватская ее писала, она по шесть месяцев не выходила из дома, работая по 17 часов в сутки. Ее

соратник полковник Ольсотт вспоминал: «Она сказала, что писала о предмете ею никогда не изучавшемся и приводила цитаты из книг, которые никогда не в жизни не читала; чтобы проверить ее, профессор Корсон нашел эти цитаты в классических трудах в университетской библиотеке и подтвердил их точность... Она создала своей книгой целую эпоху» (Olcott H.C. Old Diary leaves. vol.1. L., 1892. с.205).

Вполне естественно возник вопрос: откуда и как Блаватская получила информацию для написания этой книги. Есть немало свидетельств современников и самой Блаватской о том, что она чаще всего была лишь инструментом, проводившим знания и идеи своих учителей. Сама Блаватская писала: «Когда мне говорят писать, я повинуюсь, а затем могу легко писать почти обо всем – о метафизике, психологии, философии древних религий, зоологии, естес-

твенных науках и многом другом. Я никогда не задаюсь вопросом: «Могу я писать об этом?» или «Справлюсь ли я с этой задачей?» Я просто сажусь и пишу. Почему? Потому что тот, кто все знает, диктует мне...» С этим утверждением трудно согласиться, но и со счетов вряд ли можно сбрасывать. В любом случае загадка феномена Блаватской остается.

«Разоблаченная Изида» вызвала огромное количество положительных отзывов во всем мире, а ее автор была признана «феноменом» многими известными учеными, в том числе Л.Д. Дрэпером и А.Р. Уоллесом.

Затем были написаны известные книги «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на «Голубых Горах»», «Голос безмолвия», «Ключ к Теософии» и наконец двухтомная

«Тайная Доктрина».

Литературное наследство Блаватской огромно, в своем незавершенном виде оно насчитывает 14 полновесных томов религиозно-философских, теософских ее трудов, художественных произведений, путевых заметок, публицистики и писем. Труды Блаватской оказывали и оказывают заметное влияние на философскую мысль человечества, о чем говорят материалы Международного симпозиума 1984 г., посвященного ее «Тайной Доктрине». В любом случае именно Блаватская обратила внимание на философию, эзотерику и религиозную практику Востока. Она в полной мере отдала им дань, показав, что Восток был и остается кладом все еще до конца непроясненной мудрости человечества.

«Исторические письма» Петра Лаврова: современное прочтение

В.И. Мелехин

Мелехин

Валерий Иванович

Врач травматолог-ортопед МУ ЦГКБ №24
E-mail: val@melekhin.ru

Написанные 140 лет назад, «Исторические письма» П.Л. Лаврова относятся к тем знаковым произведениям, таким, как первое «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», которое концентрировано выразили поиски социального идеала и путей его достижения. Их автор Петр Лаврович Лавров (1823-1900) – публицист, философ, социолог, идеолог революционного народничества, к моменту написания «Исторических писем» уже зарекомендовал себя известным философом, автором статей «Гегелизм», «Практическая философия Гегеля», «Очерк теории личности». А его публичные лекции в петербургском Пассаже, призывающие критически осмыслить социальную обстановку и активно участвовать в ее оздоровлении, вызвали не

только значительный общественный резонанс, но и интерес к П.Л. Лаврову, – тогда полковнику, профессору Артиллерийской академии, – со стороны полиции, которая установила за ним постоянную слежку.

В полицейских доносах на Лаврова (См.: Красный архив, 1928. т.ГУ) зафиксированы все его антиправительственные «прегрешения». В одну из политических характеристик Лаврова записано: «Лавров хуже всех Чернышевских, Благосветовых, Елисеевых и проч. и явно подстрекал к беспорядкам студентов в 1861 году и к манифестации во время похорон барона Штейнгеля (декабриста) в минувшем 1862 г., а потому едва ли благонадежен» (Итенберг Б.С. Лавров в русском революционном движении. М. 1988. с. 59).

После покушения Каракозова на Александра II Лаврова арестовали и, продержав 9 месяцев в заключении, признали виновным в распространении «вредных» идей, сочувствии русскому революционному движению и его лидеру Н.Г. Чернышевскому, уволили из Артиллерийской академии и приговорили к ссылке.

На это решение жандармов откликнулся герценовский «Колокол». В статье «Каракозов

царь и публика» о Лаврове было написано: «Наш известный и даровитый ученый, философ и математик, полковник и профессор математики Лавров (не говоря о многих других еще более невинных) посажен за то только, что он либерален... Так то у нас губят мысль, талант, несмотря на их скудость!.. Николаевские времена восстанавливаются» (Володин А., Итенберг Б. Лавров М. 1981 с. 132). Ссылку, которую Лавров отбывал в начале в небольшой Тотьме, а затем в Кадникове Вологодской Губернии, он воспринимал как возможность полностью отдаться научной и публицистической деятельности. За три года (1867-1870) им было написано и опубликовано в различных периодических изданиях несколько работ. Однако главным его произведением этого периода стали «Исторические письма», которые Лавров под псевдонимом П. Миртов опубликовал в еженедельной газете «Неделя» (1868, №1-47 с перерывами, 1869, №6, 11, 14). В сентябре 1870 года в Питере они вышли отдельным изданием. П. Л. Лавров хорошо понимал, что общественная обстановка в России после отмены крепостного права, спада революционной напряженности и ареста Чернышевского изменилась. Необходимо было ее осмыслить и определиться с новыми задачами социального преобразования страны. «Исторические письма» в определенном смысле отвечали этим потребностям. Кроме того, они своеобразно подводили итог философским исканиям Лаврова 50-60-х гг., когда философ закладывал основу своим представлениям о человеке, обществе и государстве. В них, а затем и в «Исторических письмах» Лавров пошел иным, отличным от Чернышевского, путем, поскольку «исходит в понимании исторического процесса не из объективных перемен, совершающихся в обстоятельствах, не из данного стихийного хода дел, а из изменения самой человеческой деятельности как предпосылки преобразования действительности... Действительность выступает в его концепции как объект действия, результат приложения воли к историческим обстоятельствам. Он как бы «распредмечивает»

исторические события, показывая, что в каждом из них заключена воля отдельных людей, стремящихся достигнуть своих целей» (Пантин И.К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М. 1973. с. 199).

Поэтому главная категория его «Исторических писем» – личность, понимаемая, как носитель нравственного идеала, и как сила, способная изменить общественные формы бытия. Именно личность несет ответственность за исторический прогресс, который Лавров понимал двояко, как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощении в общественных формах истины и справедливости» (Лавров П.Л. Философия и социология. Т. 2 М. 1965. с. 54). А спустя несколько страниц разъясняет, как это происходит: «Семя прогресса, – есть идея, которая зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разрастается качественно в увеличении их числа, и становится общественной силой, когда эти личности сознают свое единомыслие и решаются на единодушное действие» (там же, с. 88). Само прогрессивное развитие обеспечивается «переработкой» критической мыслью «культуры» (под ней понимается инертный внешний мир) в «цивилизацию» (под ней понимаются общественные формы, отвечающие нравственным и интеллектуальным потребностям человека).

Учение Лаврова о потребностях явилось дальнейшей разработкой той стороны антропологического материализма, в который осуществлялась попытка связать ход общественного развития с материальными нуждами людей, как следствие с причиной. Все потребности он делит на основные и временные. Основные потребности «в значительной мере унаследованы от зоологических предков» (там же, с. 103) и, в этом плане, в какой-то степени составляют «натуралистический элемент в жизни общества» (там же, с. 104). Временные потребности возникают на базе основных в процессе исторической жизни, их конечная цель сводится

к удовлетворению основных потребностей, которые распадаются на две группы: Первая – это потребность общежития, полового сближения, родительской привязанности, нервного возбуждения. Последняя эволюционировала в потребность развития, в высшую истинно человеческую форму – совершение сознательной творческой деятельности и стремления осуществить результаты научного познания в жизнь.

Механизм исторической деятельности личности мыслится Лавровым как целесообразный процесс осуществления человеком определенных общественных идеалов.

Понятие цели и идеалов является одним из центральных в мировоззрении русского философа. Человек «подобно всем животным... отвечает действием на впечатления, им получаемые» (там же, с. 391). Действия могут быть осознанными и неосознанными, которые Лавров называет поступками. «Всякий поступок предполагает более или менее ясно сознannую цель и более или менее рассчитано избранные для ее достижения средства» (там же). В целесообразной деятельности личность воплощает свое желание, свои понятия в мир реального бытия. Она ставит себе цель, и эта внешняя реальная цель делается действительным побуждением личности, то есть субъективный мир личности должен реализоваться в действительность. Но человек определяет свою деятельность соответственно своему внутреннему миру, он испытывает воздействие внешней среды, которая определяет возможности этой деятельности. Поэтому постановка цели – всегда переход реального бытия в сознательную действительность, то есть в мир сознания человека. Цель, таким образом, выступает как единство субъективного и объективного.

Цель в своем отношении к идеалу выступает его вторым смыслом. Благодаря фантазии в процессе творчества личность создает вне своего действительного Я другое, идеальное Я, которое остается относительно постоянным при беспрестанном изменении желаний и душевных состояний личности. Это идеальное Я – личное достоинство личности. В идеале – цели рождается «нравственный идеал и сама нравственность» (там же, с. 378), другими словами, рождается личность – интеллигент. Резюмируя,

Лавров заявляет, что пока в обществе нет потребности развития, оно живет не исторической жизнью. Только «потребность лучшего, влечение к расширению знания, к постановке себе высшей цели, потребность изменить все данное извне сообразно своему желанию, своему пониманию, своему нравственному идеалу, влечение перестроить мыслимый мир по требованиям истины, реальный – по требованию справедливости» (там же, с. 40) создают историческую жизнь общества. А носителем потребности развития и той группы, которая способна наслаждаться развитием, является интеллигенция. По мысли Лаврова, интеллигенция выступает двигателем сознательных изменений культуры в противоположность непреднамеренным ее изменениям.

Радикальную часть интеллигенции составляют критически мыслящие, способные и желающие действовать в интересах народа личности. Их пока меньшинство, им трудно проявить себя в обществе, в котором отсутствуют демократические свободы. Но за ними будущее: «Перед общественными формами личность действительно бессильна, однако борьба ее против них безумна лишь тогда, когда она сделаться не может. Но история доказывает, что это возможно, и что даже это естественный путь, которым осуществляется прогресс в истории. Итак, нам приходится поставить и решить вопрос: как обращались слабые личности в общественную силу?» (там же, с. 119). Отвечая на этот вопрос, Лавров определяет три ступени такого превращения. На первой ступени в борьбу за социальный прогресс вступают отдельные критически мыслящие личности. Они осознают царящее вокруг них зло, и начинают борьбу с ним. На втором этапе число энергичных, фанатично преданных делу свободы личности, растет. Их подвиг самопожертвования вдохновляет толпу, «их легенда воодушевляет тысячи той энергией, которая нужна для борьбы» (там же, с. 121). Основным условием, при котором личность становится движущей силой прогресса, является ее связь с массами, через партию, способную бороться за прогресс, за осуществление идеалов справедливого общества. На третьей ступени партия сплачивает усилия отдельных критически мыслящих личностей,

вырабатывает стратегию и тактику борьбы за светлое будущее. «Историческая роль... личности, вошедшей в состав партии, определяется той степенью понимания задач общественной связи вообще, и потребностями этой эпохи в частности, и той энергией целесообразной деятельности, которую проявляет партия борцов за будущее как коллективное целое» (там же, с. 419-420). Партия не может стать направляющей силой исторического прогресса, если она будет оторвана от масс. Лавров был твердо убежден, что идеи способны двигать человечество лишь тогда, когда они сделаются обыденным явлением для значительной части общества. Отсюда глубокое убеждение Лаврова, которое стало аксиомой для большинства народников 70-80-х гг., что революция может быть совершена только «посредством народа» (революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. I. М. 1964. с. 22). А поскольку основная масса русского народа – малообразованное крестьянство, основная задача интеллигенции, особенно ее молодежной части, состоит в том, чтобы понять потребности народа, и помочь ему осознать свою силу, и вместе с ним приступить к революционным преобразованиям.

В 1881 г., уже находясь в эмиграции, Лавров дополнил «Исторические письма» еще одним, шестнадцатым, письмом «Теория и практика прогресса», в котором, повторив основные идеи книги, уточнил их и скорректировал применительно к социальной обстановке России 80-х гг. Эта корректировка коснулась, прежде всего, понятия «прогресс», который в новой редакции он понимает как «рост общественного сознания, насколько оно ведет к усилению и расширению общественной солидарности» (там же, с. 274). А знакомство Лаврова с Марксом и Энгельсом и их теорией научного коммунизма позволила ему учесть в понятии прогресса «роль экономических сил в жизни человека», поскольку «без ясного понимания экономического процесса производства, обмена, и распределения богатств, историк никогда не может сделаться историком народных масс, которые преимущественно подчинены условиям экономического обеспечения» (там же, с. 266).

«Исторические письма» Лаврова как никакой документ эпохи выполнили свою пропаган-

дистскую и организаторскую роль. И понятно, почему. «Надежды «шестидесятников» на народное восстание после отмены крепостного права не оправдались; «теория реализма» Д. И. Писарева с ее культом естествознания не обещала скорых результатов; заговорщическая деятельность «Народной расправы» С.Г. Нечаева была использована правительством для дискредитации „нигилистов“. Поэтому в обстановке конца 1860 - начала 1870 гг. «Исторические письма» стали отчасти неожиданно для самого Лаврова, «Евангелием» социалистически-революционной молодежи», одним из идейных побудителей ее практической деятельности (Свалов А.Н. Лавров // Общественная мысль России XVIII-начала XX вв: энциклопедия. М. 2005. с.246).

В мемуарной литературе и многочисленных рецензиях осталось немало восторженных оценок «Исторических писем». Приведем лишь два свидетельства. Известный историк революционного народничества Н.С. Рusanов вспоминал: «Ах, надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное «Историческими письмами»! Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчики, не расставались с небольшой, истрепанной, нечитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватывавшего нас безмерною жаждой жить для благородных идей и умереть за них» (Рusanов Н.С. П.Л. Лавров (Очерк его жизни и деятельности // Былое. 1907. №2. с.261)). Другой «семидесятник» О.В. Аптекман свидетельствовал: «Книга «Исторические письма» - вознесла меня на вершины социально-этического мышления: я должен, я обязан выработать из себя критически мыслящую личность, прогресс творящую, то есть «воплотить идеалы истины и справедливости в человеческие отношения» (Лавров). Я читал, перечитывал многократно эту книжечку» (Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пг. 1924. с.58-59).

Уникальность таких произведений, как «Исторические письма» Лаврова состоит еще и в том, что они адресованы не только современни-

кам, но и потомкам. Их автор считает, что история не кончается: «Она совершается около нас и будет совершаться поколениями, растущими и еще не родившимися. Настоящее нельзя оторвать от минувшего, но и минувшее потеряло бы всякое живое и реальное значение, если бы оно не было неразрывно связано с настоящим, если бы один великий процесс не охватывал историю в ее целом. Умерли деятели минувшего. Изменилась культура общества. Новые конкретные вопросы стали на место прежних. Девизы минувшего изменили смысл и значение. Но общечеловеческая роль личностей в настоящем осталась та же, что была за тысячи лет. Под пестрыми формами культуры, в сложных вопросах нового времени, под разнообразными девизами побежденных и победителей скрыты все те же задачи. Вне истины и справедливости прогресса никогда не существовало. Без личной критики не добыта ни одна истина. Без личной энергии не осуществилось ничто справедливое. Без веры в свое знамя и без умения бороться с противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партия. Формы культуры тре-

буют для своего развития работы мысли, как и в минувшие тысячелетия. Великие девизы точно также мало застрахованы от опасности потерять или изменить свой смысл. Общественные требования для возможного прогресса не изменились. Требования уплаты за прогресс не могут быть игнорированы развитой личностью. Все это существовало для наших предков, будет существовать для наших потомков и существует для нас. Разница лишь та, что мы можем лучше понять это, чем понимали предки, и что наши потомки, вероятно, еще лучше нас поймут это.

Поэтому предыдущие исторические письма, заключая в себе попытки решить задачи, существовавшие и долженствующие существовать во всякую историческую эпоху, заключают и попытку уяснить задачи современности» (Лавров П.Л. *Философия и социология*, т.2 М. 1965 с.294). Из этого большого отрывка из «Исторических писем» нельзя убрать ни строчки. Остается еще раз прочитать их, удивляясь, сколь актуальны многие их идеи и сегодня, 140 лет спустя.

АНТОН МАКАРЕНКО: НЕИЗВЕСТНЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНОМУ ПОРТРЕТУ

Г.А. Гасимова

Гасимова
Галина Александровна

кандидат философских наук,
директор школы
г. Нижневартовск

один из ста педагогов всех времен и народов (ЮНЕСКО, 1994).

3. Еще в ГДР был создан существующий до сих пор Научный центр, изучающий и публикующий наследие Макаренко

1. Современного научного собрания сочинений А.С. Макаренко нет, как нет и современной его биографии.

2. Сегодняшний разброс мнений о Макаренко диаметрально противоположен от: Макаренко – «педагог ГУЛАГа» (Труд, 1992) до – он

Что общеизвестно из старых, еще советских биографий Антона Семеновича Макаренко? До того, как он возглавил колонию несовершеннолетних правонарушителей вблизи Полтавы, получившей имя А.М. Горького, Макаренко окончил Кременчугское городское училище и педагогические курсы при нем (1905 г.), а в 1917 г. он окончил Полтавский учительский институт. Эта колония, открытая в 1926 г. стала для Макаренко своеобразной опытно-показательной площадкой для осуществления своих

педагогических новаций, о чем он подробно написал в «Педагогической поэме». Второй такой педагогической мастерской для Макаренко стала колония имени Дзержинского которой он руководил вплоть до 1935 г. и деятельность которой описал в своих художественных произведениях «Марш тридцатых годов», «Флаги на башнях» и других. Покинув колонию, он переехал в Москву и занялся литературным трудом. Скончался он в электричке недалеко от Москвы 1 апреля 1939 года. Таковы хрестоматийно известные вехи жизни А.С. Макаренко.

Также хрестоматийно в книгах о его творчестве определяется вклад Макаренко в теорию и практику педагогической деятельности:

1. Цель воспитания определяется закономерностями общественного развития, а именно – «борьбой советского народа за коммунизм».

2. Педагогика должна «проектировать лучшее в человеке».

3. Никакая педагогическая система не может быть установлена раз и навсегда.

4. Воспитывать нужно в коллективе и через коллектив при условии «как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему».

5. Обучение и воспитание должны соединяться с производительным трудом, как средством формирования и развития личности.

6. Правильно воспитывать легче, чем перевоспитывать.

Большинство этих педагогических идеи Макаренко нашли отражение в его художественно-теоретическом труде «Книга для родителей».

В конечном итоге педагогическая деятельность и художественное творчество Макаренко было признано воплощением «всепоглощающих идей марксизма-ленинизма», за что он был в 1939 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За благостью этих фактов скрывается много странного, не вошедшего в официальную биографию Макаренко, а именно – поздняя попытка вступить в ряды ВКП(б), осуждение его педагогической системы как «не советской», жесточайшая критика этих педагогических

новаций, граничащая с политическими доносами. Каких еще фактов нет в официальных биографиях А.С. Макаренко?:

1. Попытка найти хоть какие-то доказательства того, что молодой Макаренко симпатизировал большевикам, до сих пор безуспешна.

2. Его брат был белогвардейским (!) офицером-эмигрантом. В своих воспоминаниях он пишет, что Антон Семенович в 1906-1907 гг. был кандидатом в члены партии эсеров.

3. Известно, что Макаренко был избран как беспартийный в Полтавский Горсовет в конце 1920 г. Но мало где упоминается, что в начале 20-х годов Полтава считалась оплотом меньшевиков.

4. В центральной газете ВКП(б) Украины «Коммунист» в сентябре 1925 г. отмечалось, что в колонии среди преподавателей и администрации коммунисты и комсомольцы отсутствуют. В 1923 г. Макаренко считал, что в сознании комсомольских и партийных ячеек в колонии «надобности не встречается». Руководя обоими колониями, он сопротивлялся их «политизации» и «партизации», что, естественно, не нравилось партийным органам. В итоге Макаренко пришлось уехать в Москву в поисках новой

работы.

5. Еще малоизвестный факт: В феврале 1923 г. Харьковский суд осудил «эмигранта» Горького в антисемитизме, а Макаренко временно отказался назвать свою колонию именем Горького. А чтобы получить для колонии финансирование, поменял «русское» гражданство на украинское и всю документацию колонии стал оформлять на «украинской мове».

6. Хорошо понимая, что постоянное сопротивление политизации колонии может и ему, и колонии дорого обойтись в 1930 г. Макаренко предпринял неудачную попытку вступить в ряды партии. А в 1933 г. его жену исключили из партии «за неучастие в партжизни».

7. В феврале 1939 г. уже после получения ордена Макаренко предпринимает новую попытку получить партбилет. В парторганизации московских писателей сильно удивились, что он все еще беспартийный. Но смерть прервала

и эту попытку.

8. После публикации очерка Н.Ф. Остроменецкий, в котором резко и несправедливо критиковались порядки в колонии, которой руководил Макаренко, Н.К. Крупская 8 мая 1928 г. на VIII съезде ВЛКСМ выступила против «побоев» колонистов, которые якобы практикуются в колонии им. А.М. Горького.

9. В биографиях Макаренко почти нет свидетельств о его интересах к философии. Однако

такая информация есть. Например, в 1992 г. были опубликованы тезисы большого доклада Макаренко «Гегель и Фейербах».

Такие факты могут быть продолжены. Часть из них стала известна не в России, а в Германии в 25-ти выпусках марбургской «Opuscula Makarenkiana». Остается дожидаться, когда они станут широко известны в России всем интересующимся творчеством Антона Семеновича Макаренко.

Л.Н. ГУМИЛЕВ: ДИСКУРС ЭТНОСА

С.Г. Банных

**Банных
Станислав Германович**

кандидат философских наук, доцент, подполковник внутренней службы, начальник кафедры Гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ури ГПС МЧС России

Выдающийся русский учёный, испытавший все тяготы советского тоталитарного режима Лев Николаевич Гумилев (1912 – 1992) прославил своё имя теорией этногенеза. Главная особенность идей и трудов ученого в том, что они создавались на стыке, на границах многих наук – истории, археологии, биологии, географии и этнографии. Ученый использовал инструментарий научного поиска одних наук в анализе проблем других. Это приводило к настоящим открытиям. Гумилев неоднократно описывал пути и этапы научного поиска, которые привели его к открытию этногенеза, те методы и приемы, которые он использовал. В частности, в предисловии к книге «Древняя Русь и Великая степь», которое он назвал «оправдание книги», он констатировал: «Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лауну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком). Задача оказалась сверхсложной; ее нельзя было решить без помощи географии, потому что границы регионов за исторический период неоднократно передвига-

лись, этническое наполнение Великой степи и сопредельных с нею стран часто менялось как вследствие процессов этногенеза, так и из-за постоянных миграций этносов и вытеснения одних мировоззрений другими. Не оставалась стабильной и физико-географическая обстановка. На месте лесов возникали степи и пустыни как из-за климатических колебаний, так и из-за хищнического воздействия человека на природную среду. Вследствие этого людям приходилось менять системы хозяйственной деятельности, что в свою очередь влияло на характер социальных взаимоотношений и культур. Да и культурные связи привносили в мироощущение населения Евразийского континента разнообразие, в каждую эпоху – специфическое» (Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 3).

Гумилев понимал, что все эти компоненты тесно связаны и нельзя в анализе упустить ни одну из них. Более того, нужно для полноты картины включить хронологические, генеалогические, социологические и другие составляющие. И еще один прием применил ученый. Он разбил свое исследование на три этапа. На первом этапе – эмпирическом – в десятках статей написанных в традициях исторических исследований, он искал ответы на вопросы «Что и кто?». Но втором этапе для обобщений и поиска ответа на вопросы «Как, почему и что к чему?» Гумилеву пришлось провести пять значительных широкопанорамных исследований: «Хунну», «Хунны в Китае», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства» и «Открытие Хазарии». Написанные популярно, они завоевали огромную читательскую аудиторию.

Наконец, на третьем этапе потребовалось уже сугубо теоретическое обобщение, чтобы найти ответы на вопрос, где «начала и концы?», то есть границы историко-географического феномена. Это и было подготовительной базой создания теории этногенеза, позволившей обосновать связь и закономерность процессов в биосфере и социосфере. Этногенез и этнология, изучающая рождение, становление и угасание народов (этносов), стали настоящим научным открытием Л.Н. Гумилева.

Ключевое понятие своей теории – «этнос» Л.Н. Гумилев определял неоднократно, изменяя и дополняя его. Неизменным при этом оставалось утверждение, что этнос – это объективное явление природы, коллективная группа вида *Homo sapiens*. Особо он подчеркивал, что «этнос – не биологическая категория, хотя все люди – составляющие этнос – организмы».

Этнос – биосоциальное образование. Этноты слагаются естественно на основе оригинального стереотипа поведения коллектива людей. Они – своеобразная энергетическая система или структура, по-разному реагирующая на другие подобные коллективы. Стереотип поведения – важная характеристика этноса, который определяет «навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими» (Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 11).

Итоговым можно считать следующее определение этноса Гумилевым: «Этнос – коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особью: «Мы – такие-то, а все прочие – другие» (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 95). Позже он дал еще одно определение, в которое опять-таки включил противостояние «мы – они»: этнос – это «природные коллективы людей с общим стереотипом

поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам («не мы»)» (Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994. С. 60).

Этнос – динамические структурные образования, которые могут иметь следующую иерархическую соподчиненность субэтнических групп: суперэтнос, этнос, субэтнос, консорции и конвексии. Их различие в следующем:

Суперэтнос – это этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно. Это, например, «христианский мир» романо-германской Европы XVI в. или современный Китай.

Субэтнос – это этнографические группы, сословия, конфессиональные общины старообрядцев, консорции путешественников-землепроходцев.

Консорции – это небольшие группы людей, объединенные общей исторической судьбой, целью. Это кружки, секты, артели, банды.

Конвексии – это консорции длительного (на протяжении нескольких поколений) существования, имеющие однохарактерный быт семейные отношения.

Л.Н. Гумилев считает, что существует три вида энергии, питающие биосферу Земли: энергия Солнца (солярная), энергия радиораспада внутри Земли и космическая энергия. По его мнению только последняя влияет на поведение людей, как часть биосферы: «Мы живем не оторванными от всего мира, а внутри огромной галактики, которая тоже воздействует на нас как и все другие факторы, определяющие развитие биосферы» (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 24).

Этноты возникают, живут и умирают. Срок их жизни, как правило, 1200-1500 лет. Их рождение происходит на границах ландшафтных регионов, в зонах интенсивных этнических контактов. По Гумилеву имеется восемь универсальных признаков рождения этноса:

1. Появление сверхактивных людей (пассионариев) в статистически значимых количествах в ареале этногенеза.

2. Смена этнического стереотипа поведения в ареале.

3. Территориальное расширение вновь рожденного этноса, его миграционная активность.

4. Демографический взрыв в ареале этногенеза.

5. Жесткая регламентация поведения членов вновь рожденного этноса, контроль брачных отношений, охрана кормящего ландшафта.

6. Повышенная активность во всех сферах жизнедеятельности: политической, военной, административной, религиозной, культурной.

7. Рост числа субэтносов, внутриэтническое деление стереотипа поведения с появлением его субэтнических вариантов.

8. Одновременность и пространственная непрерывность отмеченных признаков по всей полосе зоны этногенеза у этносов-ровесников.

Как видим, новый этнос возникает в результате появления в популяции своеобразного толчка, мутации, отдельного пассионария, то есть энергичного, инициативного, волевого человека, придающего этносу новый импульс поведения. Когда появляются его сподвижники, растет мера пассионарности, ее «напряжение». От начала этногенеза до пассионарного толчка проходит около 150 лет. «Формирование нового этноса всегда связано с наличием у некоторых индивидов необратимого внутреннего стремления к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни» (Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 2. С. 47).

Но одной из встреч в редакции журнала «Литературная учеба», размышляя о пассионариях, говорил: «И не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой, который я бы назвал уровнем пассионарного напряжения. И без пассионариев невозможны не только войны, но и поддержка хозяйства, развитие науки, ремесел – всего того, где необходимы жертвенность и творчество, умение найти выход из безвыходной ситуации, способность на сверхнапряжения.

Образы пассионариев могут быть самыми разными – это и Наполеон, и Александр Маке-

донский, и Люций Корнелий Сулла, и Ян Гус, Жанна д'Арк, протопоп Аввакум, и Гоголь, и Достоевский» («Славянские ль ручьи сольются в русском море?». Петербургские встречи // Литературная учеба. 1990. № 6. С. 78).

Динамика этногенеза, связанная с пассионарным напряжением, различна. Существуют определенные его состояния, фазы. Затем идет фаза подъема, сопровождающаяся быстрым увеличением пассионарных особей в результате их размножения, либо инкорпорации. За ней следует *акматическая фаза*, характеризующаяся максимальным числом пассионариев и наивысшим пассионарным напряжением. Эта фаза кратковременна. Внешне спад напряженности идет медленно. Наступает период «золотой посредственности». Меняется этническая система и наступает *фаза надлома*, когда число пассионариев уменьшается, когда система распадается на несколько частей, появляются руководители, не понимающие, что система приходит в упадок. Следующая *инерционная фаза*, названная Гумилевым «золотой», так как в этой люди пожинают плоды своей деятельности, обозначается всплеск культуры, мыслительного потенциала, но пассионарность медленно убывает. Чаше всего эта фаза носит название «цивилизация».

Последняя – *фаза обскурации*, когда пассионарии почти полностью заменяются субпассионариями, которые подвергают сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи; появляется коррупция, падает дисциплина, расцветает невежество. Этнос ослабевает и гибнет.

Иногда после фазы обскурации появляется возможность *регенерации*, то есть частичного восстановления этнической структуры. Она, как правило, кратковременна и полностью структуру этноса не восстанавливает. В этот период некоторое время существует *фаза* названная Гумилевым *мемориальной*, когда люди живут воспоминаниями о былом величии. И, наконец, наступает окончательное вырождение этноса.

Л.Н. Гумилев на большом количестве примеров мировой истории обосновывал правильность этих фаз этногенеза различных этносов Европы и Азии. «Наконец-то можно будет построить историю Евразии, - писал он в одном из писем теоретику евразийства П. Савицкому, – с такой же полнотой, какая есть в истории

Европы и Ближнего Востока. Тогда сама идея европоцентризма будет скомпрометирована, ибо она основывалась на том, что об Азии и Сибири знали мало, а неизвестное считали несущественным» (Цит. по: Лавров С. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 200. С. 162). Теория этногенеза позволила Гумилеву по-новому взглянуть и на историю русского народа, подтвердить многие идеи евразийцев. В своих монографиях и статьях ученый неоднократно воспроизводил эту историю. Один из самых кратких вариантов он озвучил в редакции «Литературной учебы» в 1990 г.:

«Когда родился Господь наш Иисус Христос – это было время пассионарного толчка, задевшего широкую полосу земли от Южной Швеции до Абиссинии. Это было в IV году нашей эры, и, естественно, эпоха подъема была до V – VI веков. Ровесниками этого пассионарного толчка были готы и славяне, в частности, и другие народы Великого переселения, которые ушли на Запад. Затем был период, примерно соответствующий половому созреванию, период расширения и агрессии, когда славяне, жившие в верховьях Вислы, распространились до Балтийского моря, захватили весь Балканский полуостров, берега Адриатики и даже на Малую Азию продвинулись и на восток до Днепра. Но наступил период надлома, когда восточные славяне, а мы говорим сейчас о них, оказались в очень тяжелом положении. С севера на них нападали скандинавы, тоже молодой этнос, с востока – хазары. От хазар удалось освободиться при великой княгине Ольге, заключившей союз с Византией.

И это наступил уже инерционный период развития – X век, тысяча лет прошла. И тут некоторое время при Ярославе Мудром, при Владимире Мономахе и его сыне Мстиславе Великом славянские племена вдоль Днепра, по обе стороны его, были объединены в единую Киевскую державу, которая затем распалась на составные части. И произошло это не по каким-то мистическим причинам, никто на нее не нападал, она распалась от собственной старости, как и ее сверстники Византия и Аксум. Пассионарное напряжение, то напряжение, которое создает государства, «оттянулось», как всегда бывает, в столицу, в Киев. В остальных княжес-

твах: в Ростове, Суздале, пассионариев осталось гораздо меньше, но достаточно для того, чтобы не подчиняться Киеву. Смоленск отделился, Новгород, Галич, Чернигов, конечно, Рязань, Муром – все разделились на отдельные княжества и потеряли, во-первых, силу сопротивления, во-вторых, все взаимодействие расстроилось. В общем, когда нет энергии, то никакая машина не работает, в том числе и государственная. А энергия уже рассосалась, рассеялась, и Русская земля оказалась в совершенно безвыходном положении. При таком богатстве, при прекрасно налаженной экономике, очень хороших ремеслах, великом искусстве, довольно приличной грамотности, а вот на сверхнапряжение силы у них не хватало.

И вдруг, на наше счастье или несчастье – сказать трудно, – произошел новый толчок, который прошел от Пскова, мимо Вильны, но немножко восточнее, затем вышел в Дикое поле, в степи, прошел через Турцию и затем до Эфиопии по Ливийской пустыне. Сразу появилось большое количество пассионариев, людей с очень большой энергией. И опять-таки тут, на наше счастье или несчастье, двинулся через нашу землю Батый. Пробыл он очень недолго, всего одну зиму, разрушил всего 14 городов, как пишут в Ипатьевской летописи, потому что каждой движущейся армии нужны продукты, и называется это контрибуция, а не грабеж. Затем татары ушли. И наоборот, папа Иннокентий IV объявил крестовый поход, в число жертв, намеченных крестоносцами, попали и православные русские. Но князь Александр Невский заключил союз с ордынцами и тем самым остановил крестоносный натиск. Договор Александра с ханами Бату и Берке был, по сути дела, военно-политическим союзом, а «дань» – вносилась в общую казну на содержание армии. Покорения не было, так как не было оставлено гарнизонов, была договоренность. Навязанная нам школьными учебниками концепция ига надуманна и не выдерживает серьезной научной критики. Белая Русь, Галиция, Волынь, Киев и Чернигов отказались от союза с Ордой и стали жертвой Литвы и Польши. Ханы Тохта, Узбек, Джанибек и даже Тохтамыш давали ярлыки на великое княжение московским, тверским, суздальским князьям, но не трон московского

князя, а престол Митрополита связывал Поволжье и русский улус. Да и князья городов подчинялись Митрополитам Петру, Феогносту, Алексию и игумену Троицкой Лавры – Сергию. А в Орде русские интересы представляли епископ Сарский и Подонский. Новообращенные в ислам кочевники уважали православие не меньше ислама; фанатизм наблюдался только у камских булгар, наименее надежных подданных Орды. И надо сказать, что наиболее ценным было отсутствие как у монголов, так и у русских, того проклятия, которое именуется расизмом. Никто не считал антропологические черты знаком высшего или низшего состояния – в природе нет лучшего или худшего – есть разница. И принцип качества евразийским народам был известен лишь в аспекте интеллектуально-психологическом. Были люди умные и глупые, храбрые и трусливые, честные и обманщики, а такие различия с расизмом не связаны. И не «горение», вызывающее фанатизм, а религиозная терпимость помогла достичь интеграции

Евразии, где просто столица была перенесена из Сарая в Москву (ведь Москва до 1480 года входила в состав Золотой Орды), что уберегло от переноса столицы в Вильну, к чему настойчиво стремились великие князья литовские Ольгред и Витовт. В XIX веке самая пассионарная часть русских воинов полегла в войнах с Наполеоном, истребление евразийских традиций продолжилось под лозунгом русификации. С местными традиционными и оригинальными обычаями была проделана та же нивелляция, что и с православием. Зато появились европейские философско-социальные концепции, они-то и забурлили в духовном вакууме. Никогда русским боярам и атаманам землепроходцев не приходило в голову духовно угнетать этносы с самостоятельными культурами». (Литературная учеба. 1990. № 6. С. 73-76).

Эта евразийская трактовка отечественной истории – своеобразный итог научных изысканий Л.Н. Гумилева в области этногенеза.

НЕМЕЦКИЕ ШТУДИИ ПРОФЕССОРА П.И. НОВГОРОДЦЕВА

А.А. Лицук

Лицук
Андрей Александрович

кандидат философских наук,
доцент Нижневартковского
государственного
гуманитарного университета
г. Нижневартовск

Время формирования и развития философско-правовой концепции выдающегося русского философа, правоведа, историка и политика Павла Ивановича Новгородцева (1866-1924 гг.) совпало с периодом глубинных изменений, происходивших в российском обществе на рубеже XIX-XX веков. Это определило стремление мыслителя сосредоточить свое внимание на вопросах о метафизических основаниях права и морали, форм взаимосвязи и взаимопроникновения этических и юридических норм в духовной культуре, анализу особенностей реализации

в социальной жизни абсолютной этической ценности. В своих работах Новгородцев стремился защитить идею правового и социального государства, показать возможности правового общества.

Новгородцев изучал проблему взаимоотношения личности с обществом и государством прежде всего в нравственно-правовом контексте, что позволяет рассматривать его многогранное творчество, как продолжение традиции, заложенной еще в трудах Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева. Кроме наследия этих русских мыслителей, своеобразной идейной и теоретико-методологической платформой для Новгородцева стали системы И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля, в которых русский ученый обнаруживает обоснование нового философского учения – нравственного идеализма или «этического нормативизма», онтологические, гносеологические и, особенно, этические основы которого он разрабатывает в своих работах. Новгородцев

воспринял и развил кантовскую идею о делении духовной жизни человека на две независимые и самодовлеющие сферы – область опытного знания и сферу постулатов, императивов. Особое внимание при этом он уделял проблеме «необходимости» и «свободы» и тому, как она решалась в философии немецких мыслителей.

Создавая свою оригинальную естественно-правовую теорию, русский ученый стремился развить и дополнить системы Канта и Гегеля, устранив их односторонность. Так, Новгородцев отмечал, что для Канта было важным определить отвлеченный закон нравственной жизни, однако такой формализм кантовской этики не позволял воплотить ее в реальную жизнь. В тоже время основная задача гегелевской философии состояла в том, чтобы показать, как этот закон осуществлялся в жизни, при помощи каких средств и сил.

Следуя Канту, Новгородцев считает, что разумное начало в личности есть *автономное нравственное начало*. Разум является единственным источником идеи должного, морального закона, который представляет собой факт чистого сознания. Данный закон безусловно достоверен сам по себе и независим от исторической необходимости. Когда же нравственная идея прилагается к сфере социальных отношений, она приобретает форму естественного права, то есть форму неизменной идеальной нормы с меняющимся содержанием. В этом случае естественное право получает значение собственно философского мировоззрения, с позиций которого рассматривается возможность синтеза личного и общественного. Иначе говоря, основа естественного права, по Новгородцеву – это моральная идея личности; личности самодостаточной и самоценной.

Выводя, как и Кант, естественное право из разума и нравственности, Новгородцев выступает как рационалист. В то же время русский мыслитель понимает, что абсолютный рационализм без какого-либо эмпирического наполнения не может адекватно отразить положение вещей, что определяет необходимость его соединения с историзмом. В этой связи он пишет: «Если ра-

ционализм отрицает всё историческое, не находя в нём соответствия со своими принципами, то этим самым он обнаруживает внутреннее бессилие и бессодержательность этих принципов»¹. Сама история, по Новгородцеву, представляя собой деятельность отдельных личностей, имеет некие общие разумные основания, что позволяет говорить о связи рационализма и исторической действительности. Однако при этом мыслитель отдает несомненный приоритет рационализму, который, по его мнению, автономен. Он убежден, что именно рациональное спасает человека от положения его в истории как пассивного наблюдателя, в то время как односторонний историзм, гиперболизируя роль исторической необходимости, обрекает историю на фатальность, а саму личность на положение марионетки. Однако подобная роль не может быть отведена человеку, поскольку

ему неизменно присуще обладание нравственным чувством². Следуя такой логике рассуждений, Новгородцев приходит к обоснованию двух тезисов: 1) рациональное преобладает над историческим; 2) разумное (рациональное) начало личности совпадает с его нравственным началом.

Таким образом, естественное право русский философ истолковывал не в контексте исторической эволюции, а в качестве вечно неотъемлемого права человеческой личности, имеющего нравственную природу и характер абсолютной ценности. В природе есть нечто, утверждал он, что «существует не со вчерашнего дня. Это – не туманная социальная динамика, относительно которой еще неизвестно, есть ли она или нет; это – вечные основы морального сознания, и прежде всего принцип личности и ее безусловного значения, принципы равенства и свободы, справедливости и любви»³. Новгородцев провозглашал абсолютность нравственного сознания, неперменным принципом которого является невозможность объяснить с точки зрения исторической и социологической причинности необходимость идеи долга и требование возвыситься над несовершенной реальностью, критически оценить повседневность. Нравственное сознание,

подчеркивал он, не строит идеального мира. Оно выступает за то, что жизнь определяется вдохновением Добра, и если этого нет, она подлежит осуждению. Новгородцев доказывал в своих работах, что именно нравственное сознание является исходным фактом, источником происхождения всех остальных понятий. Понятие свободы также представляет собой не основу нравственности, а ее следствие.

Действительно, Новгородцев в своем учении во многом следует за Кантом, однако назвать его правоверным кантианцем нельзя. Здесь можно увидеть скорее несомненную близость взглядов, чем их полное совпадение. Стремясь понять Канта, а «понимать Канта – это значит идти далее него»⁴, русский философ предлагает свое понимание основополагающей для нравственной философии категории категорического императива. Так, Новгородцев в работе «Нравственная проблема в философии Канта» указывает: «Нравственный закон, который мы сознаем в себе, должен существовать во внешнем мире»⁵. Это означает, что следование требованиям категорического императива, не есть только внутреннее дело (состояние) личности, но нечто большее, несводимое к личности и от нее независимое. Для Новгородцева нравственный закон должен иметь основание в обществе, в то время как сам Кант вовсе не ставит этой проблемы. Философская позиция кенигсбергского мыслителя в этом смысле предельно формальна и индивидуалистична, в чем и проявляется, по мнению Новгородцева, ограниченность его взглядов.

В этой связи важным является то, каким образом русский мыслитель решает вопрос о соотношении научного опыта и нравственной свободы. Как отмечалось, Новгородцев, идя вслед за Кантом, разделяет сферы практического и теоретического разума, утверждая тем самым их дуализм. По его мнению, моральный закон есть факт чистого разума, который априорно сознаёт сам себя. Он безусловно достоверен сам себе и не может быть доказан никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического разума – умозрительного или эмпирического. «В этом же направлении, независимо от опыта и теории, совершаются все выводы практического разума: он оценивает действительность согласно со

своими принципами; он осуждает и отвергает её, несмотря на то, что она представляет собою продукт необходимости, неизбежный результат естественных причин»⁶. Таким образом, понимая под этикой «не теоретический анализ нравственной идеи, а совокупность нормативных определений должного»⁷, Новгородцев приходит к выводу, что нравственные суждения высказываются не в связи с теоретическими, а параллельно с ними.

«Одна из существеннейших заслуг Канта, – писал Новгородцев, – состоит в том, что своим формальным пониманием нравственного долженствования он открыл для нравственных стремлений безграничный простор. Он указал, что идея свободы есть граница научного опыта: методическая и связанная деятельность разума здесь кончается, чтобы уступить место бесконечным стремлениям и ожиданиям»⁸. Следовательно, нельзя смешивать категории научного опыта и область нравственной свободы. По мнению Новгородцева, необходимо разграничить этику, для которой характерна безграничность перспектив, и науку, отличительной чертой которой является точность ее заключений. Нужно признать границы науки, чтобы отстоять права этики и самостоятельность нравственной философии. Однако, соглашаясь с кантовским утверждением о том, что нравственная оценка независима от научно-детерминистического познания, русский философ указывает и на то, что воля у Канта берется абсолютно в чистом виде, безотносительно к «материи желаний», т.е. к реальной действительности, а это, в свою очередь, оставляет открытым вопрос об осуществлении нравственного идеала.

Так, Новгородцев подходит к выявлению главного пробела в учении Канта, который, устанавливая априорные начала нравственного сознания, ничего не говорит об эмпирических условиях его развития. Этот пробел проявляется в особой форме нравственного априоризма, фактически закрывающего для этики мир естественных побуждений и жизненных стремлений, устранявший возможность ясного понимания общественной стороны морали. Новгородцев констатирует: «Нравственное значение общения остается невыясненным. Этика Канта сбивалась на индивидуалистическое созерцание прежнего

времени, и в этом был ее недостаток»⁹.

По мнению отечественного мыслителя, субъективный идеализм Канта не устранял противоречия между необходимостью и свободой, а нравственный закон в его философии получал характер абстрактной нормы, лишенной содержания и власти над действительностью¹⁰. По Канту, главным нравственным мотивом соблюдения требований категорического императива является «уважение» отдельного индивида к внутреннее сознаваемому закону, к своему долгу. Приводя к крайнему индивидуализму, подобная позиция затрудняет переход к «объективной» этике, к общению людей друг с другом. В трудах Канта отсутствует теоретическое обоснование того, что мораль должна быть «осуществляющимся законом жизни». Для Новгородцева же тема человеческого общения и поиска ее наиболее совершенных форм становится одной из центральных, можно сказать, что она стала «живым нервом» всего его учения. Именно «целость общения» провозглашается Новгородцевым «трансцендентным идеалом», достижение которого отнесено в бесконечность, но в движении к которому и заключается смысл человеческой жизни.

Вновь отметим, что Новгородцев вовсе не отказывается от идеи ценности формального характера нравственности. Наоборот, по его мнению, именно формализм этики обеспечивает её чистоту, требовательность и автономность. Мораль безразлична к степени своего осуществления в мире. «Если бы действительность была даже сплошным нарушением категорического императива, – пишет Новгородцев, – он всё же обращается к лицу: «ты должен». Он не знает извиняющих примеров, тяжёлых условий, человеческих слабостей. Как непререкаемая норма, как безусловная правда, он утверждает свою силу, несмотря ни на какие условия»¹¹. В то же время, философ указывает, что мораль – это не фотографический снимок, не копия нравственного сознания, а схематический чертёж, алгебраическая формула нравственной воли. В силу этого этика может и должна иметь связь с действительностью, что обнаруживается прежде всего в праве. Так Новгородцев приходит к выводу, что основным путем усовершенствования кантовской индивидуалистской этической

концепции является переход от формальной этики к теоретическому обоснованию права и государства.

Таким образом, признавая несомненные заслуги Канта, Новгородцев приходит к выводу, что в его учении содержится ряд существенных недостатков. Основным из таковых, по его мнению, является то, что кантовская идея самозаконности не позволяет составить представления о действительной связи лиц в обществе, причем такой связи, которая учитывала бы различия этих лиц и способы их общения в интересах целого. Кроме того, верно указав на различие морали и права, Кант не устанавливает их связь между собой. Из учения кенигсбергского мыслителя не ясно также как юридические обязанности могут становиться этическими, в чем моральная основа права.

Особое внимание Новгородцев обращает на то, что Кант, понимая государство как реализацию идеи права, не поясняет, каким образом осуществляется переход от нравственной свободы личности к конкретным ее юридическим и политическим правомочиям. Так, по Канту, основанием самого государства является принцип автономии, когда центральная власть должна реализовать волю народа, не ущемляя при этом свободы личности. Однако, требование того, что каждый должен повиноваться только тому закону, на который сам дал согласие, в реальной жизни воплотить невозможно, поскольку этой идее разума не может быть адекватна никакая форма представительства. То, что такую идею нельзя выразить полно и правильно, приводит к утверждению неприкосновенности всякой верховной власти, которая, объединяя разрозненную (т. е. незаконную) волю народа, обеспечивает правовой порядок, предотвращает хаос и террор. Кант считает, что подчинение верховной власти обязательно, несмотря на то, что она не может быть справедливой, поскольку принадлежит людям, неспособным по природе своей не злоупотреблять своим «служебным положением». Единственным оплотом народных прав, где реализуется априорная идея права, остается только свобода слова. Новгородцев приходит к выводу, что, много рассуждая о «духе» правления, Кант мало внимания уделяет проблеме реальных учреждений такого правления.

Стремясь преодолеть недостатки кантовской философии права, Новгородцев обращается к учению Гегеля, который от абстрактного закона личной нравственной воли переходит к общественной стороне морали. «Этот переход, – пишет Новгородцев, – представляет собою неизбежный шаг цельной этической системы, и он совершается Гегелем со всем сознанием его глубокой важности. В этом смысле учение Гегеля, подобно учению Канта, должно быть признано классическим образцом нравственной философии. Это – два основных типа этической мысли, которые являются классическими даже в своих недостатках. Субъективное направление Канта при одностороннем его развитии может привести к отрицанию необходимости общественного прогресса нравственности, к утверждению, что достаточно одних личных усилий для создания нормальных нравственных отношений. Объективное воззрение Гегеля может клониться к другой крайности – к подчинению личного момента общественному и к забвению той грани, которая должна лежать между идеей общественной организации нравственности и принципом нравственной автономии... Правильное отношение состоит в их сосуществовании и взаимном признании»¹². Таким образом, Новгородцев, сохраняя творческий и критичный взгляд на идеи своих великих немецких предшественников, формирует собственную исходную методологическую позицию: совмещение субъективной этики Канта (свобода как априорная форма индивидуального сознания) с объективной этикой Гегеля (государство и право как способ достижения и реализации свободы).

В философии Гегеля Новгородцев особо ценным считал то, что в отличие от Канта тот сводит мораль и право к высшему единству, абсолютной нравственности, считая их частными проявлениями народной жизни. На первый план у Гегеля выходит идея государственного единства, твердости. Новгородцев обращает особое внимание на то, что подобные единство и твердость не должны подменяться абсолютизмом власти, поскольку частные отношения, свобода граждан являются священными и независимыми от утилитарных соображений. Гегель, рассматривая право на трех ступенях (как

абстрактное или формальное право, как личную мораль и как общественную нравственность в виде сочетания права и морали в общественных союзах), по мнению Новгородцева, по сути дает новый путь решения вопроса о единстве права и морали. Также в ключе гегелевского учения Новгородцев рассматривает и философский смысл нового государства, суть которого он видел в полном согласии частного с общим, где главным принципом государственной жизни является согласие и единство¹³.

Отталкиваясь от учений обоих немецких философов, Новгородцев все же особо выделяет идеи Канта, которые, по его мнению, позволили возвысить нравственное сознание над миром необходимости, над властью времени. Поскольку нравственное сознание человеческой личности противится той действительности, которая идет в разрез с этическими требованиями, то целью новой философии права (по Новгородцеву, естественного права), является ограждение и защита нравственной основы права от воздействия «мелкой практики» и «односторонней теории», утверждение его «чистого», идеального значения, его моральной основы. Думается, что эти задачи не потеряли своей актуальности и сегодня.

1. Историческая школа юристов, её происхождение и судьба. М., 1896. С.12-13.
2. См.: Жуков В. Н. Русская философия права: Естественно-правовая школа первой половины XIX века. М., 2001. С. 79.
3. Новгородцев П.И. Право и достойное человеческое существование // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995, С. 306.
4. Новгородцев П. И. Кант как моралист // Новгородцев П.И. Сочинения. М., 1995. С. 319
5. Новгородцев П. И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 24
6. Там же. С. 10.
7. Новгородцев П. И. Мораль и познание // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 64. С. 826.
8. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901. С. 156.
9. Там же. С. 243.
10. См.: Кузнецов Э.В. Философия права в России // М., 1989. С. 69.
11. Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. М., 1903. С. 22.
12. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901. С. 244-245.
13. См.: Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. С. 298.

М. ШЕЛЕР: ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ЛЮБВИ В АНТРОПОЛОГИИ СЕРДЕЧНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

А.С. Гагарин

Гагарин
Анатолий Станиславович
доктор философских наук

Современная философская мысль вплотную подходит к реализации самой актуальной философской задачи, которую, согласно Максусу Шелеру (1974-1928), срочно требуется решить в современную эпоху – созданию философской антропологии. В понимании Шелера это – фундаментальная наука о сущности и сущностной структуре человека. Главный посыл шелеровской философии – своеобразная реабилитация человеческого Я, восстановление Я в правах на целостность, уникальность, восстановление личностного начала, которое Шелер производит с помощью феноменологического инструментария. Шелер, которого Дж.Реале и Д. Антисери называют «не просто гением, а гением-«вулканом», выступает против традиционного западноевропейской философского понимания Я как некоей интеллигибельной формы, диктуемой всеобщностью и необходимостью, и приводящей Я, по мнению немецкого мыслителя, к утрате целостности, самоценной уникальности и неповторимости. Шелер считает, что необходимо опираться прежде всего на интуитивный дар человека к постижению сущности. Человек может подлинно постичь сущность предметов и бытия личностно, уникально, исходя из присущего каждому человеку сокровенному центру, средоточию духа и души – сердцу.

Шелер разработал концепцию ресентимента (ressentiment) (вслед за Ф.Ницше, у которого

ressentiment связан с завистливостью, мстительностью и злобностью, присущими «морали рабов»). По Шелеру, ресентимент – это «самоотравление души», долговременная психическая установка, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы (жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство). Этот запрет порождает склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. ressentiment коренится в сфере эмоций, логика, рациональные доводы бессильны совладать с ним. Человек, по словам Шелера, часто идет на поводу у слабостей и склонностей своей природы, поддавшись самообману (иллюзии самопознания).

Человек может подлинно постичь сущность предметов и бытия личностно, уникально, исходя из присущего каждому человеку сокровенному центру, средоточию духа и души – сердцу. В этом контексте актуальной оказывается проблема интенциональности, своеобразно представленная в философских трудах Макса Шелера.

По нашему мнению, интенциональность структурирует и организует феноменологическую топикку как внутри Я, так и вне (за границы) Я, а также – к Другому

«Я», в социальное пространство, в сферу трансцендентного. Это не только интенциональность сознания, а интенциональность экзистенциальная, т.е. интимно – личностно и сущностно – человеко-бытийная. Интенциональность – это не только всегда «сознание о» (Брентано, Гуссерль), трансфеноменальность сознания, это и «сознание как». Русский философ Иван Ильин замечал, что латинский глагол «indendere» означает «натягивать», «напрягать», и в то же время «направлять», «метить», и справедливо

выделял в термине «интенция» два значения: целевой направленности и напряженной сосредоточенности¹. Более точно говорить о многовекторности интенциональности самой экзистенции. Многовекторность проявляется в темпоральности (временности, нацеленной в прошлое, в будущее, в настоящее – особенно ярко это проявляется в проблеме смерти и бессмертия: жажда сохранения себя (т.е. собственной памяти как памяти о себе) в прошлом и будущем. Многовекторность также проявляется в процессуальности (как осуществлении возможностей) и выступает как одновременная «привязанность» – и к бытию, и к ничто и предполагает принципиальную незавершенность, динамизм, обусловленный латентной феноменологической рефлексивностью. Особый вклад в трактовку сущности интенциональности вносит Макс Шелер, чья антропологическая концепция оказывается наиболее близкой русской философии (Бердяев, Вышеславцев, Н. Лосский, Ильин), опирающейся на индивидуально-интимно личностные основы онтологические основания человеческого бытия.

Следует обратить внимание на экзистенциальную проблему соотношения интенциональности и трансцендирования. Интенциональность – это направленность, векторность. Трансцендирование (т.е. интенция к трансцендентности) – есть возможное движение к бытию. Феноменологическая топика структурна, в ней латентно присутствует, воспроизводится некая «координатная сетка» (а экзистенция, напротив, имманентно не структурирована и не может быть таковой). Предназначение феноменологической топики – быть экзистенциальным, витальным, ментальным ориентиром для человека. Человек с самого начала находится в поисках самостного центра (таким центром выступала с давних пор душа, а в ней располагался, согласно представлениям мировых религий, мистических и философских учений, центр центра – ум или сердце), и был увлечен строительством внутренней, феноменологической топологической иерархии. Эта иерархическая структура позволяла подняться над процедурами «ощупывания» собственного душевного пространства от границы до границы, от центра до краев. Наложение феноменолого-топичес-

кой «координатной сетки» укрепляет волевое удержание границ, способствует сохранению собственной экзистенциальной целостности, самостности.

Проблема границ, пределов феноменологической топики связана с процессом поиска идентичности Я, процессом идентификации. Феноменологическая топика является способом самопостижения – через очерчивание самостного «круга», проведение демаркационной линии «здесь-Я а «тут-не-Я», и последующее наложение рефлексивных «лекал» на объекты (так и Я выступает как «объект»). Изначальная маргинальность (социальная, психологическая, экзистенциальная) – есть исходная точка философствования, поскольку его условием является особый взгляд со стороны, извне. Но феноменологическая топика, экзистенциальное пространство всегда шире, горизонтнее этих топик, всегда сопротивляется теоретическим, мировоззренческим, идеологическим лекалам, не укладывается в прокрустово ложе. Философ (как всеобщий человек) про-мысливает, осмысляет собственное экзистенциальное пространство и за границами общепринятого теоретико-мировоззренческого набора, и на обочине социального бытия, и в «чулане вселенной» (Б. Паскаль), и находясь в центре социальной иерархии (как Марк Аврелий), при этом, одновременно, экзистируя в маргинальные пространства (Я находится в центре и на обочине; одиночество в толпе, одиночестве на вершине пирамиды). Феноменологическая топика может сгущаться, конденсироваться в маргинальных топиках (мировоззренческих, философских, теоретико-личностных) – плавающие центры смысла, содержательные узлы экзистенциально-мировоззренческих интенций.

Для построения нового варианта аксиологии (феноменологии ценностей), Шелер обращается к давней – но оказавшейся маргинальной – традиции, отличающейся от западноевропейской рационалистической традиции, которая помещает в центр Ум, Рацию. Шелер продолжает линию, идущую от Августина Аврелия (Блаженного) к Блезу Паскалю, разрабатывавшему особую «логику сердца» (*l'ordre du coeur*). У Шелера человек предстает как живое существо, имеющее внутри себя интенциональный центр, и

поэтому человек – «вечный «Фауст», никогда не успокаивающийся на окружающей действительности, всегда стремящийся прорвать пределы своего здесь-и-теперь-так-бытия и своего «окружающего мира», в том числе и наличную действительность собственного Я»².

Критикуя Канта за «формализм в этике», Шелер опирается на теизм Августина Аврелия, согласно которому ценности есть строго иерархические откровения Бога, а не нормы, конституированные чистым трансцендентальным сознанием (по Канту). Именно благодаря интенциональным по природе эмоциональным актам, человек, по мнению Шелера, приобщается к трансцендентным ценностям. Такими актами выступают непосредственное созерцание и переживания; и самым плодотворным и высшим актом оказывается любовь. Источником эмоциональной жизни является сердце, и в нем открывается начало, которое соединяет человека с трансцендентными ценностями и с самим Богом. Тем самым сердце и исходящие из него эмоции «очищаются» Шелером от психологизма (с чем неустанно боролась феноменология, начиная с Э. Гуссерля) и проявляются как космические и трансцендентные основания. Вот поэтому сердце, имеет свою, независимую от рассудка, логику, в основании которой оказывается любовь.

Развивая идеи Паскаля, Шелер усиливает онтологическую весомость любви, и разрабатывает пролегомены учения о порядке любви (*ordo amoris*), который основывается на соответствии божественному порядку, и тем самым преодолевается «частность» сугубо человеческих характеристик. Приобщение к божественному в любви осуществляется органично, так как божественное начало изначально присутствует в его сердце, и это позволяет преодолевать собственное самоотчуждение и обретать изначальноный смысл бытия. Но это обретение доступно только тогда, когда человек раскрывает себя в осуществлении своего собственного уникального *ordo amoris*. Один из пунктов несогласия Шелера с рационалистической концепцией является критический тезис о неспособности рации «ухватить» индивидуальную специфику каждого человека, унификацию, таящуюся в

идентификации, производимой рационалистическим познанием актов восприятия.

(Здесь Шелер развивает критические аргументы, ярко заявленные Ф. Ницше). Индивидуальность человека проявляется в том, как осуществляется в нем порядок любви (правильно или неправильно) – как иерархизируются предметы, к которым интенцирована душа, и как они соответствуют объективной ценности предмета в божественной иерархии, т.е. насколько приближается он к Богу.

Шелер помещает экзистенциал любви в основание человеческого бытия, отвергая и волю, и рацию, предпочитая опираться на непосредственное переживание «божественного единения», на любовь. Любовь как фундамент человеческого бытия не может быть ни интеллигибельной любовью к Богу, как у Б. Спинозы (*Amor intellectualis Dei*), ни актом воления – индивидуального (Ницше) или внеиндивидуального (Шопенгауэр), а только как целокупная «сердечная» любовь. Поэтому такая любовь у Шелера выступает самой интимной, сущностной, уникально-интуитивной, ценностно-утверждающей причиной, инициирующей в человеке стремление к познанию и волению, и поэтому «порядок любви» является онтологической «вертикалью» божественного миропорядка. Поэтому для описания фундамента бытия и самого человека необходимы ценности, прошедшие горнило любви, а не рациональные категории или описания иррациональных, имморальных волений.

Утверждение в онтологических правах любви позволяет Шелеру «освободить» Любовь как экзистенциал, с одной стороны от суживающего и искажающего его суть традиционного психологизма (трактующего любовь как результат чувственных аффектов и страстей), и, с другой стороны, преодолеть излишний рационализм гуссерлевской феноменологии (возникающий в ходе преодоления психологизма), и тем более уйти от кантовского формального априоризма категорического императива в области практического разума. Утвержденный в онтологических правах порядок любви позволяет представить человеческое бытие как историческое существование в индивидуальных, уникальных

проявлениях каждого конкретного человека.

Теория идеирующей абстракции у Шелера базируется на «прорывной» феноменологической редукции. Человек, опираясь на априорную способность к отрицанию земного бытия, трансцендированию, преодолению границ тут-бытия, дистанцированию, проникает в сущностные смыслы бытия, и потому идеирующая абстракция выступает «окном в Абсолютное» (Гегель). При этом человек, будучи амбивалентным по сути, соединяет в себе энергетически-витальный «порыв» (мощный, но слепой) и содержательно-смысловой «дух» (зрячий, но слабый), т.е. противоположность жизни и духа, в некоем «центре актов», обозначаемом понятием личности, отличающемся от других «душевных центров», и представляем не как субстанция, а как «монархическое упорядочение актов, один из которых осуществляет руководство»³.

Для нашего анализа важно то, как у Шелера происходит «переформатирование» феноменально-экзистенциального в трансцендентальное. М. Мерло-Понти писал, как происходит преобразование феноменального поля в трансцендентальное поле: психологическая рефлексия неизбежно выходит за собственные рамки, границы – поняв своеобразие феноменов в отношении к объективному миру (через них мы и познаем объективный мир) рефлексия вынуждена присовокуплять эти феномены к любому возможному объекту и пытается понять, как этот объект через них конституируется. Мир, открываемый множеством эмпирических «я», отыскивается в трансцендентальном Я (Единстве или Ценности)⁴.

По нашему мнению, трансцендирование (фундаментальное определение экзистенции) – предполагает интенцирование за пределы самого существования, устремленность экзистенции за собственные границы к трансценденции как к абсолютному бытию, к которому человек устремлен вовне самого себя, и постигаемому в экзистенциальном опыте. Экзистенция – это существование человека именно как человека во всей проблематичности, трагичности собственного бытия⁵.

Шелер утверждает тождество структурного единства сознания мира, самосознания и созна-

ния Бога и единства трансценденции предмета и самосознания в акте рефлексии. Вынося себя вовне природы, и неустанно продвигаясь внутрь и вширь мировой сферы, интенция человека обретает укоренение «своего центра вне и по ту сторону мира». Шелер, вслед за Ницше, исходит из признания «смерти Бога», и потому трансцендирование за пределы «жизни» у позднего Шелера не имеет персоналистского понимания Бога. Человек интенцируется за границы тут-бытия прежде всего для воплощения собственного сущностного начала, выступая при этом как партнер, «соавтор» того божественного, которое таится в человеке и воплощается в онтологизирующих актах.

Человек у Шелера – диалектическое единство бытия и не-бытия. Шелер, продолжая идеи Ницше, полагает, что в ситуации, когда «Бог мертв», человек становится сверхчеловеком, он уже не может опираться на что-либо вне себя, и, «чтобы внести в мировой процесс направленность, смысл, ценность, человек может опереться в своем мышлении, в своей воле только на ничто. На ничто – не на Божество...»⁶. В этом случае ничто есть сфера личности как максимума ответственной воли, личности, опирающейся на порядок сердца, в которой главным двигателем является любовь.

В отличие от Ницше, Шелер приветствует космополитическое «уравнивание» – «аполло-нического» и «дионисийского» человека как типов, «кумуляция» рас, народов, культур. Однако, как пророчески писал Шелер в 20-х годах прошлого века – эпохи выравнивания являются для человечества самыми опасными, самыми обильными на смерть и слезы.

1. Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. В 2 т. М., 1993. С.111,180.
2. Шелер М. Положение человека в космосе. // Шелер М. Избр. произведения. М. 1994. С.164.
3. Шелер М. Положение человека в космосе. Шелер М. Избр. произведения. М. С.170.
4. Шелер М. Положение человека в космосе. // Там же. С.164.
5. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени. Екатеринбург. 2001.С. 15.
6. Шелер М. Человек и история. // Шелер М. Избр. произведения. С.95.

«КРИЗИС» ШВЕДСКОГО ТЕАТРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

И.Л. Данилова

Данилова
Ирина Леонидовна

Доктор филологических наук. Кафедра языка и литературы Гётеборгского университета, г. Гётеборг, Швеция. Преподаватель русского языка, исследователь.
E-mail: irinakd@hotmail.com

Кризис современного европейского театра в каждой стране приобретает особенные черты. В Швеции он проходит «мирно», не приводя к разрушению основ искусства, но при этом, конечно, зависит от качественных изменений зрелищной культуры.

«Сегодня трудно уверенно говорить о том, что происходит в культуре. Всё ещё существуют понятия высокой и популярной культуры, но они постепенно теряют смысл. Симфонические оркестры выступают вместе с поп- и рок-артистами (или, наоборот, звёзды попа и рока – с симфоническими оркестрами), а знаменитые актёры попеременно появляются то в «Гамлете», то в легкомысленных поделках на потребу публики. Для обозначения всех видов искусства и форм культуры, в которых принимают участие зрители, появился новый термин – креативные индустрии» (Анна-София Щёпинг. Культурная политика – для кого? // Teatertidningen. – 2008. - № 4. – С. 10). Приведённая цитата даёт представление о том, что процессы смещения жанров и размывания критериев ценности искусства осмысливаются шведским культурологом как проявление кризиса.

Сейчас в Швеции много говорится и пишется о кризисных явлениях в культуре. Средства массовой информации отмечают приметы изменений культурной политики, публикуют материалы, иллюстрирующие реальную жизнь культуры, но не пытаются ни анализировать, ни прогнозировать этот процесс. Видимо, ши-

роко распространённые методы социального и экономического анализа функционирования театра в культуре не позволяют сделать выводов о качественных изменениях этой сферы.

Какой способ анализа театра позволит понять именно процесс качественных изменений этого вида искусства в Швеции? С нашей точки зрения, эту задачу могут выполнить методы культурной антропологии, предполагающие рассмотрение отдельных, часто разрозненных явлений и событий, в ряд которых могут входить и театральные спектакли, в системе всей социокультурной жизни, породившей изучаемый культурный феномен.

Работа театра европейской страны нечасто рассматривается с точки зрения культурной антропологии. Однако «антропологическая» точка зрения позволяет связать образную систему спектакля с ценностями культуры и, что самое главное, позволяет говорить о современном понимании смысла и ценности жизни человека в мире катастроф и жестокости.

Несмотря на жёсткие экономические условия и необходимость выстоять в конкурентной борьбе с «индустрией развлечений», театр как явление культуры, входя в семью зрелищных искусств и, безусловно, испытывая влияние кинематографа, живописи, пантомимы и танца, оставляет за собой право говорить о социальных проблемах, о состоянии отношений в семье, о переживаниях и размышлениях человека наедине с собой. Призмой, преломляющей все поднимаемые театром проблемы, является человек. Преломление на сцене происходит через обострённость душевных переживаний и, напротив, через их отсутствие; через глубокое осмысление как порочности, так и одухотворённости человеческой природы, то есть через изображение и оценку действий персонажей, их характеров и речи.

Естественно, возникает вопрос о том, чем отличается антропологическая трактовка театрального замысла от психологической?

Психологизм предполагает, что драматичес-

кий конфликт возникает в сознании человека (или в пограничной сфере между сознанием и бессознательным) под воздействием неблагоприятно сложившихся внешних условий. Развитие психологического конфликта раскрывает глубину внутреннего мира персонажа, является пружиной действия всего спектакля.

Антропологическое понимание изображаемых на сцене событий акцентирует то, что мир героя драмы (цельный или раздвоенный внутренним конфликтом) противостоит всему внешнему по отношению к герою миру. Это конфликтное противостояние непреодолимо и неразрешимо, потому что сталкиваются силы, имеющие разную природу и неспособные уравновесить друг друга.

Например, «Гамлет» Шекспира может быть сыгран как психологическая драма. При этом главным движущим противоречием трагедии героя будет внутренний конфликт между любовью к матери и жадой мести за смерть отца. Всё окружение Гамлета, Дания – тюрьма и замок Эльсинор предстанут как явления, углубляющие психологический конфликт. Если же «Гамлет» трактуется как «антропологическая драма»¹, то основной конфликт перемещается в сферу отношений человека и государства. Отношения королевы Гертруды и её нового мужа определены существовавшим в Дании законом наследования, согласно которому младший брат короля, наследующий престол, наследует и королеву. Гамлет, движимый сыновними чувствами и нравственным долгом, должен отомстить дяде, но он не имеет на это оснований, потому что с точки зрения господствующих в стране законов дядя невиновен. Пытаясь найти выход из неразрешимого противоречия, Гамлет оказывается на грани сумасшествия, действует непоследовательно и, в конечном счёте, гибнет, но успевает отомстить. Таким образом, антропологическая трактовка укрупняет масштаб изображения событий и значимость действий героя.

Итак, какие события шведской театральной жизни позволяют нам считать, что в неё вошла антропологическая составляющая и, следовательно, драматургия, говорящая о неразрешимых конфликтах бытия и о смысле человеческой жизни.

11 ноября 2007 года в Гётеборгском драма-

тическом театре состоялась премьера спектакля «Моё имя Рэчел Корри». Пьеса, а, вернее, сценарий для моноспектакля, был написан двумя драматургами Аланом Рикманом и Катаориной Винер на основе подлинного дневника и писем американской студентки Рэчел Корри, погибшей в 2003 году в Рафе в возрасте 23 лет. Рэчел попросту встала на пути израильского бульдозера, присланного, чтобы снести дом палестинцев, построенный на израильской территории. Спектакль поставила художественный руководитель театра Анна Таканен, главную и единственную роль Рэчел Корри сыграла Мия Хёглунд – Мелин.

Дневник Рэчел поначалу повествует о студенческой жизни, о всяких глупостях, занимающих девичью голову, о конфликте с родителями, об искреннем желании изменить мир к лучшему и о страстном стремлении жить во имя борьбы за права человека. Этому весёлому рассказу о том, кто такая Рэчел Корри, посвящена первая часть спектакля. Во второй части дневник описывает события на палестино-израильской границе, где Рэчел пыталась бороться за права палестинцев. Девушка столкнулась с войной, и мир открылся ей с трагической стороны. Теперь она пишет родителям, с которыми раньше не хотела общаться, рассказывает о том, как страшно одной под бомбами, о своей беспомощности, о желании вновь оказаться дома.

Но вот – кто-то вызвал её из убежища, где она укрывалась, и жизнь её прервалась. Спектакль завершается документальными кадрами, где маленькая десятилетняя Рэчел говорит с высокой политической трибуны о необходимости борьбы за права человека. На фоне очень яркого, эмоционально сыгранного спектакля, эти кадры стали обвинением, предъявленным политической системе за смерть Рэчел Корри.

Критики быстро и легко связали тему спектакля с политикой, с палестинским вопросом, а также с вопросом о долге каждого гражданина не быть равнодушным к трагическим событиям, происходящим в мире. Но они не обратили внимания, что, на самом деле, театральная постановка не вписывается в контекст чистой политики. Ибо театр говорит о трагедии юного, идеалистически мыслящего существа, решившегося вступить в неравную борьбу со

всей системой, которая создала палестино-израильский конфликт, следовательно, главным для театра был вопрос о неразрешимом конфликте при противостоянии аморальной политической системы и морали одного человека. Физически Рэчел проиграла бой, но морально – выиграла. Не умея лгать, и став жертвой политической лжи, она сообщила всему миру, что главная, пока недостижимая ценность и цель современности, не борьба за права человека, а сохранение жизни в мире без войн.

Трагичность и сила воздействия этого спектакля во многом была связана с неповторимой подлинностью материала, с тем, что представленное в театре единичное, уникальное явление воспринималось публикой как свидетельство всеобщей трагедии.

В том же ряду театральных событий находился спектакль по пьесе Никласа Родстрёма «Злобные» (премьера 8 апреля 2008). Эта постановка рассматривала иной неразрешимый конфликт, который всегда существовал, но только сейчас был литературно осмыслен и представлен в форме театрального исследования. Суть конфликта легче сформулировать в форме вопросов: как случается, что не только взрослые, но и дети убивают других детей, и кто несёт за это ответственность?

Пьеса была написана на основе реальных материалов расследования убийства пятилетнего ребёнка двумя десятилетними подростками в Англии в 1993 году. Писатель Никлас Родстрём предложил актёрам не играть роли действующих лиц, а читать материалы расследования как партии древнегреческого хора, чтобы избежать прямых эмоциональных акцентов, неизбежных в актёрской игре. Задачей актёров было вопрошать, а не судить.

Режиссёр Дриттёро Касапи нашёл верный путь объединения актёров (хора) с залом. Актёры начинали повествование, вставая со зрительских мест, но не поднимались на сцену, общение и осмысление разворачивалось не в сценическом, а в зрительском пространстве. Но выше – там, где обычно играют актёры, шли кадры фильма, стилизованного под хронику, однако не иллюстрирующего события, а показывающего эпизоды из жизни: играющих детей, мчащийся поезд, рассказ (монолог) ма-

тери, потерявшей своего маленького ребёнка в супермаркете и потрясённой его гибелью. Таким образом, жизнь, запечатлённая на киноленте, проходила на сцене, а актёры и зрители вместе осмысливали её в зрительном зале.

Создатели спектакля сделали акцент на пространственности подобных страшных событий, включив в текст хронику убийств детей детьми в разных странах цивилизованной Европы. Поэтому история, рассказанная ими, осмысливалась как проявление некой часто встречающейся ошибки человеческой природы, молчаливо поддерживаемой инертным, равнодушным обществом.

Названные экспериментальные спектакли были поставлены ради того, чтобы «разбудить» публику, нарушить спокойное самодовольство общества и дать возможность зрителям высказаться, чтобы прозвучавшие со сцены проблемы стали предметом обсуждения всех людей, заинтересованных в их решении, а не оставались в узком кругу специалистов. Интерес публики превзошёл все ожидания.

Оценивая обе описанные выше театральные постановки с точки зрения культурной антропологии, нужно подчеркнуть, что оба спектакля говорят о беспомощности современной западной культуры, пока не способной найти решение прозвучавших со сцены проблем. Однако то, что театр как часть этой культуры способен высказаться о подобных проблемах, свидетельствует о его действенности и способности активно влиять на публику, а значит, и на развитие культуры.

Можно ли на примере только двух спектаклей, поставленных в одном театре Швеции, говорить о театральном процессе в целом? Да, такой ход мысли правомерен. Театральный процесс в маленькой стране един, он напоминает работу организма, в котором перемещения специалистов всех театральных профессий по стране и по Европе играют роль кровеносной системы. Без этого постоянного движения внутри системы невозможно представить обогащения новыми идеями, развития и обновления. Поэтому событие, происшедшее в одном театре, имеет значение для всей страны и полноправно представляет театр этой страны.

Что даёт культурно-антропологический

подход для понимания противоречий и возможностей театрального развития в Швеции? В рамках социо-культурной системы деятельность театра определяют два главных фактора: экономическая политика (способы финансирования культуры) и совокупность идей, нравственных и эстетических ценностей, питающая творчество. Первый фактор стимулирует увеличение количества прибыльных развлекательных проектов и фестивалей, инициирует разнообразие форм работы с публикой и превращает театр из храма

искусства в место для общения. Второй фактор противостоит первому и направляет творчество театра в русло человековедения, развивает театр как вид искусства. Культурная антропология позволяет положительно оценить качество этого развития и сделать вывод, что «кризис» шведского театра не глубок и, скорее, является этапом развития, а не деградации.

1 Такого термина не существует, здесь может быть применён термин «экзистенциальная трагедия».

НРАВСТВЕННОСТЬ И/ИЛИ РЕЛИГИЯ

Е.А. Степанова

Степанова
Елена Алексеевна

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Идущая сегодня в России дискуссия о соотношении нравственности и религии приобрела поистине тотальный характер. Об этом говорят руководители страны, спорят религиозные деятели, ученые-обществоведы и журналисты. В интервью журналу «Тайм» В. В. Путин высказался по этому поводу со свойственной ему категоричностью: «Нет, и не может быть, на мой взгляд, в сегодняшнем мире морали и нравственности в отрыве от религиозных ценностей» (20 декабря 2006 г., <http://kreml.org/interview/168576392>).

Вопрос о взаимосвязи морали и религии обсуждается уже не одну сотню лет и по-прежнему остается без ответа. Одни мыслители твердо убеждены в невозможности безрелигиозной морали, а другие не в меньшей степени уверены в первичности и самодостаточности моральных императивов. Существует также промежуточная точка зрения, согласно которой нельзя говорить ни о «морали вообще», ни о «религии вообще»,

поскольку они всегда обусловлены культурно-историческими обстоятельствами, и в каждом конкретном случае их взаимозависимость и взаимовлияние оказываются различными.

В нашей стране правомерность этой последней позиции подтверждается самым наглядным образом. Действительно, за последние двадцать лет все перевернулось с ног на голову (или наоборот): воинствующий атеизм сменился не менее агрессивной религиозностью, и рассуждение о религии как хранильнице моральных ценностей стало общим местом. При этом, несмотря на эту радикальную перемену, представление об исключительной духовности русской нации (которое, правда, в прежние времена обосновывалось совершенно иначе, чем сегодня) осталось неизменным. Обо всем этом самым серьезным тоном со стальными интонациями в голосе нам напомнил президент Д. А. Медведев, подчеркнув в послании Федеральному собранию, что духовное и нравственное богатство народа - «это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах» (5 ноября 2008 г., http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml).

Итак, имеется тезис: без религии нет морали, русский народ религиозен по своей природе и истории и, следовательно, нравственен и духовен. С другой стороны, в общественных

дискуссиях с не меньшей страстностью высказывается антитезис: нравственный уровень современного российского общества упал до немыслимых пределов, и нужно принимать срочные меры. В связи с этим предлагаются разнообразные средства: от создания всякого рода общественных советов по нравственности до введения в школьное образование курса «Духовно-нравственная культура» и формирования православных народных дружин для обеспечения общественного порядка.

Политическое руководство страны занимает констатирующе-охранительную позицию: так, из вышеприведенного высказывания В.В. Путина следует, что религиозные ценности как основа морали однозначно предписаны не только России, но и всему миру (правда, при этом он не уточнил, о каких именно ценностях идет речь, и как быть с религиозными фундаменталистами, которые без всяких предписаний подвергают анафеме всех тех, кто не разделяет их взгляды). В свою очередь, в послании Федеральному собранию президент Д.А. Медведев перечислил те ценности, которые являются предметом государственной защиты (и заодно главным аргументом военной операции против Грузии): это справедливость, свобода, благосостояние и достоинство человека, семейные традиции и патриотизм. Конечно, радует, что президент так хорошо думает о своем народе (в отличие от инициаторов общественных советов по нравственности). Однако пассаж в духе: «Кто покусится на наши ценности, тому не поздоровится», заставляет задуматься о том, что ситуация, в которой потребуются отдать все силы на их сохранение, все же возможна, по крайней мере, теоретически, не говоря уже о том, что за подобной решимостью неизбежно встает мрачная тень «врага», всеми силами стремящегося эти ценности уничтожить.

Русская православная церковь в целом следует тем же курсом с одним дополнением: в выступлениях церковных иерархов и в официальных документах Московской патриархии «враг» называется совершенно определенно: это западная светская либеральная философия, которая, в отличие от православия, выводит представление о ценностях и правах человека из относительного и конвенционального

источника, не имеющего абсолютного нравственного измерения. Таким образом, причина нравственной деградации населения России, с этой точки зрения, обнаруживается в том, что современная либеральная политико-правовая система, заимствованная Россией у Запада, противоречит христианской морали и разрушает традиционные ценности. Цель, сформулированная РПЦ, весьма амбициозна: Россия должна стать прообразом нового мирового порядка, противостоящего западной цивилизации, силой навязывающей людям противоречивые и подозрительные светские моральные стандарты. Фундамент такого порядка, по словам митрополита Кирилла, – культурный опыт, основанный на «внешне различном, но сущностно едином восприятии абсолютных нравственных ценностей».

Итак, мы можем констатировать очевидное противоречие: с одной стороны, Россия на официальном уровне трактуется как место консервации особого духовного опыта и православных нравственных устоев. С другой стороны, на разных уровнях общества ощущается серьезная тревога по поводу его морального состояния и высказывается требование что-то с этим делать. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о соотношении религии и морали, попробуем проанализировать смысл современных дискуссий на эту тему и предлагаемых мер, которые должны привести к разрешению имеющегося противоречия.

Первое, что бросается в глаза, – это отсутствие в общественной дискуссии (за редким исключением) адекватного представления как о современном состоянии социальных предпочтений российского общества, так и об истории религии в России. Вместо этого диспутанты питают себя и публику разнообразными мифами. Некоторые из них относятся к прошлому и представляют собой разнообразные перепевы «русской идеи», а также далекое от действительности изложение исторических событий и взаимоотношений церкви и государства. Другие мифы являются наследием советского времени. На первом месте тут стоит само понятие «духовности», происходящее из вульгарно-материалистического противопоставления бытия и сознания, материальной и духовной жизни

человека. В свое время это противопоставление было блестяще описано А. и Б. Стругацкими и вложено в уста профессора Выбегалло: «Исходя из материалистической идеи о том, что временное удовлетворение матпотребностей произошло, можно переходить к удовлетворению духпотребностей. То есть посмотреть кино, телевизор, послушать народную музыку или попеть самому, и даже почитать какую-нибудь книгу, скажем, «Крокодил» или там газету... Мы, товарищи, не забываем, что ко всему этому надо иметь способности, в то время как удовлетворение матпотребностей особенных способностей не требует, они всегда есть, ибо природа следует материализму» («Понедельник начинается в субботу», часть II, глава 4).

Фундаментом концепции «духовности» являются тома произведений русских классиков от Пушкина до Толстого, которые, как известно, представляют собой уникальное достояние русской культуры. С этим, конечно, трудно спорить – действительно, ничего похожего в мировой литературе нет, да и странно было бы, если бы было иначе, поскольку культурное наследие любого народа столь же уникально и неповторимо. Однако еще в советское время гордость за наше духовное наследие приобрело специфическую форму «культурного фундаментализма», который процветает и сегодня. Этот культурный фундаментализм основан на нескольких нехитрых тезисах, например, «умом Россию не понять», «что русскому хорошо, то немцу (американцу, французу, китайцу и т.д.) смерть», другими словами, на отсутствии критической самооценки и нежелании вступать в диалог с другими культурами. Такой фундаментализм, имеющий квазирелигиозный характер, рождается из жажды «подлинных ценностей» и спасения падшего человечества в ситуации ослабления влияния традиционной культуры, которое имеет место в современном мире.

Сегодня существует непроходимая пропасть между подлинным содержанием великих произведений русской литературы и искусства и их реальным влиянием на ценности людей. Об этом свидетельствует как традиционная ненависть к чтению классики, привитая школьными уроками литературы многим российским гражданам, так и многочисленные «мыльные»

римейки классических произведений, в изобилии присутствующие на телевизионном экране и демонстрирующие решимость использовать все, что подвернется под руку, в целях повышения рейтинга. В этом смысле российский гражданин напоминает фригийского царя Мидаса, умирающего от голода посреди изобилия пищи (разве что этот гражданин не умеет превращать все окружающие предметы в золото). Кроме того, заклинания на тему о «духовности» свидетельствуют о нежелании предпринимать какие-либо усилия по ее обретению: если духовность является национальным достоянием, она существует как факт, дается с молоком матери и не требует никаких усилий по ее усвоению. Такое понимание вполне укладывается в концепцию «естественного православия», согласно которой все, живущие на «канонической территории», автоматически оказываются православными верующими.

Наше время породило свои собственные мифы, например, ностальгическое представление о нравственности советского человека и общества в отличие от современного периода. Мы не будем здесь выяснять причины высокой оценки недавнего советского прошлого многими российскими гражданами, как пожилыми, так и молодыми. Важно отметить следующее: как показывают исследования «Левада-центра», на самом деле за последние 20 лет сколько-нибудь значительных изменений в ценностных установках населения не произошло. Во-первых, ценности – это наиболее консервативная, медленно формирующаяся часть социального устройства. Во-вторых, применительно к сегодняшнему дню следует говорить не о ценностном коллапсе, но все более углубляющемся разрыве между декларативными ценностями, относящимися к уровню коллективных представлений, но не проявляющимися в реальном поведении людей, и операциональными ценностями, т. е. принципами и правилами поведения, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни. Сегодня эти два уровня практически не соединяются: «Никакого универсализма не возникает, напротив, социальное пространство разбивается на множество иерархических «сегментов», где действуют собственные правила и оценки того, как следует себя вести, что

допустимо и т.п. Поэтому важен не сам набор «ценностей», а их композиция, конфигурация, функциональную роль, которую играют эти представления во взаимодействии с другими людьми». (Л. Гудков. Выступление на Вторых Ходорковских чтениях, 6 февраля 2008 г. <http://www.polit.ru/dossie/2008/03/26/values.html>). В-третьих, тот же разрыв между двумя уровнями ценностей присутствует в отношении к православию, к которому себя относят 70% российских граждан. Это отношение требует декларативной лояльности, но совершенно не подразумевает каких-либо практических действий, например, поведения, основанного на христианских этических принципах (см.: Фоторобот российского обывателя. Новая газета, 3 апреля 2008 г.).

В современных дискуссиях о проблемах связи религии и нравственности большое место отведено проблемам воспитания и образования. По этому поводу высказывается практически единодушное убеждение в необходимости приобщения людей к культурно-этическим основаниям российской цивилизации и нравственного воспитания, прежде всего, детей и молодежи. Разногласия возникают между теми, кто считает, что в школьном курсе «Духовно-нравственная культура» должно происходить изучение традиционных религиозных ценностей, и теми, кто полагает, что это противоречит светскому характеру российского государства. При этом православные лоббисты этого курса, парадоксальным образом забыв о необходимости борьбы с «тлетворным влиянием Запада», апеллируют именно к западному опыту преподавания религии в школе, не вдаваясь при этом в анализ культурно-исторического контекста той или иной страны, точнее, не интересуясь реальным положением дел, которое к тому же постоянно изменяется. Так, митрополит Климент, выступая 7 февраля 2007 г. на Образовательных чтениях Центрального федерального округа «Современные основы образования и духовно-нравственное здоровье общества», ссылаясь на опыт Соединенных Штатов, Англии, Греции, Бельгии и говорил о том, что во многих европейских странах преподают предметы религиозного содержания по конфессиональному принципу ([http://www.](http://www.patriarchia.ru/db/text/295822.html)

[patriarchia.ru/db/text/295822.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/295822.html)).

Светских и конфессиональных участников споров о преподавании нравственности объединяет общая уверенность в самой возможности такого преподавания. Иначе говоря, они полагают, что нравственность формируется дискурсивным образом и зависит от качества и смысла произносимых слов. Эта уверенность вытекает из общей просвещенческой установки российского образования и веры в наличие у людей «духотребностей», то есть она опирается на традиционное представление о человеке как о биосоциальном существе, которое, во-первых, заимствовано из далекого прошлого, а во-вторых, является лишь одной из возможных точек зрения. Религия в таком понимании образования играет роль средства, санкционирующего и освящающего некое упорядоченное мировоззрение, частью которого является нормативное знание о нравственных категориях и принуждение к их исполнению. Однако преподавание «духовно-нравственной культуры», если оно вообще осуществимо, может быть успешным только в том случае, если соответствует реальности за стенами учебных заведений (как, впрочем, и внутри них). В противном случае получается та же история, что и с великой русской литературой: ее все признают, но мало кто читает. В ситуации разрыва ценностных уровней, о котором говорилось выше, это преподавание может привести только к еще большему его углублению.

Сторонники религиозного образования уверены в том, что оно принесет пользу, поскольку, по их мнению, религия не может научить ничему плохому. Такое мнение имеет право на существование, хотя история человечества знает большое количество совершенно противоположных примеров. Тем не менее, никто не будет спорить с тем, что каждый человек с раннего детства должен знать «золотое правило» нравственности («Итак, во всем как хотите, чтобы с Вами поступали люди, так поступайте и Вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Мат. 7:2»), которое является фундаментальным принципом христианской этики. Однако, во-первых, это правило присутствует и в нехристианских культурах, являясь универсальной нравственной формулой всего человечества. Во-вторых, что

важнее, возможность его исполнения основана на доверии к Другому как к равному себе Божьему творению. Действительно, если мы должны поступать так, как мы хотим этого от других людей, мы по определению предполагаем в них способность к нравственному и ответственному действию. «Золотое правило» – это не закон одиночки на необитаемом острове. Оно подразумевает, что человек есть социальное существо, которое находится во взаимоотношениях с другими людьми. Оно постулирует автономную волю человека, которая равна всем другим автономным волям.

Однако именно с автономной волей и с доверием к Другому дело у нас обстоит хуже всего. Согласно исследованиям Левада-центра, сегодняшнее состояние социальных отношений в стране характеризуется необычайно высоким уровнем недоверия: «83% опрошенных россиян утверждают, что верить вообще-то никому нельзя. Это самая негативная оценка среди двадцати-тридцати стран, которые были включены в международное сравнение» (Гудков Л. Проблемы абортивной модернизации и мораль. <http://www.polit.ru/lectures/2008/11/21/gudkov.html>). Это недоверие проявляется прежде всего в цинизме, который свидетельствует не об отсутствии ценностей, но о сознательном отказе от признания ценности Другого и об отсутствии социальной солидарности. Как пишет Л. Гудков, «у нас... любым действующим социальным субъектам приписываются самые негативные мотивы, будь то люди во власти, олигархи, НПО или благотворительные организации, политические деятели или даже верующие, которым сегодня отказывают в искренности их неопитства (большинство считает, что нынешний религиозный подъем – явление модной природы)» (там же). В этих условиях школьное преподавание нравственности, религиозной или светской, неизбежно будет способствовать не улучшению морального состояния общества, а наоборот, укреплению цинизма, поскольку оно будет происходить в ситуации неверия в искренность учителя.

Однако самой трагической чертой современных дискуссий о соотношении религии и нравственности является убеждение в том, что моральный уровень россиян можно поднять

указами сверху, приняв, например, решение о преподавании соответствующего курса в школе, о запрещении «безнравственных» телевизионных программ или пробормотав мантры об особой духовности русского народа. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в нашем обществе совершенно отсутствует понимание морали как способности ответственного и свободного человека делать выбор, оценивать свои действия, критически относиться к жизни во всех ее проявлениях и иметь чувство собственного достоинства. Моральное сознание как выражение автономной воли возникает только в самом индивиде, оно ни в коем случае не может быть привнесено сверху, поскольку в этом случае речь идет не о морали, а о внешнем принуждении к соблюдению конвенциональных общественных норм. Моральный индивид не ДОЛЖЕН быть верующим или неверующим, но он МОЖЕТ быть тем или другим в соответствии со своим свободным выбором. Отнесение нравственности к компетенции религии не только не способствует возникновению нравственной личности, но, наоборот, препятствует этому, поскольку большинство людей воспринимает православие как культурный символ страны, который не подразумевает никакого личного участия человека, разве что кроме периодического посещения церкви. Более того, люди, придерживающиеся «демонстрационных» нравственных ценностей (о которых они узнали в процессе религиозного воспитания), но совершенно не способные и не собирающиеся придерживаться их на «операционном» уровне, весьма выгодны нынешнему российскому государству, поскольку таких людей легко можно убедить в чем угодно, особенно если апеллировать к высшим нравственным категориям для оправдания своих действий.

Именно это мы сейчас и наблюдаем – государство весьма успешно использует религию как признак своей приверженности к «традиционным» ценностям, «традиционные» религии с жаром отстаивают свои эксклюзивные права на нравственные устои, а реальная жизнь идет своим чередом. Большинство людей, конечно, имеет представление о том, что такое хорошо и что такое плохо, однако максимум, на что они готовы – это уважать своих родственников и

близких друзей и как-то отвечать перед ними за свои поступки. Люди за пределами этого круга, как и государство в целом, относятся к категории «чужих», по отношению к которым человек не имеет никаких моральных обязательств. Все остальное человечество относится к категории «врагов», которые, согласно официальной позиции властей, готовы на все, чтобы порушить традиционные российские ценности, и, следовательно, с ними можно вести себя как угодно. В этой ситуации описанное выше противоречие, о котором сегодня говорят многие, – между традиционной нравственностью русского человека и современным падением нравов, – является иллюзорным. Русский человек раньше был не более и не менее нравственным, чем теперь. Но и раньше, и теперь социальная-политическая

реальность нуждалась не в нравственно вменяемой личности, а во внутренне несвободном человеке, верящем в моральные предписания, идущие сверху, и основанные (в зависимости от политической конъюнктуры) на религиозном или атеистическом фундаменте.

Выход из этого положения один: до тех пор, пока высшей ценностью общества не станет свободно мыслящий и свободно выбирающий свою нравственную позицию человек (неважно, религиозную или нерелигиозную), ни о каком повышении морального уровня общества говорить не приходится. Можно сформулировать эту мысль и по-другому: до тех пор, пока свободно мыслящий и ответственно поступающий человек не сделает себя высшей ценностью общества, о морали следует забыть.

THE RUSSIAN SOUL: ETERNAL FEMININITY AND ETERNAL «BABJE»

T. Muravitsky (USA)
B. Emelyanov (Russia)

**Русская душа:
вечная женственность и вечно бабье**

The history of the use of gender descriptions for determination of mental and national peculiarities of a nation lasts for hundreds of years. The enigma of Femininity and Masculinity was always interesting to philosophers, scientists, and writers. They were interested because as N. Berdjaev asserted, «categories of sexes - masculine and feminine - are not only anthropological... but also cosmical.»

However, one needs to note that the interest in this topic is not symmetrical: most of the gender research and statements of the philosophers is devoted to a woman. The interests, philosophical and ideological attitudes of the authors of these statements are different, but all of them try to solve the mystery of masculinity-femininity by juxtaposition the concepts of man and woman.

Since antiquity Masculinity and Femininity correlate to each other as material and spiritual

(ideal) essences, like a body and a soul. However, there is an opinion of some Russian philosophers that Femininity is not worse, but different and has the same value as Masculinity.

The concepts of Masculinity and Femininity are one of the most important in Russian Philosophy. It exists in many areas of the humanities. And the most interesting application of this concept is in description of Russian national character and Russian mentality.

Many works and statements on this issue belong to Nicolas Berdjaev. He affirms that in European countries, particularly in Great Britain, France and Germany, «at some stage of development the national masculine spirit arose, forming a national structure.» But it did not happen in Russia. Instead Femininity prevailed there. Why? «There was no knighthood in Russian history. Consequently, Russia as a nation, did not develop a sense of discipline and culture of personal honor.» According to Berdjaev, this is a lack of Russian culture: «... all of masculinity, giving a form and freedom in Russia, was not Russian, but imported from West-European culture, French or German, or from Ancient Greek culture.»

Russia is a focus of contradictions: on one side, it is a passionate and spontaneous country, and on other side, its people are humble and submissive, ready to submit to power. In his famous article «On eternal bab'e in the Russian soul» N. Berdjaev stressed his point that «babje» is «slavish.»

Not all Russian philosophers agree with Berdjaev's point of view. For example, Nicolas Lossky stated that: «Sometimes it is said that Russians have a feminine essence. It is wrong. Russians, particularly the Great-Russians branch, who created the great state in difficult historical conditions, are the masculine predominantly, but they combine Masculinity and soft Femininity.»

Vladimir Ern also did not agree with Berdjaev and wrote: «Currently [that is, during World War I] when the Russian soul is demonstrating heroic deeds, bright power and «solar spirit,» Berdjaev says the «eternal babje» exists in the Russian soul.»

In the history of Russian thought, it is known that the Russian soul is a mystery. Feodor Tjutchev wrote the most famous poem about this.

Russia can't be understood by reason,
Russia isn't measured by common means.
It is quite unique.
Russia can only be believed in.

Berdjaev noted: « Even for us (ourselves) Russia is an unexplained mystery.» Russia is a contradictory, antinomious country. We cannot explain the Russian soul by any doctrines.

For Russian thinkers and writers Russia has a feminine image; it is «a bird-troika,» «Mother,» «Motherland.» It is common for Russia to desire to help others in their burdens, to ease their lives.

Feminine for Russia is really the «Eternal Feminine.» Here is one of the arguments.

Russian philosopher and immigrant Georgy Fedotov wrote: «The Russian cult of sacred feminine essence did not include either a sacred immaculate state or adoration of Beauty.» Therefore Mary is not named Holy Virgin or Heaven Tsarina in Russia. Her name is the Mother of God because Her main image conveys the matriarchal principle. The Western cult of the Virgin Mary is characterized by its erotic attitude towards Her, portraying Her as a Beautiful Lady. But in

Russian culture the principle of activity is more important: «Demeter appears stronger than Aphrodite».

It is a fact that the maternal aspect of the Mother of God is honored in Russian culture. Therefore, Russians always consider the need to care for a woman as a successor of a clan.

There was a duality in attitude towards a woman: her role was limited by procreation and she could not participate in solving other social tasks. The archetype of a Russian woman and all her essential characteristics correspond to her maternal being. This aspect is related to the cosmological principle.

Berdjaev wrote: «...motherhood is a cosmological principle to protect a life from danger and to raise not only children, but also all humans, who could be considered eternal children. Potentially a woman is a mother not only of a particular person, but also of the whole universe, protecting the world from sin.»

Life is usually more diverse than any standards. The femininity of Russian women is not limited by maternity. Iljin wrote: «... being especial feminine, she can manifest and realize masculine temper by a form of eternal Femininity... She radiates inner harmony, in which eternal femininity and eternal masculinity are expressed.»

Furthermore, Russian history demonstrates many examples of self-sacrifice of Russian women (Decembrist's wives, for example), heroic behavior of women-soldiers during wars, women-physicians, and researchers.

Berdjaev noted: «If only the feminine principle prevailed in the world, then there would be no history: the world would stay in «a domestic state,» family circle.»

For Westerners Russianness (русскость) is expressed by three words - «mysterious Russian soul.» This phrase contains a Feminine element because «soul» is researchers, but also foreign ones pay attention to the fact that modes of Russian mentality are defined through the female grammatical gender.

Not only Russian researchers, but also foreign ones pay attention to the fact that modes of Russian mentality are defined through the female

grammatical gender. For example, there are.

Sobornost' (female gender) is Russian collectivism, «Orthodox Church communal brotherhood» of Russians. Sobornost' is the opposite of Western individualism. It is significant that Russians have prejudice against individualism and are devoted to spiritual collectivism as S. Frank thought.

Religiousness (female gender) is one of the most important characters of Russian mentality. In N. Lossky's opinion, the main virtue of Russians is

Religiousness and connecting with it, search for the Absolute Good and purpose of life. And the central object of religion can vary. For example, it could be a faith in the future communism.

The name of Russia is the Holy Rus'. It expresses the essential of Russian identity - Sanctity. Western writers pay attention to Russian aspiration for Sanctity. For example, Schubart wrote: «It is not an exaggeration to say about natural Christianity of the Russian soul or maybe even of the Slavic soul. Russians were Christians even before they adopted Christianity.»

Truth characterizes Russianness in knowledge. In Russian philosophy the epistemology has its own particular traits. It contends that intuition, mysticism, unconsciousness prevail in knowledge and rationality is insufficient and even harmful because it impedes to acquiring of knowledge. And if Western people live by «a head (reason) and analysis,» Russians listen to the heart and orient their knowledge toward practice and justice. Only Russians different «Pravda-truth» and «Pravda-justice».

Some features of Russian mentality, which are considered negative, have female nuances.

Many Western writers consider formlessness and its variant, infiniteness as negative characteristics. The latter phenomenon usually corresponds to Russia's unlimited geographical territory. Many researchers believe that Russian territory is colossal and Time has not begun yet there. In Russian roots are in eternal, and Russians give only in the present, according to Schubart. Russians have unlimited time because they are firmly convinced that they are eternal creatures. They have divine light-mindedness in the extreme, to challenge a destiny.

Russian interpretation of Time correlates with another Russian characteristic. It is chaotic state. The West is interpreted as an order; Russia is believed to be the Cosmos of Chaos, accomplishing revolutions and perestroikas. So it is said about the «breadth» of the Russian soul. Berdjaev wrote: «The Russian man is generous in his nature, «broad» like the Russian land, like Russian fields. Slavic chaos storms into him.»

And chaos is related to anarchy. It is known that «... Russian muzsik (мужик) is anarchist in his nature.» Another manifestation of Russian chaos is an inconstancy, which is considered a female feature. Most of the Western writers explain this phenomenon differently. Some of them suggest it is a change of opposing attitudes (capricious like a woman). Others believe it is the inability or unwillingness to refuse any request. In other words, they consider it preferable to initially agree to a request, and then later renege on the promise.

One of the distinctive features of Russians is maximalism, which is expressed by craving for Absolute and negation of relativity. Russian's slogan is «Everything or Nothing.» Dmitriy Likhachev noted: «One feature, being known long ago, is Russian's misfortune, it is an inclination to reach for extremes, limits of possibility.» Schubart suggested that Russian «culture of the end» opposes the Western's «the golden mean» because Russians do not a gray area, that can unite extremes.»

In the beginning of the World War I, N. Berdjaev wrote an article as an answer to Rozanov's book «War 1914 and Russian revival». The article was entitled «About «eternal babje» in Russian soul.» He opposed Rozanov's point of view of «eternal babje's worship of government and power.

He agreed: «Russian people have ability to be submitted to state power, have humility of personality in community... The great misfortune of Russian mentality is its female passivity, which becomes apparent by «babje» lack of courage. Otherwise he confirmed that this «babje» pushes down, destroys Russia and freedom from that «babje» is the salvation of Russia.» Russians' fatalism and weak will result in passivity. Russians have a favorite word «avosj» (авось), «maybe». It

indicates inability to predict future events and to plan. It expresses a feeling of helplessness in the face of power, nature or destiny. It is «oblomovness» («обломовщина»), weak will: Russians often cannot carry their deals through to the end. As a result an image appears, which often is used for comparing Russians to Westerns: the former can reach heights, which the latter cannot. Russians have attained great heights in many areas, literature, science, theatre, but in other areas of everyday life, they fall below the level of common European.

One of the other female features of the Russian soul is openness: Russia is always developing. Russia has simplicity. There are real feelings, a sincere soul and a hate to hypocrisy.

Sensitivity: for Russians, feelings are more valuable than reason, they like to dream and are overly sensitive.

Sacrificialness: Camus wrote: «It is undoubt-

edly true that Russian people can share with Europe their sacrificial power and America - its creative power.»

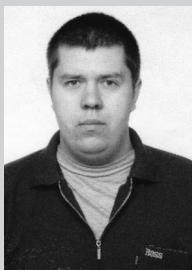
Gentleness (softness) is female care for other people and is characterized by kindness, peacefulness and patience.

But the most mysterious and unknown feature of the Russian soul is its duality, which is a female characteristic. In the Russian soul there are anarchism and a cult of a state, national tolerance and chauvinism, spiritual freedom and terrible slavery, sanctity and amorality.

All these features of the feminine Russian soul determine its attitude towards God, destiny, the world, and its native land as a mother. Everything may be rebuilt and remodeled because nothing is permanent in Russia. So Russia is perceived as a country, in which everything is possible. It is a country of unlimited opportunities.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Р.С. Мухаметов

Мухаметов
Руслан Салихович

ассистент кафедры теории и истории политической науки факультета политологии и социологии УрГУ,
доцент МАДИ

Современное российское государство переживает непростой исторический период после краха коммунистической идеологии. На месте старых установок и доктрин образовался идейный и ценностный вакуум (хотя в последнее время предпринимаются робкие попытки его заполнить). Главный кризис, который испытывает наша страна, - это кризис идентичности, который связан с неспособностью самоопределиваться в качестве субъекта мировой политики. Консервация подобного состояния чревата утратой

Россией своего места и роли в системе международных отношений. В таких условиях становится актуальной проблема поиска консенсуса относительно внешнеполитической идентичности России, что является важным и необходимым условием выхода страны из кризиса. По этому вопросу ведутся уже не первый год широкие дискуссии, которые характеризуются столкновением различных точек зрения и мнений. Сравнительное описание взглядов представителей различных направлений, сравнительный анализ подходов, сформировавшихся в процессе разработки внешнеполитической стратегии России с использованием обширного материала, опубликованного в средствах массовой информации, позволяет представить наиболее полную картину внешнеполитических ориентаций российской элиты.

В современной дискуссии внутри страны по поводу курса российской дипломатии можно условно выделить четыре основных

направления.

Представители направления, которое именуется атлантизмом, считают, что у России нет своего «особого пути» развития. Согласно Г.А. Явлинскому, для нашей страны «очевидным должно быть одно: никакого «третьего», «евро-азиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет»¹. Западники настаивают на том, что исторически Россия принадлежит европейской (христианской) цивилизации. «Наша страна, – записано в программных документах СПС, – принадлежит Западу с X века, когда Русь приняла христианство. Россия во многом сформировала ту культуру, которую принято называть европейской, или западной»². На принадлежность России к европейской цивилизации указывает программа партии Яблоко: «Россия является европейской страной в силу своей исторической судьбы, культурных традиций, географического положения»³. Еще раз повторим, что для данного направления Россия – европейская страна, следующая западной модели развития. Так, в программе партии «Яблоко» записано: «Европейский путь – это рост благосостояния российских граждан, приближение к его европейским стандартам через формирование в нашей стране социально-экономической, экологической и политической модели европейского типа»⁴. Для них Запад – естественный партнер Москвы на мировой арене. Поэтому атлантисты видят основную задачу российской дипломатии в построении сотрудничества с США и ЕС и интеграции в западные политические, экономические и оборонные организации и институты. Так, во внешнеполитической декларации СПС указывается, что «стратегической целью нашей страны должно стать вхождение в политическую организацию НАТО и превращение Альянса из военного блока времен холодной войны в политический союз, отвечающий реалиям сегодняшнего дня и устремленный в будущее»⁵.

Среди атлантистов нет единства по ряду серьезных мировоззренческих и идеологических вопросов. Условно можно выделить

два самых крупных течения – «западно-европейское» (или умеренное) и «англо-американское» (или радикальное), которые конфликтуют друг с другом. В первом случае Россия претендует на роль полноправного члена западного сообщества, а во втором – младшего партнера США, который будет «действовать под протекцией Америки, став геополитической пролонгацией американской мощи»⁶.

Таким образом, атлантисты считают Россию частью западной цивилизации и видят главный геополитический интерес нашей страны в том, чтобы всегда следовать в русле общеевропейской политики (подразумевая при этом отождествление национальных интересов России с интересами западного сообщества).

Другая часть политиков и исследователей считает, что однозначная ориентация России на Запад является ошибкой и что Москва должна строить свою внешнюю политику по обоим геополитическим направлениям, выступает за баланс между Востоком и Западом, использование преимуществ от связи как с теми, так и с другими. Наиболее яркими представителями данной внешнеполитической ориентации являются А.Д. Богатуров, М.М. Кожокин, К.В. Плешаков, С. Кортуннов, С.М. Рогов⁷. Они единодушны в том, что России уготована особая историческая миссия. В силу своего геополитического положения наша страна «обречена» на роль «моста» между двумя цивилизациями – Востоком и Западом. Россия соединяет в себе черты обеих цивилизаций и потому в современных условиях естественным образом выдвигается на роль посредника между ними и – одновременно – гаранта евразийской стабильности. Как считает С. Кортуннов, «Россия – межцивилизационный мост между... континентами, обеспечивающий устойчивость мира»⁸.

Еще одним вариантом внешнеполитической ориентации России может стать Союз с Востоком и Югом против индустриально развитого Севера (т.е. Запада). Данной точки зрения придерживаются современные евра-

зийцы. Они считают, что Россия – не просто «мост» между Европой и Азией, а является особой («третьей») цивилизацией. Согласно работе Н. Нарочницкой «Россия – это не Восток и не Запад», «Россия сама является своего рода целым миром»⁹. По мнению Г.А. Зюганова, историческое своеобразие нашего государства заключается в следующем, а именно:

- с геополитической точки зрения, Россия – стержень и главная опора евразийского континентального блока, интересы которого противостоят гегемонистическим тенденциям «океанической державы» США и атлантического «большого пространства»;

- с мировоззренческо-идеологической точки зрения, Россия – выразитель культурно-исторической и нравственной традиции, фундаментальными ценностями которой являются соборность, коллективизм, державность (государственная самодостаточность) и стремление к воплощению высших идеалов добра и справедливости;

- с этнической точки зрения, Россия есть сложная многонациональная общность;

- с экономической точки зрения, Россия есть автономный хозяйственный организм, принципиально отличающийся по законам своей деятельности от западной модели «свободного рынка»¹⁰.

Основную угрозу для России неоевразийцы видят в «торговой цивилизации», глобализации по-американски, национальные интересы которой заключаются в обладании пространством и богатствами, принадлежащими народам евразийского континента, превращении The Rest в сырьевой придаток для государств «золотого миллиарда». Согласно А.Г. Дугину, «ответом на глобализацию атлантической модели, на создание «единого мира» под эгидой Запада должно быть выдвижение Россией «Евразийского Проекта»¹¹. «Несущим каркасом Евразийского Континентального Союза призван стать геополитический треугольник «Россия – Индия – Китай», – пишет А.В. Иванов¹².

Наконец, вариантом внешнеполитической ориентации России может стать ее определенная дистанция от других акторов (субъектов)

мировой политики и международных отношений. Данный взгляд разделяют неоиоляционисты, яркими представителями которых выступают А.И. Солженицын, И. Чубайс, В.Л. Цымбурский. Они предлагают уйти от прозападных и евразийских искушений, настаивают на интенсивном обустройстве и активном освоении восточных зауральских территорий, а также выступают за признание нынешних границ России, отказ от внешней экспансии и «глобальной миссии» России, исключение из нашего лексикона слов «война» и «агрессия»¹³.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что постоянные дискуссии о пути развития страны (одни выступают за западноевропейский путь, другие – за идеологию «особого пути») способны серьезно дезориентировать внешнюю политику России. Отсутствие консенсуса по внешнеполитической идентичности государства (у одних это атлантизм и европейский выбор, у других – ставка на самобытность), неизбежно лишает отечественную дипломатию четких базовых ориентиров.

1. Явлинский Г.А. Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М., 2006. С. 125.
2. Гозман Л., Дондурей Д., Драгунский Д., Колесников А. Свободный человек и его миссия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=42074>
3. Программа партии «Яблоко» «Демократический манифест» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yabloko.ru/Union/programma.html>
4. Там же.
5. Декларация Об основах внешнеполитической концепции политической партии «Союз правых сил» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <http://www.sps.ru/?id=205722>
6. Семин Б., Абдул-Хаким Султыгов. Неконструктивные амбиции или рациональные интересы? // НГ - сценарии. 1999. № 3. С. 14.
7. См.: Богатуров А.Д., Кожокин М.М., Плешаков К.В. Внешняя политика России // США: экономика, политика, идеология. 1992. № 10. С. 27-41; Они же. После империи: демократизм и державность во внешней политике России. М., 1992; Картунов С. Какая Россия нужна миру? // Pro et Contra. 1997. № 1; Плешаков К. Миссия России. Третья эпоха // Международная жизнь. 1993. № 1; Рогов С.М. Россия между Европой и Азией: поиск стратегии (изоляция от интеграции) // НГ-сценарии. 7.12.2000. С. 12-13.
8. Картунов С. Указ. соч. С.
9. Нарочницкая Н. Россия – это не Восток и не Запад // Международная жизнь. 1993. № 9. С. 48.
10. См.: Зюганов Г.А. Россия и современный мир.

М., 1995. С. 20.

11. Дугин А. Евразийский путь как национальная идея. М., 2002. С. 90.

12. Иванов А.В. Евразийское мировоззрение и геополитические приоритеты России в 21 веке // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 3. С. 17.

13. См.: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. М., 1990. С. 9; Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 3. С. 8-9; Чубайс И. Новая российская идея // НГ – Сценарии. 19.09.96. С. 4.

УРОКИ АВГУСТА

Л.Г. Фишман

Фишман
Леонид Гершевич

доктор политических наук,
старший научный сотрудник
Института философии и
права УрО РАН,
академик МАДИ

В последние годы в рядах российской политической элиты утвердился довольно циничный взгляд, что во внешней политике у России не может быть друзей, кроме разве что армии и флота. Могут быть только партнеры, привлекаемые взаимной экономической выгодой или военной мощью, или экономической помощью и т.д. И уж точно, у России не может быть друзей чисто по идеологическим соображениям: были у нас в свое время советские иллюзии, а до них панславянские, религиозные и т.д. А еще мы не так давно пробовали перенять западные либерально-демократические идеологии, вот только дружественнее от этого Запад к нам не стал, а лишь воспользовался слабостью и расширил НАТО на Восток. Поэтому, пришли к выводу российские элиты, а заодно и обслуживающая их политическая мысль, идеология нам для построения отношений в мире не нужна. Достаточно иметь партнеров и интересы. Они забыли, как еще недавно жаловались, что СССР проиграл Западу холодную войну именно по идеологической причине, что западный образ жизни и западные ценности в определенный период оказались просто привлекательнее отечественных.

Скоротечная война с Грузией, однако, выявила одну существенную деталь. Если идеология и не нужна для дружбы, то она очень

неплохо подходит для вражды, для осуждения противника. И то сообщество стран-друзей, которым является Запад, такую идеологию, при всех возможных оговорках, имеет, а Россия – нет. Поэтому М. Саакашвили мог с полным основанием заявлять: «Русские пытаются взвалить вину на одного человека. Они говорят себе, что если США убрали (в Ираке) лидера, который им не подходил, то почему им нельзя? Если Запад признал Косово, почему им нельзя действовать так же? Но каждый раз русские действуют, исходя из прямо противоположных мотивов. Они хотят избавиться от моего правительства, *потому что мы – демократы* (курсив мой – Л.Ф.)»¹.

Как точно подмечает Т. Алексеева, «...там, где Россия выступает как государство, она сталкивается как с постсоветскими государствами, переориентировавшимися на Запад, так и с их западными консультантами. При этом демократия выступает на международной сцене в качестве идеологии, так сказать *истины в последней инстанции*, неоспариваемой и догматизированной, т.е. в качестве некоего критерия адекватности или неадекватности того или иного государства»². Именно с этим критерием, неважно, насколько он хорош или нет, судили Россию, причем ей было нечего толком противопоставить.

И действительно, какие аргументы у нас могли быть в информационной войне против Запада? Основной из них был до боли похож на претензии советских диссидентов советскому же государству: вы сами не соблюдаете собственных правил. Но это всегда заведомо слабый аргумент. Никто не способен играть по собственным идеологическим правилам всегда и везде хотя бы потому, что реальность сложнее правил. Поэтому нередко сильные государства поддерживают слабые страны с

иными политическими режимами по принципу «это наш сукин сын». Точно так же делали и мы, и делаем до сих пор. Разница заключается в том, что у стран и альянсов с четко выраженной идеологией поддержка «сукиного сына» имеет также и моральное оправдание. «Цель оправдывает средства» – сомнительная моральная максима, но по большому счету целью, ценностями, идеологией только и можно оправдывать применяемые средства. Все остальное – заведомо проигрышная стратегия. Как откровенно выражается Р. Кейган, в случае западных демократий «либеральное кредо дает это право – вера, что все люди созданы равными и имеют некоторые неотъемлемые права, которые не должны ущемляться государствами; что правительства черпают свою власть и законность только из согласия управляемых и связаны долгом защищать права своих граждан на жизнь, свободу и собственность. Для тех, кто разделяет это либеральное убеждение, иностранная политика и даже войны, которые защищают их принципы, как в Косово, могут быть верными, даже если международное законодательство утверждает, что они неверны»³.

Но вот если идеологии нет, то поддержка «сукиного сына» сразу приобретает откровенно циничный и прагматичный характер как в глазах собственных граждан, так и за рубежом. Правда, и в этом случае страна не останется совсем уж без «друзей», есть такие «друзья» и у нас, которым мы либо покровительствуем, либо налаживаем партнерские взаимоотношения, ссылаясь при случае на их благоприятную по отношению к нам позицию.

Проблема заключается в том, что все эти «друзья» идут разными курсами, а их политические режимы, как правило, очень плохо совместимы с нашим именно в идеологическом плане. Иными словами, в ситуации, подобной сложившейся после пятидневной войны, хор таких «друзей» не может быть противопоставлен хору единомышленников в идейном плане стран Запада: его просто нет и не может быть.

В этом нетрудно убедиться, кратко описав, что представляют собой в идеологическом плане наши «друзья и союзники».

Белоруссия: «научный национализм». Он представляет собой смесь либерализма, консерватизма и социализма. От либерализма берутся идеалы свободы человека, гражданского общества с равными возможностями для его членов, правового государства. Консерватизм оказался привлекателен своей приверженностью традиции, эволюционному пути развития и национальным ценностям. Из социализма заимствуются социальное равенство и справедливость, коллективизм и общественная собственность. Все это подается на православно-христианской основе и сопровождается рассуждениями о восточно-славянской цивилизационно-культурной идентичности⁴.

«Стремление осовременить и наукообразить идейные построения, опереться на признанные западные авторитеты – общая черта и украинского «научного национализма», и идеологии белорусского государства»⁵.

Венесуэла: левый национализм и боливарианская революция.

Идеология режима Чавеса видна по его практике.

Чавес остановил приватизацию алюминиевой промышленности и нефтяного сектора, а также национальной системы социального обеспечения. Был разработан план «Боливар-2000» по строительству дорог и жилья для малообеспеченных слоев населения. Также были проведены в жизнь программы по перераспределению сельскохозяйственных земель и поддержке системы здравоохранения и бесплатного среднего образования.

После путча 2002 были разработаны долгосрочные программы развития страны т.н. «Миссии Боливара», направленные на улучшение условий жизни наиболее обездоленных жителей Венесуэлы. Так по программе борьбы с неграмотностью к 2006 году 1 250 000 взрослых венесуэльцев научились читать и писать. В рамках «Миссии Сукре» за последние годы более 2 миллионов человек из необеспеченных слоев общества смогли получить бесплатное высшее образование. Еще 5 миллионов получили дипломы о законченном среднем образовании («Миссия

Рибас»). Для защиты и развития коренного индейского населения Венесуэлы была разработана «Миссия Гуайкайпуру». По другим социально-экономическим программам венесуэльского правительства были построены тысячи новых бесплатных медицинских учреждений, увеличены субсидии на продукты питания и жилье, были поставлены на учет для получения социальных пособий миллионы венесуэльцев.

На многих предприятиях возникли рабочие комитеты, которые участвуют в управлении производством. Из-за сопротивления прежних хозяев новой рабочей политике правительством Уго Чавеса были национализированы крупнейшая бумажная компания «Венепал», а также несколько сахарных заводов. Усиленно продолжается процесс перераспределения сельскохозяйственных земель в пользу безземельного крестьянства. Все чаще в высказываниях команданте Ча встречаются призывы строить социалистическое общество, основываясь на идеях Маркса и Ленина⁶.

Китай: социализм с китайской спецификой.

Теоретический фундамент деятельности современной Компартии Китая обозначается следующим образом: 1) марксизм-ленинизм, 2) идеи Мао Цзедунa, 3) теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой, 4) важные идеи Цзян Цземина о тройном представительстве. В основе всех нынешних преобразований в КНР лежит известная теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой, принятая еще XV съездом КПК в качестве официальной руководящей идеологии партии. В основе китайских экономических реформ, начатых Дэн Сяопином, лежат два принципа:

1) Все реформы должны проводиться в интересах абсолютного большинства населения, которое должно иметь очевидную выгоду от этого.

2) Для абсолютного большинства населения цена реформ должна быть приемлемой, а антагонизм между социализмом (планом) и капитализмом (рынком) в стране, в которой

правит Компартия, – должен контролироваться. Противоречия между разными формами собственности, между трудом и капиталом находятся под контролем КПК и используются для ускорения строительства социализма с китайской спецификой.

Правда, в реальности все свидетельствует о том, что Китай сосредоточенно работает исключительно на себя, пока решая сугубо национальные задачи. Ленинский тезис о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране в Китае трансформирован в лозунг неравномерного, опережающего роста богатства в условиях рыночной экономики сначала у отдельных лиц и в отдельных регионах, которые должны вытянуть к «среднезажиточному обществу» всю страну.

Но в последние годы предпринимаются попытки скорректировать «слишком далеко» зашедший китайский капитализм влево и поэтому с приходом к власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао китайское руководство все чаще обращается к тем вопросам, которые поставлены «новыми левыми». Идет даже речь о формировании официального «неосоциалистического» проекта: правящая компартия не хочет, чтобы ее считали покровителем неолиберализма. Новое руководство развернуло кампанию критического изучения неолиберализма. «На уровне официального обществоведения он рассматривается как опасное течение, закрепляющее на интеллектуально-теоретическом уровне мировое господство монополистического капитала. При этом власти умело перенаправили острие полемики с китайских проблем на Латинскую Америку и бывший СССР, утверждая, что эти регионы превратились в «зоны бедствия» из-за американской политики навязывания либеральной модели другим странам»⁷.

Иран: исламская оболочка обычного капитализма.

Современный Иран представляет собой капиталистическое государство с мощным государственным сектором, где «исламизм» является идеологической оболочкой, скрепляющей общество. Несмотря на то, что в Иране повсюду подчеркивается исламский характер

государственной системы, запрещены западные музыка и кино, а женщины носят платки, назвать Иран истинно исламской страной сложно. По сути, «исламскость» Ирана выражается в том, что правящая верхушка преимущественно представлена религиозными клерикалами. Строго говоря, государственная власть в Иране разделена между муллами и светскими чиновниками. Мы видим, как это отражено на высшем уровне. Глава государства – аятолла Хаменеи, выполняющий роль духовного лидера (фактически законодательной власти), и светский по статусу президент Ахмадинежад. При этом как религиозная верхушка, так и светская срослись с буржуазией, став не только правящей элитой, но и имущей⁸.

Сирия: социализм и национализм.

Идеология правящей в Сирии партии БААС изначально соединяла в себе социализм и национализм. Лидеры партии требовали национализировать все компании с иностранным капиталом и объединить все арабские государства.

БААС является партией светской, к исламу равнодушной; ее основатель Мишель Афляк исповедовал христианство. Отделения БААС действовали во многих арабских странах, но наибольших успехов партия добилась в Ираке и Сирии, где стала правящей. В настоящее время партия в значительной мере потеряла свой идеологический заряд, превратившись в партию госчиновников и прочих новых кадров оппортунистического образца.

Таким образом, у большинства из дружественных нам режимов единственно общее с нашим – отстаивание национальных интересов под совершенно разными идеологическими соусами. И, разумеется, антиамериканизм. Кроме того, это действительно недемократические по западным меркам режимы с единственной общей целью, которую китаец Ли Пенг сформулировал в разговоре с иранцем Рафсанджани: Китай и Иран объединены общим желанием построить мировой порядок, при котором «выбор какой бы ни было системы в стране, является делом народа этой

страны».

Поэтому замечание цитированного выше американского политолога о том, что США и Западу придется противостоять своего рода союзу автократий, только отчасти справедливо. Отчасти – потому, что такой союз в действительности вряд ли сложится, а если сложится, то никогда не будет прочным. Союзы государств, для каждого из которых национальные интересы являются высшим приоритетом, и которые поэтому при случае ведут искусные геополитические игры друг против друга, – такие «оси дружбы» всегда будут чреваты изменами.

И действительно, прочность и искренность отношений, пронизывающих «оси дружбы», в которые сейчас якобы входит Россия, можно адекватно оценить, например, по такому пассажи их ярого сторонника А. Дугина:

«Эти «оси дружбы» складываются следующим образом: Россия – Европа, Россия – исламский мир, Россия – Китай. *Не входя ни в один проект, балансируя между этими полюсами, Россия заинтересована в том, чтобы поддерживать каждый из них в общей системе оппонирования однополярным устремлениям США* (Курсив мой – Л.Ф.). В таком случае национальная идентичность России определяется на основании двух факторов: противостояние американоцентричному глобализму (именно антиамериканизм, кстати, питает в значительной степени и новую европейскую идентичность) и самостоятельная независимая позиция в отношении всех крупных полюсов. Будучи антиамериканской, Россия не должна быть ни европейской, ни исламской, ни китайской. Именно в этом балансе она получает возможность выработать свой собственный «большой проект»⁹.

Поразительная наивность! И нашим, и вашим, а если что не так – можем и в спину ударить, чтобы свой проект выработать. Беда только в том, что почему-то такой самостоятельный проект никак не вырабатывается. Не открывается ли ларчик просто: самостоятельных цивилизационных проектов не существует в природе, и в действительности их никогда не было. Убеждение в том, что такие проекты возможны – интеллектуальная

иллюзия, возникшая в условиях кризиса Модернового проекта в результате двух мировых войн. Поэтому даже и сейчас, когда говорят, что проект Модерна вытесняется пока еще размытой идеологией глобализма, трудно не заметить, что по крайней мере в некоторых отношениях глобализм пытается продолжать старый модерновый проект, который изначально был ориентирован на весь мир, все нации и культуры.

С этой точки зрения идеологии наших друзей, равно как и то, что заменяет у нас официальную идеологию сейчас, являются обломками потерпевших поражение разновидностей проекта Модерна, в которых его глобальная направленность по необходимости была замещена национализмом.

Разумеется, «друзья», с которыми у нас в идеологическом смысле нет ничего общего кроме национализма* – такие «друзья» всегда готовы «кинуть» нас в критической ситуации.

Как, например, поступил наш союзник и «лучший друг России» Лукашенко, который в течение пятидневной войны так и не промолвив ни слова поддержки в адрес Москвы – желая таким образом улучшить отношения... с США и продать свою поддержку России возможно более выгодно. В то же время Китай недвусмысленно подтвердил поддержку территориальной целостности и суверенитета Грузии, а ШОС денонсировал российское использование силы в регионе и призвал к уважению территориальной целостности каждой страны.

Но это – о «друзьях». Что же сказать о «не друзьях»?

Почему в нашем ближнем зарубежье некоторое время назад свершился целый ряд успешных «оранжевых революций», которые так и не смогло предотвратить вмешательство России? Потому что при «политике-бизнесмене» В. Путине стало окончательно ясно, что Россия будет действовать, исходя только из выгоды ее правящей элиты. Причем эта Россия рада бы насадить у своих соседей авторитарно-олигархические режимы или поддерживать уже имеющиеся. Только вот соседи, особенно не имеющие собственной

нефти и газа, уже не могут себе такие режимы позволить.

Давно бы надо понять, что успех «оранжевых революций» – не столько следствие происков врагов, сколько сознательный выбор народов, которым органически неприятны как современный российский режим, так и до не давних пор существовавшие его местные аналоги. К тому же российскому режиму нечего предложить соседям, кроме поставок вооружений (как Чавесу) и ресурсов: у него нет ни привлекательной идеологии, ни способного успешно конкурировать с западным видения мировых проблем. Зато есть все возрастающая тяга к авторитарности, стремление решать вопросы силовыми методами, сворачивание пространства публичной политики и политических свобод.

Поэтому соседи видят в России просто недружественно настроенную и, главное, все более непредсказуемую силу. От силы, не отягощенной моралью, можно спастись только силой: соседи косяком тянутся в НАТО.

В такой ситуации, как бы там не обстояли дела в действительности, Запад выиграл против нас информационную войну по поводу Грузии и будет выигрывать еще долго. Но не бесконечно, поскольку уроки пятидневной войны отнюдь не сводятся к иллюстрации полезности наличия идеологии в информационных войнах.

Каковы же тогда были уроки августа 2008 года, уроки пятидневной войны?

И. Валлерстайн, несомненно, был прав, когда заметил, что для США этот урок был таков: они считали себя единственной сверхдержавой, но на деле оказались «просто сверхдержавой», если не обычным «сильным государством», как и Россия.

А в чем же заключался урок для России? В свое время о Саддаме Хусейне писали как о первом лидере незападного мира, который бросил военный вызов западной стране, что стало одним из ярких симптомов конца современного миропорядка. Россия в определенном смысле зашла еще дальше, отбросив флер идеологии и занявшись чистой «геополитикой». И в этом она полностью солидарна со своими «друзьями» вроде Китая и Ирана,

стратегия которых в конечном итоге заключается в том, чтобы разрушить невыгодный для них миропорядок.

Раньше только говорили о том, что если Америке позволено открыто нарушать международные правовые нормы, то можно и остальным, у кого только хватит на это силы и наглости. Россия попробовала это сделать первой и получилось. И ей ничего за это по большому счету не было. Нет ничего страшного в том, что Россию поругали на Западе, пообзывали фашистской, поиздевались над ее ржавой военной машиной и в очередной раз отложили прием в ВТО. Насчет ВТО – это, может быть, даже и к лучшему. А что Грузия и Украина с удвоенной силой запросились в НАТО: так чуть раньше, чуть позже – они все равно давно этого хотели. Зато в действительно важных вопросах положение России не изменилось: Евросоюз не прекратит торговать с нами; более того, Запад готов принять нашу финансовую помощь в преодолении кризиса.

В конце-концов, когда Россию записывают в мифический союз автократий против демократий, де факто подразумевают, что она входит в сообщество в общем-то модернизированных, но еще недостаточно демократизированных государств. С этой точки зрения противостояние капиталистических демократов таким же автократам, очередным эпизодом которого стала пятидневная война, не имеет антагонистического характера. Потому что по большому счету пока все автократии просто хотят достигнуть у себя дома того же, чего достиг Запад – модернизироваться. Можно легко представить ситуацию таким образом, что все автократии своими путями продвигаются к какой-нибудь разновидности демократии с либерализмом и капитализмом. Правда, «экологическая ниша» уже занята (одного Китая хватит, чтобы загубить биосферу, если только он весь начнет жить по западным потребительским стандартам) – и заставить потесниться можно только более или менее силовыми методами, порою открыто пренебрегая правовыми нормами. Равно как и удержать эту нишу за собой. Но это все

– «дело техники».

По большому счету автократам остается только научиться выигрывать у демократов информационные войны, что вполне достижимо, если они станут использовать все ту же моралистическую риторику просвещенческого происхождения. А это вовсе не так трудно, как может показаться вначале: в мире без правил убийства демократами мирных жителей будут выглядеть нисколько не лучше их убийства злыми автократами и вызывать не меньшее возмущение. Что, впрочем, нисколько не радует.

1. М. Саакашвили: Россия настолько уязвима! («Le Monde», Франция). - <http://www.inosmi.ru/translation/244130.html>.
2. Материалы круглого стола ИФ РАН. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта // ПОЛИС, № 5, 2008. С.65.
3. Кейган Р. Конец конца истории. - http://states2008.russ.ru/publikaciya_nedeli/robert_kejgan_konec_konca_istorii.
4. Перепелица Е.В. Ценностные доминанты идеологии белорусского государства. Минск 2006. С.24-61
5. Горизонтов Л. Беларусь: уроки государственной идеологии - http://www.dumaem.ru/printkz.php?st_id=647.
6. Народу - народное. - Сайт по пропаганде социалистических идей Уго Чавеса в России. <http://commandantecha.narod.ru/cha.htm>.
7. Борох О. Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР. <http://www.polit.ru/research/2006/04/20/boroh.html>.
8. Исаев Г. Иран и США: конфликт надуман? - <http://www.idelo.ru/468/15.html>.
9. Дугин А. Есть ли друзья у России? // «Время новостей» № 151, 23 августа 2006.

* Характерна в связи с этим краткая подборка мнений об Уго Чавесе, которая отлично иллюстрирует как наши политические лидеры воспринимают наших друзей и как наши друзья воспринимают друг друга:

«Президент России Владимир Путин: «Господин Чавес относится к новому поколению латиноамериканских политиков – политиков, которые точно, ясно и очень конкретно понимают и последовательно отстаивают национальные интересы своих государств». ...

Президент Белоруссии Александр Лукашенко: «Уго Чавес – очень образованный, толковый и сильный человек. Наверное, он стремится стать лидером Латинской Америки. Уго Чавес этого заслуживает: он неординарный человек, совсем не такой, каким его показывают западные СМИ».

Президент Ирана Махмуд Ахмади-Нежад: «Уго Чавес – выдающийся лидер и вдохновитель революционного движения в Южной Америке. Он вносит огромный вклад в дело разоблачения империализма. Я могу прямо сказать, что он мой брат и, дай бог, боевой соратник. Уго Чавес – брат всего иранского народа и вообще брат всех, кто ищет свободу». (см. Уго Чавес//Власть №48(702) от 4.12.2006).

«ПОЧЕМУ ОДНИ ЛЮДИ НЕ ЕДЯТ ДРУГИХ», ИЛИ ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ СОЦИОЛОГИЯ. ИНТЕРВЬЮ С Б. В. ДУБИНЫМ

И.Б. Фан

Б.В. Дубин (1946, Москва) – руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центра»).

Б.В. Дубин – автор многочисленных публикаций на русском и ряде иностранных языков, в том числе монографий: «Литература как социальный институт» (1994, в соавторстве с Л. Д. Гудковым), «Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях» (1995, в соавторстве с Л. Гудковым, переизд. 2008), «Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры» (2001), «Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры» (2004), «На полях письма. Заметки о стратегиях мысли и слова в XX веке» (2005), «Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки» (2007), «Проблема „элиты“ в современной России» (2007, в соавторстве с Л. Гудковым и Ю. Левадой, переизд. 2008). Весьма внушителен перечень изданий, в которых опубликованы статьи Б.В. Дубина, радио и телеканалов, на которых состоялись его публичные выступления: «Вестник общественного мнения», «Социологический журнал», «Pro et

Contra», «Новое литературное обозрение», «Критическая масса», «Неприкосновенный запас», «Иностранная литература», «Знамя», «Отечественные записки», «Синий диван», «Индекс. Досье на цензуру», «Знание – сила», «Огонек», «Новая газета», «Коммерсантъ», «Эхо Москвы», «4 канал», «Радио Свобода» и др.

10-11 апреля 2008 г. в Екатеринбурге в Гуманитарном университете проходила XI Всероссийская научно-практическая конференция «Современная Россия: путь к миру – путь к себе». Помимо сделанного на пленарном заседании доклада «Россия и мир в мнениях и оценках россиян», вызвавшем чрезвычайный интерес участников конференции, Б.В. Дубин совместно с Л.Д. Гудковым прочитал лекцию на тему «Человек и культура в посттоталитарном обществе» для студентов и преподавателей университета, выступал на «круглом столе», секциях, на телевидении, интенсивно общался с общественностью и журналистами. Уральская и российская публика, ранее знакомая с Борисом Владимировичем лишь по публикациям, открыла его для себя еще и вживую как интереснейшего, глубоко эрудированного специалиста, прекрасного оратора и обаятельного человека. Б.В. Дубин идет нетрадиционным для ученого путем, двигаясь не по ступеням академических степеней и званий, а от одного исследовательского проекта к другому, через выдвижение гипотез, их проверку и углубление знания о собственном обществе. Б.В. Дубин публичный человек, активно участвующий во многих научных, общественно-политических и культурных проектах. Он является членом жюри премии имени А. Сахарова «За журналистику как поступок», премии Андрея Белого, сотрудничает с Фондом «Либеральная миссия» и Фондом Карнеги, рядом европейских и российских вузов, в частности, Институтом Европейских культур. Теоретическую и практическую работу социолога он сочетает с литературным

творчеством, публицистикой, журналистикой, правозащитной деятельностью, переводами произведений западноевропейской научной и художественной литературы, литературной критикой, библиотечным делом, Интернет-проектами, разработкой оригинальных образовательных программ.

- Борис Владимирович, расскажите немного о себе – о родителях, как стали социологом, как пришли в «Левада-Центр»?

- Я – москвич в первом поколении. Мои родители родом из деревни, отец – с Украины, мать из-под Саратова. Оба они медики, познакомились и поженились на Дальнем Востоке. Затем переехали в Москву, где я и родился. По образованию я филолог, правда, филолог не полноценный. В 1965 г. я поступил на экспериментальное отделение филологического факультета МГУ «Русский язык за рубежом». Предполагалось, что на этом отделении будут готовить филологов-прикладников для обучения русскому языку и литературе студентов той или иной дружественной Советскому Союзу страны Азии, Африки или Латинской Америки на языке данной страны. Но почти сразу же нас переквалифицировали – набрали французскую группу и обучали по только что сконструированной программе, отличающейся от типовой программы для филологов. Древняя литература нам давалась в малом объеме, у нас не было фольклора, некоторых лингвистических дисциплин, зато присутствовали объемные курсы страноведения и французского языка. Однако под распределение - в Марокко, Алжир, Тунис или Сенегал я не попал, поскольку во времена моей университетской учебы я оказался в числе идеологически неблагонадежных студентов, и получил вольный диплом.

Начал я работать в библиотеке им. В.И. Ленина в 1970 г. библиотекарем в отделе хранения – подбирал литературу по читательским требованиям и отправлял ее в читальные залы, потом принимал обратно. С начала 1972 г. я оказался в научно-исследовательском отделе библиотеки и начал заниматься социологией чтения и читательских интересов. Так и начиналась социология в моей жизни. Осваивал

ее я, как и большинство в этот период, самоучкой, пришлось самостоятельно (отчасти – по первым появившимся пособиям, отчасти – с помощью окружающих), учиться всему – делать анкеты, строить графики, считать таблицы, опрашивать людей и т.д. Однажды, зимой 1973-1974 г., я проводил опрос о чтении и пользовании библиотекой и в одной из деревень Свердловской области.

В 1977 г. в наш отдел пришел Лев Гудков. С ним и несколькими сверстниками мы взялись за проект по социологии литературы. Так я стал двигаться в сторону социологической теории. В последующие годы мы занимались социологическими исследованиями в нескольких организациях. В 1988 г. руководство Всесоюзного ЦИОМа (Т.И. Заславская, Б.А. Грушин) пригласило заведовать отделом теории Ю.А. Леваду, который собрал своих прежних сотрудников и меня вместе с ними у себя в отделе. Затем центр стал Всероссийским. В 2004 г. был образован Левада-Центр. Исходный состав людей в нем во многом сохранился – по крайней мере, все, кто начинал работу с Ю.А. Левадой, остались. В прошлом году мы отмечали 20-летие нашего коллектива, выпустив к юбилею большую книгу избранных статей, опубликованных за все время его существования, она называется «Общественный разлом и рождение новой социологии: Двадцать лет мониторинга». Мы очень гордимся тем коллективом, который сложился в результате всего нашего пути. Его создание – во многом заслуга самого Ю.А. Левады, но также каждого из его членов, приносившего свои идеи и силы в выдвижение и реализацию исследовательских проектов центра. Нам всем интересно работать вместе друг с другом и заниматься тем, чем мы занимаемся.

Параллельно с этим шла моя литературная работа. С 1970 г. я занимался переводами сначала поэзии, а затем и прозы. Жизнь делилась на две части, одну из них составляла переводческая работа, а другую – социологическая, околосопроводительная, околосопроводительная деятельность, а также изложение на бумаге каких-то собственных соображений по поводу литературы. Это трудно определить

одним словом: одна моя рука была социологическая, другая – околелитературная. Я пытался осмыслить то, что переводил сам или создавали мои коллеги-переводчики, писал о том, о чем мне было интересно писать. Я не могу назвать себя писателем, скорее, я литератор, который занимается разными вещами, связанными с литературой. Это не совсем литература и не философия, а нечто малопонятное. Даже после ухода из библиотеки им. Ленина остался старый замысел, связанный с литературой. Л.Д. Гудков и я продолжаем заниматься социологией культуры, чтения, книжного дела, хотя и в меньшей степени, чем раньше.

Так сложилась моя исследовательская жизнь. Я никогда не защищал диссертаций. С молодых лет я был в несколько маргинальной позиции по отношению и к академическому сообществу, и к господствующей идеологии, и к литературному мейнстриму. Мне всегда было интересно заниматься тем, что на краю, для чего нет стандарта, стереотипа. При этом я понимаю «готовые» вещи, но мне интересно делать нечто неожиданное, мои пристрастия связаны с такими предметами или занятиями, когда результат заранее неизвестен, не предопределен.

- С каких языков Вы переводили поэзию и прозу?

- Я не могу сказать, что знаю много языков, за исключением французского, которым владею если не лучше, то увереннее, чем другими: преподаватели языка в МГУ были отличные. Правда, раньше практики было мало, но потом, в девяностые, появилась возможность выезжать за рубеж, я начал более активно использовать французский. И все-таки живой язык я уже потерял. А остальные языки я изучал сам, осваивая их через ту литературу, которую читал и переводил, особенно, через стихи. Это не совсем то, что требуется, чтобы знать язык. В основном я работаю с литературным языком, перевожу с английского, французского, испанского, португальского, итальянского и польского языков. Переводил я не только художественные произведения – стихи, прозу, эссе, принадлежащие поэтам и писателям, но и философскую эссеистику,

немного – работы по социологии культуры, литературы, писательские размышления. Самая большая моя работа, которая заняла чуть ли не четверть века, это Борхес – стихи, проза, эссе. Сначала был один томик, потом, опять-таки лишь в девяностые, появились трехтомник и даже четырехтомник. Затем я сам стал писать о нем. Это самая объемная моя работа этого плана.

Я переводил преимущественно испано-язычную литературу – поэзию и прозу испанских и латиноамериканских авторов, в основном это были поэты XIX и, особенно, XX века. Но занимался и переводами поэтов средневекового периода и эпохи Ренессанса, например, старинных испанских песен. Самые крупные мои работы в жанре эссеистики – это С. Зонтаг (с английского), Октавио Пас и Ортега-и-Гассет (с испанского), Чеслав Милош (с польского), Анри Мишо, Ив Бонфуа, Филипп Жакоте (с французского), Фернандо Пессоа (с португальского). Последний автор – замечательный, самый великий португальский поэт и эссеист. Его фамилия означает «персона», и это не псевдоним, хотя у него было несколько десятков псевдонимов, и он обожал эти игры. Не менее примечательна биография и творчество еще одного странного мастера эссеистики, философа Чорана. Он родился в Румынии, какое-то время писал на родном языке, затем перед Второй мировой войной переехал во Францию, перешел на французский язык и больше никогда не писал на румынском. Его я переводил довольно много – эссе, записные книжки, афоризмы. Это был большой пессимист, скептически относившийся к прогрессу, к духу, который владел Европой на протяжении XIX-XX веков, человек очень тяжелый, внутренне переломанный. В 1930-е годы он примыкал к румынским националистам, в какой-то мере близким к фашистам, но никогда не состоял в нацистской партии, в отличие от его друга Мирчи Элиаде. Потом он жестоко в этом раскаивался, во второй половине жизни пытался многое искупить. Хотя в ошибках и грехах молодости никогда публично не каялся. Надо заметить, что те люди, которые в Европе 1930-х годов были националистами и даже

фашистами, никогда не приносили покаяния. В отличие от них левые – коммунисты, социалисты, после 1953-1956 годов, особенно, после разоблачения культа личности и венгерских событий, каялись в собственных ошибках и заблуждениях. В книге Чеслава Милоша «Порабощенный разум» идет речь о том, как устроено человеческое сознание, с пронзительной силой раскрывается эволюция разума: психологический механизм соблазна коммунизмом, переход к разочарованию и покаянию. Милош не был партийным идеологом или активистом, он лишь кратковременно участвовал в общем движении, был частью системы социалистической Польши, а позже искупал свое кратковременное участие в этих процессах. Люди левого направления каялись. Но вот соблазненные фашизмом, насколько я знаю, такого публичного покаяния не приносили. Почему так происходит – эта проблема занимает меня, но ответа на нее у меня нет.

- Перейдем от художественного постижения реальности к научному. Какова роль социологии в изменении человека и общества применительно к нынешней российской ситуации?

- Серьезным и неизменным убеждением коллектива Левада-Центра является то, что выразил сам Ю.А. Левада: социология работает на самопонимание общества. Обществу традиционному, иерархическому, кастовому, сословному социология не нужна, она там и не появляется. Социология возникает в обществе, где разнообразие выступает в качестве основы социальных отношений, где выбор осуществляется людьми постоянно. В таких условиях нужен инструмент, позволяющий понять, как устроен, на чем держится социальный порядок, что такое социальные интересы, взаимность, взаимодействие, ориентация на успех, достижение, почему одни люди – при всех различиях – «не едят» других, а оказываются в них заинтересованы? Что такое признание значимости всего целого, которое обеспечивает людям успех? Идея признания и вознаграждения успеха обладает высоким потенциалом для развития общества, поскольку поддерживается и вознаграждается не просто успех отдельного человека, а весь склад об-

щества, такой тип устройства общей жизни, который выявляет, стимулирует и формирует лучших. Кого-то такое общество награждает медалью, кого-то материально. Важно, чтобы в саму структуру общества были встроены способы или механизмы постоянного самоулучшения, равно как и механизмы защиты от деградации, одичания. К сожалению, последние тенденции – тяга к упрощению и, далее, ухудшению и вырождению – наблюдаются в нынешней России.

- Как происходит набор кадров в ваш Центр?

- Молодые специалисты попадают к нам разными путями, в основном приходят сами, ориентируясь на наш сайт, где постоянно обновляется информация о центре, его работе, вакансиях, потребностях и т.д. Молодые социологи и представители смежных профессий постоянно присылают нам свои предложения. Мы сотрудничаем с различными вузами, готовящими социологов, в частности, с Государственным университетом Высшая школа экономики (ГУ - ВШЭ), с Московской высшей школой социальных и экономических наук. Мы постоянно ищем все новые формы сотрудничества с учебными организациями в этом плане. Сами мы тоже не закрыты для преподавательской деятельности, хотя из-за большой загруженности исследовательской работой постоянной педагогической деятельностью не занимаемся. Мы читали курсы лекций в Институте Европейских культур при РГГУ, в Московской школе социальных и экономических наук у Т. Шанина, Л.Д. Гудков – по политической социологии, я – по социологии интеллектуальных групп и движений. Некоторые наши студенты продолжили карьеру в нашем центре.

Сегодня в России – стране с таким количеством социальных проблем и такой необходимостью в социологии, пусть и не признанной, должна быть другая, более серьезная и качественная система профессиональной подготовки социологов. Отчасти в преподавании социологии сейчас повторяется тот же ход, что и применялся на начальных этапах ее укоренения в советской науке в 1960-е годы: доминирует стремление использовать

готовую модель западной социологии. Это не совсем правильно и не всегда дает результат. На Западе проблемы создания современных институциональных структур в основном решены, наиболее актуальными являются проблемы их поддержания и сохранения качества. В странах же, только вступивших на путь создания современного общества, насущными являются совсем другие проблемы, следовательно, и задачи социологии должны быть иными. Нужны другие теоретические концепции, возможно, другой социологический аппарат и инструментарий. Разработкой теоретических основ исследования российского общества и соответствующих инструментов познания Левада-Центр занимается постоянно, начиная с самого момента его создания, и особенно интенсивно – в рамках многолетнего проекта «Советский человек», в ходе исследования российских элитных групп, которое мы провели в 2006-2006 году и намерены продолжить. Систематическое обновление методологии, корректировка и оттачивание социологического инструментария направлено на изучение специфики российского общества, его проблем, его дефицитов. Это реальное живое исследование происходящего на наших глазах процесса, но одновременно, выработка оптики для рассмотрения тех или иных объектов анализа.

- Не могли бы Вы рассказать об имеющемся у Вас опыте взаимодействия с другими социологическими центрами, такими как ВЦИОМ?

- В 2003 г. властные структуры решили изменить направление работы ВЦИОМа, сделать центр карманным инструментом для утверждения средствами науки той политики, которую проводит власть. Центру было сверху предложено сменить директора или дать ему в помощники, как это было сформулировано, опытного менеджера для большей экономической эффективности, создать другой Совет при директоре и т.д. Когда мы поняли, что возможности взаимопонимания тут нет, мы в полном составе ушли из ВЦИОМа и организовали самостоятельную структуру, которую на тот момент называли ВЦИОМ-А. Через некоторое время ВЦИОМ предъявил

нам юридические требования, обвинив в использовании их торговой марки. Пришлось отказаться от старого названия. После долгого сопротивления Ю.А. Левады мы его убедили и утвердили название Аналитического Центра Левады – «Левада-Центр». Нас заставили сменить и название журнала, в котором мы публиковали результаты наших исследований. Бренд «Мониторинг общественного мнения» был объявлен принадлежащим новоявленному ВЦИОМу. Мы выпускаем теперь «Вестник общественного мнения», в котором сохранили прежнюю структуру и редколлегия.

Поэтому с нынешним ВЦИОМом мы не имеем ничего общего и взаимодействия между нами нет никакого. Некоторые крупные центры исследования общественного мнения, например, ФОМ, представляют собой структуры, родившиеся в недрах нашего центра, но на определенном этапе его развития ставшие на самостоятельный путь. Для них характерна ориентация на стандартизацию методики, на рынок, в том числе на заказ со стороны различных структур действующей власти. Они избрали иную стратегию существования, поведения, исследования, развития. Мы, как я уже говорил, открыты для взаимодействия с самыми разными организациями. Но взаимодействие между подгруппами российских социологов составляет определенную проблему. Она не была решена и никак не решается в настоящее время. Слишком живы те переживания, чувства, мысли, которые владели людьми в момент разрыва, когда отдельные части нашего единого организма отрывались и становились самостоятельными. То время и последствия тех событий еще не осмыслены, хотя некоторые факты организационного оформления нескольких центров из прежде единого ВЦИОМа уже стали предметом публикаций. Так, появились воспоминания Т.И. Заславской об образовании ФОМа, заметки некоторых других авторов. Существует еще ряд организаций, которые выходили из нашего ВЦИОМа. Организация научного сообщества в целом, и взаимодействие между разными социологическими центрами исследования общественного мнения, в частности, - это целый пучок проблем. К сожалению, не

видно, чтобы кто-то стремился к решению этих проблем. Возможно, для этого еще не пришло время, а возможно, для этого не хватает голов.

- В Ваших многочисленных публикациях на социально-политические темы (например, «Симулятивная власть и церемониальная политика. Политическая культура современной России» (ВОМ, 2007, №1) Вы ставите довольно печальный диагноз нашему обществу. Есть ли какие-то тенденции развития общественных настроений в сторону либерально-демократических идей?

Безусловно, кое-какие подвижки есть, но лишь в некоторых областях жизни. Довольно большие сдвиги произошли в сферах, максимально далеких от власти: в определенных отраслях бизнеса – от «серьезного» до развлекательного (хотя бы модельного или туристического), в структурах, связанных с коммуникативными и иными технологиями (скажем, в Интернете), ряде других. У людей, включенных в такого рода бизнес, есть ощущение, что они живут в современном мире, без «железного занавеса» и жестких границ, что они делают то же, что делают люди этих же отраслей в любых странах мира – Новой Зеландии, Франции и т.д. В некоторой степени это же можно сказать о людях, которые занимаются науками, по большей части естественными, техническими, но и отдельными гуманитарными. Это науки, максимально свободные от идеологии, например, лингвистика, сравнительное языкознание, некоторые другие. Представители этих наук могут сказать, что они – «ученые мира». Сегодня они выступают на конференции в Австралии, завтра – в Германии или Сингапуре. Они переписываются с коллегами из многих стран мира, публикуют результаты своих научных исследований в зарубежных журналах и т.д. Но чем ближе сфера деятельности к антропологическому, социально-политическому, идеологическому ядру общества – либо советского, либо русского националистического типа, чем ближе к авторитарно-иерархической власти, тем больше в представлениях и настроениях людей упор на изоляции, идеологии особого пути России, тем сильнее стереотипы «осаж-

денной крепости» и «нам не нужно ничего чужого». Многое изменилось для молодежи – можно стало иначе работать и хорошо зарабатывать, появились возможности выезжать за рубеж, отдыхать, качественно и недорого развлекаться. Не знаю, как в Екатеринбурге, а в Москве клубы, дорогие рестораны, кафе, эстрадные залы не пустуют, они заполнены людьми молодого и среднего возраста, хорошо одетыми, имеющими средства. Эти люди начали понимать, что есть что, начали разбираться в том, что им предлагают, и не только в еде, товарах или услугах, но даже в музыке или литературе. Они становятся способными осуществить выбор со знанием дела. Показательно, что к концу 1990-х годов появилась модная литература – и отечественная, и переводная. Она многочисленна и довольно разнообразна по предложению: есть литература для девочек, женский роман, детектив, в том числе исторический, акунинского типа, и многое другое. Ничего такого не было в 1970-е и даже в 1980-е годы. Появилось и качественное фестивальное кино, его не было в середине девяностых, во времена развала советского кинематографа, развала во всех смыслах – идеологическом, организационном, финансовом.

Таким образом, подвижки есть. Однако необходимо отметить три момента. 1. Эти подвижки не затрагивают системы власти, общей организации социальной жизни и работы крупных средств массовой коммуникации. 2. Многие изменения, ориентирующиеся на сравнительно новые образцы, имеют характер имитации – «как на Западе», «как у больших», «как в развитых, цивилизованных странах», «как принято у интеллектуалов». По большей части, это все-таки некоторая игра. 3. Другая часть этих новаций имеет клубный, кружковый, компанейский характер, и не хочет быть иной.

В этом смысле можно начать перечислять то, что не произошло. В России не образовалось и до сих пор крайне слабо формируется то, что называется «публичное поле» – пространство, в котором постоянно выражаются, конкурируют, взаимодействуют разные точки зрения, представляющие те или иные группы

населения, разные образцы культуры, религиозные ориентации, моральные ценности и оценки. Это поле не равнозначно работе основных каналов телевидения. Публичная сфера – это принципиально другое явление, оно ориентируется не на массового человека, не на такого, «как все», но на человека выбирающего, ищущего. Такого публичного пространства нет и в области науки, за исключением очень специализированных научных сообществ – математического, возможно, физического, каких-то других. В гуманитарном знании – филологии, философии, социальных науках, насколько я знаю, также нет консолидированного научного сообщества, поскольку иначе оно бы себя выражало тем или иным образом. В сообществах этих отраслей науки отсутствуют коллективная этика, борьба мнений, коллективная солидарность. Это сообщество не может само себя защитить, оно податливо к внешнему давлению и со стороны власти, и со стороны денег, и со стороны внешнего успеха – возможности блистать, показываться и т.д.

Это то, что касается так называемых элит, точнее, по характеристике Ю.А. Левады, «тех, кого власть назначила или допустила быть элитой». Но знающие люди понимают, что элитой назначить нельзя. Тем не менее, приходится иметь дело с этими социальными группами. Мы давно занимаемся исследованиями элит, достаточно обширное исследование мы провели в 2005-2006 годах, опрашивали власть выборную и назначенную, бизнес-элиту и военную – в той мере, в какой это было для нас доступно, занимались анализом интеллектуальной элиты. Итоги исследования, описанные нами в книге, можно кратко выразить так. У власти и приближенных к ней «элитных» групп нет, как они считают, причин для тревоги, они не опасаются, что Россия может остаться на обочине мировой цивилизации, в целом они уверены в достаточно благополучном будущем. Общий настрой большинства представителей власти можно выразить следующим образом: «Пусть будет демократия и реформы, но когда-нибудь потом, постепенно, не сейчас». К сожалению, большинство элитных групп не обладают необходимыми для

соответствия своему названию характеристиками: а) самостоятельностью, независимостью, б) влиятельностью, авторитетностью, в) способностью воспроизводиться независимо от поддержки власти. Эти группы существуют и действуют в «коротком времени» и не уверены, что оно продлится. Это диктует особый стиль существования – «сегодня, здесь, сейчас». Главное – не упустить предоставляющиеся им конъюнктурой шансы. Они (по крайней мере, на словах) уверены, что власть, которая есть сейчас в России, – это власть реформаторская. Но «реформы» не должны влиять на их сегодняшний статус, не должны приносить никаких неожиданностей. У людей, находящихся на самом верху, нет надлежащей экспертной команды, которая могла бы выносить на публичное обсуждение те или иные проблемы, вопросы возможности различных стратегий и путей социально-политического развития России, цену каждого из этих путей, технологии этого движения. Так, многие представители элитных групп говорят об особом пути России, но что это за путь, кто его прокладывает, каковы технологии его реализации и т.д. – конкретизация этих суждений полностью отсутствует. Таким образом, об элитах в нашей стране можно говорить с очень большими оговорками. Конечно, внутри элитных групп существуют группы высокообразованных специалистов, занимающих критическую позицию по отношению к сегодняшнему политическому курсу, но они все больше оттесняются от центров принятия решений, от публичной сферы, от СМИ, от возможности влиять на положение дел и развитие страны.

Что касается массы, то для нее в не меньшей степени, чем для элитных групп, характерно стремление сохраниться. Преобладающая часть населения не против того, чтобы жить лучше, но главное – «не хуже, чем сейчас». Сама угроза того, что может быть хуже, чем сейчас, останавливает стремление и попытки что-то делать. «А вдруг будет хуже?» – это работает как механизм сдерживания активных действий. Такие настроения населения вполне устраивают власть и позволяют ей заниматься укреплением собственного статуса, перерасп-

ределением и присвоением ресурсов. Власти всех уровней занимаются вовсе не тем, чтобы обеспечить движение России в демократическом направлении и вписаться в мировую систему. Привыкание, адаптация, нежелание терять то, что есть, которое влечет за собой нежелание рисковать, ставить действительно серьезные дальние цели и осмысленно тратить на их реализацию значительные средства – вот доминирующие установки так называемых элит. Получается, что в этом важнейшем отношении настроения элитных групп и большинства населения совпадают.

- Борис Владимирович, как на Ваш взгляд, есть ли связь между политической пассивностью населения и состоянием массовой культуры в сегодняшней России?

- С массовой культурой у нас не все так просто и ясно. Говоря о нынешней ситуации, я бы выделил три важных момента. Во-первых, сохраняются остатки государственной, «директивной», как ее называл Ю.А. Левада, массовой культуры – в системе образования, особенно в средней и высшей школе, ряде других подсистем общества. В СССР господствовала массовая государственная культура, единая для всех, которую государство тотально и последовательно внедряло через все каналы. Ситуация 1990-2000-х годов принципиально другая, более сложная. Характерной особенностью советского наследия является ориентация на консервацию наличного типа отношений между людьми – взаимодействия, опосредованного властью. Даже индивидуальная или групповая самоидентификация могла быть достигнута лишь через идентификацию с властью. В этой культуре отсутствует встроенный механизм культуры, нацеленный на улучшение, усовершенствование, повышение качества взаимодействия с любым Другим. Эта культура не ориентирована на продуктивность, ее образцом был и во многом остается советский человек, который уже «достиг» уровня планируемого идеала, он и так «лучше всех». Во-вторых, впервые в российской истории общество столкнулось с массово-развлекательной культурой – якобы западного типа. Массово-развлекательная культура поставляет и пытается воспроиз-

водить образцы на западный манер, но попытки прямого перенесения оборачиваются их трансформацией на здешний лад. Американские боевики предстают в виде боевиков о российской милиции, российские сериалы обрастают местной спецификой. На самом деле вся эта продукция показывает нечто иное по сравнению с исходными образцами: развал прежней репрессивной системы. Невозможно найти какое-то моральное основание для работы этих органов в нынешней ситуации. В отечественных боевиках и сериалах преступник ничем не отличается от милиционера, тот, кто убегает, от того, кто его преследует. Население боится и тех, и других. В-третьих, стремительно входит в жизнь культура новых обеспеченных – культура мейнстрима. В максимальной степени она начала проявляться где-то после 2003-2004 года, во время второго президентского срока Путина. Ее можно назвать еще «культурой глянца», или «дегустирующей культурой». Эту культуру не интересует не только политика, но даже проблематика активного ответственного субъекта, только который и может быть моральным субъектом, субъектом культуры, который во что-то верит, что-то отстаивает, к чему-то стремится. Дегустирующая культура говорит: «Пробуй всё!» Она и предлагает всё – восточную кухню, латино-американский танец и т.д. и т.п.

Главной, почти доминирующей сегодня в России темой массовой культуры является тема жестокости, насилия. Насилие становится своего рода кодом общества, в котором ситуация социального взаимодействия понимается как принципиально неравновесная, а потому и не разрешимая иным, ненасильственным образом. Героизация насилия достигает такой степени, что ситуация неравновесия консервируется, культивируется и воспроизводится в сети социальных связей. Начальник и подчиненный, отец и сын, мать и дочь, муж и жена, парень и девушка – во всех этих отношениях один партнер стремится подчинить себе другого, отказывает ему в праве отличаться, иметь свое мнение, поступать по своему – то есть быть человеком, субъектом, обладать самостоятельностью.

В романе Захара Прилепина «Патологии», выпадающем из нескончаемого ряда «произведений» массового читателя, эта тенденция заострена до предела: не только у жертвы отнято право быть человеком, но и в насилии происходит онемение человеческого. Тем самым осуществляется переворачивание оптики, фиксируется смерть человеческого.

Ситуация в литературе непростая. Во второй половине 1990-х – в 2000-х годах стало очевидно, что население предпочитает женский детектив. Почему? В женском романе тоже дается картинка нынешнего общества, но глазами женщины: там меньше агрессии, жестокости, человеконенавистничества, нет демонстративного разрушения человеческого тела, мужского жлобства, насилие предстает в смягченной форме. Получается мягкий вариант социального романа о современной России... При возросшем числе первых изданий, при гигантских тиражах книг отмечается резкое сокращение домашних библиотек, упразднение литературной критики и класса критиков, фигуры эксперта как таковой. Сошла на нет роль интеллигенции, взаимодействие нецивилизованной власти и такого же населения никем и ничем не опосредованы. В публичной культуре отсутствуют образцы, интегрирующие общество вокруг универсальных ценностей. Сам ввод образцов оказывается случайным – он осуществляется гламурным журналом, звездой масс-медиа и поп-культуры, магазинами, ориентирующими на «лидера продаж». Эти каналы остаются для читателей и зрителей единственными поводьями по миру художественной и иной культуры, утверждающими те или иные символы успеха, образа жизни и т.п. Однако гламурный журнал или Интернет в лучшем случае демонстрируют нормы внешней цивилизованности, но никак не внутренние моральные, нравственные принципы поведения. Акцентируются внешние признаки и атрибуты успеха, но не смысловые, ценностные мотивы жизни, не индивидуальность героев, не способность к серьезным поступкам, не субъективность. То же самое происходит в музыке и театре. Культура становится придатком массовых коммуникативных технологий,

отсюда ее сериальность и однообразие, а вместе с тем – ее агрессивная броскость. И все же чтение, слушание музыки или посещение театра не встает ни в какие масштабы с телевидением.

Роль пассивного телезрителя сегодня – это политическая роль. Он не должен вникать в политику, его дело – пойти за единственным кандидатом, указанным властью. Это целенаправленное влияние власти. Но есть и встречное движение со стороны менеджеров ТВ. С 1993 г. лидеры ТВ – наиболее молодые, способные, карьерно ориентированные, пошли в эту сторону: развлекать любым способом, «не грузить», возвращать советское кино, причем самое одиозное – про разведчиков и т.п. Это продукт соглашения власти и лидеров ТВ. Особенно явным это становится в предвыборные периоды.

- Как Вы оцениваете имеющиеся в настоящее время попытки консолидации демократических сил?

- Несмотря на доминирующее мнение, я не считаю эти попытки безнадежными и ценю их. Однако не вижу их системности, их серьезного влияния, того, что с ними считаются те, кто принимает решения. Тем не менее, эти попытки, по-моему, стоит всячески поддерживать. Если говорить о какой-то стратегии продемократических, прореформаторских сил, то среди главных направлений их деятельности хотелось бы видеть максимальное увеличение политического, цивилизационного, культурного, даже религиозного разнообразия. Главное – увеличение реально действующих социальных групп, их лидеров, форм социального действия, числа политических субъектов. Только в таком социальном пространстве, где есть взаимодействие между различными социальными и политическими субъектами, могут возникать, укрепляться, реализоваться идеи демократии. Демократические идеи рождаются ведь не от того, что в обществе есть какие-то особо чистые и совестливые социальные классы. Скорее, такие идеи возникают в условиях социального разнообразия, в ситуации необходимости выработать общие правила поведения в свободном пространстве. Это не

правила в общей камере, в ситуации всеобщей несвободы. Демократия возникает в свободном пространстве, в кооперации, сравнении и выборе разных путей развития. Демократия тем и отличается ото всего, что может придумать один человек, сидящий в высоком кресле, – выработкой и поддержанием общих правил игры для разных социальных слоев, множества групп и социальных субъектов. В этом смысле достойны всяческой поддержки любые попытки консолидации, выработки общих программ, создания общих площадок для обсуждения правил социального сосуществования, в том числе, для дискуссий о тупиковых путях развития.

XX век показал, что бывают разные пути движения, случаются отступления от намеченного пути, причем длительные, и зачастую впоследствии нужны гигантские усилия, чтобы вернуться на нужную дорогу. Обсуждать, взвешивать, анализировать нужно разные варианты стратегии. Демократическая система не идеальна, но она позволяет в максимальной степени согласовывать представления о будущем и интересы разных групп населения. Она боится от многих вещей – от злоупотреблений власти, от дирижизма в экономике, от вождизма в политике. Она в большей мере, чем другие стратегии и системы, хотя и не на 100 или даже 80%, способна удержать страну от тупикового пути, от того, чтобы подойти к краю, а то и сорваться с него вниз.

- Значит, особую значимость сегодня приобретают ментальные установки людей?

- Важные и самые главные вопросы – вопросы культуры, морали, ментальных структур, антропологии человека. Это не вопрос политических технологий. Это вопросы самой конструкции человека: как он представляет себе другого человека, готов ли работать во взаимодействии с другим, интересно ли ему с ним, понимает ли, что они – разные люди. Каким российский человек сегодня? Технология тоталитаризма советского времени была нацелена на то, чтобы раздробить человека. Только из людей в «песчаном» состоянии можно лепить куличики, угодные власти. Долго ли

они продержатся – вопрос второстепенный. Такой человек – тяжелое наследие, которое весьма сильно сказывается и в постсоветской ситуации. Мы имеем дело с громадным социальным недоверием людей к любым «другим» – этническим, религиозным, по социальному положению, по политическим взглядам и т.д. Вместе с тем для сегодняшнего россиянина характерно стойкое недоверие и к социальным формам жизни, которые объединяют людей, – к большинству социальных и политических институтов. Кому-то за тем или иным социальным институтом видится единогласие, кто-то опасается обязательности, диктата советского типа. Больше (по крайней мере, на словах) население доверяет несовременным, архаическим социальным формам организации общества – вождистским, иерархическим, властным, либо неформальным, родственным, свойским. Поэтому в сфере относительного доверия находится армия, русская православная церковь и фигура Президента. Последнее – не как политическое избранное лицо, не как чиновник на службе общества, но как фигура Сверхвласти, как символ воображаемого единства всех. К реальному социальному взаимодействию люди не готовы, а к установлению символического единства, признанию «Мы» через фигуру «номер один» – готовы, поскольку это значительно легче. Признать себя «Мы» через механизм «Мы – особые» – еще один характерный признак сегодняшнего россиянина. Л. Гудков это называет негативной идентификацией. Это можно выразить так: «Мы никому не нужны, и нам никто не нужен». С этим связана и установка на изоляционизм. Людей в этом случае объединяет идея особого пути страны, образ России как осажденной крепости, окруженной врагами. Еще одной такой формой воображаемого объединения для большей части российского населения является телевидение. Но и здесь создается некое «как будто бы» единство.

- И все же наблюдаются ли в обществе, в литературе, искусстве какие-то признаки позитивных изменений, внушает ли что-то надежду?

- Я бы не говорил о надежде, поскольку это влечет за собой христианскую идею

спасения (которой в нынешнем российском сознании нет), либо, в случае разочарований, обостряет катастрофическое сознание, способно даже повергнуть в панику, я бы говорил о возможном начале. Под началом я подразумеваю утверждение новых ценностей, развитие новых инициатив – создание клубов,

кружков, многообразных микроструктур общества, имеющих не родственный и не властный характер. Именно они содержат социокультурные возможности прорастания другого человека. Узел проблем – в человеке, той форме, которую идея человека приняла в советской и постсоветской России.

ГОЛУБОЙ ДИСКУРС В ФИЛОСОФИИ ИЛИ КАК ВОЗМОЖНА МУЖСКАЯ-ЖЕНСКАЯ ГОМОСОФИЯ

С.Н. Некрасов

Некрасов
Станислав Николаевич

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
философии УрГСХА

Геевская жизнь по своей природе является философской... Это люди, которые должны изобретать себя... Когда человек открывает, что он гей, он должен выбрать все, начиная с походки, одежды и манеры разговаривать и кончая тем, где жить, с кем и на каких условиях.

Эдмунд Уайт.

«Манифест гомосексуальной философии» впервые опубликован в книге Алексея Нилогова «Сплошной ressentiment» (2005).

2 июля 2005 года. Провозглашение радикальных лозунгов с молодым задором начинающего автора дает повод к переосмыслению привычных представлений.

«Что такое ГОМОСОФИЯ (от греческих *homos* 'одинаковый, равный, тот же' и *sophia* 'мудрость')?

Во-первых, пуск слова, влекущий за собой череду оральных ассоциаций пропаганды гомосексуальной парадигмы: сексуальных выкриков (трахофония), диалектику и полилектику молчания (антиязык), минетствующего

и онанистического сомнения («минето- и *suicogito*»).

Во-вторых, гомосексуальная лихорадка философствования, помогающая преодолевать стереотипы однополых отношений.

В-третьих, философское осмысление гомосексуальной любви в лоне бесконечного влечения к модели истины.

В-четвертых, нарциссическое сожительство, ревниво перерастающее в человеконенавистничество и автомизантропизм.

В-пятых, гомосексуализм как гуманизм, направленный на дальнейшее освобождение человеческой личности из-под гнета дискриминации по сексуальной ориентации, упрочение духа толерантности и постчеловечности.

В-шестых, пангомосексуализм в теории философического терроризма и практике презентации апокалипсиса – преображенческого конца мира в концептивизме зороастризма.

В-седьмых, борьба с гомосексизмом – конкуренцией прав гомосексуалов в гомосексуальной среде (на примере запрета вступать в половые отношения до заключения брака).

В-восьмых, гомосексуализм в традиции постчеловечности (разработка генных технологий, «позволяющих гомосексуальным парам иметь собственных детей» – Г.Л. Тульчинский) и постгомосексуализм в постмодернизме (влечение-к-человеку-в-трансгрессии) и постчеловеческой персонологии (противоестественный гомосексуализм, эгосексуализм).

В-девятых, общая деконструктивистская эстафета, выхваченная из уст французского философа Жака Дерриды над завещанием о гомосексуальном прорыве (Гомосексуальной Революции) человечества против анахронических форм словаря дискриминации.

И, наконец, в-десятых, долгожданная миметная философия (внутрифилософия, эндофилософия), обнаруживающая собственные пределы в апогеях метапозиционирования».

19 мая 2005 года.

Еще студентом я обнаружил, что среди множества портретов и имен мировой философии нет ни одного женского. Однако, обзрев окрест, я обнаруживал, что добрую половину мест за партами на нашем курсе занимали девушки. Неужели все они станут дамами, в лучшем случае преподавательницами, училками философии, но не философами? Но тогда – зачем же их учить и тратить на них время? Неужели самый простой факт феминизации образования и женской эмансипации в обществе последней трети XX в. заставляет нас обращаться к женской составляющей новой мировой философии, к неизбежной женской составляющей философии?

Позднее я задумывался о том, что вся история философии автоэротична и гомоэротична, поскольку подавляющее большинство философов – мужчины. Однако не следует ли из этого, что настоящий философ должен испытывать мизогинию – презрение к женщинам? Известно, что девушки обычно опаздывают на свидание. Женский мозг не способен выполнять самые простые операции, доступные мужскому, в частности, процедуры атаки, поиска цели. Мужской философский мозг по преимуществу шизоиден – он насыщен рациональностью, способностью работать с идеями, в то время как женскому практицизму в эту сферу путь закрыт. Женщина способна собирать с куста ягоды двумя руками! Только женщина может быть прекрасным авиадиспетчером, управляющимся с двумя десятками объектов в поле своего внимания. Но она не может быть летчиком как мужчина. В первобытности женщины поддерживали коммуникативную речевую связь, распугивая

хищников, при этом они добывали пищу растительного происхождения. Нечто подобное мы видим в современном женском шоппинге, который прямо-таки опасен для мужчин, поскольку повышает кровяное давление в ходе бесцельного перемещения в мире бесконечных ненужных предметов. И лишь после наступления климакса женщина становится в полном смысле слова человеком – мужиной, обладающим абстрактным мышлением, ориентацией в пространстве и времени, и никогда не опаздывающим субъектом социальной жизни. Поэтому настоящий философ – бабушка, полный человек.

В 90 гг. я обнаружил, что термин «фаллологоцентрическая цивилизация» со всем вкладываемым в него негативным смыслом был введен мужчинами, и мы первыми заговорили о необходимости перехода к женским ценностям. А гей-философ Ж. Деррида обрушился на фонофаллологотризм. Его тезис усилил «Анти-Эдип» Делеза и Гваттари.

Получается, что настоящий философ может любить только мужчин. Подтверждением тому является гомоэротичность Платона, Витгенштейна, Ницше, Фуко. Философское обоснование гомосексуальной любви мужчины к мальчикам в наиболее ясной форме дано Платоном. Гомосексуальная любовь, с точки зрения Платона, предпочтительнее гетеросексуальной. Это следует обосновать совершенно по-марксистски тем, что в незрелом обществе женщина еще не вполне стала человеком, а любовь возможна как отношение человека к человеку. Но из этого вытекает, что гомоэротизм сегодня, когда женщина очеловечилась является абсолютной нелепостью. Эта социологизированная марксистская позиция не учитывает психологию и физиологию полов, специфику мужского и женского строения мозга.

Во времена Платона влияние матриархата было еще очень сильно, и для его преодоления необходимо было торжество мужских ценностей порядка, справедливости, иерархии, самой идеи государственности. В этой новой мужской цивилизации женщина рассматривается как средство, а не как цель, формируется система сексизма как угнетения

женщин, их эксплуатации, извлечения самой разной прибыли – от прибавочной стоимости до эротического наслаждения. На эту тему достаточно почитать всю марксистскую литературу от «Манифеста коммунистической партии» через «Экономическо-философские рукописи 1844 года» до «Происхождения семьи, частной собственности и государства».

Но Платон стремился обосновать не просто коммунистическое идеальное общество, но еще и мужскую цивилизацию. И эта цивилизация возникла именно в Древней Греции. Отношения человека к человеку в ней есть отношение мужчины к мужчине. Место женщины было в «гинекее». Женщина как инструмент и средство производства человека не могла быть любимой. Мальчик не рожал, но был любим. Он был целью, а отношения в государственной машине строились по модели любви и подчинения, возвышения и принятия. Мужские отношения и были той протоячейкой развитой социальности, которую столь долго искали философы. «Клеточка» общества и есть отношения мужчин как основа государственности! Эти отношения вырываются из узких рамок патриархальности, семейности, женственности, биологичности. В «Немецкой идеологии» первым разделением труда – естественным – объявляется разделение труда между мужчиной и женщиной по поводу детопроизводства. И только затем начинается социальное разделение и объединение труда. В принципе Маркс и Энгельс говорили о цивилизации как мужском изобретении. Дикость и варварство могли быть женским продуктом, но дикость и варварство цивилизованности – только мужским! Именно в этой мужской цивилизации множество творцов культуры были гомосексуалистами. И это жизненное обстоятельство, на мой взгляд, было не ошибкой природы, а социальной необходимостью, в соответствии с которой было принципиально важно, чтобы Леонардо и Шекспир, Монтень и Уайльд были гомо. Поставив их в такие пары, я совершенно не имею в виду их реальные отношения!

Мужская гомосексуальная любовь вырвало общество из его природного зародышевого состояния. Общество получило вертикальное

измерение. Речь идет не о вульгарной любви к мужскому прекрасному телу, но о страсти к идее мужественности, к мужскому духу, к образу и социальному аромату мужчины! В сущности это и есть «осевой период» европейской цивилизации. Продолжая Ясперса, скажем, что эта цивилизационная ось уже сломалась в конце XX в. Возможно, мы имеем единственный выход из ситуации – ждать пришествия иного типа отношений между людьми, иного типа общества – более зрелого. Повторение архаичной женской любви, приоритет женских ценностей, господство женщин – не это ли нас ждет в ближайшее время?

Будучи аспирантом, я прикупил диск «По волне моей памяти». И обнаружил там в далеких 70 гг. песню Сафо о лесбийской любви со всеми особыми женскими переживаниями, приливами крови, касаниями. Текст песни, записанный на одной стороне с вийонской песней о «бедном студенте», настолько контрастировал с содержанием книги А.М. Свядоша «Женская сексопатология», что я стал интересоваться самим смыслом лесбийской любви. В книге сексопатолога, изданной на отвратительной бумаге и с серыми фотографиями фигурировали лесбиянки в мужских двубортных пиджаках, сапогах, галифе, явно заснятые на фоне разрушенных послевоенных вокзалов и покосившихся заборов. Впрочем, и проститутки-нимфоманки в книге Свядоша были не краше...

Прошли годы и мне стало ясно из богатого общения и жизненного опыта, что лесбиянки не всегда любят сексуальный контакт друг с другом, как это показывают в голливудских эротических ночных роликах. Просто женщины имеют друг с другом общую сферу переживаний, причем независимый от сексуального чувства и процесса. Действительно, что такое любовь? Как сказал поэт, это когда люди смотрят в одну сторону! А по-философски – когда каждый является для другого не средством, а целью. По сути это коммунизм – как первобытный, так и развитый, грядущий. Сегодня такой коммунизм возможен полностью только у лесбиянок и частично у геев. Женщин объединяют их общие женские

ценности – в лесбийском союзе нет мужских ценностей, чего не скажешь о паре геев: тут смесь мужского и женского, короче, целая семья.

Впрочем, что такое чисто женские ценности, я затрудняюсь ответить. Пусть об этом пишут сами женщины, поскольку не имеющих трудных дней, не ответит и на трудный вопрос. Но вот забавное отличие мужской любви от женской прослеживается на уровне любви к детям. Известно, что мужчины не любят детей, вернее, любят их по-иному. Говорят, что здесь причиной устройство мозга и выделенные гормоны. Возможно, но именно это отличие позволяет женщинам вступать в диалог, а мужчинам монологизировать. Очевидно, что если Бахтин не был женщиной, то его самым большим научным подвигом стало понимание диалога, то есть постановка на женские позиции в сознании. Впрочем, традиционные мировые религии ко всем этим изыскам относятся крайне негативно. Толерантно-положительное к ним отношение тоже плохо. Что изменилось, после того как вместе книги «Сексопатология» наши изда-

тельства стали выдавать тиражи коновской «Сексологии»? Ничего! Плохо – и принятие и непринятие.

Но как же быть с гомософией, как быть с манифестами и голубым дискурсом в философии? А никак: гомософия возникает как продукт отрицательного отношения общества и исчезает в толерантной либеральной атмосфере. Кому нужен гомософ, когда есть нормальный философ. Кому нужна феминистская социология – в 90 гг. мне попадались и такие книги, где все научные темы трактовались с женской точки зрения – если общество занято сложными созидательными задачами и ему не истерик и эпатажа интеллектуалов. Но если на истерике делаются большие деньги, то она будет попадать как сектор рынка в поле зрения самых широких масс. Это значит, что рыночное общество, десексуализируя людей, живет и спекулирует на сексуальной тематике. Это значит, что до тех пор пока мы будем в цивилизованном (мужском) рынке, общество будет обречено на брожения и расколы, на ренессанс голубого (розового, в случае с лесби) дискурса.

ДИСКУРС И ЗНАЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А.Г. Шабуров

Шабуров
Алексей Геннадьевич
магистрант факультета
политологии и социологии
УрГУ,
доцент МАДИ

Изучение концепта справедливости ставит перед исследователем задачу нахождения и определения значения этого концепта. Рассуждения на тему: «Что такое справедливость?» – не были бы столь необходимыми и важными, не приводи они к существенным политическим, идеологическим и социальным последствиям. От того, что мы понимаем

под справедливостью, зависит та общественно-политическая модель, тот идеал, из которого мы будем исходить при целеполагании своей деятельности. Речь идет о не только о процессе осмысления концепта справедливости, но и о процессе его означивания, что в итоге делает этот концепт политически и идеологически функциональным.

Вопрос в том, обладает ли концепт справедливости неким универсальным политическим значением сам по себе? Другими словами, нужно понять, является ли справедливость политической идеей с неким предзаданным смыслом, который мог бы стать фундаментом для дальнейших теоретических и практических построений. Ведь если станет ясно, что такой смысл есть, то мы не просто будем вынуждены предпочесть этот смысл,

но это также повлечет за собой конкретные политические последствия. Предположим, мы нашли универсальное политическое значение справедливости – то есть, мы поняли, что значит быть справедливым. В этом случае определенным образом понятый идеал справедливости будет носить императивный характер – то есть, предписывать нам поступать тем или иным образом, что для политики означает: пытаться строить то или иное общество, которое будет соответствовать этому идеалу. Однако такая возможность, как нам представляется, может быть поставлена под сомнение. Сомнения практического характера опираются на исторический опыт, говорящий о бесплодности попыток построения общества, основанного на универсальном идеале справедливости. Сомнения же теоретического характера требуют от нас исследовать сам процесс порождения значения концепта справедливости.

В чистом виде справедливость есть регулятор социально значимого взаимодействия между людьми. Она предписывает нам поступать в отношении других тем или иным образом. Если мы поступаем так, как предписано, считается, что мы поступаем справедливо, если нет – то несправедливо. Итак, справедливость – это некая норма, в принципе лишенная конкретного содержания. Можно представить себе две противоположные ситуации, одинаково недостижимые. Первая ситуация предполагает, что у каждого человека имеется собственное понимание смысла справедливости. В таком случае общество не складывается. Конфликт между представлениями о справедливости неизбежно приведет к конфликту между носителями этих представлений. Ведь, как уже говорилось, справедливость регулирует межчеловеческие взаимодействия – особенно в тех случаях, когда эти взаимодействия связаны с обменом, распределением и перераспределением благ, возникающих в результате той или иной деятельности. Но если субъекты взаимодействия предлагают друг другу не то, что от них ожидают (а это неизбежно при несовпадении представлений о значении справедливости), то и конфликт неизбежен. Множественность и

практическая неразрешимость конфликтов не позволила бы функционировать обществу как системе. Однако противоположная ситуация – полное единодушие по поводу значения справедливости – так же мало представима (о чем уже говорилось выше). По сути, речь идет о двух всем известных моделях естественного состояния. В любом случае, становится понятно, что для нормального существования общества необходим хотя бы относительный консенсус по поводу значения справедливости.

Механизмы закрепления такого консенсуса носят как моральный, так и правовой характер. То есть, и мораль, и право предписывают нам поступать справедливо, в первом случае – на основе внутренних убеждений и сложившихся в обществе взглядов, во втором случае – на основе законодательства, подкрепленного возможностью государственного принуждения. Такое двойное закрепление позволяет сделать многообразные человеческие взаимодействия более или менее упорядоченными и предсказуемыми. А это, в свою очередь, есть необходимое условие существования общества.

Взаимодействия людей включают в себя и взаимодействия по поводу власти. Более того, власть есть главная сила, устанавливающая нормы обмена, распределения и перераспределения. Следовательно, власть неизбежно становится одним из основных объектов регулирования со стороны идеала и понятия справедливости. Как бы плохо мы ни относились к своей власти, мы всё равно ожидаем, что она будет справедливой (и когда мы убеждаемся, что ждать этого бессмысленно, мы выбираем другую власть, ожидая от неё того же самого). Императив справедливости в отношении власти всегда существует (хотя, как мы понимаем, далеко не всегда выполняется). Между тем, когда мы говорим о справедливости применительно к власти, мы говорим о политической справедливости, причем может оказаться так, что эта политическая справедливость будет носить доминирующий характер по отношению ко всем другим значениям этого концепта (уже хотя бы в силу специфики самой политичес-

кой власти).

Но, как мы понимаем, универсального политического значения справедливости не существует. Его, конечно, можно изобрести, но он не будет работать по прямому назначению. Более того, такие значения изобретаются с завидной регулярностью, обеспечивая многообразие идеологического спектра. В каждую идеологию заложено своё политическое значение справедливости. Итак, возникает ситуация, когда одному означаемому (концепту справедливости) приписывается целый ряд противоречащих друг другу означающих (складывающихся в политические концепции справедливости). Возникает борьба за означивание, и полем этой борьбы является политический дискурс. То есть, появление и дальнейшее усвоение того или иного значения справедливости есть результат определенных дискурсивных практик. Получается, что политическое значение справедливости (претендующее на универсальность, но не достигающее её) образуется и существует только в рамках политического дискурса и закрепляется специфическими, присущими дискурсу механизмами. Между тем, известно, что сам по себе дискурс находится в зависимости от множества факторов (социальных, экономических, политических, исторических) — он

переменчив и зачастую противоречив. И если тот или иной политический дискурс носит в данный конкретный момент господствующий характер, то нет никаких гарантий, что оно сохранит свое положение с течением времени. То же самое можно сказать и о политическом дискурсе справедливости, продуцирующем политическое значение концепта справедливости. То или иное значение справедливости существует только для данного момента времени, пусть даже и представляется базирующимся на универсальных моральных устоях (существование этих устоев самих по себе не отрицается, но можно поставить под сомнение их политическую приложимость к тому или иному обществу).

Получается, что значение концепта, вокруг которого выстраивается концепция справедливости, не существует вне политико-идеологического дискурса. В таком случае и сам идеал политической справедливости теряет свой универсальный характер. Модель общества, построенная на этом идеале, всегда останется частной и будет сохранять свой мобилизирующий и смыслопорождающий характер только до тех пор, пока политический дискурс, в рамках которого она построена, будет продолжать воспроизводиться и сохранять свою актуальность.

ПОВЕРХНОСТЬ СМЫСЛА И СМЫСЛ НА ПОВЕРХНОСТИ: НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ ЖИЛЯ ДЕЛЕЗА

М.С. Ильченко

Ильченко
Михаил Сергеевич

аспирант Института
философии и права УрО
РАН, доцент МАДИ
Тел. (343) 330-98-22
E-mail: msilchenko@mail.ru

Усилиями Жюль Делёза смысл обрёл своё новое пристанище. Он стал подвижен, пластичен и изменчив. Но главное — смысл стал

самостоятелен, получив собственное право голоса. Пусть определённая зависимость в его существовании и сохранилась, но теперь он оказался способен диктовать свои условия.

Утверждения о том, что выход в свет «Логика смысла» явился шоком для интеллектуальной публики не стоит считать таким уж преувеличением. Эта самая среда уже успела пережить «смерть» субъекта, исчезновение человека и всевластие дискурса. Однако Делёз ударил в самую сердцевину. Смысл никогда не был простой философской категорией. Он всегда представлял собой нечто большее. То,

что с трудом вписывалось в рамки академического языка. А, если и вписывалось, то вскоре, ощутив тесноту внутреннего пространства, начинало менять границы собственного существования. В бесконечных пересечениях объективного и субъективного, рационального и иррационального смысл каждый раз обнаруживал себя заново, предъявляя иные требования к своему изучению.

На самом деле, Делёз не совершил никакого переворота. Он в свойственной постмодернистам манере лишь изящно заполнил «белые пятна» в исследованиях смысла, уже «нащупанные» до него. Пусть и не философами. Тем не менее, новая онтология Делёза стала подлинным откровением, что дало полное право Мишелю Фуко обозначить «Логiku смысла» как «самый смелый и самый дерзкий из метафизических трактатов»¹.

Наверное, заслугой Делёза можно считать уже саму попытку вывести дискуссии о смысле за рамки традиции Платона и Гегеля. В стремлении высвободить категорию смысла из тисков привычных теоретических схем скрывается неприятие существующего философского дискурса, желание говорить на «своём» языке. В этом нельзя не увидеть столь свойственный мыслителям нового поколения жест несогласия и яростную манифестацию новых программ. Подобные замечания можно было бы считать банальностью в оценке изысканий постмодернистов, если бы они не накладывали такого сильного отпечатка на характер изложения материала и, как следствие, самих теорий. Текст Делёза, стиль его подачи – неотъемлемая составляющая всей философской концепции. Книга автора является игрой в не меньшей степени, в какой игрой предстаёт то, о чём она повествует. Внешняя обстоятельность и логичность изложения лишь подчёркивают неоднозначность замысла. Такая стратегия может служить оправданием определённой понятийной путаницы², нередко отмечаемой критиками, но она же одновременно выступает и безусловным достоинством автора. Играющая метафоричность, «скольжение» текста задают особый неповторимый тон письма. Теория смысла Делёза предстаёт скорее совокупностью облакаемых в языковую

форму ощущений, нежели рационально выстроенной программой. Эти условия играют принципиально важную роль в понимании «Логики смысла». Они позволяют автору поместить свой текст в качественно иное, отличное от устоявшихся принципов повествования пространство. Вынести его за скобки сложившейся философской традиции, делая тем самым неуместной всякую направленную в свой адрес критику. И, действительно, любая попытка подойти к произведению Делёза с позиций рационального обстоятельного анализа его концептуальных основ выглядит весьма противоречиво. Она может быть абсолютно обоснованной, логичной, умело «препарирующей» нужные фрагменты текста, но, тем не менее, всегда оставляющей ощущение сделанной как бы нехоти. Это обстоятельство имеет серьёзное значение. Автор сам собственным творчеством выработал своего рода иммунитет против традиционных приёмов философской критики, заставляя читателя искать новые пути в «оценке» создаваемых концепций. И хотя полностью избежать помещения текста в привычные академические рамки вряд ли вообще представляется возможным, такие его особенности необходимо учитывать.

Итак, Делёз пытается обнаружить особую среду обитания смысла. В стремлении опровергнуть существование его абсолютных проявлений, принадлежащих некой высшей Идее, философ обращается к анализу языковых структур. Поскольку смысл, по мнению Делёза, не может быть укоренён ни в объективном, то есть в «положении вещей», ни в «живом», то есть в субъекте, в центр внимания попадает предложение и те отношения, которые в нём можно выделить. Таковых традиционно обозначается три: денотация, манифестация и сигнификация. Однако «локализовать смысл» ни в одном из данных трёх отношений не удаётся. Поэтому, ставя вопрос о том, следует ли к ним «добавить четвёртое, которое было бы смыслом?»³, Делёз сам же даёт утвердительный ответ. Таким образом, смысл превращается в событие, в особую сложную бестелесную сущность, обнаруживаемую на поверхности вещей, но вместе с тем принадлежащую предложению и при этом постоянно от него ускользающую.

«Смысл – это и выражаемое, то есть выраженное предложением, и атрибут положения вещей. Он развёрнут одной стороной к вещам, а другой – к предложениям. Но он не сливается ни с предложением вещей или качеством, которое данное положение обозначает. Он является именно границей между предложениями и вещами»⁴. Смысл обречён занимать это неизбежно промежуточное положение, пребывая в состоянии постоянного ускользания. В этом и проявляется его текучий характер, его подвижность, противопоставляемая застоялости и обусловленности классической Истины. Смысл находится на границе, он по обе стороны. Он атрибут вещей и одновременно выражаемое в предложении. Происходит своего рода смыкание вещей и предложений, которые «находятся не столько в ситуации радикальной двойственности, сколько на двух сторонах границы, представленной смыслом»⁵. Это смыкание – принципиально важный момент. Говоря о нём, мы и можем сказать, что смысл находится на «поверхности».

Понятие Поверхности можно считать одним из центральных для всей философии Делёза. Это ещё один образ, ещё одна метафора и ещё одно подтверждение того, что для понимания мыслительных конструкций автора недостаточно одного голого рацио. Поверхность следует анализировать и «вычленять» исходя из имеющегося материала. Однако для того чтобы осознать значимость этого понятия для всего творчества автора, её необходимо «ощутить». Поверхность и сама по себе – это тоже ощущение. Ощущение исчезновения глубины и фундамента интеллектуальной деятельности, превращения мира, уходящего «вглубь», в мир, расстилающийся на плоскости. Поверхность, образуемая на соединении вещей и предложений, призвана стать средоточием смысла, местом его производства. И, наверное, не будет ошибкой сказать, что в какой мере Поверхность производит смысл, в такой же степени и смысл производит Поверхность. Они оказываются как бы слиты воедино. Когда Делёз говорит о том, что смысл находится по обе стороны, то речь идёт даже не столько о смысле, сколько об отпечатках смысла, следах, которые он оставляет на Поверхности.

Эти следы – и есть сама Поверхность. Вполне естественно, что любые следы всегда пересекаются и нередко накладываются друг на друга. Одно значение накладывается на другое, происходит их перемешивание и образование нового. Любое пересечение смыслов всегда становится пространством игры, в которой происходит столкновение и противоборство смыслов. Именно в таких условиях смысл встречает свою противоположность – нонсенс или абсурд.

Стоит подчеркнуть, что отождествлять два данных понятия было бы абсолютно некорректно. Однако в данном случае логично придерживаться той точки зрения, согласно которой Делёз если и предпринимает попытку их развести, то делает это не вполне удачно. Нонсенс – это оборотная сторона смысла, его изнанка. Строго говоря, в этой мысли нет ничего радикального. Нонсенс всегда образуется как результат столкновения нескольких смыслов, с неизбежностью порождая новые. В свою очередь, эти новые смыслы могут в дальнейшем стать питательной средой для возникновения нонсенса. Всё достаточно закономерно, пусть и с определёнными оговорками. Радикальным становится то, что у Делёза эта идея приобретает тотальное значение. Скользящая Поверхность всюду плодит абсурд, стирая всякие грани между смыслом и нонсенсом. Именно здесь стоит вспомнить о том, что в «Логике смысла» мы имеем дело не столько со строгими философскими категориями и схемами, сколько с понятиями-образами и метафорами. Идея взаимообратимости смысла и нонсенса, безусловно, встроена в общую канву произведения, однако вряд ли при этом её стоит абсолютизировать. Да и неужели идея о существовании этой тонкой грани между смыслом и абсурдом звучит впервые только у Делёза?

Прежде чем превратиться в материал для сухого научного анализа реальность или «положение вещей» в любом своём виде на определённом этапе становятся объектом повышенного интереса со стороны человека. Этот этап непросто (если вообще возможно) объяснить строгим научным языком, но любому рациональному действию всегда предшествует

особое чувство реальности. Чувство, которое подчас бывает крайне сложно выразить, но которое уже несёт в себе предвестие будущих перемен, в том числе и в науке. Неслучайно поэтому, что искусство нередко опережает научную мысль в улавливании современных тенденций, веяний сегодняшнего дня. Опережает в этом самом «чувстве времени».

Когда в начале 1916 года, в самый разгар войны, в одном из кабаков Цюриха стала собираться группа художников-энтузиастов и устраивать вечера с распеванием песен на различных языках при вызывающем оформлении зала, в этом не было никакой продуманной стратегии. Был лишь стихийный порыв творчества и естественное неприятие окружающей действительности, которое, правда, с трудом могло быть выражено сколько-либо внятным языком. Течение, позже получившее название «дадаистов», как нельзя более экспрессивно, жёстко, но вместе с тем глубоко отразило дух своего времени со всей его разрушительной мощью. В дадаизме не было той лишней концептуальной «примеси», избытка творческой рефлексии, позже присущих кубизму, поп-арту и даже сюрреализму. В нём была естественность порыва, заряд энергии и наряду с этим – целый комплекс вылившихся наружу проблем человеческого существования в новой реальности.

Не здесь ли впервые смысл оказался рассредоточенным в бесконечности пространства вещей? Не здесь ли игра стала основным производителем смысла, а любая форма его локализации превратилась в абсурд? Не здесь ли текучая двойственная природа смысла нашла своё непосредственное воплощение? Исследователь раннего сюрреализма Гаэтан Пикон, давая характеристику творчеству Марселя Дюшана, отмечает: «Форма не может быть одновременно очевидной и изобретённой, смысл не может быть одновременно достигнутым и многообразным. Невозможно создать обладающий всеми смыслами, полностью значащий предмет. Возможно лишь (в конечном счёте прервав) дать намёк на изобретательный процесс, показать двусмысленную возможность смысла»⁶. Не эту ли «двусмысленную возможность» имел в виду Делёз, когда писал, что

«смысл – это всегда двойной смысл»⁷.

Тот же Марсель Дюшан в «Умывальнике» (1917), «Сушилке для бутылок» (1914) и своём знаменитом «Велосипедном колесе» (1913) представляет на суд зрителя простую обыкновенную вещь. Вещь, вырванную из пространства и данную взгляду как бы в обнажённом виде. Но не это ли Поверхность Делёза? Заставляющая включиться зрителя в игру с предметом, нащупать её границы, окунуться в соблазн многочисленных интерпретаций, а в итоге обнаружить между ними непреодолимую пропасть.

Пространство образования смыслов устроено у дадаистов по тем же законам игры, что и у Делёза. Любой смысл грозит обратиться нонсенсом, а абсурдность стать условием существования. В скандале, эпатаже и стремлении шокировать зрителя таятся те же цели, что и в «Логике смысла». Это тот же намёк на «изнанку», только менее тонкий и более «грубый» по исполнению.

Говорить о кризисе как в общественном развитии, так и в интеллектуальной сфере перестало быть модным. Сегодня это нередко воспринимается как дурной тон. Однако стоит задуматься. Когда идея производства смысла из абсурда преподносится в форме острой метафоры – это весьма эффектный, не лишённый эпатажа интеллектуальный ход. Но когда эта идея рассматривается как основание полноценной философской системы, при этом неважно, идёт ли речь о задумке самого автора или способах её восприятия, такая тенденция представляется весьма симптоматичной. Такой же, как весёлая пирушка художников в разгар мировой войны.

1. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 446.

2. См. например Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делёза: pro и contra // *Логос*. 2005. №4.

3. Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 35.

4. Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 42.

5. Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 45.

6. Пикон Г. *Сюрреализм. 1919-1939*. Skira booking. С. 50.

7. Делёз Ж. *Логика смысла*. М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 55.

ЭСТЕТИКА ГРОТЕСКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНОАМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К.А. Лобато

Кармен
Альварес Лобато

доктор филологических наук,
профессор, заведующая
аспирантурой Гуманитарного
факультета Автономного
университета штата Мехико

С момента своего возникновения испано-американская литература вступила в диалог с европейской литературой, но не для того, чтобы ее слепо копировать, а чтобы, питаясь ее жанрами и темами, перерабатывать их в соответствии с спецификой мировоззрения американского континента. С конца XIX века стало очевидным, что нашу литературу интересует в первую очередь разнообразные элементы эстетики гротеска, который в XX веке превратился в определяющую форму художественного латиноамериканского стиля.

Как форма западной эстетики, гротеск приобрел свое гражданства в Европе, начиная с XV века, когда при раскопках дворца императора Тита в Риме были найдены предметы, декорированные в восточном стиле, изображавшие языческие фигуры и сцены, которые являли собой причудливую смесь людей, животных и растений.

С тех пор термин «гротеск», претерпев ряд существенных трансформаций, превратился почти в синоним «безобразного», «экстравагантного» или «монструозного»¹. Несомненно, что важным элементом эстетики гротеска, по утверждению Всеволода Мейерхольда, является материальный аспект, деформация, «нарочитое утрирование, преображение (обезображение) природы, немыслимая в сущности ассоциация предметов природного мира и повседневной жизни людей, ассоциация, делающая акцент на плотских и материальных сторонах сотворенной художественной формы»².

Следует подчеркнуть, что «экстравагант-

ность» и «монструозность» появляется уже на заре латиноамериканской литературы и восходит к первым испанским хроникам, посвященным Конкисте. Восприятия человека и природы Нового Света глазами европейцев, можно хорошо проиллюстрировать *Всеобщей историей Открытий Новой Испании* Фрая Бернардино де Саагуна или *Всеобщей и Естественной истории Индий* Гонзало Фернандеса де Овьедо. Их описание диковинной культуры, экзотической природы и фауны латиноамериканского континента отмечено удивлением и изумлением. Они подчеркивают необычность и отличие виденного ими от всего ранее известного, но в этом восхищении всегда просвечивает некая монструозность. В западном искусстве эта монструозность находит свое воплощение в разнообразных живописных полотнах, проникает в литературные произведения и наиболее зримо воплощается в уродливом и презренном чудовище Калибане из шекспировской «Бури», превратившегося несколько позже в символа американского индейца.

В XIX веке латиноамериканские поэты модернисты, под влиянием символизма Шарля Бодлера и Артюра Рембо, начали закладывать основы эстетики «безобразного» в противоположность империи «прекрасного» романтиков и реалистов, империи, в которой преобладали в основном идиллические и традиционные образы повседневной жизни. Писатели-модернисты Хулиан дель Касаль, Сальвадор Диас Мирон, Леопольдо Лугонес, Хулио Эррера и Рейсиг вводят деформированные и утрированные образы в изображаемую реальность. Именно модернизм обосновывает деформацию в качестве формаобразующей суггестии, проистекающий из тоски, призванной выразить разочарованность человеком, ощущение им своего сиротства и бесприютности. Эта разочарованность выражается методами пародии, карикатуры и иронии, посредством которых осуществляется слияние трагического и комического видений жизни.

Это дуалистическое мировоззрение превращается в основополагающий фундамент авангардистской эстетики провокации Оливерию Жирондо, Фелисберто Эрнандеса, Хулио Гармендия и Орасио Кироги. Вдохновляемая принципами кубизма и сюрреализма, эта эстетика пытается перекодировать язык, тематику и технику литературного повествования, расщепить восприятие целостности человека, деформировать и сделать плюральным традиционное видение реальности.

Авангардистское движение XIX века в Испаноамерике оказало неизгладимое влияние на всю последующую литературу; в ней зародились специфические черты многих современных жанров, включая и жанр гротеска. Как мы уже отмечали, эстетика гротеска была тесно связана с символизмом, сюрреализмом и кубизмом, и хорошо иллюстрируется знаменитым парадоксом французского символиста Лотреамона, сказавшего, что поэзия – это *локус*, где швейная машинка встречается с зонтиком на операционном столе. Это определение было подхвачено сюрреалистом Максом Эрнстом, заявившим, что искусство – это «эксплуатация случайной встречи в соответствующем ракурсе двух разных реальностей». Позже эта формула была воспринята десятками испаноамериканских современных романистов, которые полагают, что фрагментаризированный мир не может быть адекватно воспроизведен, опираясь лишь на одну единственную перспективу. В современной испаноамериканской литературе утверждается множества эстетических приемов, совмещение разных ракурсов, симультанность точек зрения, фрагментарность и коллаж.

Вернемся, однако, к началу нашей темы: деформация и монструозность находятся в истоках латиноамериканской литературы, хотя эти элементы присущи в равной мере как фантастике, так и литературе ужасов. На мой взгляд, значение гротеска простирается значительно дальше связанных с ним синонимов – «экстравагантности», «ужаса», «безобразности», о которых говорилось раньше, ибо гротеск – это не только безобразность и экстравагантность, но и двусмысленность. Известный специалист по эстетике гротеска английский литературовед Филип Томсон, справедливо настаивает на

амбивалентном характере данной категории. «Неразрешимое столкновение несопоставимых элементов вызывает действие и противодействие. Примечательно, что это столкновение, свойственное двусмысленной природе аномального, присутствует в гротеске – аномальной амбивалентности»³. Таким образом, эстетика гротеска – это не только переход от одного состояния к другому: от безобразного к прекрасному, от радости к грусти, но и выражение симультанного, напряженного характера обоих состояний. Симультанность смеха и плача, комического и трагического порождает в читателе эффект растерянного удивления.

Другой специалист по данной теме Вольфганг Кизер развивает такие принципы эстетики гротеска как: «смешение несоединимых элементов, преодоление статики, утрата идентичности, деформация «естественных» пропорций... изъятие категории вещь, деструкция понятия личности, аннигиляция исторического порядка развития событий»⁴.

Другая характеристика, упоминаемая Кизером, – это амбивалентность, которая встречается во многих современных испаноамериканских романах, что, на мой взгляд, нельзя считать простым совпадением, а следовало бы определить как выражение «духа эпохи», свойственного самым различным американским регионам⁵. Знаменателен уже сам факт присутствия гротеска в размышлениях о специфике истории стран латиноамериканского континента. Действительно, если, как утверждает Кизер, гротеск «аннулирует» исторический порядок, то эта функция совпадает с тем вызовом, который бросают официальной истории многие испаноамериканские авторы. Ниже я приведу произведения лишь некоторых писателей, которые прибегают к гротеску для пересмотра истории, как, это, например, делает Хосе Лезама Лима в *Парадизе* (1966); Густаво Сайнц в *Надоедливых монотонных днях* (1969); Фернандо дель Пасо в *Мексиканском Палинуро* (1977); Рейнальдо Ареназ в *Цвете лета или новом «Саду Наслаждений»* (1999); и Мигель Мендес в *Цирке, заблудившемся в пустыне Соноры* (2002).

Весьма примечателен роман Фернандо Пасо *Мексиканский Палинуро*, который дает фан-

тасмагорическое описание ужасного по своей brutality и вопиющей несправедливости события мексиканской истории – кровавого разгрома левого студенческого движения 1968 года, во время которого государственный органы бросили все свои силы на подавление, пусть и беспокойного, но в конце концов безоружного студенчества. Главный персонаж романа, студент медицинского факультета по имени Палинуро был схвачен на главной площади Мехико и позже умерщвлен под пытками военных карателей. Этот жестокий сюжет повествуется, однако, в ракурсе, в котором ужас соседствует со смехом. Радостная и озорная сторона, присутствующая в романе, представлена персонажами переодетыми в маски героев итальянской *commedia dell'arte*. Этот тип наррации, представленный в виде гротеска, включает в себя утрирование, пародию, фрагментарность, маски животных. Действующие лица произведения Дель Пасо переряжаются в костюмы, которым предписываются этой комедией: сам Палинуро выступает в виде Арлекина, Естefания - Коломбины и Вальтер – Пьерро, если ограничиться только главными персонажами. События ночи 27 августа описываются в двух диаметрально противоположных ракурсах: в виде фантазии и в плане реальности; первому соответствует праздник, смех, атмосфера комедии, а второму – убийство и ужас. Постепенно атмосфера обоих планов сгущается и перемешивается. Об этом повествует пассаж об избии студентов: «С крыши, спускают Арлекина, повешенного на веревке, переряженного в огромную рождественскую пиньяту в костюме, украшенном ромбами из китайской бумаги. Гуськом входят Коломбина и Пьерро с зажженными свечами» (р. 733)⁶. Капитан Мальдито, олицетворяющий собой brutальную силу государства бьет по пиньяте дубинкой. «Наконец, Арлекин вдребезги разбивается и высыпается вся начинка: самодельные бомбы, рогатки, камни, дубинки, петарды и множество мусора. Веревка обрывается и Арлекин падает (р. 734).

Мексиканский Палинуро производит эффект потрясения, как в индивидуальном, так и в историческом плане. «Аннулирование исторического порядка» прослеживается в переинтерпретации студенческого движения 1968 года,

что говорит не о продвижении вперед и даже не о стагнации истории, а ее возвратном движении, регрессу к репрессивным и диктаторским формам, которые, как предполагалось, должны быть преодолены «современным» модернистским менталитетом. История Мексики, история человечества вызывает тревогу: нас лишили нашей идентичности, наш мир преобразился до неузнаваемости. «То, что раньше было знакомо и узнаваемо, должно скоро проявить себя как нечто странное и зловещее. Наш мир претерпел изменение. Внезапность и сюрприз являются существенными признаками гротеска в прозе, поэзии, на сцене и на экране⁷.

Другая характеристика гротеска – «деформация естественных пропорций» – отчетливо прослеживается в новелле Рейнальдо Аренаса Цвет лета или новый Сад Наслаждений, само название которого отсылает к знаменитому полотну Иеронима Босха Сад наслаждений. Один из персонажей романа Клара Мортера решила создать живописное произведение в виде триптиха на подобие демонологических полотен Босха. На основе мозаики множества деформированных фигур, которыми она населяет остров Куба, создается коллаж, состоящий из пулеметов, знамен, мечей, молотов, серпов и крови, коллаж, в котором нельзя не увидеть острую сатиру на кубинского диктатора Фиделя Кастро. «Последняя часть триптиха будет очень темной, почти черной, на ней сгрудятся все высланные, иными словами, все те, кто пытались жить по собственной воле, а поэтому были приговорены к смерти Зловещим Богом, который распоряжается живыми судьбами... будут раздаваться взрывы, визг и глухие раскаты разрушений. Можно будет увидеть скопление масс и грядущую катастрофу. Моя картина окропит ужасом весь остров» (р. 125)⁸.

На фоне Гаваны, этого «гигантского писсуара», как именует его повествователь, выделяется деформированная и гротесковая фигура Фиделя Кастро, «Фифо», главного героя гаванского карнавала. Пародируя его революционно-утопическую речь, автор подчеркивает пропасть, отделяющую неприглядную реальность от социалистического дискурса кубинского лидера, Фифо, облаченный в мундир зелено-оливкового цвета, увенчанный огромной бородой, действу-

ет как матрона из бурделя, как гомосексуал, исполняющий роль мачо в вертикали власти – тиран-народ – тогда как в действительности он больше напоминает падшую женщину, предающуюся распутству.

В своем романе Рейнальдо Аренас разоблачает пороки кубинской диктатуры второй половины XX века; его видение безутешно: сталкивая ужас и смех, он изображает отсталую Кубу, в которой царит несправедливость, произвол, догматизм и отсутствует подлинная свобода (исключая сексуальную свободу, милостливо дозволяемую во время гаванского карнавала).

С другой стороны, гротеск отнюдь не приводит к расслаблению, ментальному параличу; гротесковый роман – это динамичный жанр, полный жизненных контрастов. Часто поводом к гротеску служит путешествие, постоянный переезд из одного пространства в другой, что приводит к смене настроений и душевных состояний. Так, например, мексиканско-американский писатель Мигель Мендес повествует о приключении цирка, который сбился с пути, блуждая по пустыне Соноры (штате, расположенном на севере Мексики). Это, однако, – фантазмагорическое путешествие во вращающемся кольце пространства. Цирк находится в постоянном движении, но он никуда не приходит; в финале мы узнаем, что цирк вращается в круге времени, а его персонажи обречены на поражение в мире, который, не желая ничего о них знать, ставит под сомнение их самобытность как личностей. В конце романа эти, утратившие свою идентичность существа, окончательно деградируют и умирают; разлагаясь под беспощадными лучами солнца пустыни, они превращаются в обезображенные мумии. Так, некогда прекрасная воздушная цирковая гимнастка, уже мертвая по имени ля Капульо, «обезображенная с раздувшимся животом, заполненными червями, была похожа на старый труп с растянутыми мускулами, сдвинувшихся от правого уха к уголкам губ. Обнаженные зубы без десен чем-то напоминали не лишённые изящества старые испанские гребни. Гротеск наложил печать на ее некогда чувственную улыбку» (р. 187)⁹.

И другие персонажи: [У Сенсонгле] прова-

лились глазки, ветер высвистывал мелодии в провалившихся челюстях его рта..., «укротитель «немец» Бесстрашный Серпентин лежал рядом со своею Кикой. Труп Раскероса покоился на Карамело. Их разбросанные руки и ноги чем-то напоминали фигуру осьминога» (р. 187).

Безобразие, к которому прибегает испаноамериканский роман, – это не только физическое, но и нравственное уродство, что демонстрируется описанием Фиделя Кастро Ареносом или изображением мексиканского президента Фернандо дель Пасо. Изображение безобразия – это примета современности. Если авторы авангарда, воспроизводили раскол в сознании своих персонажей, то в современном романе этот раскол намного более утрирован: избыточно описание увечий и фрагментов реальности, продукта столкновений и напряженного противостояния несовместимых реальностей: утопический дискурс кубинского революционера противостоит репрессиям и догматизму исторических реалий; современный мир, в котором человек пытается стать творцом собственной истории, противостоит очевидной отсталости Мексики и возврату к мифическим временам.

Испаноамериканские авторы не избегают изображения фрагментированной реальности, а напротив, выставляют ее на показ, претендуют осуществить ее перекомпоновку с позиции художественного гротеска, который порождает эффект дисгармонии. «Самой отличительной характеристикой гротеска, – пишет Томсон, – является то, что гротеск – это главный элемент дисгармонии, идет ли речь о конфликте, столкновений, прихотливом смешении противоположных элементов или соединении нелепостей»¹⁰. Перемешиваются разнородные пласты мира и создаются альтернативные «реальности».

В романе гротеска отсутствует абсолютный катарсис или всеобъемлющее отчаяние, а преобладает чувство смущения и замешательства, вызываемых двусмысленностью современной жизни человека. Если распространить определение гротеска на само человеческое существование, то можно утверждать, что оно, будучи амбивалентным, гротескно, а человек, как вместилище всех противоположных начал

является одновременно существом исполненным гротеска и очарования.

Упомянутые выше романы усложняют не только историю Испаноамерики, но и идентичность современного человека, предстающего в виде сплава антиномий: добра и зла, жизни и смерти, духа и материи. Современная испаноамериканская литература как бы хочет нам сказать, что человеческая экзистенция не может быть выражена одной абсолютной истиной, одним полом, одной идеологией, а должна быть представлена во всей своей сложности, многообразии и богатстве. Аренас, Дель Пасо, Мендес дают калейдоскопическое и фрагментаризированное видение мира, пытаются выразить истину как сочетание плюрализма. Таким образом пародируется официальная версия единственной и признанной в качестве истины реальности. Юмор и гротеск преодолевают единообразие установленного порядка вещей, вносят контраст и смысловое многообразие. Гротеск, как эстетическая конструкция, вносит беспокойство: он разрушает абсолюты, размывает застывшие категории идентичности и вещи; выворачивается наизнанку застаревшие стереотипы и клише; гротесковая реорганизации жизни служит углубленной критике стерео-

типов американской идентичности.

1. Подробности эволюции термина «гротеск» содержится в работе Frances Barach, *The grotesque: a study in meanings*, Mouton, Belgium, 1971.
2. Цит. по: Patrice Pavis, *Diccionario del teatro. Dramaturgia, estética, semiología*. Paidós, Barcelona, 1980, p. 247.
3. Philip Thomson, *The grotesque*, Methuen & Co. Ltd, London, 1972, p. 27.
4. Wolfgang Kyser, *Lo grotesco. Su configuración en pintura y literatura*, Nova, Buenos Aires, s.f., p. 225.
5. Это утверждение, на мой взгляд, справедливо как для лирики, так и для эссе, восходящих к началу шестидесятых годов XX века, но в силу ограниченности размера данного текста, я останавливаюсь лишь на исследовании романа.
6. Цит. по Fernando del Paso, *Palinuro de México*, Joaquín Mortiz, México, 1980.
7. «Чувство, которое преобладает в гротеске..., является удивление. Потрясение и обескураживающая тоска перед потерявшим свои скрепы миром лишает нас своей опоры. Смесь потрясения и улыбки укоренен в опыте повседневной жизни, по видимости покоящемся на устойчивом фундаменте, - который, однако, деформируется и распыляется под воздействием извержения запредельных сил, отрекаясь от своих форм, а его порядок подтачивается и разъедается» Kyser, op. cit., pp 32 y 40.
8. Ibid., pp. 224-225.
9. Reinaldo Arenas, *El color del verano o nuevo «Jardín de las delicias»*, Tusquets, México, 1999.
10. Цит. по Miguel Méndez, *El circo que se perdió en el desierto de Sonora*, Fondo de Cultura Económica, México, 2002.
11. Thomson, op. cit., p. 20.

Перевел с испанского на русский М.А. Малышев.

«ЭТИЧНОСТЬ» И «ЭКОЛОГИЧНОСТЬ» КАК ИНСТРУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО МАРКЕТИНГА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

А.Ю. Смирнова

Смирнова
Александра Юрьевна

Выпускница факультета
Связей с общественностью и
рекламы УрГУ
Лондон. Великобритания

В результате эволюции маркетинговых коммуникаций появились концепции маркетинга, направленные на проблемы «этичност-

ти» и «экологичности». Появление подобных концепций связано с тем, что ранее существующие направления маркетинговой коммуникации становятся все менее эффективными в государствах с развитой рыночной экономикой. Сегодня в мире растет значение нематериальных активов (репутация, имидж, бренд), которые нуждаются в расширении инструментов формирования. По этой причине, профессионалы сферы маркетинга, брендинга и PR начали использование проблем «этичности» и «экологичности». Появление «этических» и «экологических»

инструментов в системе маркетинга связано со спросом на подобные идеи и механизмы со стороны потребителей.

Хотя не существует общепринятого определения понятия «этичный» потребитель, мы будем использовать это выражение для наименования тех потребителей, которые при совершении покупки находятся под влиянием своих этических убеждений, таких как необходимость защиты животных и прав человека, соблюдения принципов добросовестной торговли и трудовых кодексов и тому подобное.

«Зеленые» потребители и «этичные» потребители озабочены состоянием окружающей среды в связи с производственной активнос-

В отчете Кооперативного банка (Co-operative Bank) «этичные» потребители определяются как потребители, которые при покупке товаров и услуг находятся под влиянием своих этических правил и убеждений относительно экологии¹. Треть потребителей в Великобритании всерьез озабочены вопросами этики при совершении покупок, а приблизительно один из шести человек часто покупает товары, основывая свой выбор на репутации производителя. По результатам отчета, расходы на покупку товаров, отвечающих этическим нормам, согласно приведенному выше определению, составили в 2000 году 1,3 млрд. фунтов и увеличиваются на 26% в год. Эта цифра соответствует 1%

Таблица потребления этичных и экологически обоснованных товаров².

Сферы этичного и экологически обоснованного потребления:	1999 год (млн. фунтов)	2002 год (млн. фунтов)	2005 год (млн. фунтов)
«Этичные» продукты питания	1037	3617	5406
Экологичное домохозяйство	493	2434	4149
Эко-путешествия и использование эко-транспорта	3	739	1792
Этичные персональные вещи	0	982	1315
Объединения	2570	3336	5054
Этичное финансирование	5175	7680	11552
Всего	9278	18788	29268

тью фирм и потребительской активностью населения. Мнения этих групп во многом совпадают, что подтвердили дискуссии о генетически модифицированных товарах. Например, некоторые люди полагают, что с точки зрения этики такие продукты неприемлемы, поскольку они являются вмешательством в законы природы. С другой стороны, защитники экологии возражают против генетически модифицированных продуктов из-за их потенциального вреда для окружающей среды. «Зеленые» потребители включают в свои цели этический компонент, поскольку стремятся максимально уменьшить вред, наносимый окружающей среде, и сохранить природу для будущих поколений.

рынков, предлагающих такие товары.

В Великобритании существуют рынки (ниши), где этичные товары составляют 60% от общего количества продаж, это: холодильники, детское питание и т.п. На таких рынках этичные товары становятся нормой, и они не выделяются на фоне других товаров, они становятся обыденными. Но этичное поведение связано не только с покупкой товаров, ниже приведена сравнительная таблица этичного поведения индивидуумов в Великобритании в 1999 и в 2005 году.

Этичные потребители, как правило, отказываются от марок одежды, которую в странах третьего мира шили или шьют дети, бойкотируют продукты, которые способствуют

Таблица «Этичное поведение индивидуумов в Великобритании в 1999 и 2005 годах» (данные приведены в процентном соотношении от общего числа населения Великобритании)³.

	1999 год (в %)	2005 год (в %)
Переработка мусора.	73	94
Использование товаров местных магазинов и поставщиков.	61	80
Рекомендация компании, основанная на корпоративной ответственности этой компании.	52	54
Предпочтение продуктов/услуг, основанное на корпоративной ответственности этой компании-производителя.	51	61
Избегание товаров/услуг по причине безответственной репутации компании.	44	55
Испытывание чувства вины по причине приобретения «неэтичных» товаров.	17	44
Участие в «зеленых» движениях, социальных кампаниях.	15	22

развитию болезней (в том числе и детских), путешествуют на велосипедах, а не машинах, отказываются от самолетов в пользу более экологически чистых поездов или перестают вкладывать деньги в компании, деятельность которых кажется им безнравственной.

«Этичный» потребитель при совершении покупки находится под влиянием своих этических убеждений, таких как необходимость защиты животных и прав человека, соблюдения принципов добросовестной торговли и трудовых кодексов и тому подобное. «Зеленые» потребители, участники движения в защиту природы, озабочены состоянием окружающей среды в связи с производственной активностью фирм и потребительской активностью населения. Мнения этих групп во многом совпадают. «Этичное» поведение получило широкое распространение в Великобритании во второй половине XX – начале XIX века.

«Этические» продукты становятся все более популярны в сфере розничной торговли. «Этические» продукты – безвредные органические продукты, выращенные по программе Fairtrade и продающиеся под этой маркой. Считается, что подобные товары производятся на более справедливых усло-

виях для фермеров и при их выращивании или изготовлении не используются вредные химикаты или добавки.

Исследование, проведенное группой Mintel, показало, что 34% опрошенных британцев заявили, что по возможности стараются приобретать только «честные» продукты. В 2002 году только 25% респондентов ответили аналогичным образом.⁴ В течение прошлого года на прилавках магазинов Великобритании ассортимент дополнили свыше 70 новых «этических» продуктов питания. В 2002 году их был только 25.

Основными «этическими» и «экологическими» инструментами в сфере розничной торговли являются понятия Organic, Fairtrade и социальная ответственность, которые в последнее время в западных странах стали вспомогательными брендами, если не брендами сами по себе.

Продукты «честной торговли» – это новый термин, используемый в зарубежной науке и практике. «Честная торговля» (Fairtrade) в этом контексте отличается от выражения «Fair-trade» – «справедливая торговля», т.е. торговля, исключающая демпинг и субсидирование. «Честная торговля» направлена на борьбу с нищетой в развивающихся странах

путем установления прямых связей между производителями в этих странах и потребителями в развитых государствах, исключая посредников и многочисленные торговые наценки. Это увеличивает доходы производителей. В категорию продуктов «честной торговли» входят тропические фрукты и овощи, кустарные и ремесленные изделия и другие товары, производимые мелкими производителями развивающихся стран.

Объем продаж продуктов производителей, участвующих в программе Fairtrade, каждый год увеличивается в среднем вдвое. Крупные сети магазинов торопятся заполнить полки «этичным» товаром.

В этом году известная британская фирма поправила пошатнувшуюся репутацию, представив линию товаров из «честно купленного» хлопка. Даже фирмы, до сих пор попадавшие под острую критику за несправедливую и жестокую тактику по отношению к производителям сырья, сдали позиции и объявили о закупке партий сырья по системе Fairtrade. Пока по программе «честной торговли» фермер может продать в среднем только треть урожая. Но формирование спроса – в руках покупателей.

Существует теория, озвученная Мелиссой Дэвис (Melissa Davis) в статье «Ответственность как стимулятор потребления» («Cause-Related Consumerism»)⁵, что потребители согласны покупать товары (им нужные или не нужные), если тем самым они оказывают помощь другим, так как подобный акт вызывает у них чувство самодовольствия. Сегодня потребители ожидают от сильных брендов ответственности за всеобщее благосостояние – будь то явные вложения в общество, раскрытие информации об источниках сырья и составе продуктов или же предоставление ответственному потребителю выбора при покупке.

Потребитель бросает вызов розничным брендам. В последние годы крупнейшие розничные сети Великобритании использовали различные методы и маркетинговые инструменты, чтобы сделать ответственность осязаемой. Marks & Spencer (M&S) запустили кампанию «Смотри под биркой» (Look

Behind the Label), которая продвигает этическое происхождение своих продуктов и информирует потребителей об их продуктах и одежде Fairtrade («честной торговли»). M&S также запустили линию модной одежды Fairtrade. Несмотря на английское происхождение, M&S производит 90% своей одежды и розничных продуктов в развивающихся странах. Кампания Look Behind the Label появилась в результате исследования, которое показало, что огромная часть покупателей M&S (более 80%) хочет знать происхождение продуктов компании.

Пожалуй, самым большим событием в ответственной розничной торговле на рынке Великобритании стало выведение продукта Red (Красного Продукта). Запущенный Боно из U2 Red – собирательный бренд, который работает через своих партнеров, в их числе сегодня: Motorola, Emporio Armani, Gap, American Express, Converse и Apple. Они лицензируют Red и производят товары под брендом Red. Процент от продаж идет в Глобальный Фонд – самый крупный в мире фонд по сбору средств на программы борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. Продажами продукции Red отдельно финансируется фонд помощи африканским женщинам и детям, инфицированным ВИЧ и больных СПИДом.⁶

Продукт Red предлагает рынку кардинально иной подход: он дает потребителям право приобрести вариант продукта под брендом Red (по той же цене, что и не-Red продукт); он продвигает потребителю скорее новую бизнес-модель, нежели благотворительную акцию; он поддерживается звездой; и разработан для того, чтобы приносить прибыль брендам, а не просто ради того, чтобы сделать что-то хорошее.

Люди, которые покупают Продукт Red, тем самым, делают вклад в уменьшение заболеваний ВИЧ и СПИДом в Африке. А участвующие бренды получают особое доверие среди потребителей просто потому что они являются частью Продукта Red, что с точки зрения бренда является очевидным преимуществом. Структура партнерства предоставляет брендам поддержку и разделение знаний

и опыта, в отличие от самостоятельных действий и работы с новой аудиторией. Red умнее и с той точки зрения, что он работает не с одной демографической группой, а скорее с единой «психографической» группой – аудиторией, обладающей сходными взглядами и сходным мышлением. Своими действиями Red надеется увеличить осведомленность об общечеловеческих проблемах ВИЧ и СПИДа и предлагает потребителям шанс принять участие в том, чтобы действительно делать что-то против своего уничтожения.

American Express провел собственное маркетинговое исследование прежде чем присоединиться к партнерству Red. По словам Гейла Вассермана, вице-президента компании по внешним коммуникациям, в Великобритании насчитывается порядка 1,5 миллионов сознательных потребителей, которые принимают решение о покупке бренда

на основании социальных и этических ценностей. Это очень обеспеченная аудитория, которая может выбирать, где и как потратить свои деньги. Сегодня этот рынок оценивается в 4 миллиарда фунтов стерлингов (порядка 7,44 миллиарда долларов) и это – растущий рынок.

1. R. Cowe and S. Williams, «Who Are the Ethical Consumers?» - Co-operative Bank 2000.
2. Ethical Consumerism Report. - The Co-operative Bank. - 2006.
3. Ethical Consumerism Report. - The Co-operative Bank. - 2006.
4. Mintel Press Release, Attitudes Towards Ethical Foods [Электрон. Ресурс]. - UK, August 2006. - http://www.mintel.com/press_releases/242166.htm?id=242166
5. Melissa Davis, Cause-Related Consumerism, [Электрон. Ресурс]. - 2006. - http://www.brandchannel.com/features_effect.asp?pf_id=337
6. [Электрон. Ресурс]. - <http://www.joinred.com>

МОДАЛЬНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: В.О. Лобовиков ОТ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ К ФОРМАЛЬНОЙ ЭТИКЕ АЛЕТИЧЕСКИХ, ДЕОНТИЧЕСКИХ И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МОДАЛЬНОСТЕЙ

**Лобовиков
Владимир Олегович**

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик МАДИ

Дискурс-анализ модальностей «необходимо», «обязательно» и других, в частности, эпистемических (знание и мнение, вера и сомнение) был начат уже в античности. Значительный вклад в этот анализ внес Аристотель и его последователи. Однако в процессе исторического развития учения о модальностях наметился явный «перекос». На долгие годы (и даже на многие столетия) доминирующей парадигмой исследования модального дис-

курса стал его формально-логический анализ. Модальная логика монополизировала изучение модальностей. Однако, строго говоря, полное сведение дискурс-анализа модальностей к его формально-логическому аспекту является необоснованным. Существуют также и другие его аспекты, изучение которых необходимо для более полного (комплексного) исследования модальностей. В данной работе упомянутая долго господствовавшая (и до сих пор доминирующая) парадигма дополняется (именно дополняется, а не исключается) новой – формально-аксиологическим (в частности, формально-этическим) дискурс-анализом модальностей.

В 1951 г. Г.Х. фон Вригтом была предложена оригинальная система неклассической модальной логики, названная деонтической¹. Эта система явилась моделью (уточнением) высказанной Г.В. Лейбницем в «Elementa juris

naturalis» (1671) интуиции о фундаментальном структурно-функциональном единстве аристотелевских (алетических) и юридических (деонтических) модальностей².

В случае принятия вригтовской модели обсуждаемой интуиции, серьезное беспокойство вызывает то, что в тексте Г.В. Лейбница речь идет о *полном* формальном соответствии (об эквивалентности форм) алетических и деонтических модальностей, а у Г.Х. фон Вригта – только о *частичном* их соответствии (об аналогии, *подобии*). Но отношение подобия не является транзитивным и, поэтому, не может быть отношением эквивалентности. Поэтому необходимо признать, что между обсуждаемой интуицией Г.В. Лейбница и парадигмой Г.Х. фон Вригта есть некоторое противоречие. Рассуждая абстрактно, следует признать, что предложенный Г.Х. фон Вригтом подход к постижению обсуждаемой интуиции Г.В. Лейбница не является единственно возможным. В принципе, возможно построение качественно иных моделей обсуждаемой интуиции, *не отрицающих*, а *дополняющих* результаты Г.Х. фон Вригта.

Ранее автор данной работы предложил такую структурно-функциональную модель взаимосвязи алетических и деонтических модальностей, в которой их единство является отношением эквивалентности³. Поэтому, в некотором смысле, эта невригтовская модель – алгебра поступков (синонимы – «алгебра формальной этики»; «алгебра естественного права») оказывается ближе к тексту «*Elementa juris naturalis*». Однако в ранее предложенной автором невригтовской модели единства обсуждаемых модальностей имелись недостатки, обусловленные тем, что модальности рассматривались только как *унарные* операции в алгебре поступков. В данной работе эти недостатки устраняются, так как алетические и деонтические модальности рассматриваются в ней уже как *бинарные* операции в алгебре поступков. (Результаты, полученные ранее для унарной модели, полностью сохраняются в бинарной модели как ее частный случай).

Перейдем к характеристике невригтовской модели – алгебры поступков (т.е. алгебры естественного права или алгебры формальной

этики). Двухзначная алгебра естественного права строится на множестве поступков. Поступками называются любые действия, являющиеся либо хорошими (добром), либо плохими (злом) в нравственном смысле. На множестве поступков определяется множество унарных и бинарных алгебраических операций, представляющих собой морально-правовые ценностные функции. (Слово «функция» используется здесь в строго математическом смысле.) Областью допустимых значений (ОДЗ) переменных этих функций является двухэлементное множество $\{x \text{ (хорошо)}, p \text{ (плохо)}\}$. Элементы этого множества называются ценностными (морально-правовыми) значениями поступков. Областью изменения значений морально-правовых ценностных функций является то же самое двухэлементное множество $\{x \text{ (хорошо)}, p \text{ (плохо)}\}$. Выделенные курсивом строчные буквы (*a*, *b*, *c*) обозначают морально-правовые формы (поступков), отвлеченные от их конкретного содержания. Простые морально-правовые формы – независимые нравственные переменные, а сложные формы – морально-правовые ценностные функции от этих переменных. Для решения поставленных в данной работе задач введем в искусственный язык алгебры (естественного) права следующие символы, обозначающие *бинарные* морально-правовые операции (ценностные функции от двух ценностных переменных).

Пусть символ *Oav* обозначает морально-правовую операцию «*обязывание* (кого) *a* делать (что) *b*». (Иначе говоря, *Oav* – действие, обеспечивающее *обязательность b* для *a*.) Пусть *Rav* обозначает «*разрешение* (кому) *a* делать (что) *b*». *Fav* – «*запрещение* (кому) *a* делать (что) *b*». *Фав* – действие, обеспечивающее *факультативность* (необязательность) *b* для *a*. *Iav* – *нормативная нейтральность* *b* для *a*. *Lav* – «превращение поступка *b* в *алетически необходимое* для *a* действие». *Mav* – «*возможность b* для *a*, т.е. превращение *b* в *алетически возможную* (вероятную) для *a* деятельность». *Zav* – «превращение поступка *b* в *алетически невозможное* для *a* действие». *Uav* – «превращение действия *b* в *алетически обходимое* (т.е. не являющееся *алетически*

необходимым) для *a* действие». *Сав* – «превращение действия *в* в *алетически абсолютно случайное* для *a* действие». *Вав* – «насилие (чего, кого) *в* над (чем, кем) *a*». Ценностно-функциональный смысл вышеупомянутых операций определяется следующей таблицей 1.

Таблица 1

<i>a</i>	<i>в</i>	<i>Оав</i>	<i>Рав</i>	<i>Фав</i>	<i>Лав</i>	<i>Мав</i>	<i>Зав</i>	<i>Уав</i>	<i>Сав</i>	<i>Вав</i>
х	х	п	х	п	х	х	п	х	х	п
х	п	п	х	п	х	х	п	х	х	п
п	х	х	х	п	п	п	х	х	п	х
п	п	п	п	х	х	п	п	х	х	п

Теперь рассмотрим эпистемические модальности «знание», «допущение», «мнение», «доказательство», «опровержение». Пусть символ *Дав* обозначает морально-правовую операцию «доказательство, доказуемость, доказанность (чего) *в* для (кого) *a*». Символ *Уав* обозначает «небытие опровержения, неопровержимость (чего) *в* для (кого) *a*». *Рав* – «опровержение, опровержимость (чего) *в* для (кого) *a*». *Вав* – «небытие доказательства, недоказуемость (чего) *в* для (кого) *a*». *Нав* – «независимость (чего) *в* для (кого) *a*». *Зав* – «знание (чего) *в* (кем, чье) *a*». (Здесь слово «знание» используется в значении *episteme*). *Аав* – «допущение (чего) *в* (кем, чье) *a*». *Сав* – «недопущение (чего) *в* (кем, чье) *a*». *Эав* – «незнание (чего) *в* (кем, чье) *a*». *Дав* – «мнение (что) *в* (чье) *a*». (Здесь слово «мнение» используется в значении *doxa*). *Вав* – «объективность (чего) *в* для (кого) *a*». Ценностно-функциональный смысл вышеупомянутых операций определяется таблицей 2.

Таблица 2

<i>a</i>	<i>в</i>	<i>Дав</i>	<i>Уав</i>	<i>Рав</i>	<i>Вав</i>	<i>Нав</i>	<i>Зав</i>	<i>Аав</i>	<i>Сав</i>	<i>Эав</i>	<i>Дав</i>	<i>Вав</i>
х	х	п	х	п	х	х	п	х	п	х	х	п
х	п	п	х	п	х	х	п	х	п	х	х	п
п	х	х	х	п	п	п	х	х	п	п	п	х
п	п	п	п	х	х	п	п	п	х	х	п	п

Обратим теперь внимание на эпистемические модальности «сомнение», «вера», «неверие», «терпимость». Пусть символ *Вав*

обозначает морально-правовую операцию «вера во (что) *в* (чья) *a*». Символ *Тав* обозначает «терпимость (толерантность) к (чему) *в* (чья) *a*». *Нав* – «нетерпимость (нетолерантность) к (чему) *в* (чья) *a*». *Чав* – «неверие во (что) *в* (чье) *a*». *Фав* – «сомнение в (чем) *в* (чье) *a*, т.е. скепсис (скептицизм) в отношении (чего) *в* (чей) *a*». *Гав* – «господство, власть (чего) *в* над (кем) *a*». *Иав* – «сила, мощь (чего) *в* перед (кем) *a*». *Пав* – «подавление, покорение, подчинение (чем) *в* (кого) *a*». *Уав* – «уверение, убеждение (кого) *a* в (чем) *в*». *Жав* – «смирение, послушание, рабство (чье) *a* перед (чем) *в*». *Бав* – «бессилие, слабость, немоощь (кого) *a* перед *в*». Ценностно-функциональный смысл вышеупомянутых операций определяется таблицей 3.

Таблица 3

<i>a</i>	<i>в</i>	<i>Вав</i>	<i>Тав</i>	<i>Нав</i>	<i>Чав</i>	<i>Фав</i>	<i>Гав</i>	<i>Иав</i>	<i>Пав</i>	<i>Уав</i>	<i>Жав</i>	<i>Бав</i>
х	х	п	х	п	х	х	п	п	п	п	п	п
х	п	п	х	п	х	х	п	п	п	п	п	п
п	х	х	х	п	п	п	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	х	х	п	п	п	п	п	п	п

Пусть символ «*a*=+=*в*» обозначает отношение формально-этической равноценности морально-правовых форм *a* и *в*. Согласно определению, принятому в алгебре поступков, поступки называются формально-этически равноценными, если и только если формально-этически равноценными являются их морально-правовые формы. В свою очередь, морально-правовая форма *a* называется формально-этически равноценной морально-правовой форме *в*, если и только если эти морально-правовые формы (*a* и *в*) принимают одинаковые морально-правовые значения (*х* или *п*) при любой возможной комбинации морально-правовых значений переменных, входящих в эти морально-правовые формы.

Используя сказанное выше, нетрудно обосновать следующие формально-этические равноценности: 1) *Оав*=+=*Лав*; 2) *Рав*=+=*Мав*; 3) *Фав*=+=*Зав*; 4) *Фав*=+=*Уав*; 5) *Лав*=+=*Сав*. Конъюнкция уравнений 1)-5) может быть названа формально-этическим принципом эквивалентности соответствующих друг другу

юридических и аристотелевских модальностей. На мой взгляд, этот принцип лучше соответствует буквальному (представленному в тексте «*Elementa juris naturalis*») выражению естественно-правовой интуиции Г.В. Лейбница, чем известные в настоящее время системы деонтической логики, основанной Г.Х. фон Вригтом. Однако, строго говоря, этот принцип не отрицает, а дополняет результаты, полученные в деонтической логике.

Кажущаяся парадоксальность уравнений 1)-5) – результат лингво-психологически естественного (незаметного), но логически незаконного (ошибочного) отождествления отношений *формально-этической равноценности* ($=+=$) и *логической эквивалентности*, обозначаемой символом « $\leftrightarrow$ ». Пусть символ Ea обозначает высказывание (истинное или ложное утверждение) о том, что действие a имеет место в действительности. В связи со сказанным выше принципиально важно иметь в виду, что: (А) из истинности $a=+=v$ не следует логически, что истинно $Ea \leftrightarrow Ev$; (В) из истинности $Ea \leftrightarrow Ev$ не следует логически, что истинно $a=+=v$. Конъюнкция (А) и (В) – еще один вариант радикальной интерпретации принципа, именуемого «Гильотина Юма». Он четко разделяет вригтовскую и невригтовскую экспликации обсуждаемой интуиции Лейбница.

Завершая данную работу целесообразно обратить внимание на приведенный ниже ряд интересных уравнений алгебры формальной этики эпистемических модальностей. Если ценностную функцию (не-в) от одной ценностной переменной (в) определить как *инверсию* нравственного значения этой переменной, то с помощью данных выше определений можно получить следующие формально-этические эквивалентности.

6) $Rav=+=Da(не-в)$: опровержение (чего) v для (кого) a равноценно доказательству (чего) не- v (кому) a .

7) $Dav=+=Rav$ доказательство (чего) v (кому) a равноценно опровержению (чего) не- v для (кого) a .

8) $KYavWav=+=Nav$: объединение («конъюнкция») недоказуемости (чего) v (кому) a и неопровержимости (чего) v для (кого) a рав-

ноценна независимости (чего) v для a . Здесь символ « K » обозначает бинарную операцию алгебры поступков «объединение (двух) поступков (в линию поведения)»⁴.

9) $Dav=+=Lav$: доказательство (чего) v (кому) a равноценно необходимости (чего) v для a .

10) $Lav=+=Vav$: необходимость (чего) v для a равноценна насилию (чего) v над a (Аристотель).

11) $Dav=+=Vav$: доказательство (чего) v (кому) a равноценно насилию (чего) v над a (Аристотель).

12) $Dav=+=Zav$: доказательство (чего) v (кому) a равноценно знанию (чего) v (чьему) a .

13) $Zav=+=Dav$: знание (что) v (чье) a равноценно доказательству (чего) v (кому) a .

14) $Zav=+=Vav$: знание (что) v (чье) a равноценно насилию (чего) v над a .

15) $Zav=+=Sa(не-в)$: знание (что) v (чье) a равноценно недопущению (чего) не- v (кем) a .

16) $Aav=+=Za(не-в)$: допущение (что) v (кем) a равноценно незнанию (что) не- v (кем) a .

17) $Sa(не-в)=+=Za(не-в)$: недопущение (что) v (кем) a равноценно знанию (что) не- v (чьему) a .

18) $Zav=+=Aa(не-в)$: незнание (что) v (чье) a равноценно допущению (чего) не- v (кем) a .

19) $Dav=+=KAAvAa(не-в)$: мнение (что) v (чье) a равноценно объединению («конъюнкции»): допущения (чего) v (кем) a и допущения (чего) не- v (кем) a .

20) $Vav=+=Na(не-в)$: вера во (что) v (чья) a равноценна нетерпимости (чьей) a к (чему) не- v .

21) $Tav=+=Ca(не-в)$: терпимость (толерантность) к v (чья) a равноценна неверию во (что) не- v (чьему) a .

22) $Na(не-в)=+=Ba(не-в)$: нетерпимость (нетолерантность) к v (чья) a равноценна вере (чьей) a во (что) не- v .

23) $Chav=+=Ta(не-в)$: неверие во (что) v (чье) a равноценно толерантности (терпимости) к не- v (чьей) a .

24) $Phav=+=KTavTa(не-в)$: сомнение в (чем) v (чье) a равноценно объединению терпимости

к в (чьей) а и терпимости к не-в (чьей) а.

25) $Vav=+=Dav$: вера во (что) в (чья) а равноценна доказательству (чего) в (кому) а.

26) $Dav=+=Vav$: доказательство (чего) в (кому) а равноценно вере во (что) в (чьей) а.

27) $Vav=+=Zav$: вера во (что) в (чья) а равноценна знанию (что) в (чьему) а.

28) $Zav=+=Vav$: знание (что) в (чьей) а равноценно вере во (что) в (чьей) а.

Очевидно, что если подменить формально-этическую эквивалентность « $=+=$ » обсуждаемых эпистемических ценностных функций формально-логической эквивалентностью высказываний о фактической реализации этих функций, то получится ряд таких утверждений о логической связи фактов, которые (утверждения) явно абсурдны: противоречат как опыту, так и соответствующим фрагментам теоретической философии. Однако такого рода подмена – грубое нарушение точно сформулированного выше принципа, широко известного под названием «Гильотина Д. Юма». Данное замечание особенно важно в связи с уравнениями 12 и 13, которые устанавливают тождество (формально-аксиологическую эквивалентность) знания и доказанности (как ценностных функций). Вполне эффективная

критика утверждения о логической эквивалентности факта знания и факта доказанности была развита уже в античности. Однако «Гильотина Д. Юма» надежно защищает обсуждаемые формально-аксиологические уравнения от этой логико-эмпирической критики.

1. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986.

2. G.W. Leibniz. Elementa Juris Naturalis // G.W. Leibniz. Samtliche Schriften und Briefe. Erste Reihe: Philosophische Schriften. Erster Band: (1663-1672). Berlin: Akademie-Verlag. 1971. S. 466, 481.

3. Лобовиков В.О. О невригтовском подходе к интуиции Лейбница о формальной взаимосвязи деонтических и алетических модальностей // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы VII Общероссийской научной конференции 20-22 июня 2002 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 347-350; Lobovikov V.O. Mathematical simulating G.W. Leibniz's metaphysical principle of unity in plurality // Einheit in der Vielheit: VIII Internationaler Leibniz-Kongress (Hannover, 24 bis 29 Juli 2006). Hannover: Akademie-Verlag Berlin und Bohlens GmbH & Co. KG, 2006. Vorträge 1. Teil. S. 504-509; Lobovikov V.O. G.W. Leibniz's discovery of a unity in plurality of modalities; a fundamental unity of his and G.W. F. Hegel's natural law doctrines in spite of the plurality of their philosophical views (Mathematical simulating a unity in plurality of legal philosophy ideas of the two men) // Ibid. S. 499-503.

4. Точное табличное определение ценностно-функционального смысла этой операции дается в монографии: Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург, 2007.

КОНКУРЕНТНАЯ РАЗВЕДКА В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВА ВОЙНЫ

В.Л. Берсенёв,
А.П. Горст,
Е.Л. Ющук

Берсенёв
Владимир
Леонидович

доктор
исторических
наук, профессор,
Институт
экономики УрО
РАН,
академик МАДИ

Горст
Алексей
Петрович

Учебно-
методический
центр
гражданской
обороны и
чрезвычайных
ситуаций

Ющук
Евгений
Леонидович

Высшая
экономическая
школа
при Институте
экономики УрО
РАН

Поэтическая строчка «война, торговля и пиратство – три вида сущности одной» как нельзя лучше передаёт атмосферу споров на предмет того, как соотносятся предпринимательство и этика, и совместимы ли они

вообще. «Бурные девяностые» одарили историю отечественной экономики шикарнейшей фактографией на тему «Второе издание первоначального накопления», после чего публицистические изыски теоретиков-пер-

вопроходцев в области рыночной экономики из толстых литературных журналов эпохи перестройки (В. Селюнин, Г. Лисичкин, Н. Шмелёв и иже с ними) не воспринимаются даже в качестве сказок для лиц неопределённого возраста. Ассоциация бизнеса с военными действиями становится общим местом, и возникает лишь вопрос о том, возможны ли в этой войне какие-либо правила.

Практика показывает, что по мере оконтуривания отечественного предпринимательства к началу 2000-х годов пришло понимание ущербности соперничества «до победного конца», то есть до полного разорения конкурента. В ходе «торговых войн» большинство фирм добиваются благоприятной для себя формы конкурентного сосуществования. Дж. О'Шонесси выделяет три основные причины таких «перемирий». Во-первых, у конкурентов может возникнуть необходимость осуществлять скоординированные действия в какой-либо сфере. Во-вторых, у них могут появиться общие интересы (например, для сдерживания проникновения на рынок новых фирм или заменителей традиционных товаров). Наконец, менеджеры-конкуренты способны осознать, что дальнейшая борьба не стоит «пролитой крови»¹.

На этом фоне вполне закономерен растущий интерес к памятникам восточной военно-исторической и философской мысли. За фразой «Предотвращённая схватка есть выигранная схватка» стоит не только капитан морской пехоты из отечественного кинобоевика «Ответный ход», но и многовековой опыт развития боевых искусств на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Не случайно Р.Д. Сойер отмечает, что «очень и очень многим восточная философия и стратегия выживания позволили выстоять в корпоративных войнах и приумножить свои капиталы»². Популярны книги о применении методов стратегии древности в бизнесе и на фондовом рынке становятся бестселлерами в Японии, Китае, Южной Корее и Тайване. Идеи классических военных канонов неизменно присутствуют в литературе, кино, средствах массовой информации и, конечно же, в видеоиграх.

Одним из столпов жанра, вне сомнения, является «Искусство войны» Сунь-цзы. Следует сразу же оговориться, что в данном случае имеется в виду первый из числа авторов, писавших под этим именем, известный также как Сунь У. Он родился в самом начале «эпохи Воюющих царств» (475–221 гг. до н.э.) и сам отметился на военном поприще, поучаствовав в качестве советника царства У в разгроме царства Юэ. Китайские историки выделяют ещё одного Сунь-цзы, он же Сунь Бинь, жившего на сто лет позже и написавшего своё «Искусство войны»³. Возможно, Сунь Бинь был потомком Сунь У, что и предопределило столь скудную фантазию автора при выборе названия для своего опуса. Впрочем, главное, что он унаследовал у предполагаемого предка – это идею, что побеждать лучше вообще без военных действий.

Конечно, было бы преувеличением полагать, что Сунь-цзы, условно говоря – Старший, являл собой пример древнекитайского пацифиста. Для него война представляла собой великое дело для государства, однако он учил, что одерживать победу следует не просто в результате боестолкновения, а посредством манёвра, путём обмана и благодаря предварительным расчётам. Для этого же необходима разведка:

«Поэтому, оценивая противника, узнают его план с его достоинствами и его ошибками; воздействовав на противника, узнают законы, управляющие его движением и покоем; показывая ему ту или иную форму, узнают место его жизни и смерти; столкнувшись с ним, узнают, где у него избыток и где недостаток»⁴.

Эта мысль звучит в главе VI «Полнота и пустота», венчает же трактат глава XIII «Использование шпионов». Помимо конкретных рекомендаций Сунь-цзы предлагает здесь резюме, благословляющее разведку на грядущие тысячелетия: «Пользование шпионами – самое существенное на войне; это та опора, полагаясь на которую действует армия»⁵.

Всё это вполне применимо и к войне экономической. Разумеется, когда мы исследуем

этическую сторону любого конфликта, то сталкиваемся с терминологической проблемой, когда для интуитивно ясных понятий нет общепринятых четких определений. Можно по-разному отвечать на вопрос, является ли экономика, подобно войне, продолжением политики, или наоборот, политика, используя внеэкономические средства, продолжает экономическое противостояние на ином уровне⁶. Вместе с тем ситуации, возникающие при изучении моральных, то есть связанных с взаимоотношениями между людьми вопросов, логически очевидными быть не могут: необходимость в физическом насилии сталкивается с наличием ограничителей, образующих социопсихологическую структуру общества. Иными словами, желательность чётких «логических определений» вытекает из нелогичности предмета обсуждения. Значит, необходимо определить предмет обсуждения – «экономическую войну».

Сразу отметим, что подобное определение не должно содержать исключений, ибо исключения не подтверждают правила, а опровергают его. Следовательно, определение должно содержать только всеобъемлющие понятия. К числу последних относятся «конкурентная борьба» и «конфликт», то есть система противоречий между сторонами, рассматриваемая в динамике, в процессе разрешения их тем или иным способом, а также «противник» как одна из антагонистических сторон в конфликте, и «уничтожение» как форма воздействия одной стороны на другую.

Поскольку полная и безоговорочная капитуляция противника для «экономической войны» не типична, можно сказать, что её главной целью является улучшение собственного положения в рамках сложившейся конъюнктуры. Война, целью которой является что-то другое, а priori проиграна. Если послевоенный мир окажется хуже для инициатора этой войны, чем был довоенный, то можно утверждать, что этот участник напрасно её затеял. В таком случае возникает вопрос, как победить, не ввязываясь в бой в стиле *a la Napoleon*. Сунь-цзы через два с половиной тысячелетия ненавязчиво под-

сказывает нам простой путь – посредством ведения конкурентной разведки.

В широком плане под конкурентной разведкой следует понимать особый вид предпринимательской деятельности, направленной на информационное обеспечение управления хозяйствующим субъектом с целью повышения его конкурентоспособности. Однако, когда мы говорим о разведке, следует помнить, что в данном случае не имеются в виду кражи со взломом, похищение опытных образцов или допросы похищенных сотрудников фирмы-конкурента с особым пристрастием. Для такого рода приёмов добывания необходимой информации существует понятие «промышленный шпионаж».

«Википедия» и другие электронные источники энциклопедического характера однозначно трактуют промышленный шпионаж как форму недобросовестной конкуренции, при осуществлении которой нарушаются нормы законодательства. В свою очередь, Р.В. Ромачев и И.Ю. Нежданов однозначно подчёркивают: «КР [конкурентная разведка] всегда действует в рамках Закона»⁷. Достаточно при этом сослаться на Федеральный закон от 9 июля 2004 г. № 98 «О коммерческой тайне»⁸, до недавнего времени содержавший норму, согласно которой информация, самостоятельно полученная лицом при осуществлении исследований, систематических наблюдений или иной деятельности, считается полученной законным способом, несмотря на то, что содержание указанной информации может совпадать с содержанием информации, составляющей коммерческую тайну, обладателем которой является другое лицо (ст.4, п.2).

В противном случае пришлось бы говорить о недобросовестной конкуренции, под которой понимаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйс-

твующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации (статья 4 Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»⁹).

Соответственно, нельзя согласиться и с позицией В.И. Ярочкина и Я.В. Бузановой, утверждающих, что конкурентная разведка – это совокупность согласованных действий по добыванию, интерпретации и распространению информации, полезной для субъектов экономики и добываемой легально и нелегально в интересах обеспечения собственной безопасности. При этом и промышленный шпионаж определяется достаточно невнятно как тайная деятельность по добыванию, сбору, анализу, хранению и использованию конфиденциальной информации о деятельности конкурентов, хотя и указывается, что к нему прибегают только недобросовестные руководители¹⁰.

Ю.П. Воронов более чётко углубляет различие между конкурентной разведкой и промышленным шпионажем: «Собственно говоря, в чистом виде промышленный шпионаж – даже более узкая сфера деятельности: получение некорректным путем промышленных секретов конкурента для того, чтобы использовать их в собственной хозяйственной деятельности. В более широкой трактовке это незаконное получение промышленных секретов ради того, чтобы понять соотношение сил на рынке: насколько вы и ваш конкурент равноценны. Впрочем, есть еще одно разграничение между промышленным шпионажем и конкурентной разведкой. Промшпионаж – заведомо активная деятельность, направленная на последующее использование технологической информации, тогда как конкурентная разведка – чаще всего пассивный сбор информации с целью предотвратить вероятный ущерб, который могут нанести компании действия конкурентов»¹¹.

Иными словами, конкурентная разведка – этически не замутнённое коммерческое любопытство в духе Сунь-цзы, удовлетворяемое посредством чтения, наблюдения, выслушивания и иных форм внимательного

ознакомления с интересующим нас предметом. Однако всякое явление, сколь бы белым и пушистым оно не представлялось широкой публике, будет оставаться «вещью в себе», пока не пройдёт сакральный обряд институционализации.

Если обратиться к электронным информационно-поисковым системам, можно обнаружить самые разнообразные определения категории «институционализация» – от процесса превращения политических партий из обычной ассоциации граждан в полноценный конституционно-правовой институт до постепенного перехода к доминированию институциональных инвесторов над индивидуальными инвесторами на финансовых рынках¹². А. Зуб предлагает понимать под данным явлением процесс правового и организационного закрепления системного подхода, обеспечивающего сбалансированность и общее направление роста организации¹³. Наконец, ведущий американский специалист в области конкурентной разведки Дж. Е. Прескотт полагает, что институционализация – это превращение чего-либо в один из распространённых и узаконенных социальных институтов общества¹⁴.

Акцент на юридических аспектах процесса институционализации не должен означать, что он сводится к простой процедуре принятия необходимого в каждом конкретном случае нормативного акта. Всякий институт историчен по своей природе и не может возникнуть в результате какого-либо абстрактного волеизъявления. Как невозможно представить себе укоренение института современного акционерного общества в экономике Древнего Египта, так и институт присвоения государством прибавочного продукта в форме отработочной ренты (путём сгона огромных масс крестьян-общинников в период разлива Нила на строительство пирамид или иных крупных сооружений) отторгается в настоящее время как на межличностном, так и на законодательном уровне. Отечественная практика принудительного использования горожан на сельхозработах в 1960-1980-х годах наглядно показала, что даже угроза репрессий, вплоть до увольнения или исклю-

чения из учебного заведения, не обеспечила имплементации этого более чем архаичного института в качестве общепринятой нормы. Однако стоило в 1990-е годы перейти к системе заключения трудовых контрактов на выполнение сельскохозяйственных работ сезонного характера, как «барщина» быстро трансформировалась в способ заработать деньги и приобрести на льготных условиях определённые запасы овощей и иных сельхозпродуктов некоторыми категориями малообеспеченных граждан.

Историчность процесса институционализации предполагает прохождение ряда обязательных этапов, содержание которых отражает последовательность изменения восприятия институционализируемого явления в индивидуальном и общественном сознании.

Как известно, человеческой деятельности свойственно опривычивание или хабитуализация (от лат. *habitare* – часто бывать, постоянно находиться). Часто повторяемое действие не просто становится привычным, но и воспринимается как образец, если позволяет экономить усилия при регулярном воспроизведении. Предусматривая стабильную основу протекания человеческой деятельности с минимумом затрат на принятие решений в течение большей части времени, хабитуализация освобождает энергию для принятия решений в тех случаях, когда это действительно необходимо¹⁵. Применительно к процессу институционализации конкурентной разведки этап хабитуализации может найти воплощение в привычке субъекта предпринимательской деятельности постоянно интересоваться делами конкурентов, даже если конъюнктура рынка не вызывает в этом необходимости.

Этап хабитуализации ещё не означает появления института как такового. Опривыченные действия могут сменять друг друга в рамках деятельности каждого из предпринимателей, но если они становятся типичными для определённого сообщества, можно говорить о следующем этапе институционализации. Именно типизация опривыченных действий порождает институт в зачаточной

форме, поскольку, с одной стороны, она предполагает, что эти действия доступны для всех членов данной социальной группы, а с другой – типичность действий своим следствием имеет типизацию участников процесса. В гражданском праве этапу типизации соответствует категория «обычай делового оборота», под которой понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе (ст.5 Гражданского кодекса Российской Федерации). Превращение поиска информации о конкурентах в распространённую практику вписывается в рамки этого понятия.

Укоренённость обычая делового оборота во времени означает, что он становится достоянием не только субъектов предпринимательства, установивших такую практику, но и последующих участников предпринимательских отношений, принимающих сложившиеся «правила игры». Обретая историчность, зачаточный институт теперь переживает этап объективации, то есть отделения складывающейся нормы от личности её «автора». Институт теперь воспринимается как обладающий собственной реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом¹⁶. Этапу объективации будет соответствовать стремление предпринимательского сообщества каким-либо образом закрепить обычай делового оборота, от прописывания определённых правил, в том числе касающихся разведывательной деятельности, в различного рода кодексах деловой этики и т.д. до выступления с законотворческими инициативами.

Логическим следствием объективации института становится его легитимация, то есть официальное правовое закрепление. Необходимость этого шага обусловлена хотя бы тем, что первоначальный смысл сложившегося института становится недоступен пониманию на уровне памяти индивида. То есть историчность складывающегося институционального порядка требует, чтобы

он обладал не только когнитивной (объяснение), но и нормативной (оправдание) интерпретацией, и этой цели как раз и служит легитимация как завершающий этап институционализации.

Закрепление института в нормах действующего законодательства имеет и ещё один смысл. Перед вступающими в сложившиеся предпринимательские отношения новыми хозяйствующими субъектами встаёт вопрос принятия или неприятия существующих правил. Во втором случае возникает необходимость применения санкций. На уровне обычаев делового оборота эта санкции не могут выходить за рамки морального осуждения или исключения «отступника» из будущих хозяйственно-договорных отношений, действующий же нормативный акт обладает гораздо большими возможностями в плане утверждения власти института над индивидом. Для конкурентной разведки это обстоятельство имеет особое значение, поскольку сама деятельность по получению информации о конкурентах постоянно балансирует на грани соблюдения либо несоблюдения правовых и этических норм.

Своеобразным дополнением к этой схеме могут служить слова Дж.Е. Прескотта: «Сегодня институционализация... конкурентной разведки является следствием взаимодействия нескольких факторов: профессионалам-практикам КР удалось доказать топ-менеджерам ее полезность; появляются все более изощренные организационные формы и аналитические методы КР; сложилось сообщество профессионалов, деятельность которого приобрела глобальный размах»¹⁷.

На международном уровне хабиитуализация, типизация и объективация методов ведения легальной разведывательной деятельности в экономической сфере нашли организационное воплощение в SCIP – Обществе профессионалов конкурентной разведки. Данная организация была учреждена в 1986 г. и объединяет около 3 тыс. членов более, чем из 50 стран (по состоянию на конец 2007 г.). Эта организация помогает специалистам разных стран обмениваться опытом, а также занимается популяризацией профессии

конкурентного разведчика во всем мире. Для достижения этих целей SCIP имеет собственный сайт в Интернете, выпускает и рассылает по почте полноцветный журнал, делает рассылку последних новостей и обзоров Интернет-ресурсов. Кроме того, организация проводит две ежегодных конференции – общемировую и европейскую. Перед конференциями проходит учеба специалистов по различным темам конкурентной разведки. В период между конференциями SCIP организует так называемые «вэбинары» (семинары-телеконференции в Интернете). Кроме того, в период между конференциями работают так называемые «chapters» (собрания) – периодические мини-конференции, проводимые по территориальному признаку. Есть также объединения членов SCIP в крупнейших социальных сетях в Интернете – например, в Facebook и LinkedIn. В SCIP соотношение выходцев из спецслужб разных стран и из бизнеса примерно 1:1.

В России, соответственно, действует российское общество профессионалов конкурентной разведки (РОПКР). Оно не имеет организационно отношения к SCIP и играет значительно меньшую объединяющую роль, которая ограничивается поддержанием Интернет-сайта и организацией конференций для ряда отраслей экономики – в основном, металлургии. Более того, для РОПКР характерно превалирование выходцев из силовых структур над выходцами из бизнеса. Дискурс институционализации конкурентной разведки объективно подводит нас к завершающему этапу – легитимации одного явления. Здесь ещё есть над чем поработать, не забывая, что мельницы господни мелют медленно, но тонко. Возможно, Сунь-цзы высказался бы примерно в этом же духе.

ДАЙДЖЕСТ

Конкуренция на уровне обыденного сознания привычно воспринимается как война между фирмами. Между тем древнекитайский мыслитель Сунь-цзы в трактате «Искусство войны» учит, что победить в войне можно, только зная слабости противника,

его планы и возможности. Конкурентная разведка выступает в качестве этически оправданного способа ведения конкурентной войны, поскольку позволяет выведывать секреты без нарушения закона. Дискурс институционализации конкурентной разведки предполагает прохождение четырёх этапов: хабиутализации, типизации, объективации и легитимации. Конкурентная разведка в России в настоящее время переживает этап легитимации, то есть подведения правовой основы под свою практическую деятельность.

Статья подготовлена при участии гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-339.2008.6.

1. См.: О'Шонесси Дж. Конкурентный маркетинг: стратегический подход /Пер. с англ. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001. С.271.
2. У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая /Пер. с англ. Котенко Р.В., пред. и комм. Р.Д. Соьер. – СПб.: «Евразия», 2001. С.7.
3. См., напр.: Су Шуян. Загадочный Китай. Путешествие по Стране огненного дракона. Харьков-Белгород: Книжный клуб, 2007. С.204.
4. Сунь-цзы. Искусство войны // Искусство войны: Антология военной мысли. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. С.29.
5. Там же. С.53.

6. «Война есть продолжение политики другими средствами». – См.: Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. С. 16. Вообще термин «война» часто употребляется, когда речь идет о невооруженном противостоянии экономических интересов. Достаточно вспомнить «газовую войну» между Россией и Украиной.
7. Ромачев Р.В., Нежданов И.Ю. Конкурентная разведка. Практический курс. М.: Ось-89, 2007. С.10.
8. См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.
9. См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст.499.
10. См.: Ярочкин В.И., Бузанова Я.В. Корпоративная разведка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2005. С.92, 105.
11. Воронов Ю.П. Конкурентная разведка: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. университета, 2007. С.40-41.
12. См.: Национальная экономическая энциклопедия // Интернет-ресурс: <http://vocabulary.ru>.
13. См.: Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2008. С.420.
14. См.: Прескотт Дж.Е. Конкурентная разведка – уроки с переднего края // Конкурентная разведка: Уроки из окопов /Под ред. Дж.Е. Прескотта, С.Х. Миллера. – М.: Альпина Паблишер, 2003. С.13.
15. См.: Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания // Интернет-ресурс: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx.
16. См.: Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания // Интернет-ресурс: http://www.i-u.ru/biblio/archive/berger_reality_social_construction/default.aspx.
17. Прескотт Дж.Е. Конкурентная разведка – уроки с переднего края. С.13.

ЭЛИТА: ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРСА

Т.В. Шекунова

Шекунова

Татьяна Владимировна

старший инспектор социальной работы,
Уральский государственный университет
им. А.М. Горького

Понятие «элита» в научных исследованиях появилось сравнительно недавно. Новое время породило и новое понятие. В последние десятилетия термин «элита» не только прочно вошел в научный язык, но и вышел далеко за его пределы, став общеупотребительным.

Термин «Элита» ведет свое происхождение

от латинского *eligere* – выбирать; в современной литературе получил широкое хождение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века он употреблялся (купцами, в частности) для обозначения товаров наивысшего качества. В XVIII веке его употребление расширилось, он начинает употребляться для наименования «избранных людей», прежде всего, высшей знати, а также отборных («элитных») воинских частей. С XIX века понятие это стали использовать также в генетике, селекции, семеноводстве для обозначения лучших семян, растений, животных для их дальнейшего разведения. В Англии этого времени этот термин стал применяться

к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. В общественных науках термин «элита» не применялся широко до конца XIX – начала XX вв. (т.е. до появления работ В. Парето), а в США – даже до 30-х годов прошлого столетия.

Из этого видно, что до определенного времени термин не употреблялся к каким-либо социальным реалиям. Вхождение термина связано с изменениями, происходящими в обществе. Какими же именно? Так, начиная уже с Нового времени, постепенно начинает терять свою силу и могущество аристократия. Переход от традиционного общества к нуклеарному, от «большой семьи» к нуклеарной приводит к переходу от сословного общества к более открытому. Этот период характеризуется возрастанием роли народных масс в историческом процессе, демократизации, возникновения гражданского общества, создания конкурентной среды для достижения элитных позиций, когда принципом рекрутирования элиты является уже не столько предписанный статус (прежде всего происхождение) и даже не столько богатство само по себе, сколько личностные достижения, способности и высокий профессионализм. Постепенно сословия сменяли классы. В связи с этим нередко понятие «элита» отождествляли с понятием «класс» или вводили его для конкретизации последнего. В процессе того, как модернизация ставит под сомнение сам термин «класс», и происходит утверждение нового, до этого не применявшегося к социальным явлениям термина «элита», которое в постклассовый период набирает все больше значения и силы.

Что же такое элита? При ответе на этот вопрос в трудах исследователей этого явления мы не только не обнаружим единодушия, но напротив – натолкнемся на порой опровергающих одну другую позиции. Во многих аспектах описания одного и того же понятия между исследователями больше разногласий, чем согласия. Если попытаться рассмотреть различные современные точки зрения на понятие «элита», то получится довольно пестрая картина¹.

Начнем с определения Парето, который, собственно, и ввел это понятие для описания общественных явлений: это лица, получившие

наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности. В другой своей работе Парето пишет, что «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества,... «так называемые высшие классы» и составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: *aristos* – лучший) ... большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами – неважно, хорошими или дурными, – которые обеспечивают власть».

Среди других определений исследователи элиты отмечают следующие: наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством (Моска); люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре); «высший господствующий класс», лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн), наивысшим чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Кёллер); «боговдохновенные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», слышали «зов» и почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройд), харизматические личности (М. Вебер), творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) – (В. Гэттсмен); наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интеллигенции,

менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма); люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Санистебан), руководящий слой в любых социальных группах – профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города); лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы (элита летчиков, шахматистов или даже воров и проституток – Л. Боден).

Если провести сравнения этих понятий, то, как мне кажется, сразу бросается в глаза смешение терминов, смыслов и значений. Под элитой те или иные исследователи понимают и политический класс, и правящий (господствующий) класс, и властвующую элиту, и правящую элиту и руководящее меньшинство и т.п. Кроме того, путаница уже происходит при выборе исследователей в каком числе должно быть это понятие единственном (элита) или множественном (элиты). А подобная переизбыточность ведет только к путанице. Ни одному автору, исследовавшему элиту, по-моему, так и не удалось дать какого-то окончательно сформированного понятия. Причина этого, как мне кажется, заключается в сложности и противоречивости этого социального явления.

При попытках объединения всего многообразия определений исследователи выдвигают два содержательных подхода к определению этого понятия: статусно-функциональный и ценностный.

Статусно-функциональный подход главным признаком элиты считает статус человека, его место и роль в управлении обществом, в системе властных структур, в принятии решений и реализации управленческих функций. Сторонники такого подхода видят в элите относительно узкую, специфическую властвующую группу господствующего класса. Это «управленческие активисты», которые в конечном счете все определяют и решают. Это, наконец, особая со-

циальная страта, вербующая, воспитывающая и поставляющая обществу лидеров. Остальные – «послушное большинство», нуждающееся в организации и управлении.

У этого подхода достаточно много сторонников. К их числу можно отнести Г. Моска и Михельса, которые рассматривали элиту как организованное меньшинство общества, состоящее из наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть². Подобной позиции придерживаются А. Этциони и Т. Дай, для которых, как было сказано выше, элита – это люди, обладающие формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь, и С. Келлер, называющий ее меньшинством осуществляющим наиболее важные функции в обществе и имеющим наибольший вес и влияние. Г. Лассуэлл исследовал в качестве элиты лиц, пользующихся в обществе престижем, богатством и статусом.

Сюда же можно отнести сторонников элитного плюрализма, которые под элитой имеют ввиду сравнительно небольшие группы, состоящие из лиц, занимающих ведущие позиции в политической, экономической, культурной жизни общества. Они выделяют соответственно политическую, экономическую, культурную и др. элиты. Парето В. причислял к ним «общности людей получивших наивысший индекс в области своей деятельности»³.

Приверженцы крайней позиции данного подхода просто сводят все многообразие элит к одному виду – политической. Под политической элитой они понимают большую социальную группу, обладающую определенным уровнем политического влияния и являющуюся основным источником руководящих кадров для институтов власти того или иного государства или общества⁴. В рамках этого направления очень интересным мне представляется подход доктора философских наук О. Крыштановской. Согласно ее концепции вся элита является политической.⁵ Нет и не может быть не политической элиты. Элита – это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Она стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти и принимает решения

общегосударственного уровня. Элита не только управляет обществом, но так же создает такие формы организации, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Крыштановская выделяет элиту, как особую функциональную группу, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и вовсе бездарные и даже жулики. Важно лишь то – занимают ли они властные позиции или нет. Таким образом, если использовать ее концепцию, то к культурной элите мы должны относить лишь тех деятелей культуры, которые вошли в государственные структуры.

По мнению Крыштановской, элитой можно назвать лишь ту группу (человека), которая обладает реальной политической властью. Но, как мне кажется, это утверждение в чем-то ошибочно. Его слабость, по моему мнению, заключается в том, что автор не учитывает те группы лиц (человека), которые находятся в стадии «зарождения» их легитимации. То есть к элите, согласно ее концепции, мы не можем отнести так называемые «катакомбные элиты», набирающие силу для свержения старых. Поэтому, если мы берем во внимание это определение, то элитой мы не можем назвать Ленина с его сторонниками, до тех пор, пока они не пришли к власти. Но тем не менее эта позиция имеет много сторонников, положивших это определение в основу своих концепций.

Вторым подходом по изучению явления элит является ценностный подход, в котором определяющим признаком элиты считается духовный аристократизм, личностное превосходство (культурное, образовательное, моральное-волевое) одних людей над другими и их антропологические особенности. Так элитой Ж. Боден в своих работах именовал людей, обладающих интеллектуальными и моральными преимуществами над массой, безотносительно к статусу. Элита для М. Вебера состоит из харизматических личностей, играющих ведущую роль в социальном процессе, а для Х. Ортеги-и-Гассета – людей, с наивысшим чувством ответственности.⁶

Исследователи этого явления ценностного подхода, такие как Ф. Ницше, Н.А. Бердяев, Т. Адорно в противоположность сторонникам функционального подхода трактовали элиту, на-

ходящуюся у власти, псевдоэлитой или вульгарной элитой, являющейся несамостоятельной, нуждающейся в массе и потому подверженной массовым влияниям, развращенная массой. Настоящая же элита, по их мнению, обладает ценностью в себе безотносительно к ее позициям власти. Более того, духовная, подлинная элита стремится отгородиться от масс, обособиться и тем сохранить свою независимость, уйти в своего рода «башню из слоновой кости», чтобы сохранить свои ценности от омассовления.

Как первый, так и второй подходы к изучению элиты страдают от ряда недостатков и нападений со стороны исследователей другой позиции. Так, например, функциональный подход к изучению элиты оказывается весьма уязвим для критики тех исследователей, которые отдают примат в качестве критерия выделения элиты достоинства, заслуги, согласно которым властвующая элита должна состоять из достойнейших, выдающихся и высокоморальных людей. Ведь именно этот смысл заложен в самой этимологии термина. Но с другой стороны, и ценностная интерпретация элиты страдает, на мой взгляд, так же недостатками. На вопрос, кто правит обществом, элитарист ценностной ориентации может дать ответ: мудрые, дальновидные, достойнейшие. Однако стоит нам обратиться к действительности, и любое эмпирическое исследование элит в любых существующих ныне (и существовавших ранее) общественных системах с легкостью опровергнет такое утверждение, ибо покажет, что слишком часто это – жестокие, циничные, коррумпированные, корыстолюбивые, властолюбивые, не брезгующие для достижения своей цели никакими средствами лица.

Хотелось бы заметить, что среди исследователей элиты преобладающее большинство сторонников функционального подхода. И это, по моему мнению, не случайно. Деятельность политической элиты, занимающей руководящие посты в обществе, наиболее «видна». Так, например закон, издаваемый Государственной думой, отражается на жизни каждого гражданина. А вот картина или какое-нибудь другое художественное произведение, написанное художественной элитой, может и не повлиять на всех членов общества.

Кроме этого, как мне кажется, надо указать еще на одну особенность, возникающую при исследовании этого явления. Очень часто понятие «элита» применяется в негативно-окрашенной интерпретации. По моему мнению, это связано с приписывание этой общности пресоналистических черт, связывая ее конкретными с представителями и их поступками. Все исследователи элиты заявляли о непредвзятом отношении и безоценочном описании, правда, по моему мнению, никому это так и не удалось.

Иногда понятие «элиты» отождествляют с понятием «аристократия». Чего, по моему мнению, делать не следует. Власть аристократии и ее господствующее положение в обществе обуславливаются «голубой кровью». Как сказал бы Вебер М., для аристократии характерна традиционная легитимация. Рожденный в аристократической семье, неизбежно становился аристократом. Иначе – с элитой. Попадание в этот круг во многом не зависит от происхождения, а обуславливается личными качествами и достоинствами. Тем более, рожденный в элитных кругах не обязательно становился ее членом. Кроме того, здесь становится возможным вхождение в нее из неэлитных слоев, что было крайним исключением в аристократии. Важно отметить, что если одна аристократия занимала свое преимущественное положение на протяжении нескольких поколений людей (люди умирали, а род оставался), то элита могла сменяться несколько раз в течение одного поколения. Это хорошо видно как сегодня, так и в прошлом. Выдающийся исследователь Н. Элиас, описывающий элиту придворного общества при правлении Людовика XIV, иллюстрировал это следующим образом. Король, испытывающий опасность со стороны старых аристократий, способствовал тому, чтобы между придворными существовала «жесткая конкуренция за ранг, статус и престиж ... и усилилось ожесточенное соперничество»⁷, доводящее до полного уничтожения рода (его роли при дворе). На место этой старой аристократии было выгодно набирать новых членов, это была уже элита из буржуазии, которая обладала превосходством не за счет рода и «крови», а за счет денег. Она была выгодна королю в случае войны

или обнищания казны. Уже в то время, показывает нам Элиас, намечалась тенденция перехода от аристократического господства в обществе к элитарному. Эти элиты по воле короля могли меняться в течение одного его правления.

Понятие «элита» сравнивают и с понятием «номенклатура». Но для того, чтобы не совершить ошибку их полного отождествления, важно понять, что номенклатура – одна из конкретных исторических форм элиты. Попытаемся дать ему определение. Под номенклатурой большинство исследователей понимают как перечень руководящих должностей в государственном аппарате и общественных организациях, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, так и перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения.

Номенклатура имеет ряд особенностей, обусловленных ее происхождением в СССР и социалистических странах. Так советская номенклатурная элита имела четкие формы, обусловленные ее институциональным характером. Списки ключевых должностей составлялись в ЦК КПСС, назначения на эти посты производились только после согласования кандидатуры с руководящими партийными органами в высших партийных инстанциях. Советская номенклатура имела жесткую иерархию. Все номенклатурные должности были поделены на определенное число рангов. Иерархический принцип заключался в том, что человек должен был последовательно продвигаться по служебной лестнице со ступеньки на ступеньку иерархической лестницы. Причем, «легко менялись специальности, кабинеты, но незыблемой оставалась принадлежность к номенклатуре»⁸. Эта незыблемость гарантировалась самим особым порядком формирования номенклатуры. Со временем в номенклатуре началось возвращение классовое сознание. Несмотря на различный характер должностей, входивших в высшую номенклатуру, советская элита была монолитной по своему характеру. В целом она может быть названа партийно-государственной. Политическое руководство обществом – главная роль номенклатуры в обществе. Все члены класса номенклатуры являлись формально слу-

жащими. Они занимали руководящие посты в партийном и государственном аппарате. Явно видно, что по всем названным характеристикам номенклатура находилась на службе. Но со временем эта общность по едкому утверждению Джиласа⁹ магическим образом «превратилась из раба в хозяина». Она начала получать не только привилегированные позиции в обществе, но и прилегающие к ним ресурсы и «блага», недоступные простым советским гражданам. Список этих благ довольно обширен: бесплатные или льготные путёвки в дома отдыха и санатории, предоставление квартир в домах повышенной благоустроенности, спецбольницы и поликлиники, госдачи и т.д.

Из приведенной характеристики понятия «номенклатура» становится видно, что это понятие нельзя отождествлять с понятием «элиты», которое по своему определению является более широким, чем первое. Кроме этого оно носит конкретно-исторические особенности и имеет временные рамки. Многие исследователи склоняются к тому, что номенклатура является сталинской и что «Сталин изобрел номенклатуру ... для управления Россией»¹⁰, однако некоторые из них – ленинской, ведь именно он создал партию нового типа – партию профессиональных революционеров. Это будет нижняя граница – начало происхождения явления и начало использования этого термина. Верхней границей является распад номенклатуры как социально-исторического явления, который произошел примерно в августе 1991 года при крахе её ядра – уникального образования Партия-Государство, которое потеряло свою важнейшую организаторскую функцию.

Как мне кажется нельзя называть элиту и классом. Социальный класс представляет собой совокупность людей, объединенных условиями деятельности и отношением к средствам и продуктам производства¹¹. Люди, входящие в него объединены общими интересами, касающимися главным образом экономических аспектов. Каждый класс занимается лишь защитой своих интересов в противовес интересам другого класса. В отличие от него, вхождение в элиту не всегда определяется экономическим критерием (хотя, например, для экономической элиты – это преобладающий). Кроме того, антагонизм

с противоположными общностями так же не обязательная характеристика элиты.

Несмотря на различия в понятиях «элита», «аристократия» и «номенклатура», тем не менее, можно выделить нечто общее, а именно, преимущественное положение в обществе и оказание влияния на его развитие. Исходя из этого общего момента, можно поделить элиту на «естественную» и «искусственную». К первым исследователи относят те элиты, которые сложились в обществе естественным путем. Так, например, первоначально свою власть аристократия получила за счет своих «генетических» преимуществ по отношению к остальной части общества. Эти преимущества признавались большинством как сакральные и наследуемые. Таким образом они естественным путем вошли в жизнь общества. К «квази-естественным» элитам тяготеет и элита Германии эпохи Гитлера. Так главным критерием ее отбора была естественная (по рождению) принадлежность к «чистой» расе «избранного народа». «Искусственные» же – это сконструированные элиты, к которым можно отнести, например, номенклатуру – слой, созданный под конкретную задачу, необходимую для управления и развития общества. К искусственным элитам так же относятся элиты Нового света, например, индонезийская элита, целиком созданная европейской элитой для управления на территории колонии, описанная Б. Андерсоном.

Подобное деление, на мой взгляд, так же является проблематичным, как и все прочие деления элиты. Отношение к тому или иному виду является натянутым. К примеру, искусственная элита не полностью является искусственной, так как, даже создаваясь под определенную задачу, люди, входящие в нее избираются не случайным образом, а «наилучшие из подходящих». Точно так же и естественная элита не всегда является лучшей. «Титул», передаваемый по наследству, может не соответствовать тем способностям, которыми обладает человек. Тем не менее его «по крови» считаю членом этого элитного слоя.

Еще одним из вопросов, на который трудно найти вразумительного ответа среди исследователей явления элиты, о том, что представляет собой элита – единое сплоченное гомогенно

образование, объединенное общим заговором, или гетерогенную группу людей беспрестанно воющих за ресурсы и господство, на сегодняшний день вызывает споры не только у авторов различных концепций, но и у простого обывателя.

Элита предстает как сложное образование. В него могут входить отдельные группы элиты (элит), которые могут находиться в более или менее острых и даже антагонистических конфликтах. Основными источниками таких конфликтов являются, как правило, конкуренция за статус, за допуск к власти и за ресурсы, находящиеся в недостатке. Крайним случаем раскола и конфликтности по мнению многих исследователей является появление (и поведение) так называемых «контрэлит» – групп, претендующих на высокий или даже доминирующий статус при декларируемой оппозиционности по отношению к лидерам элиты или даже элите в целом. Иногда контрэлитам присуще демонстративное отрицание основополагающих (общепринятых) норм и ценностей, разделяемых элитой. Такие группы признаются в качестве контрэлиты тогда, когда какие-то более заметные внеэлитные группы поддерживают эти притязания. Возникновение контрэлит обычно указывает, что какие-то социальные группы начинают бороться за обретение или повышение социального статуса, и не рассчитывают добиться этого легитимным путем при существующем в то время обществе. Но тем не менее, элита стремится казаться целостным образованием, члены которого (за исключением возможно, представителей контрэлит) признают общую иерархию статусов и поддерживают принятые правила существования и взаимодействия.

Конечно, с одной стороны, не безынтересно наблюдать на споры, длящиеся не одно десятилетие относительно содержания понятия. Но с другой стороны, возникает опасение, по поводу вообще правомерности существования этого термина. Эти сомнения подтверждаются словами известного исследователя элиты Ж. Ляво, который сделал примечательное признание «приходится удивляться тому, что исследователи отталкиваются от такого неточного, малообъективного и двусмысленного понятия, каким является понятие элиты. Добавление

прилагательного «политическая» или какого другого не облегчает задачу. Вызывая в представлении гипотетическую общность людей, отличных от масс, термин «элита» имплицитно отсылает нас к многочисленным социальным философиям, стремящимся оправдать и распространить весьма неточную и «морализирующую» концепцию социальных различий»¹². Тем не менее (и это характерно для многих исследователей), после столь уничтожающей критики он призывал не отказываться все же от понятия «элита», полезного, как он отметил, в качестве исследовательской гипотезы для описания и исследования столь интересного социального явления.

Таким образом, подводя итог, хотелось бы отметить что каждый исследователь такого явления, как элита, сталкивается с «вечными трудностями»: трудностями определения термина; его основных свойств, а так же сравнения со схожими феноменами. Все это происходит не случайно. Элита текуча, непостоянна и изменчива, в нутрии нее протекают процессы по ее структурированию, которые влияют не только на нее саму, но и играют важную роль в процессе общественного развития.

1. Ашин Г.А. Современные теории элиты -М., 1999. – С -43.
2. Моска Г. Отрывки из работы « Элементы политической науки»/Моска Г //Социс.- 1995.-№8.- С.-17.
3. Парето В. История – кладбище элит/Парето В//Политическая мысль.-1995.-№3 – С.12.
4. Охотский Е.В. Политическая элита и российская действительность. -М.,1998.- С 32.
5. Крыштановская О. Анатомия российской элиты.- М.:Захаров,2005.-С.-73 -75.
6. Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии./ Ашин Г.К., Охотский Е.В. - М., 1999
7. Элиас Н. Придворное общество-М.: Языки славянской культуры, 2002. -368с. –С.196.
8. Восленский М. Номенклатура – М.: Захаров, 2005. – С. 77.
9. Джилас М Новый класс – Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер, 1959.- С.61.
10. Восленский М. Номенклатура – М.: Захаров, 2005. –С. 82.
11. Классы социальные// Современный философский словарь/Под общей ред.д.ф.н. профессора В.Е. Кемеров.- 3-е изд., испр. и доп./ В. Е. Кемеров – М.; Академический проект, 2004.-С.323.
12. Ж. Ляво Материалы IV Социологического конгресса [Электронный ресурс] /.-Электрон. дан (1файл).- <http://www.km.ru/admin/subscribe/letters/>- 10.02.07 –С. 4.

ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ
ДИСКУРС

С.Н. Березин

Березин
Сергей Николаевич

Ведущий специалист отдела
по аналитической работе и
связям со СМИ, Управление
по информационно-
аналитическому
обеспечению деятельности
Главы Екатеринбурга

Современный исторический этап называют постмодерном, а концептуальное осмысление - постмодернизмом, т.е. преодолением философии модерна. Понятие постмодернизма очень близко понятию структурализма. Иногда они используются как взаимозаменяемые. Критика постмодерна началась как критика структурализма, критика понятия «структура». Структуралисты пытались объективно исследовать человека как проявление структуры. Это, главным образом, социально-культурное исследование. Основная идея структурализма заключается в том, что человек, знак или какой-либо элемент, являются производными от структуры, системы. Реальность в таком ракурсе предстает как иерархия отношений элементов и структур. Это попытка придать научность исследованиям человеческого бытия. Это уже не рассуждения о духе и его проявлениях, а исследование семиотических структур, детерминирующих человеческое поведение, т.е. исследование объективности, а не субъективности.

Постструктурализм же отмечает одну особенность. Структуралисты объясняли субъекта через структуры, однако, сами структуры организованы вокруг некоего центра, коим и является субъект [Напр., см.: 4; 447-468]. Несмотря на всю экстравагантность своих текстов, постструктуралисты указали на этот порочный круг, присущий структурализму. Они предложили децентрировать структуру, признать центр чем-то постулируемым из вне, навязываемым с помощью силы. Это навязывание с помощью силы ведет к тому, что растет

число симуляций и симулякров, творению псевдореальности. Таким образом, признается, что не существует чего-то объективного и независимого. Все превращается в дискурсы, не связанные с объективной реальностью. Такие выводы постструктурализма можно назвать семиотическим скептицизмом. Скептицизм в отношении знаков ведет к невозможности познания мира.

Плюралистичность взглядов в отношении мира, отрицание способности познания реальности с легкой подачи Лиотара стали называть постмодерном. Стала возможна лишь литература как интерпретация. Различные стратегии интерпретации – это равноправные дискурсы, практики по производству знаков. Однако семиотический скептицизм как и любой скептицизм сам себя разрушает. Утверждения о невозможности знаков построено с помощью знаков.

Семиотический скептицизм не является единственным «духом эпохи». Ф. Джеймисон дал марксистское понимание эпохи постмодерна. По его мнению, превращение теории в критику языка связано с тем, что «мысль материальна, а понятия не в состоянии существовать независимо от их языкового выражения» [5]. Философия проявляется только как критика языка, критика утверждений, которые «ущербны и идеологичны, поскольку являются отражением нашего личного и классового (а также расового и гендерного) положения» [5]. Так в постмодерне и постмодернизме проявляется философское ядро марксизма – материализм. Ф. Джеймисон предлагает также исследовать культурное производство, т.е. подойти к постмодерну с точки зрения исторического материализма. С таких же позиций в советское время к буржуазной неклассической философии подходил М. Мамардашвили [См.: 6]. А. Бадью утверждает, что философия должна «предложить единое понятийное пространство, в котором обретают свое место именованья событий, служащих отправной точкой истинностных процедур... Она не устанавливает никакой истины, а предоставляет истинам место» [2;

17]. Поэтому можно сказать, что отказ от реальности не является единственной тенденцией в философии.

Постфеноменология

Началом философии Нового времени стало Декартово *ego cogito*. В неклассической философии этот тезис превратился в *ego-cogito-cogitatum* Гуссерля. Это субъективный вариант картезианства. Его ограниченность показал еще Д. Юм («Трактат о человеческой природе»). Кроме того, он еще показал, что субъективное картезианство не может быть способом познания реальности, оно может лишь объяснять, почему я что-либо считаю в рамках своей субъективности.

Э. Гуссерль исходил из похожих установок, однако, впоследствии он занялся «опровержением» «трансцендентального солипсизма». Философское исследование Э. Гуссерль начинает с феноменологической редукции, с сведения мира к феноменам сознания, с «заключения мира в скобки». Это аналог *ego cogito*, но только в условиях неклассичности философии. *Ego-cogito-cogitatum* Гуссерля – это основная структура трансцендентального субъекта, это интенциональность, т.е. направленность сознания на свой имманентный объект.

Э. Гуссерль отмечает, что «заключение в скобки объективного мира вовсе не оставляет нас, таким образом, ни с чем. Напротив, то, что мы приобретаем именно таким путем, или, точнее, что таким путем приобретаю я, размышляющий, есть моя чистая жизнь со всеми ее чистыми переживаниями и со всеми ее чистыми полаганиями» [3; 77]. «Мир вообще есть для меня, – продолжает он, – не что иное, как осознанный в таком *cogito* и значимый для меня мир. Весь свой универсальный и специальный смысл и свою бытийную значимость он получает исключительно из таких *cogitationes*. В них протекает вся моя жизнь в мире» [3; 77-78]. Трансцендентальная феноменология и заключается в том, чтобы направлять «свой взгляд исключительно на саму эту жизнь как на осознание этого мира» [3; 78]. «Таким образом, в действительности, – пишет Э. Гуссерль, – естественному бытию мира ... в качестве

самого по себе более первичного бытия предшествует бытие чистого *ego* и его *cogitationes*. Естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную» [3; 78].

Такой подход Гуссерля и всей философии модерна, когда в начало исследования ставится Я, говорит о реальности как о вторичности в отношении *ego*. *Ego* осмысляет реальность, является источником смыслов. Если оставаться в рамках трансцендентального субъекта и не затрагивать онтологию, а говорить о феноменальной данности, то такой подход может иметь смысл. Однако Э. Гуссерль взялся за решение проблемы трансцендентального солипсизма. А это уже выход на онтологическую проблематику. Так его философия из субъективного («радикального») картезианства превратилась в простое картезианство, т.е. метод метафизики – феноменология стала феноменологическим методом.

Картезианский подход ведет к дуализму, скрытому или явному: Я находит в себе феномены, которые не имеют в Нем своего источника. Антикarteзианское начало в философии должно начинаться с бытия-в-мире. М. Хайдеггер, а затем и М. Мерло-Понти пытались встать на антикартезианские позиции. Но, по сути, они оставались в рамках феноменологии, рассматривая Я как что-то изначально данное и открытое миру.

Если взять взаимодействие в живой природе, то звери взаимодействуют по схеме «стимул-реакция» (конечно, даже в животном мире есть «зазор» между стимулом и реакцией). Человеку же удалось вырваться из этой схемы. Это связано с возможностью «взглянуть» на взаимодействие с окружающей средой, что и осуществляет *ego cogito*. Интенциональность как «стимул-реакция» – это основное свойство бытия-в-мире, поэтому ее можно назвать первой, тогда *ego cogito* будет называться второй интенциональностью. Сознание знаково: доступ к внешнему миру опосредован первой интенциональностью.

Вторая интенциональность появляется у ребенка, если только он растет в человеческом сообществе. Характерный пример того, что вне общения с людьми ребенок не начинает мыс-

лить, это дети-маугли. Чтобы выйти из схемы «стимул-реакция», чтобы была возможность «взглянуть» на свое взаимодействие, нужно «расщепить» первую интенциональность. Это возможно только в сообществе, когда интенции людей встречаются на территории знака. Вероятно, такое «расщепление» начинается с наскальных рисунков. Так один объект внешнего мира начинает представлять другой для людей. Чтобы взаимодействие между людьми было возможно, значения должны быть intersubjectивными, а значит не произвольными, а принудительными. Такое принуждение рождается в сообществе, в людском взаимодействии. Дети попадают в мир с уже существующими значениями, которые являются «эталоном» для расщепления первой интенциональности.

Постфеноменологическое познание

Постфеноменология не исследует феномены, которые «сами себя показывают». Она изучает постфеномены, которые возникают на пересечении интенций. С одной стороны, человек вышел из природы, но, с другой, интенции природы в нем преломляются. Природа и человек выступают со-бытийностями. Человек может навязывать свои интенции природе, но и природа не остается пассивной. Люди все еще продолжают болеть, испытывать сексуальное влечение и пр.

Событие – это реализация интенции, это изменение со-бытия. Со-бытие – это существование интенций, со-существование источников интенций. Превращение события (природы, политической системы и др.) в событие, это навязывание интенций. Событие – это пато-логия другого со-бытия. Поэтому чтобы превратить пато-логию в логию, необходимо вторжение, навязывание интенции, т.е. интенциональное действие.

Интенциональное действие – это возможность построения онто-пато-логии. Вторгаясь в со-бытийность, превращая его в событие, человек имеет дело с постфеноменом. Такая ситуация не останавливает исследователей. Например, ученые осознают, что в квантовой механике измерительные приборы влияют на результаты измерения. Гносеология в та-

ком случае превращается в интенциоанализ, путешествие по сетям интенций от одной со-бытийности к другой, от события к со-бытию и наоборот. Интенциоанализ осуществляется только через интенциональное действие, т.е. через вторжение в со-бытийность.

С точки зрения изучения политической сферы общества постфеноменологический дискурс направлен на исследование того, как гражданское общество навязывает свои интенции политической системе, и наоборот. Это постановка в центр исследования проблемы власти. Это не просто схема репрезентации или симуляции. Представительство интересов социальных слоев, например, через политические партии – это навязывание интенций, это власть. Ведь партии в парламенте могут принимать решения, расходящиеся с интересами граждан, их выбравших. А если такие решения приняты, это не просто симуляция политического процесса, это власть, т.к. избирателям будут навязаны решения, которыми они не согласны.

Постфеноменология базируется на исследовании интенциональностей, которые не ограничиваются сознанием одного человека. Точнее, само сознание является производным от интенциональностей, которые встретились на территории знака. Объектом постфеноменологического социального познания становится изучение того, как смысл навязывается отдельным индивидам и целым группам, а также того, как они этот смысл меняют. Такой подход очень близок к феноменологической социологии, которая исследует «как происходит структурирование жизненного мира посредством социальных институтов и результатов человеческих действий, которые оказывают на них обратное влияние. Короче говоря, речь идет об обратном воздействии социальных конструкций на их создателей» [цит. по: 1; 82]. О сходстве и различии постфеноменологического подхода в социологии и феноменологической социологии необходимо дополнительное исследование. Однако следует отметить, что феноменологическая социология строилась на двух противоречивых элементах, разрывавших трансцендентальную феноменологию Гуссерля. Это субъективность и intersubjectивность,

причем, последняя у него существует в рамках субъективности.

Литература:

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию, СПб., 2000.

2. Бадью А. Манифест философии. СПб, 2003.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2006.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2007.
5. Джеймисон Ф. Симптомы теории или симптомы для теории? // Без темы. 2007. № 3(5). С. 5-9.
6. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004.

ЦЕЛИ ДИСКУРСОЛОГИИ

А.Е. Спасский

**Спасский
Александр Евгеньевич**

кандидат политических наук,
Генеральный директор
ООО ДРП «Локомотив»

Дискурсология, как и любая другая наука, определяется, прежде всего, благодаря характеристике своих целей.

1) Концептуальная цель. Дискурсология – это единственная наука, подталкивающая исследователя на формировании своих представлений исходя из дискурса между разными авторами. С абсолютно разными подходами. Практикой. У прочих наук – это не оговаривается. Поэтому возможно и обычно обязательно, формирование взглядов на базе логического решения задач поставленных в принципе только одним человеком. Если взгляды у многих едины с ним – формируется школа. Если взгляды различаются – это враги. Дискурсология – базируясь в формировании взглядов на обсуждении представлений разных людей и школ, наталкивает нас на принципиально иной подход. Различные взгляды воспринимаются как «фотографии» одного и того же исследуемого объекта, снятые с разных мест и разными светофильтрами. «Фотографии» будут естественно отличаться друг от друга. Один снимает в анфас, другой в профиль, а третий вообще сверху. Если мы объединяем все эти «фотографии» в единый снимок, то получаем возможность смотреть с разных сторон на снимаемый объект. То есть, получаем его «голографический фотографичес-

кий» снимок. Получение подобной голографической ментальной карты исследуемого объекта и есть концептуальная цель дискурсологии. В результате, у дискурсологии вообще не может быть врагов. Каждый критик лишь показывает не полноту полученного голографического снимка. И отдельные решения поставленных задач мы сразу включаем в общую карту. Другие, не умея слить это замечание с общей картинкой, пока откладываем в сторону, чтобы вернуться к этому замечанию позднее. Возможно кем-то другим из союза дискурсологов. И только третья часть, являясь абсолютизацией своего подхода, не может быть в принцип соединена с целым. Хотя даже она показывает наши пробелы, а, следовательно, полезна нам. (Обратите внимание, фактически первый широко известный труд по дискурсологии – это Библия, написанная задолго до нашей эры. На ее основе были выполнены 2 и 3-я фаза цели.)

2) Цель подготовки проекта. Опираясь на объединение разных взглядов, надо создавать единую команду из единомышленников. Причем, как показывает практика, для реального объединения людей всегда необходимо общее дело. Нет общего дела, и постепенно распадаются даже самые дружеские отношения. Эффективно делать общее дело возможно только для команды единомышленников. Если нет команды единомышленников, позднее в реализации дела получается как в басне о лебеде, раке и щуке. Причем, это единство не должно охватывать все представления. Главное, чтобы было концептуальное приблизительное единство в тех вопросах, которые связаны именно с исполнением поставленных и решаемых данной командой задач. Более того, различия – это даже хорошо, поскольку постоянно подталкивают к

совершенствованию наших взглядов на объект. Члены команды единомышленников делятся на 3 основных части круга: 1) Центр – команда руководителей общих дел (приблизительно 0,1-0,4-1% всех занятых в сфере); 2) Средний круг – Команда среднего руководства общими делами (1,5-3-5%); 3) Дальний круг объединяет людей, которые делают первые шаги в освоении дискурсологии. Из их части могут быть избраны исполнители общих дел (7-11-15%). Причем путь каждого в дискурсологию – это прохождение всех трех ступеней. От внешних – к центру. Поэтому на внешнем круге может быть много случайных людей. Многие из них позднее отсеются. Причем, команда единомышленников образуется не только благодаря словесному обоснованию проекта, а всем трем составляющим всего процесса: а) Заражение нужными чувствами, б) Внушение нужных стереотипов, в) Обоснование нужных идей. Единомышленников идея начинает приобретать уже на первом этапе. Потом единство усиливается. И достигает максимума на последнем этапе.

3) Цель практическая. Опираясь на единую голографическую ментальную карту проекта, объединенная команда единомышленников, реализуя совместные дела, должна обеспечить себе успех. Чтобы проект имел обязательно победу через временные поражения. Чтобы

реализуемое дело на основе своего участия в разработке проекта обязательно стало любимым делом. Чтобы участники проекта – единомышленники создали для себя свою счастливую судьбу. Для этого необходимо, чтобы целью было обеспечение только своих интересов, как бы эгоистично это не звучало. Однако средством – было обязательно обеспечение интересов своих партнеров единомышленников. Важно, что каждому было необходимо обеспечивать и свои цели, и свои средства достижения этих целей. Обеспечение только своих целей приводит к потере партнеров. Равное обеспечение целей всех – означает забвение своих целей. В связи со сказанным, необходимо постоянно заботиться обо всех членах проекта. Включая также потребителей. Причем, практически любой проект, объединивший в единый клан порядка 9%, от всех занятых в сфере, побеждает обязательно. Очень высоки шансы на победу даже тогда, когда клан охватывает порядка 1%.

Определение цели и ее структуризация позволяют выделить три основных подразделения в сфере использования рассматриваемой науки: а) Научная разработка идей, способных к применению на практике; б) Организационная подготовка команды исполнителей; в) Практическая реализация вышеуказанных идей.

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ЯЗЫЧЕСКИХ АРХЕТИПАХ

Г.Е. Сахарова

Сахарова
Галина Евгеньевна

ведущий инженер факультета журналистики,
Уральский государственный университет
им. А.М. Горького

Общепризнано, что риторическая культура нашего времени строится, во многом, на эллинистических и христианских аллюзиях, отсылающих нас к образам и понятиям, усвоенным вместе с латинской, греческой и

христианской литературой. Однако, первые переводы христианских книг на славянский язык дали не только риторические фигуры типа «ныне и присно и во веки веков», но и объективировали в письменности традиционные фигуры древнерусской устной риторики, основанной на языческих архетипах. В процессе первых переводов и создания оригинальных произведений происходило смешение, дублирование, замещение риторических понятий различного происхождения и постепенное выдвигание на первый план христианизированных риторических

фигур, на которых акцентировалось внимание читателя.

Такое восприятие древнерусской литературы продолжается и в наши дни, что препятствует адекватному проникновению в смысл памятников литературы первых веков письменной культуры славян, неизбежно искажает культурную картину Древне Руси и затрудняет постижение её глубины. Вероятно, многие архетипические фигуры и далее будут проходить мимо нашего внимания при чтении древнерусской литературы, потому что мощный христианский пласт, вошедший за тысячу лет в коллективно-бессознательное, на уровне проявления его в сознании, в частности, в риторике, затемняет осознание языческого слоя культуры. Таким образом, по-прежнему фигурируя в древнерусской литературе, риторические фигуры, основанные на языческих архетипах, минуют культурное восприятие и нуждаются в изучении для актуализации их в духовной культуре.

Для того, чтобы освоить обширное поле древнерусских риторических фигур требуются усилия многих исследователей. В данной работе рассмотрим только несколько риторических фигур, функционирующих в древнерусской культуре, имеющих в своей основе языческие архетипы, взяв примером исследования три риторические фигуры «Слова о полку Игореве». Предваряя разбор материала, отметим различия в происхождении и бытовании архетипа и возникшей на его основе риторической фигуры.

В гносеологическом плане архетипы маркируют предпочтения, сложившиеся в процессе исторической жизни общества, абстрагируют и закрепляют их в коллективно-бессознательном. Риторические фигуры на основе архетипов обобщают эти предпочтения в устно-словесном, а затем литературном плане, т.е. маркируют языковую культуру на уровне осознания абстракции.

В онтологическом плане архетип определяется текстом, а риторическая фигура на его основе сама определяет текст. Так архетип «борзой комонь» абстрактно-конкретен, являясь обозначением одного определённого вида коня из множества других

видов, но в военном и охотничьем тексте – это наиболее важный обязательный вид коня, присущий герою. Риторическая фигура «всядем на борзые комони» абстрактна, она объективирует понятие целенаправленности и определяет текст повествующий о стремлении к успеху.

Расшифровка архетипнориторических формул, интересная сама по себе и важная для адекватного восприятия древнерусской литературы, приобретает особое значение если речь идёт о «Слове о полку Игореве», не только в плане толкования «тёмных» мест, но и в общей картине идейного содержания памятника. Причём, одни элементы его текста поддаются толкованию по смыслу, а другие раскрывают свою суть только в сравнении с подобными элементами других текстов.

Начнём с рассмотрения особенностей риторической фигуры «(такой-то -) обеси ся (на чём-либо)», основой которой является архетипическая формула «обеси ся», но не в качестве возвратного глагола, а как глагола с местоимением, т.к. именно местоимение вводит в формулу понятие субъекта-объекта действия – при этом действия подчёркнуто-личностного. Наличие этого местоимения как бы «дублирует» именованного субъекта действия, что иногда способствует отделению его имени в пространстве текста, но не исключает из состава и смысла риторической фигуры. В «Слове о полку Игореве» есть выражение «обеси ся сине мгле» [1. С. 25.], что обычно толкуется или с точки зрения христианства как бесовство, или с точки зрения язычества как оборотничество. Но в переведённой на древнерусский язык в конце XI – начале XII в.в. христианской учительной «Повести о Варлааме и Иоасафе» есть выражение «обеси ся ... на нём плотию» (на нём – на кресте – Г.С.). [2. С. 185.], а так как здесь повествуется о распятии Иисуса на кресте, то тема бесовства-оборотничества в риторической фигуре отпадает сама собой.

Следовательно, нужно искать другой смысл этой риторической фигуры. Например, в скандинавском мифе говорится, что бог Один повесил себя на ясене Игдрасиль, чтобы получить поэтический дар [3. С. 27.].

В «Повести о Варлааме и Иоасафе» Иисус «обеси ся», чтобы получить дар искупления грехов человеческих. В немногочисленных бытовых текстах «обеси ся на шее» т.е. обнять кого-либо, можно рассматривать как стремление получить дар ответного чувства признательности. Попутно заметим, что, если в древнерусском переводе «Повести о Варлааме и Иоасафе» во фразе «обеси ся ... на нём плотию» только подразумевается, что Иисус принёс себя в жертву, то в древнеанглийской обработке библейских текстов – в поэме «Бытие», прямо сказано: «Время отправилось в путь, через жертву в серединном мире» [4. 27.], т.е. время принесло себя в жертву за дар движения. К этому уточним, что параллели для объяснения «тёмного» места из «Бытия» – именно через жертву – предпочтительно искать не в «Беовульфе», а в мифах об Одине и Христе, как принадлежащих к единой сущности сакральных текстов [5. 27-28.]. Из разобранного видно, что древнеславянская и древнегерманская культуры имели общее представление о добровольной жертве, объективированное в традиционных архетипах: «обеси ся» и «жертва серединному миру», и применяли их в риторических фигурах, отождествляемых с христианской жертвенностью. Добавим сюда древнегреческий миф о Прометее, также содержащий идею самопожертвования и дара. Подобная ретроспектива от христианства в глубь веков показывает какие корни имеет христианское мировоззрение в индоевропейской языческой культуре.

Исходя из сакральности рассматриваемой формулы, можно заметить «стёртый» сакральный смысл риторической фигуры «(такой-то -) обеси ся (на чём-либо)» в «Слове о полку Игореве», где он выражен не в прямом действии – повесить себя на чём-либо, а в более сложном действии – отдать себя синей мгле как бы раствориться в ней. В этом случае жертва и дар объединены в одном понятии «раствориться». Фактически повесить себя на синей мгле невозможно, но можно разрешить синей мгле поглотить/растворить себя – это и есть жертвование собою, а «поглощённого/растворённого»

Всеслава люди уже не видят – это и есть дар невидимости. Отметим, что подобное изменение сакральной риторической фигуры возможно осознано сделано автором «Слова о полку Игореве», чтобы на основе мифологического действия создать поэтический мотив чудесной тайны. В бытовом же плане смысл риторической фигуры такой: скрыться незаметно от всех. Тем самым риторическая фигура «(такой-то -) обеси ся синей мгле» имеет как бы две стороны – сакральную и реальную, как и всё произведение. Именно в таком двойственном плане данная риторическая фигура маркирует часть текста, посвящённого Всеславу.

Ослабление сакрального смысла указывает на забываемость сути риторической фигуры и намечает тенденцию к прекращению её функционирования; она заменяется переводной греческой формулой – распятие на кресте. В тоже время при столкновении с реальностью сакральное значение риторической фигуры «(такой-то -) обеси ся (на чём-либо)» препятствует расширению её употребления в бытовых текстах домонгольской поры и постепенно данная риторическая фигура прекратила своё существование, т.е. можно сказать – закрылась. Включая в характеристику также структуру и содержание риторической фигуры, полностью охарактеризуем её по виду как закрытую, по типу структуры как вариативную (имеющую разные субъекты-объекты и место действия), по роду содержания как тождественную (все варианты отражают одно понятие – жертвенность).

Вторая риторическая фигура «всядем на борзые комони» из фразы «а всядем, братия, на свои борзые комони» [6. С.16.] сразу напоминает о сборах в поход. Действительно, исследуя устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве», Д.С.Лихачёв приводит множество примеров военной терминологии – это «преломить копьё», «изрядить полк» и т.п., а также «всести на конь» [7.С. 165-167.]. Но следует отметить, что только сочетание «борзой комонь» даёт основу не военному термину или художественному образу, а риторической фигуре.

Архетипическая формула «борзой комонь» применяется в текстах только к военным и охотничьим коням, в остальных случаях это иноходец или другой вид коня. На иноходце увезли с поля боя князя Святослава, на иноходце едет за Стратиговой Девгений и только к важному моменту похищения пересаживается на «борзого фаря» [8. С. 149.]. Вообще, «быстрый конь» – одна из древнейших индоевропейских архетипических формул, [9. С. 78.], а основанная на ней древнерусская риторическая фигура «всядем на борзые комони» означает отправиться в поход или на охоту, или более абстрактно – за удачей и маркирует текст, подчёркивая важность поставленной цели.

Затем, в процессе онтологии данной фигуры, распадается её архетипическая константа: «борзой» и «комонь» существуют уже не как архетип, а как основы новых образных выражений, раскрывающих бывшее значение целенаправленности в сниженной, почти пародирующей форме. Так, выражение «быть на коне» означает успех в каком-то личном деле и положительную оценку, а «сесть на своего конька» – уже содержит иронию. Выражение «ну, ты, и борзой» звучит осуждающе, хотя и подразумевается, что человек прикладывает достаточно усилий, чтобы добиться успеха, но при этом ущемляет интересы других. Таким образом, на основе архетипа и риторической фигуры образуются идиоматические выражения с остаточным первоначальным смыслом. Эти выражения также можно рассматривать как риторические фигуры бытового разговорного плана. Общий результат бытования, отражённый в каждом отдельном выражении, даёт право считать риторическую фигуру «всядем на борзые комони» не полностью исчезнувшей, а изменённой. Соответственно потенции структуры данной риторической фигуры определим её тип как разделяющийся. Исходя из того, что все изменённые варианты риторической фигуры близки по смыслу, определим её род как оттеночный.

Следующая риторическая фигура «честь и слава» формируется постепенно, выделяясь из более широкой общеславянской формулы

«честь и держава и слава» и процесс выделения зафиксирован, начиная с первых письменных текстов. В болгарской «Азбучной молитве» IX в., по реконструкции К.М. Кueva, строка третья с конца содержит формулу «Ему же честь и держава и слава ...» [10. С.108.]. Афродитианово сказание (перевод XII в. по списку XV в.) оканчивается подобной формулой [11. С. 177.].

Лотман Ю.М., исследуя понятия «честь» и «слава», за привычным для нас смыслом общей хвалы, выявил индивидуальные различия понятийного содержания: «честь» – как материальное наделение богатством, «слава» – как общественно-нравственное поощрение [12. С. 84-94]. При первоначальном выделении из общеславянской хвалебной формулы, вышеуказанное содержание хорошо прослеживается в «Слове о полку Игореве». В произведении важны первое и последнее упоминание «честь» и «славы». В первом случае сказано «ищучи себе чти, а князю славы» [13. С. 12.], что вполне понятно как себе добычи, а князю известности. А когда автор хотел подчеркнуть, что известны и уважаемы будут не только деяния князя, но и дружины, он написал в самой последней строке: «князем слава а дружине аминь», [14. С. 31.]. При том, что «аминь» переводится как «истинно», «истинно так», мы имеем: «князьям слава и дружине истинно /также слава/». В обоих случаях «честь и слава» и «слава и слава» поставлены в конце похвальных слов: 1-е - курянам-воинам, 2-е – князьям и всем воинам.

Таким образом, «честь и слава» упоминаются в конце сакрального или военного текста, маркируя успешное завершение деяния, и выступают как архетип-абстракция понятия «радость победы». Главная цель подобных текстов – подчеркнуть успешное преодоление препятствий и достижение поставленной цели. Образовавшаяся из двух архетипов, риторическая фигура «честь и слава» распространяема на любой контекст, в котором отмечено достижение положительной цели. Употребление выражения «честь и слава» подчёркивает высокую социальную значимость деяния, как известное выраже-

ние «честь и слава труженикам села».

Существуя более тысячи лет, архетип «честь и слава», абстрагируясь от конкретности чести-части и славы-хвалы, начал фигурировать как риторическая фигура. Но, как ни странно, материальное воплощение «чести-славы» не исчезло. И в конце XX века люди, добившиеся успеха, кроме устной похвалы и известности, в качестве воплощения славы имеют награды, Почётные грамоты и т.п., а в качестве чести – материальное вознаграждение. Так архетип и риторическая фигура «честь и слава» полностью вписываются в экономическую и социальную жизнь общества, следовательно имеют перспективу дальнейшего существования, поэтому данную риторическую фигуру уместно назвать перспективной. Полностью определить риторическую фигуру «честь и слава» не сложно: вид – перспективный, тип – простой, род – одинарный.

Предваряя заключение отметим разность в условиях непосредственного бытования в устной речи и тексте архетипа и риторической фигуры. Архетипические формулы неразделимы в языковом пространстве: не «комонь мой борзой» – это только поэтический образ, а «борзой комонь» – это резко выделенное понятие-архетип; но риторическая фигура «а всядем, братие, на свои борзые комони» сохраняет свою сущность при наличии дополнений, разрывающих её в языковом пространстве. Такой же принцип у архетипа «обеси ся» и риторической фигуры на его основе, но архетип «честь и слава» в выражении «наша слава, ваша честь» распадается на два самостоятельных архетипа, а риторическая фигура «честь и слава» сохраняется в выражении «честь вам и слава». Таким образом, для архетипа обязательна пространственная слитность. В отличие от архетипа, более высокий уровень абстракции в риторической фигуре «стягивает» её содержание и вычленяет из пространства речи и текста.

1. Рассмотрев три риторические фигуры в плане формирования их на основе языческих архетипов и функционирования в русской культуре, обратим внимание на

внутреннее условие образования структуры данных риторических фигур. В основе каждой риторической фигуры лежит понятие-архетип, которое является константой риторической фигуры – «обеси ся», «борзой комонь», «честь и слава».

2. В сущностном плане архетип и риторическая фигура на его основе объективируются нетождественными понятиями разного уровня абстракции. У архетипа «борзой комонь» сущность быстроты, выносливости, специальной подготовки коня; у риторической фигуры «всядем на борзые комони» понятие «за удачей». У архетипа «обеси ся» сущность специальной целенаправленности действия субъекта на самого себя; у риторической фигуры «(такой-то -) обеси ся (на чём-либо)» понятие «жертвенности». У архетипа «честь и слава» сущность добычи и известности; у риторической фигуры «честь и слава» понятие «радость победы». В свою очередь, понятийная сущность определяет род риторических фигур – в данном случае: тождественный, оттеночный, одинарный.

3. В плане состава частей риторических фигур, как внешней организации структуры, данные фигуры разнотипны. Риторическая фигура на основе архетипа «обеси ся» имеет варианты места действия и его субъекта-объекта (древо, крест, мгла и Один, Иисус, Всеслав). Риторическая фигура на основе архетипа «борзой комонь» образуется только с глаголом «всести». Риторическая фигура и архетип «честь и слава» совпадают по структуре. Соответственно внешнему составу выделяются три типа риторических фигур – вариативная, разделяющаяся, простая.

4. В онтологическом плане в результате исследования на материале «Слова о полку Игореве», выделено три вида риторических фигур, основанных на языческих архетипах и поименованных по условиям бытования: «обеси ся (на чём-либо)», «всядем на борзые комони», «честь и слава», соответственно: закрытая, изменённая, перспективная.

5. В гносеологическом плане исследованные риторические фигуры также разнятся. Корни риторической фигуры «(такой-то -) обеси ся (на чём-либо)» уходят

в глубины индоевропейского коллективно-бессознательного и объективируются в разных языковых вариантах. Риторическая фигура «всядем на борзые комони» имеет общий индоевропейский архетип, но как риторическая фигура функционирует в древнерусской культуре. Риторическая фигура «честь и слава», возникшая, можно сказать, на наших глазах, выделилась из более широкой общеславянской формулы.

6. В плане диахронии все три риторические фигуры развиваются из дохристианских языческих понятий. Затем, риторическая фигура «обеси ся (на чём-либо)» заменяется христианской формулой «распятие на кресте» ещё в домонгольский период, а риторическая фигура «всядем на борзые комони» не имеет тождественных христианских аналогий, изменяясь с течением времени. Риторическая фигура «честь и слава» имеет отдалённую аналогию с «аминь» и некоторое время они употреблялись совместно, а затем закрепляются предпочтительно раздельно в мирских и сакральных текстах, вплоть до наших дней.

В плане дальнейшего исследования по видам риторических фигур укажем на возможность выделения ещё одного вида риторической фигуры. На материале А.С. Дёмина из статьи «Герменевтика писательского высказывания», по текстам «Сказания о Борисе и Глебе», в цитированных фразах можно выделить архетип «кровь лить» и несколько вариантов риторической фигуры «кровь лить (чью-либо)» с понятием «кровопролитие-убийство». [15. С. 194 - 205]. Опуская разбор, полностью назовём риторическую фигуру: вид – открытый, тип – вариативный, род – оттеночный. Естественно, возможны и другие виды риторических фигур, основанных на языческих архетипах и функционирующих в древнерусской культуре. К тому же внутри видов, типов и родов риторических фигур можно выделить разряды и подразряды. Так первую исследованную риторическую фигуру можно назвать по виду закрыто-сложной и по типу вариативно-составной, а третью риторическую фигуру по типу – просто-составной и т.п. Полное исследование и

классификация древнерусской языческой риторики являются большой перспективной работой. Описанные риторические фигуры на основе языческих архетипов были рассмотрены в связи исследованием «Слова о полку Игореве». Этот памятник литературы – лишь часть древнерусской нарративной и шире духовной культуры. Древнерусские устные и письменные памятники изучаются со стороны поэтики и лингвистики; жанров и сюжетов, а также со стороны архетипичности сюжетов, мотивов, героев и т.д. Частично к древнерусской культуре относится исследование архетипов как концептов духовной культуры, отражённых в текстах. В свою очередь риторические фигуры на основе языческих архетипов нуждаются в исследовании, чтобы не потеряться в системах духовной культуры как древнерусской, так и современной. Наиболее полное выявление и исследование риторических фигур позволит заглянуть в глубь веков, сравнить бывшие и нынешние идеалы, глубже и чётче уяснить смысл привычных понятий, увидеть их межнациональные основы, ярче осознать ценность своей культуры в системе общемировой культуры.

1. Слово о полку Игореве. М.-Л. 1950. С. 25.
2. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л. 1985. С. 185.
3. Старшая Эдда. М.-Л. 1963. С. 27.
4. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. М. 1993. С. 27.
5. Там же С. 27-28.
6. Слово о полку Игореве. М.-Л. С. 16.
7. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л. 1978. С. 165-177
8. Кузьмина В.Д. Девгениево деяние. М. 1962. С. 149.
9. Иванов Вяч. Вс. Происхождение древнегреческих эпических форм и метрических схем текстов. / Структура текста. М. 1980. С. 78.
10. Цит. по Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. М. 1993. С. 108.
11. Бобров А.Г. Апокрифическое сказание «Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. С-П. 1991. С. 117.
12. Лотман Ю.М. О русской литературе. С-П. 1977. С. 84-94.
13. Слово о полку Игореве. М.-Л. 1950. С. 12.
14. Там же. С. 31.
15. Дёмин А.С. Герменевтика писательского высказывания / Византия и Русь. М. 1989. С. 194 - 205.

РОССИЯ И ЗАПАД ПОСЛЕ ГРУЗИНСКОЙ ВОЙНЫ

С.В. Мошкин

Мошкин
Сергей Вячеславович

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института философии и права
УрО РАН

Запад в России традиционно воспринимался весьма противоречиво: как фактор, способствующий модернизации, с одной стороны, и как источник военно-политической угрозы, с другой. Равно как противоречивым является и отношение Запада к России, которую там воспринимают то как загадочную полуазиатскую империю, то как своеобразную часть европейской цивилизации. Последнее чаще проявляется во время кризисов, таких как Наполеоновские войны, Первая и Вторая мировые войны, когда Россия входила в европейские коалиции, направленные против агрессора. Впрочем, установление в послевоенный период в странах Восточной Европы тоталитарных режимов по подобию сталинского вновь актуализировало «азиатский» стереотип.

В 1990-е годы восприятие Запада в России проделало значительную эволюцию – от идеалистических настроений начала десятилетия до травматического шока, вызванного войной в Югославии в 1999 году. Затем последовала эмоциональная солидарность с США и Западом в целом после трагедии 11 сентября, и новые проблемы и фобии – после войны в Ираке и «цветных» революций. События в Закавказье усилили многие из этих фобий, равно как и на Западе снова стали опасаться Россию, воспринимая ее как агрессора. Взаимное восприятие России и Запада оказывает серьезное влияние и на характер отношений между ними, часто осложняя взаимодействие между ними.

В ходе российско-грузинского конфликта выяснилось, что целый ряд составляющих этих отношений нуждаются в переоценке. В частности, конфликт вывел на поверхность все

негативные аспекты в российско-американских отношениях, резко обострил конкуренцию между Россией и США на постсоветском пространстве, привел к беспрецедентному за последние два десятилетия осложнению этих отношений. Вряд ли эти отношения серьезно улучшатся даже в случае прихода к власти в США кандидата-демократа.

В России существует примечательная особенность: когда у власти демократы, часть экспертов мечтают о республиканце, который не будет задавать неудобные вопросы о правах человека. И, напротив, нахождение республиканца в Белом доме вызывает ностальгию по демократам, которые якобы не будут проявлять излишней жесткости в кризисных ситуациях.

Такие представления существуют и сейчас, хотя они имеют мало общего с действительностью (вспомним хотя бы, что против Югославии воевал демократ Билл Клинтон). И дело здесь не в сенаторе Джозефе Байдене, стороннике жесткой линии в отношении России, которого Барак Обама сделал своим кандидатом в вице-президенты. У любого американского президента будет достаточно узкий коридор возможностей в отношениях с Россией, связанный с необходимостью российско-американского сотрудничества в афганской операции, нежеланием стимулировать рост цен на сырье (причем не только на нефть и на газ, но и на алюминий). В то же время в случае прихода к власти сам Барак Обама должен будет доказывать американскому обществу свой патриотизм и способность проводить эффективную внешнюю и военную политику (Джону Маккейну особо доказывать этого не надо).

Существует точка зрения, согласно которой более жесткий кандидат оказывается способным к стратегическим компромиссам – в связи с этим можно привести пример с Ричардом Никсоном, стоявшим у истоков политики разрядки. Другой иногда приводимый пример – Рональда Рейгана – является не столь убедительным, так как СССР в этот период был готов на широкомасштабные уступки в условиях

быстро ухудшавшейся экономической ситуации. Однако и в случае с избранием Джона Маккейна, разумеется, вряд ли можно рассчитывать на быстрые изменения к лучшему.

Показал свою полную неэффективность совет Россия-НАТО, который так и не собрался в критической ситуации. Неудивительно, что его деятельность приостановлена — есть основания полагать, что она в течение длительного времени будет находиться в «замороженном» состоянии. Не исключено, что в случае присоединения к Плану действий по присоединению к НАТО Украины и, возможно, Грузии в нынешнем декабре этот совет может и официально прекратить свое существование.

В то же время кризис выявил способность европейских стран к нормальному диалогу с Россией, отказу от экстремальных сценариев в отношениях с ней (типа введения экономических санкций). Разумеется, столь комфортных условий, которые были при Герхарде Шредере и Жаке Шираке, у России больше не будет — нынешняя генерация европейских лидеров настроена по отношению к ней куда более сдержано и ориентирована на конструктивные отношения к США при сохранении, разумеется, собственной идентичности. Рассчитывать на новый большой «раздражитель» в отношениях между США и рядом стран «старой Европы», подобного войне в Ираке, было бы неверно. Однако между Россией и ведущими европейскими государствами постоянно существует контакт, который был актуален и для кризисного периода (вспомним посредничество Николя Саркози). Такая позиция Европы, не желающей изоляции России, может быть связана как с ее зависимостью от российских энергоносителей, так и с нежеланием получить вблизи своих границ государство, находящееся в системном конфликте с ЕС.

Подобное развитие событий должно было бы внушать определенный оптимизм для перспектив отношений если не с Западом в целом, то с его «староевропейской» частью. Однако сейчас такой оптимизм носил бы явно преждевременный характер. Дело в уже упомянутом присоединении к натовскому Плану Украины

и Грузии, которое (по крайней мере, в отношении Украины) стало более вероятным, чем до начала военных действий. Для Европы отказ в этом вопросе означал бы не только конфликт с США, но и недопустимую, с точки зрения европейского истеблишмента, уступку России. При этом европейцы рассматривают присоединение к Плану как часть длительного пути этих стран в НАТО, тогда как в России полагают, что это решающий этап, после которого атлантическая интеграция Украины и Грузии примет необратимый характер. Поэтому в декабре нынешнего года можно ожидать нового всплеска противоречий между Россией и Европой, причем с более серьезными последствиями.

В то же время и Россия не намерена идти до конца, выстраивая новый «железный занавес» — в условиях глобального мира самоизолирующаяся страна, ориентированная на автаркию, обречена на роль аутсайдера, неспособного вписаться в международное разделение труда и увековечивающего свою зависимость от цен на энергоносители, которые не всегда могут быть высокими. В связи с этим вспомнить некоторые прогнозы начала 1980-х годов, которые гласили, что падения цен не будет еще в течение длительного времени (кстати, сейчас цены на нефть существенно снизились). Показательно, что, несмотря на явное разочарование российского руководства в «политизации» вступления в ВТО, оно не отказывается от него как от своего стратегического выбора. Неудивительно, что первый вице-премьер Игорь Шувалов заявил недавно «Ведомостям» о том, что «у нас во внутренней политике никаких тенденций к изоляции нет и не было. Более того, к таким тенденциям мы относимся с большим сожалением. Считаем, что это глупо и неоправданно».

Поэтому возникает необходимость выработки здорового рационального подхода к отношениям с Западом в условиях усиливающей международной конкуренции, лишенного как идеализма, так и изоляционистских настроений, основанного на прагматизме и балансе интересов, диверсификации подходов к различным партнерам России.

В декабре 2007 г. Федеральная Регистрационная Служба Министерства Юстиции РФ зарегистрировала Некоммерческое партнерство «Международная Академия Дискурс Исследований» (МАДИ).

Идея создания академии возникла в связи с прогрессирующим развитием в последние годы международного научного сообщества, специализирующегося на изучении разнообразных теоретических и социально-практических проблем дискурс-анализа.

Проект МАДИ обсуждался на Первой и Второй Международных конференциях «Дискурсология: методология, теория, практика» (Екатеринбург, 2006, 2007 гг.).

Важной предпосылкой для организационного оформления МАДИ стало расширение спектра научно-издательской деятельности, проводимой Издательским Домом «Дискурс-Пи». Сегодня под эгидой Издательского Дома «Дискурс-Пи» выходят в свет труды различного формата: научно-практический альманах «Дискурс-Пи», международный мини-журнал «Медиа-дискурс», несколько серий книг и монографических работ, сборники докладов международных конференций по дискурсологии.

Общественно-научное движение по развитию дискурсологии как инновационного направления в области социально-гуманитарных теорий и технологий с момента его возникновения на базе Института философии и права УрО РАН в 2001-м году добилось серьезных результатов. К настоящему времени сформировалось стабильное творческое ядро из постоянных участников научных и издательских проектов, в составе которого – многие ведущие ученые из России и зарубежных стран.

К движению дискурсологов постоянно присоединяются все новые участники. Весьма отраднo, что деятельность нашего сообщества привлекает внимание не только ученых, но также практиков, работающих в таких сферах, как государственное управление, СМИ, PR, реклама, дизайн, туризм, маркетинг, полиграфическое дело и др.

Учредителями МАДИ стали: Институт философии и права УрО РАН в лице заместителя директора по наукам Киселева К.Н.; Гуманитарный университет в лице ректора Закса Л.А.; Издательский Дом «Дискурс-Пи» в лице генерального директора Спасского А.Е.; генеральный директор ООО «АБИК» Абанин Р.А.; доктор философских наук, профессор Любути́н К.Н., доктор политических наук, профессор Русакова О.Ф., доктор философских наук, профессор Русаков В.М.

Мы надеемся, что с учреждением Международной Академии Дискурс Исследований возрастет научный авторитет работ, посвященных дискурсной проблематике, а также авторитет их авторов.

В свою очередь, редколле́гия Вестника МАДИ будет делать все необходимое, чтобы информировать своих читателей о наиболее важных событиях научной жизни МАДИ и о значимых российских и международных достижениях в области дискурс-исследований.

Наш девиз:

Если вы не контролируете дискурс, значит дискурс контролирует вас!

УСТАВНЫЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ МАДИ

Согласно Уставу некоммерческого партнерства «Международная Академия Дискурс Исследований», зарегистрированному в Министерстве Юстиции РФ 28 декабря 2007 года, основной целью деятельности МАДИ является распространение и применение дискурсивного подхода в различных сферах знания и управления обществом.

Среди задач МАДИ в Уставе выделяются следующие:

- Объединение на профессиональной

основе деятелей, занимающихся познанием и использованием технологий дискурс-исследований в практике управления обществом и его подразделениями.

- Объединение усилий членов МАДИ в организации научной и образовательной деятельности, связанной с использованием теории и методов дискурсологии.

- Лоббирование интересов членов МАДИ в науке и практике, а также в законодательных и исполнительных органах власти.

- Обеспечение защиты интересов членов МАДИ.

- Содействие повышению конкурентоспособности связанных с МАДИ организаций на базе развития в них технологий дискурсивного управления.

- Развитие партнерства с другими организациями, имеющими сходные с МАДИ цели.

- Развитие международных связей.

Для решения своих задач МАДИ определяет основные направления своей деятельности, проводит конкурсы, организует исполнение целевых проектов, участвует в создании организаций, а также использует другие формы деятельности, разрешенные законом.

Для достижения своих целей МАДИ осуществляет следующие виды деятельности:

- Организация исследований в сфере дискурсологии.

- Консультации по применению технологий дискурсивного управления.

- Предоставление правовых услуг по защите интересов членов МАДИ.

- Объединение интересов организаций, связанных с МАДИ, по закупке и производству необходимого им сырья, материалов, оборудование, недвижимости, земли.

- Издание необходимых для деятельности МАДИ информационных материалов.

- Создание организаций с иностранными юридическими и физическими лицами в соответствии с действующим законодательством.

- Содействие членам МАДИ в консо-

лидации ресурсов для реализации общих проектов.

- Разработка учебных программ по дискурсологии.

- Проведение международных конференций, семинаров и круглых столов по дискурсологии.

Партнерство «МАДИ» вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям, для достижения которых оно создано.

Партнерство в праве принимать участие в государственных, муниципальных, частных, международных социальных и гуманитарных программах и проектов, направленных на достижение уставных целей.

Партнерство может создавать филиалы и открывать представительства на территории Российской Федерации.

Партнерство может иметь в собственности здания, сооружения, жилищный фонд, оборудование, инвентарь, денежные средства в рублях и иностранной валюте, ценные бумаги и иное имущество. Партнерство может иметь в собственности или на праве аренды земельные участки.

О ЧЛЕНСТВЕ В МАДИ

Членами МАДИ являются Учредители Некоммерческого Партнерства «Международная Академия Дискурс Исследований», а также граждане и (или) юридические лица, принятые в его члены по рекомендации учредителей и академиков МАДИ.

Иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся в РФ, могут быть членами МАДИ, за исключением случаев, установленных международными договорами РФ или федеральными законами.

Прием кандидатов в члены Партнерства оформляется решением Президиума МАДИ.

Члены МАДИ имеют право:

- участвовать в управлении делами Партнерства,

- получать информацию о деятельности Партнерства,

- в любое время выйти из Партнерства, при этом выбывающий член не получает ни части своего имущества, ни стоимости имущества, переданного им в собственность Партнерства,

- получать в случае ликвидации Партнерства часть его имущества, оставшегося после расчета с кредиторами, либо стоимость этого имущества в пределах стоимости имущества, переданного в собственность Партнерства.

Члены МАДИ обязаны:

- выполнять требования Устава Партнерства,
- участвовать в деятельности МАДИ,
- своевременно уплачивать членские взносы.

Партнеры МАДИ – юридические лица, органы власти, объединения и союзы предприятий, необходимые МАДИ для исполнения ее проектов.

Решение о выборе партнеров большинством голосов принимает Президиум МАДИ.

Перечень ученых званий МАДИ:

Академик МАДИ,
Почетный академик МАДИ,
Член-корреспондент МАДИ,
Почетный член-корреспондент МАДИ,
Профессор МАДИ,
Почетный профессор МАДИ,
Доцент МАДИ.

Звание академика МАДИ присваивается докторам наук или учредителям МАДИ, внесших важный вклад в развитие определенного направления в области дискурс-исследований.

Звание почетного академика МАДИ присваивается крупным деятелям науки, образования, культуры и бизнеса, внесших важный вклад в подготовку кадров для развития дискурсологии.

Звание члена-корреспондента МАДИ присваивается кандидатам наук, опубликовавшим серии фундаментальных научных работ по проблемам дискурсологии.

Звание почетного члена-корреспондента МАДИ присваивается деятелям образования,

культуры и бизнеса, оказывающих разнообразную практическую поддержку проектам МАДИ.

Звание профессора МАДИ присваивается научным сотрудникам и преподавателям без ученой степени, читающих курсы, проводящих занятия по различным проблемам дискурсологии, активно участвующих в издательской и научной жизни МАДИ.

Звание почетного профессора присваивается крупным общественным, государственным, политическим деятелям, лидерам бизнеса, оказывающим широкое содействие МАДИ.

Звание доцента МАДИ присваивается аспирантам, магистрам, учащимся магистратуры, студентам, сотрудникам образовательных и учебных учреждений, регулярно принимающих активное участие в научных конференциях, семинарах и других проектах МАДИ.

СОСТАВ МАДИ

Руководство МАДИ

Любути́н Константи́н Николаевич – Почетный Президент МАДИ

Русакова Ольга Фредовна – Президент МАДИ

Спасский Александр Евгеньевич – первый вице-президент МАДИ

Закс Лев Абрамович – вице-президент МАДИ

Киселев Константин Викторович – вице-президент МАДИ

Русаков Василий Матвеевич – вице-президент МАДИ

Абани́н Рудольф Александрович – вице-президент МАДИ

Фадее́чева Марианна Альфредовна – Главный ученый секретарь МАДИ

Избранные члены МАДИ

Малинова Ольга Юрьевна – академик МАДИ (Москва)

Ильин Михаил Васильевич – академик МАДИ (Москва)

Малышев Михаил Алексеевич – академик
МАДИ (Мехико, Мексика)

Емельянов Борис Владимирович – академик
МАДИ

Мясникова Людмила Анатольевна – академик
МАДИ

Стровский Дмитрий Леонидович – академик
МАДИ

Богомяков Владимир Геннадьевич – академик
МАДИ (Тюмень)

Дьякова Елена Григорьевна – академик
МАДИ

Фишман Леонид Гершевич – академик
МАДИ

Коркунова Ольга Владимировна – академик
МАДИ

Грунт Елена Викторовна – академик
МАДИ

Лобовиков Владимир Олегович – академик
МАДИ

Берсенев Владимир Леонидович – академик
МАДИ

Буянов Владимир Петрович – академик
МАДИ (Москва)

Солодовников Аркадий Филиппович – академик
МАДИ (Москва)

Глазунов Евгений Павлович – академик
МАДИ (Москва)

Багиров Борис Борисович – Почетный
академик МАДИ

Болышева Светлана Александровна – Почетный
академик МАДИ

Ле Куи Куинь – Почетный академик
МАДИ (Генконсул СРВ в г. Екатеринбурге)

Грегори Саймонс – член-корреспондент
МАДИ (Стокгольм, Швеция)

Стефан Стефанов – член-корреспондент
МАДИ (Москва)

Трахтенберг Анна Давидовна – член-корреспондент
МАДИ

Фан Ирина Борисовна – член-корреспондент
МАДИ

Мартьянов Виктор Сергеевич – член-корреспондент
МАДИ

Романова Кира Степановна – член-корреспондент
МАДИ

Москвин Дмитрий Евгеньевич – член-корреспондент
МАДИ

Чемакин Юрий Владимирович – член-корреспондент
МАДИ

Быков Алексей Юрьевич – член-корреспондент
МАДИ

Хвощев Владимир Ефимович – член-корреспондент
МАДИ (Челябинск)

Саранчин Юрий Константинович – член-корреспондент
МАДИ

Суслов Николай Владимирович – член-корреспондент
МАДИ

Лаптев Владимир Кириллович – Почетный член-корреспондент
МАДИ

Лейфель Игорь Яковлевич – Почетный член-корреспондент
МАДИ

Кузнецов Александр Сергеевич – профессор
МАДИ

Спасский Максим Александрович – профессор
МАДИ

Мухаметов Руслан Салихович – доцент
МАДИ

Максимов Дмитрий Аркадьевич – доцент
МАДИ

Ильченко Михаил Сергеевич – доцент
МАДИ

Коваленко Елена Николаевна – доцент
МАДИ

Ишменев Евгений Васильевич – доцент
МАДИ

Шабуров Алексей Геннадьевич – доцент
МАДИ

Грибовод Елена Григорьевна – доцент
МАДИ

Сурина Елена Михайловна – доцент
МАДИ

Русаков Всеволод Васильевич – доцент
МАДИ

СИСТЕМА ЯПОНСКИХ СУДОВ С ГРАЖДАНСКИМ УЧАСТИЕМ (SAIBAN-IN SEIDO) В ДИСКУРСЕ ПРАВОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В.Н. Руденко

Руденко
Виктор Николаевич

доктор юридических наук,
директор Института
философии и права УрОРАН

В мае 2009 г. в Японии вступают в силу положения закона № 63 от 28 мая 2004 г., которые предусматривают судебные разбирательства с участием непрофессиональных судей, выбираемых их гражданами¹. На этот шаг японский законодатель решился в результате длительных дискуссий в обществе и тщательного изучения опыта гражданского участия в отправлении правосудия, как в самой Японии, так и в других странах мира. Предложенная система представляет собой гибрид системы судов присяжных, утвердившейся в странах общего права и системы шеффенского типа в странах континентального права. По сравнению со странами общего права она призвана повысить профессионализм принятия судебных решений с участием граждан и одновременно решить проблему чрезвычайной зависимости общественных судей от судей профессиональных, свойственную шеффенским судам.

В стране на протяжении короткого периода (1923 - 1943 гг.) действовал суд присяжных. Однако в условиях милитаризации страны этот институт, рожденный в эпоху «демократии Тайсё», не мог функционировать успешно, и был отменен 1 апреля 1943 г. Не только отсутствие демократии послужило причиной отмены суда присяжных в то время. Во-первых, сам этот

институт был далек от совершенства. По закону только дела, связанные с совершением тяжких преступлений, могли быть рассмотрены участием граждан. Причем дела по преступлениям, караемым смертной казнью или пожизненным заключением рассматривались с участием присяжных, если против этого не возражал обвиняемый, а все остальные дела – по требованию обвиняемого². Жюри в составе 12 присяжных заседателей формировалось по жребию, но пул присяжных составляли только грамотные и состоятельные мужчины. Присяжные заседатели не выносили вердикт «виновен» или «невиновен». Они лишь отвечали на вопросы судьи и выражали свое отношение к фактам. Мнение присяжных не было обязательным для профес-

сионального судьи. В то же время приговор, вынесенный в суде с участием присяжных заседателей, не подлежал обжалованию³. Поэтому обвиняемые предпочитали, чтобы их дело было рассмотрено обычным судом. Во-вторых, практика отбора присяжных по жребию выявила ряд проблем, не свойственных странам общего права. Система

общего права обеспечивает функционирование гражданского общества, основанного на ценностях индивидуализма. Поэтому случайный отбор присяжных заседателей наиболее приемлем для нее. Напротив, особенностью японской культурной традиции является коллективизм и присущее ему групповое сознание, ориентированное на мнение старших по должности или по возрасту. С этой точки зрения жюри, состоящее из 12 наугад отобранных граждан и распускаемое сразу же после рассмотрения дела, не воспринималось японцами как авторитетный орган⁴.

Однако в настоящее время японское общество имеет все предпосылки для возобновления

участия граждан в отправлении правосудия. Сейчас оно представляет собой одно из наиболее социально гомогенных обществ в мире. Почти все японские граждане имеют единое этническое и историческое происхождение. Кроме того, синтоистская практика и буддийская религия в японском обществе не разделяет и не объединяет людей в такой мере, как в других обществах. Наконец, в Японии наблюдается лингвистическое единообразие, какого нет ни в одной стране Европы или Америки⁵. Япония является, к тому же страной с высочайшим уровнем грамотности населения. Наконец, начиная с 1950-х годов по настоящее время, существенно изменилось и сознание японцев, которые все больше стали склоняться к идее возобновления деятельности судов присяжных, состоящих из случайно отобранных граждан⁶.

Согласно вышеупомянутому закону в стране вводится система смешанных судов. В этих судах граждане-непрофессионалы, именуемые *saiban-in*, и профессиональные судьи образуют единую коллегию. Судебные разбирательства с участием граждан должны проходить в окружных судах общей юрисдикции (*Chiho saibansho*). К компетенции этих судов отнесено рассмотрение в первой инстанции дел по преступлениям, караемым смертной казнью или пожизненным заключением либо заключением с каторжными работами (art. 2(1)(i)), а также по преступлениям, связанным с умышленным убийством (art. 2(1)(ii)). Общее количество подобного рода преступлений, совершаемых в Японии, составляет не более 1.5 процентов от всех зарегистрированных преступлений. Однако именно эти преступления волнуют общественность в первую очередь. Поэтому в новой системе обвиняемый не имеет права отказаться от рассмотрения дела смешанным составом суда⁷.

В зависимости от сложности рассматриваемого дела предусмотрено создание смешанных судов с разным составом. В случаях, когда на стадии досудебного расследования отсутствуют какие-либо споры относительно фактов, суд

заседает в составе одного профессионального судьи и четырех общественных судей (система 1-4). В иных случаях в состав суда входят три профессиональных судьи и шесть общественных судей (система 3-6). В окружных судах на случай долгих разбирательств и иных непредвиденных обстоятельств могут также отбираться *запасные общественные судьи*.

Коллегии непрофессиональных судей в японском смешанном суде обладают определенной автономией. Закон № 63 от 28 мая 2004 года устанавливает особый порядок их отбора (Ch. 2). Судьи принимают присягу (art. 39). Они должны осуществлять свои полномочия независимо от профессиональных судей (art. 8). Общественные судьи не получают заработную плату за участие в судебном разбирательстве, им полагается только компенсация транспортных, суточных

и гостиничных расходов (art. 11). Одним из способов обеспечения их участия в судебном разбирательстве является довольно крупный штраф в размере 100 000 иен за неявку в суд без уважительной причины (art. 83). Их голоса учитываются отдельно при вынесении приговора (art. 67). Поэтому группы непрофессиональ-

ных судей в составе японских смешанных судов А. Кент и Э. Сейнт справедливо рассматривают как квази-жюри⁸.

При выборе модели организации смешанного суда японским законодателем был учтен опыт других стран и законодатель остановился на смешанных судах особого типа. Отличительной особенностью японской модели смешанного суда является то, что общественные судьи призываются для исполнения своих обязанностей не на длительный срок, как в швейцарских судах Германии, а на одно судебное заседание, что ближе законодательству стран общего права, а также французскому законодательству, регулирующему деятельность судов ассизов. Для участия в судебном заседании общественные судьи отбираются по жребию, что тоже свойственно законодательству о судах присяжных стран общего права. Однако общественные су-

дья в Японии не образуют отдельной коллегии. Они должны участвовать в рассмотрении дела вместе с профессиональными судьями, как члены единой коллегии. При этом, как и в других смешанных судах, действующих в разных странах мира (Германия, Австрия, Италия, Франция и др.), в суде председательствует либо один из профессиональных судей либо единственный профессиональный судья. В задачу непрофессиональных судей входит установление фактов; применение законов и постановлений (art. 6(2)), участие в вынесении приговора (art. 67(1)). Они вправе задавать по обращению к председательствующему вопросы свидетелям, потерпевшему, подсудимому, в том числе вопросы свидетелям вне суда (art. 56-59), что придает избранной в Японии модели смешанного суда признаки состязательной модели. В отличие от присяжных, заседавших в японских судах в 1928-1943 гг., они теперь, так же как и непрофессиональные судьи в указанных европейских странах, вправе принимать не рекомендательные, а императивные решения. Но при этом в Японии предложена собственная модель распределения полномочий профессиональных и непрофессиональных судей по вынесению приговора. Приговор должен выноситься простым большинством голосов, которое должно включать голоса и профессиональных, и непрофессиональных судей (art. 67 (1)). Таким образом, общественные судьи в Японии, подобно германским шеффам фактически имеют право вето в отношении решений профессиональных судей. Даже при консолидированном голосовании профессиональных судей в суде, организованном по схеме 3-6, пятеро общественных судей могут не допустить принятия решения, к которому склоняются профессиональные судьи. С другой же стороны, в отличие от судов шеффенов в Германии, японские непрофессиональные судьи, также как и присяжные судов ассизов во Франции, лишены возможности самостоятельно выносить приговор. В частности, в суде, организованном по схеме 1-4, при консолидированном голосовании общественных судей решение не будет принято, если его не поддержит профессиональный судья. Как и в смешанных судах других стран мира, влияние, оказываемое профессиональными судьями на непрофессиональных судей, согласно

японскому законодательству, достаточно велико. В частности, во время совместного обсуждения решения суда председательствующий судья должен объяснять непрофессиональным судьям в доступной для них форме содержание правовых актов, касающихся рассмотренного дела (art. 66).

Закон № 63 от 28 мая 2004 года детально регулирует порядок отбора непрофессиональных судей. Общественными судьями могут быть лица, обладающие избирательным правом на выборах в нижнюю палату парламента (art. 13). Однако им установлен целый ряд ограничений на участие граждан в отправлении правосудия, свойственных законодательству других стран. В частности, не могут быть общественными судьями парламентарии, министры; действующие и бывшие судьи и прокуроры, адвокаты, нотариусы, работники суда, работники Министерства юстиции; чиновники сил самообороны, студенты-юристы, члены профессорско-преподавательского состава юридических факультетов, губернаторы префектур и мэры городов и др. лица. Могут отказаться от участия в работе судов лица, достигшие 70-летнего возраста, граждане, которые уже были общественными судьями в течение предшествующих пяти лет и др. В то же время японский закон содержит некоторые особенности. Должность общественного судьи в Японии несовместима с определенным уровнем доходов (art. 15), что не свойственно странам общего права. Так, общественными судьями не могут быть государственные служащие, получающие зарплату выше установленного в статье 15 (iii) рассматриваемого Закона уровня.

Таким образом, в Японии, с одной стороны, значительная часть населения не может участвовать в отправлении правосудия либо имеет право отказаться от этой обязанности. Но обращает на себя внимание отсутствие в Законе № 63 от 28 мая 2004 года положения, по которому общественные судьи должны представлять разные сегменты общества. В этом плане подход японского законодателя методологически уязвим не только по сравнению с подходом законодателя США, установившего жесткие требования к представительству граждан в судах присяжных, но даже германского законодателя, закрепившего формальное требование закона об обеспечении

представительства социальных групп в коллегии шеффенов.

Установив круг лиц, которые могут быть общественными судьями, японский законодатель определил следующий порядок отбора судей. Окружные суды ежегодно определяют в установленный срок внутри муниципальных юрисдикционных отделений число кандидатов в общественные судьи на следующий год и уведомляют избирательные административные комиссии муниципалитетов об этом числе (art. 20(1)). Избирательные административные комиссии муниципалитетов отбирают по жребию из избирательных списков установленное количество кандидатов, которые могут быть вызваны в суд (art. 21(1)). Комиссии должны передать списки кандидатов в окружной суд (art. 22). Окружной суд уведомляет всех кандидатов о включении их в списки (art. 25). После того, как устанавливается дата проведения первого судебного слушания, окружной суд вызывает кандидатов, отобранных по жребию. Подобно процедуре квалификации в американских судах присяжных окружной суд производит анкетирование кандидатов перед их отбором. Одновременно японский законодатель предусмотрел демократичное требование, встречающееся в законодательстве стран общего права: за два дня до начала отбора общественных судей председательствующий судья предоставляет прокурору и совету защиты список имен вызываемых кандидатов, а незадолго до начала отбора прокурору и совету защиты передаются копии анкет кандидатов (art. 31(2)). Это необходимо для того, чтобы стороны судебного разбирательства впоследствии могли более эффективно произвести отводы общественных судей.

Отбор общественных судей должен производиться в присутствии судей и служащих окружного суда, а также в присутствии обвинителя и совета защиты, при необходимости подсудимого, под руководством председательствующего судьи, который может задать вызванным кандидатам вопросы с целью установить, что они могут быть квалифицированы в качестве общественных судей в соответствии с требованиями законодательства. Судьи, обвинитель, подсудимый или совет защиты могут просить главного судью опросить кандидата, в котором

есть сомнение по тем же вопросам (art. 34). По результатам опроса кандидатов ряд из них получает мотивированный отвод (art. 34(7)). По установленным правилам отбор общественных судей закрыт для публики (33(1)), что не характерно для установленного порядка отбора присяжных и иных непрофессиональных судей в других демократических странах.

Помимо этого стороны могут отвести немотивированно по четыре кандидата, если судебное разбирательство производится судом в составе трех профессиональных и шести общественных судей или по три кандидата в случае рассмотрения дела судом в составе одного профессионального и четырех общественных судей. Дополнительно они могут отвести по одному лицу, когда к судебному разбирательству привлекаются один или два запасных общественных судьи, по два если привлекаются три или четыре запасных общественных судьи и три, когда привлекаются пять или шесть запасных общественных судей (art. 36(2)).

Окончательный отбор общественных судей производится по жребию или в соответствии с другими правилами, установленными Верховным судом, по которым исключается манипуляция. Отбор производится из числа кандидатов, которые могут быть отобраны общественными судьями после произведенных отводов (37 (1)). После этого тем же способом осуществляется отбор запасных общественных судей (37(2)).

Таким образом, в законодательстве Японии закреплена модель трехступенчатой жеребьевки кандидатов в общественные судьи. Она напоминает модель, предусмотренную законодательством Франции и подобно французскому законодательству, обеспечивает формирование более репрезентативного и независимого состава непрофессиональных судей, чем в шеффенских судах Германии.

Оценивая предложенную японским законодателем модель организации смешанных судов и способ формирования коллегии непрофессиональных судей в смешанных судах, жребия, можно сказать, что данная модель напоминает усовершенствованный вариант французской модели, основанной на опыте законодательного регулирования деятельности и формирования коллегий присяжных заседателей в странах

общего права. Возможно, она обеспечивает большую, чем даже во Франции, независимость общественных судей: они отбираются по жребию для участия в единственном судебном разбирательстве. Но в настоящее время преждевременно характеризовать японскую модель в качестве новой глобальной модели гражданского участия в отправлении правосудия, как это делают австралийские ученые⁹. Помимо Франции подобная же модель с 2001 года закреплена в законодательстве Венесуэлы. В этой стране смешанные суды тоже формируются по жребию для проведения единственного разбирательства с той разницей, что непрофессиональные судьи выступают только как судьи факта¹⁰. Думается, что японская модель может оказаться новой глобальной моделью гражданского участия в отправлении правосудия только в перспективе. Для этого должны быть выполнены, как минимум два условия. Во-первых, должно измениться отношение власти к институтам гражданского участия. Во-вторых, должен быть существенно расширен круг дела, подлежащих рассмотрению смешанных судов.

Внедрение системы гражданского участия в отправлении правосудия, в рамках которой предусмотрены механизмы обеспечения самостоятельности коллегий общественных судей, в том числе с помощью механизма трехступенчатой жеребьевки, не является само по себе гарантией демократичности данной системы и не делает ее предметом для подражания. Главной проблемой функционирования судов с участием общественных судей в Японии является определенный обвинительный уклон судебной системы. В то время как англо-американская система судов присяжных ставит своей главной задачей защиту индивидуальных прав и свобод от тирании государства, японская судебная система, как и система Германии, принадлежащая к континентальной системе, ориентирована на установление истины, в том числе путем доказательств, добытых способами, считающимися неприемлемыми в системе общего права¹¹. В частности, в Японии - путем опроса свидетелей и других лиц вне суда. В японской системе большую значимость, чем в англо-американской системе, имеет признание и раскаяние подсудимого, а неподдержанное обвинение считается

постыдным для обвинителя¹². Поэтому потребуются большие усилия, чтобы японская система смешанных судов стала демократичной.

Предложенная система, так же, как и германская, французская, итальянская и другие системы, действующие в рамках континентальной традиции, предусматривает рассмотрение с участием граждан дел, связанных с совершением наиболее опасных для общества преступлений. Предполагается, что в Японии по мере внедрения в судебную систему смешанных судов, их компетенция будет изменена, круг рассматриваемых дел будет расширен, вплоть до разбирательства гражданских дел¹³. Если это произойдет, то японская модель станет достойным подражания примером тесного единения подходов, выработанных в системах общего и континентального права применительно к судам с гражданским участием.

1. *Anderson, Kent, Saint, Emma.* Japan's Quasi-Jury (Saiban-in) Law: An Annotated Translation of the Act Concerning Participation of Lay Assessors in Criminal Trials // *Asian-Pacific Law and Policy Journal*, 2005. Vol. 6. Issue 1. P. 233-283.

2. *Kiss, Lester W.* Reviving Criminal Jury in Japan // *Law and Contemporary Problems*, 1999. Vol. 62. № 2. P. 268.; *Maruta, Takashi.* The Criminal Jury System in Imperial Japan and the Contemporary Argument for its Reintroduction // *International Review of Penal Law*, 2001. Vol. 72. Issue 1-2. P. 216.

3. *Kiss, Lester W.* Reviving Criminal Jury in Japan. P. 266-267; *Maruta, Takashi.* The Criminal Jury System in Imperial Japan and the Contemporary Argument for its Reintroduction. P. 216-217.

4. *Kiss, Lester W.* Reviving Criminal Jury in Japan. P. 278-279.

5. *Ibid.* P. 280-281.

6. *Fukurai, Hiroshi.* The Rebirth of Japan's Petit Quasi-Jury and Grand Jury Systems: A Cross-National Analysis of Legal Consciousness and the Lay Participatory Experience in Japan and the U.S. // *Cornell International Law Journal*. 2007. № 40. P. 339-341.

7. *Kodner, Joseph J.* Re-Introducing Lay Participation in Japanese Criminal Cases: An Awkward Yet Necessary Step. P. 244.

8. *Ibid.*

9. *Anderson, Kent, Saint, Emma.* Japan's Quasi-Jury (Saiban-in) Law... P. 234.

10. *Тейман С.* Реформа инквизиционного правосудия в Венесуэле. Суд присяжных уступает место суду шеффенов // *Российская юстиция*, 2002. С. 66-69.

11. *Levin, Douglas.* Seiban-in-seido: Lost in Translation? How the source of power underlying Japan's proposed lay assessor system may determine its fate // http://works.bepress.com/cgi/viewcontent.cgi?article=1000&context=douglas_levin. P. 47-49.

12. *Ibid.*

13. *Kodner, Joseph J.* Re-Introducing Lay Participation in Japanese Criminal Cases: An Awkward Yet Necessary Step. P. 245.

ДОГОВОР – ВЕЛИКИЙ КОММУНИКАТОР

М.Ф. Казанцев

Казанцев

Михаил Федорович

заведующий отделом права
Института философии и
права
УрО РАН
доктор юридических наук,
доцент

Договором профессионально интересуются, прежде всего, юристы: цивилисты – гражданско-правовым договором, трудовики – трудовым договором, международники – международно-правовым договором. Подавляющее большинство юристов при этом считают, что других – не правовых договоров в природе вообще нет. Но это не так. Не правовые (не юридические) договоры есть и их даже больше чем юридических. Договор – важнейший социальный (не только правовой) феномен, пронизывающий все сферы жизни общества.

Договор – и правовой и не правовой – имеет огромное коммуникационное значение. Посредством договора люди, коллективы, организации, органы власти, государства (одним словом социальные субъекты) вступают в разнообразные отношения между собой, определяя их характер и содержание. Ежедневно в мире заключаются миллиарды договоров. Каждый человек заключает в среднем хотя бы один договор в день (конечно, не каждый день, но в расчете на один день).

Чтобы лучше представить, что такое договор, какие договоры бывают, в чем и как проявляется их роль как средства социокультурных коммуникаций полезно дать несколько штрихов из общей теории договора.

Договор (вообще) – это акт, который совершен (заключен) двумя или более лицами (сторонами), выражает их согласованную волю и направлен на регулирование отношений между сторонами или также с их

участием.

Договоры (вообще) в зависимости от наличия или отсутствия у них юридического характера подразделяются на правовые (юридические) договоры и неправовые (неюридические) договоры.

Правовой договор – это договор, который направлен на правовое регулирование отношений между сторонами или также с их участием и обеспечен возможностью государственного принуждения.

Неправовой договор – это договор, который направлен на неправовое регулирование отношений между сторонами или также с их участием и не обеспечен возможностью государственного принуждения.

Повседневная жизнь людей, деятельность органов власти, должностных лиц, политических партий, иных общественных образований пронизана многочисленными договорами (соглашениями) неюридического характера. Причем в количественном плане неюридические договоры едва ли не доминируют над юридическими. Поэтому возможна и актуальна разработка теории договора вообще, а не только теории правового договора.

Неправовые договоры могут быть подразделены (среди прочих, разумеется, оснований) в зависимости от того, в какой сфере общественной жизни они регулируют отношения (поведение) заключивших их субъектов. При делении неправовых договоров по сфере общественной жизни из их числа можно, в частности, выделить политические неправовые договоры, бытовые неправовые договоры, производственные неправовые договоры. Приведенное деление не претендует на строгую научную классификацию неправовых договоров. Скорее, это иллюстративный, притом неполный перечень неправовых договоров, помогающий получить представление об этой группе договоров.

Политический неправовой договор – это неправовой договор, направленный на ре-

гулирование неправовых отношений (поведения) в политической сфере, т.е. в сфере общественной жизни, связанной с деятельностью органов государственной власти, политических партий, движений, общественно-политических организаций и групп.

Примерами политических договоров могут служить пакетные соглашения фракций в Государственной Думе о распределении руководящих постов, соглашения политических партий о создании межпартийных блоков, а также договоры, заключаемые в рамках предвыборных технологий (например договоры между кандидатом в президенты и избирателями). Одним из последних заметных примеров политического договора, широко обсуждавшегося в средствах массовой информации, может служить Общественный договор «Выборы-2003», подписанный 22 августа 2003 г. в Москве представителями политических партий, союзов и ассоциаций специалистов в области массовой информации и политических технологий (общим числом около сорока).

Бытовой неправовой договор – это неправовой договор, направленный на регулирование неправовых отношений (поведения) в сфере быта, т.е. в сфере общественной внепроизводственной жизни, включающей удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья, а также освоение человеком духовных благ, культуры, человеческое общение, спорт, развлечения.

Бытовых договоров в повседневной жизни заключается весьма большое количество, поскольку любая договоренность в бытовой сфере (о посещении театра, рыбалке, наконец, о распитии спиртных напитков «на троих» в определенное время и в определенном месте) является ничем иным, как бытовым договором. Соглашение между спортивными командами об определенном результате игры – тоже бытовой договор (для таких случаев сложился даже специальный термин – договорный матч). В группу бытовых договоров входят и договоры в сфере личных отношений, в том числе с выраженной морально-нравственной и эмоциональной

направленностью, в частности такие договоры, как договор между девушкой и юношей (в том числе в форме взаимной клятвы) о хранении верности друг другу, пока юноша служит в рядах вооруженных сил.

Производственный неправовой договор – это неправовой договор, направленный на регулирование неправовых отношений (поведения) в производственной сфере, т.е. сфере общественной жизни, связанной с общественно-полезным трудом в народном хозяйстве.

Производственные договоры опосредуют деловые, служебные отношения, которые складываются, что называется, «на работе». К их числу относятся и договор между начальниками отделов о порядке совместного выполнения производственного задания, и соглашение между начальником и подчиненным о том, что в случае достижения работником определенного производственного результата начальник повысит ему заработную плату, и так называемое джентльменское соглашение – устный договор неправового характера в деловой сфере (например между двумя директорами о досрочной поставке оборудования).

В связи с рассмотрением неправовых договоров, особенно после упоминания в качестве политического Общественного договора «Выборы-2003», уместно поставить вопрос о том, какова природа общественного договора, о котором писали такие известные мыслители, как Гроций, Гоббс, Спиноза, Локк и в особенности Руссо, с именем которого общественный договор, собственно, и ассоциируется. Сам Руссо, излагая суть учения об общественном договоре, использовал характерную юридическую терминологию: «Найти форму ассоциации, которая всеми общими силами охраняет и защищает личность и имущество каждого своего члена... – такова основная задача, решение которой дает *Общественный Договор*. Статьи этого общественного договора так точно установлены самой природой акта, что малейшее изменение сделало бы их напрасными и недействительными; ... если мы отбросим от общественного договора, все, что не со-

ставляет его сущности, мы увидим, что он сводится к следующему положению: *каждый из нас отдает свою личность в общее владение и всю свою силу подчиняет верховному распоряжению общей воли; и в общем организме мы получаем каждого члена, как нераздельную часть целого*¹.

Из приведенной цитаты и в целом трактата Руссо следует, что общественный договор мыслится как договор между людьми о создании общего организма (государства) с наделением его верховной властью, которой подчинены члены общего организма.

Понимаемый таким образом общественный договор вполне может быть расценен как договор, так как ему присущи все признаки договора: он представляет собой акт (сам Руссо характеризует общественный договор как акт); у него наличествуют стороны – люди (индивидуумы); он выражает согласованную волю этих людей; он направлен на регулирование отношений (поведения) между людьми, а именно отношений по созданию коллективного образования, а также взаимоотношений членов данного коллективного образования, в том числе с его верховной властью.

Однако реально общественный договор (именно как договор в строгом значении этого слова) никогда не заключался ни в устной форме (в том числе в форме молчаливого согласия), ни, тем более, в письменной. Впрочем, заключение договора между всеми людьми практически невозможно, тем более с такой серьезной целью.

Таким образом, общественный договор мыслим лишь как сугубо теоретическая конструкция, выражающая идею всеобщего согласия и положенная в основу философской и юридической доктрины, объясняющей возникновение государства, государственной власти на основе соглашения между людьми.

Сама по себе идея согласия в обществе, согласия между обществом и властью весьма популярна и нередко берется на вооружение властью, политическими силами, отдельными политиками, политическими технологами. И тогда время от времени на свет появ-

ляются реальные документы под названием «общественный договор» или, на иностранный лад, «социальный контракт», одним из которых и является упоминавшийся ранее Общественный договор «Выборы-2003».

Как видно из сказанного, коммуникационное значение договора обусловлено его природой как многостороннего волевого акта, совершаемого самими сторонами с целью урегулирования своих взаимоотношений.

В коммуникационном плане важны как правовые, так и не правовые договоры. Даже трудно отдать приоритет по важности тому или другому. Жизнь невозможна без обеих. Но все же наиболее значимые социальные связи опосредуются правовыми договорами, самыми массовыми из которых являются гражданско-правовые договоры. Благодаря именно этим договорам люди продают и покупают, например, и квартиры, и автомашины, и телевизоры, и колбасу. Поэтому несколько слов о значении гражданско-правовых договоров и осуществляемом с их помощью договорном регулировании.

Место и значение гражданско-правового договора и, соответственно, договорного регулирования в правовой системе обусловлено тем, что договор является важнейшим правовым регулятором, наряду с законом (в широком смысле этого слова) и административным (иным директивным) ненормативным правовым актом. Значение договорного регулирования состоит в том, что отдельные виды отношений не могут быть урегулированы иначе как посредством договора. Речь идет об отношениях между юридически равными субъектами и прежде всего об имущественных отношениях в сфере гражданского оборота. Без договора, договорного регулирования правовая система не может существовать. Сфера договорного регулирования под воздействием тех или иных экономических, социальных, политических факторов может сужаться, но никогда она не может исчезнуть совсем.

Одной из самых значимых современных тенденций в правовом регулировании выступает расширение сферы договорного регулирования. Оно выражается в том, что договор-

ное регулирование распространяется на те виды отношений, которые ранее договором вообще не регулировались, в частности на бюджетные и налоговые отношения. Увеличение объема договорного регулирования происходит также в тех сферах, которые и ранее были подвержены договорному регулированию. Типичный пример – договорное регулирование имущественных отношений между супругами. Если раньше правовой режим супругов определялся исключительно законом, то теперь закон допускает и договорное регулирование имущественных отношений между супругами.

Договор, договорное регулирование для гражданского права как отрасли имеет системообразующее значение, так как в нем прежде всего воплощается метод гражданско-правового регулирования (гражданского права), характеризующийся юридическим равенством, самостоятельностью, инициативой участников отношений, регулируемых гражданским правом, и диспозитивностью регулирования, и, кроме того на нем, большей частью, основан гражданско-правовой оборот.

Как правовой регулятор договор обладает гибкостью, причем гораздо большей, нежели закон. С помощью договора стороны могут доурегулировать свои отношения, не урегулированные законом, или даже в допускаемых пределах адаптировать к своим потребностям законодательное регулирование.

В силу своих качеств договорное регулирование используется как эффективное средство разрешения конфликтов, ибо договор является продуктом самих конфликтующих сторон, а не навязывается извне. Не случайно Р. Иеринг считал мировую сделку, являющуюся по своей природе договором, не только допустимым, но самым правильным способом решения спора².

Договор, договорное регулирование обладают большой социальной, поистине цивилизационной, ценностью. Договор является средством социального взаимодействия между людьми, средством автономного саморегулирования отношений между ними. И с договором неразрывно связаны такие

ценности, как свобода³, демократия, гражданское общество, права человека. Уровень договорной свободы является показателем и проявлением свободы человека и общества в целом. С функциональной стороны договор – это правовое средство, без которого невозможно построение гражданского общества.

Договор присущ всем правовым системам, всем государственным режимам. Но если сопоставить тоталитарный и демократический режимы, то нельзя не увидеть, что в тоталитарном обществе роль договора принижена, и, наоборот, – в гражданском обществе договор социально-юридически значим и является популярным и эффективным правовым средством.

Договорное право – право свободного человека. Благодаря договору свободные люди сами творят право для себя. Именно право, творимое гражданами и юридическими лицами своей волей и в своем интересе путем заключения между собой договоров, – это в полной мере частное право.

Сказанное, думается, не оставляет сомнений в справедливости вынесенного в заголовке утверждения: договор – бесспорно, великий коммуникатор.

1. **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре или принципы государственного права / Пер. с фр. С. Нестеровой. – М.: Издание С. Скримунта, 1906. – С. 13, 14. Стоит заметить, что в современных переводах этого трактата Руссо договорная терминология несколько отличается от использованной в приведенной цитате (см., напр.: **Руссо, Ж.-Ж.** Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова. – М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. – С. 207, 208).

2. **Иеринг, Р.** Борьба за право / Пер. с нем. В.И. Лойко. – СПб.: Изд-во «Вестника Знания» (В.В. Битнера), 1912. – С. 27.

3. Б.Н. Чичерин определил договор кратко: «договор есть явление свободы в отношении к другим лицам» (см.: **Чичерин, Б.Н.** Договор // Чичерин, Б.Н. Избранные труды. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. – Гл. IV кн. 2-й моногр. «Философия права». – С. 96), а И.А. Покровский называл договор «живым фактором интенсивного имущественного общения» (см.: **Покровский, И.А.** Основные проблемы гражданского права. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Статут, 2001. – С. 240).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА
КАК КОМБАТАНТН.А. Комлева
А.Г. Наронская**Комлева**
Наталья Александровнадоктор политических
наук, профессор, зав.
кафедрой теории и истории
политической науки УрГУ**Наронская**
Анна Гегамовнакандидат политических
наук, доцент УрГУ

Основная мысль этой статьи проста в формулировке, но требует значительного объема доказательств и гораздо более тщательного анализа, чем тот, что осуществлен в рамках данного исследования. Статья, возможно, и положит начало такому всестороннему и продолжительному анализу.

Авторы полагают, что политическая элита любого общества – это основной комбатант так называемых «холодных войн»¹, а «холодная война», завершившаяся геополитическим поражением и распадом Советского Союза, была проиграна главным образом его политической элитой.

Политическая элита – высшая привилегированная группа общества, обладающая властными ресурсами, принимающая важнейшие политические решения. При этом подлинную основу эффективности деятельности политической элиты составляют ее интеллектуальные возможности. Сложность и глобальный характер современных процессов, необходимость противостоять внутренним и внешним угрозам только усиливают интеллектуальную составляющую деятельности политической элиты. Переход большинства современных стран в информационную стадию развития определяет необходимость качественных изменений в формировании и функционировании политической элиты с учетом именно интеллектуальной составляющей.

Основанием внешнеполитической эффективности политической элиты является ее конкурентоспособность в рамках миро-

вого политического сообщества, прочные и устойчивые позиции в мировом истеблишменте. Основанием внутривнутриполитической эффективности является стабильный характер формирования и функционирования элиты, т. е. преодоление элитой внутренней раздробленности и фрагментации. В целом эффективность свидетельствует о высокой степени политической самоидентификации элиты, о ее способности достигать оптимального соотношения целей и средств в процессе реализации стратегии развития своей страны. Когда свои экономические, социальные, политические, идеологические функции политическая элита по каким-либо причинам не реализует адекватно существующим вызовам, возникает нарушение баланса политической системы – сетевой кризис. Данный кризис становится объектом системного воздействия со стороны политических элит других обществ, которые последовательно ведут геополитического противника к поражению (геополитической контракции). В процессе развития контракции достигаются некие пороговые значения параметров функционирования экономической и политической системы общества, при которых сохранение экономической, политической, информационной независимости (суверенитета) маловероятно.

Таким образом, стратегия развития общества, формируемая и реализуемая его политической элитой, адекватно отражающая реально существующие вызовы,

является своеобразным геополитическим иммунитетом государства, основой его национальной безопасности. Стратегическая деятельность политической элиты – это сложное, многомерное взаимодействие, которое образует сеть системных отношений, и вследствие этого носит преимущественно интеллектуальный характер.

В «горячих» войнах², которые ведутся исключительно в географическом пространстве, основным комбатантом является народ. Ресурсы географического пространства – природные (сырье, территория), природно-социальные (население) – материальны, наглядны и возможность их утраты воспринимается как угроза для физического выживания общества. В таких обстоятельствах, при наличии материальной, видимой угрозы, народ быстро психологически мобилизуется на ее отражение. Для осуществления отпора врагу в материальной форме ему только нужно адекватное данной угрозе лидерство со стороны политической элиты данного общества. Таковое, как правило, и обретаётся под давлением общественного мнения извне и изнутри элиты, испытывающей примерно те же эмерджентные эмоции (назначение Кутузова вместо Барклая де Толли, выдвижение Рокоссовского и Жукова для руководства ключевыми фронтами Великой Отечественной).

В войнах, называемых «холодными», преобладают угрозы и разрушающие воздействия психолого-идеологического и экономического характера, в значительной степени скрытые от массового сознания. То, что реально представляет собой угрозу существованию данного общества как целостной экономической, психологической и идеологической системы, по большей части воспринимается массовым сознанием как возможность освобождения от определенных социальных комплексов: несвободы, бедности и т. п., т. е. как социальное благо. Основным оружием «холодных войн» являются не пушки, а интеллектуальные и социально-психологические аберрации,

«социальные перевертыши». В данном случае функция выявления и ликвидации угроз разрушительного характера принадлежит главным образом элите, поскольку именно она имплицитно обладает соответствующим образованием, квалификацией и опытом, позволяющим отличить социальную угрозу от социального блага. Необходима также патриотическая мотивация действий элиты для противостояния неизбежным попыткам разложения, предпринимаемым извне. Перечисленные качества формируют такое ключевое качество политической элиты, как эффективность.

Нужно отметить, что любое общество имеет как достоинства, так и недостатки развития. В данном случае под достоинствами подразумеваются адекватные ответы на вызовы времени, под недостатками – неадекватность реагирования на требования цивилизационного мейнстрима. Агрессоры, инициирующие «холодную войну» в отношении противостоящего центра силы, стремятся всемерно усилить и проявить для массового сознания главным образом недостатки и затушевать или вообще свести на нет достоинства развития общества-противника. Но само наличие, «количество и качество» недостатков, на базе которых и образуются социально-психологические комплексы массового сознания, конечно, в значительной мере зависит от качества управления данным обществом. Стратегию развития общества определяет его политическая элита, особенно если это общество так называемого альтернативного Модерна, каковым и являлось советское общество. К основным характеристикам альтернативного Модерна принадлежат централизованная директивная экономика, авторитарный политический режим и отсутствие контроля над государством со стороны гражданского общества. В обществах альтернативного Модерна преобладает общественная (государственная) собственность, что делает политическую элиту не только основным реальным собственником-распорядителем львиной доли общественного богатства, но и возлагает на нее исключительную ответс-

твенность за результаты управления обществом, ведь реального противовеса ей в виде действенной политической оппозиции нет. Являясь по сути дела единственным актором в экономическом и информационно-идеологическом пространстве общества альтернативного Модерна, политическая элита, в том числе, имплицитно берет на себя и исключительную функцию защиты данных пространств, что делает ее также фактически единственным комбатантом в экономическом и психолого-идеологическом противостоянии с либеральными обществами «прямого» Модерна. Отсутствие системного гражданского общества, что является следствием неразвитости системы частной собственности, отнимает у народа возможность структурированного социального действия. Это, в свою очередь, не дает возможности канализировать импульсы реального недовольства или негативных социально-политических предчувствий, существующих в обществе, и предъявить их политической элите в качестве социального аргумента для необходимого изменения стратегии и тактики общественного развития. Данный фактор становится фатальным в случае так называемой сетевой войны, факт ведения и структуру которой невозможно распознать на уровне массового сознания. Если же политическая элита общества, ставшего объектом сетевой войны, не имеет достаточной квалификации для выявления сетевой агрессии и организации адекватного отпора, то такое общество обречено на сокрушительное геополитическое поражение.

Авторы считают, что «холодная война» между социалистическим и капиталистическим блоками государств во главе с СССР и США была первой формой осуществления сетевых войн. Для войн такого рода характерно сочетанное агрессивное воздействие на противника в различных геополитических пространствах таких комбатантов, как органы высшего государственного руководства; регулярные вооруженные силы; частные военные контингенты; СМИ, религиозные организации, учреждения

культуры и иные структуры гражданского общества. «Боевые единицы, система связи, информационное обеспечение операции, формирование общественного мнения, дипломатические шаги, социальные процессы, разведка и контрразведка, этнопсихология, религиозная и коллективная психология, экономическое обеспечение и т. д. — все это отныне видится как взаимосвязанные элементы единой сети, между которыми должен осуществляться постоянный информационный обмен».³ Для сетевых войн характерна «распределенная атака» (термин, пришедший из лексикона хакеров), то есть осуществление против определенного объекта многочисленных разрушающих воздействий комбатантами различного рода, как относящимися к вооруженным силам напрямую, так и не принадлежащими к ним буквально. К признакам сетевых войн также относят «многоходовые комбинации и интриги, за которыми зачастую не видно заказчика, широкий спектр мер воздействия, использование людей «втемную»».⁴ Сетевые войны постиндустриальной информационной эпохи Постмодерна отличаются от «обычных» войн индустриального периода Модерна стремлением к внешне бескровному решению задач передела пространств и ресурсов. Здесь, на наш взгляд, действует установка на поддержание имиджа «развитых демократий», которые и ведут сетевые войны во всех типах геополитических пространств под лозунгом соблюдения прав человека. «В эпоху тотальной «гуманизации» бойня считается дурным тоном. Мировая общественность спит спокойнее, если внешне всё выглядит пристойно. Благодаря современным технологиям и накопленному опыту, даже геноцид можно вести без газовых камер и массовых расстрелов. Достаточно создать условия для сокращения рождаемости и увеличения смертности... Большого успеха можно достичь, оболванивая народ, меняя его стереотипы и поведенческие нормы с тем, чтобы даже силовое развитие событий воспринималось им как должное».⁴

Специалисты отмечают и такую отли-

чительную особенность сетевых войн, как отсутствие жесткой иерархии в структуре-агрессоре. Подчеркнем, что это определяется ярко выраженной гетерогенностью элементов данной структуры. Отдельные, относительно автономные государственные и негосударственные элементы данной структуры в условиях гетерогенности не связаны по вертикали, для них характерны горизонтальные взаимодействия, причем лишенные регулярности. Именно отсутствие иерархии и регулярности взаимодействий не позволяет четко отследить существование и деятельность такой сетевой структуры-агрессора.

Сетевые войны вследствие гетерогенности комбатантов и размытого, «непроявленного» характера не могут быть восприняты всем обществом, являющимся объектом такой войны, в качестве непосредственной угрозы его существованию. Выявление и квалификация актов сетевых войн - задача специальных служб. Если спецслужбы хорошо выполняют данные задачи и делают угрозы сетевых войн «видимыми» для элиты, то санкция на применение спецслужбами и иными соответствующими структурами адекватного объема средств противодействия является уже функцией политической элиты. Элита в силу различных причин, в основном по причине некомпетентности, может не расценить некие выявленные спецслужбами факторы как угрозу национальной безопасности. Примером такого поведения является бездействие ключевых должностных лиц США при угрозе нападения с применением гражданских самолетов на объекты в американских городах со стороны террористов «Аль-Каиды» в сентябре 2001 г. Расследование в Конгрессе США в январе 2002 г. показало, что соответствующие структуры разведки вовремя доложили о существовании такой угрозы и даже определили примерное время террористической атаки, но президент США и его советник по национальной безопасности не квалифицировали представленную информацию как важную и, более того, как правдоподобную.

СССР, с точки зрения авторов, прекратил свое существование как геополитический центр силы и как государство вследствие ведения против него сетевой войны со стороны «развитых демократий» во главе с США. Классификация «холодной войны» как сетевой угрозы существованию государства и общества не была осуществлена политической элитой СССР, вследствие чего не был разработан комплекс мер по адекватному противостоянию. Несомненно, как и в случае терактов 9 сентября 2001 г., это явилось следствием вопиющей необразованности и некомпетентности высшего слоя советской политической элиты.

Ориентация на развитие интеллектуального потенциала политической элиты и совершенствование под этим углом зрения системы ее рекрутирования и процесса формирования кадрового резерва – вот основной фактор адекватного ответа общества на вызовы времени, стратегического успеха элиты как комбатанта «холодных» сетевых войн информационной эпохи.

1. «Холодная война» - тип геополитического противостояния государств, основным содержанием которого является борьба за стратегическое доминирование в экономическом и информационно-идеологическом пространстве. Данный тип войны в силу специфики пространств, в которых она ведется, не требует применения вооруженных сил. «Холодная война» между сверхдержавами неизбежно приобретает глобальный уровень и обычно сопровождается локальными «горячими» войнами в их лимитрофах. В данном случае локальные войны являются наглядной демонстрацией экономического и идеологического превосходства одной из сторон противостояния. Войной данный тип геополитического противостояния называется по той причине, что его основной целью является уничтожение противника как реально влиятельного центра силы и последующий полный контроль над принадлежавшими ему экономическим и информационно-идеологическим пространствами.

2. «Горячая» война - тип геополитического противостояния государств, основным содержанием которого является вооруженная борьба за стратегическое доминирование в географическом пространстве на региональном или глобальном уровне. Противостояние глобального уровня носит название «мировая война», регионального – «локальная война».

3. А. Дугин. Мир охвачен сетевыми войнами. // <http://www.kreml.org/media>.

4. Сетевая война и бархатные революции // <http://www.pravda.ru/print/politics/parties/other>.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПАРАДИПЛОМАТИИ

А.С. Кузнецов

Кузнецов
Александр Сергеевич
кандидат политических наук

Анализируя весь спектр североамериканской и европейской политологической литературы по проблеме участия регионов в международных отношениях через синтез существующих политологических концепций парадипломатии можно выделить универсальный набор критериев для анализа участия конкретного региона или группы регионов в международных отношениях. Создание данной теоретической матрицы дает возможность проанализировать практически любой случай проявления парадипломатической деятельности разных субнациональных единиц.

В качестве основания и принципов нашей теоретической матрицы предлагается набор ключевых вопросов, ответы на которые можно найти при анализе слабых и сильных сторон в теоретико-методологических основаниях анализа участия регионов в международных отношениях в концепциях западных политологов. Список вопросов следующий:

- В чем причины развития международной активности субнациональных акторов?
- Какие мотивы и цели преследуют субнациональные акторы в своей международной деятельности?
- Какие существуют формы международной субнациональной активности?
- Какие каналы используют субнациональные единицы для выхода в сферу международных отношений?
- Как трансформируется отношение центра к региону в случае высокой степени международной активности последнего?

- Как трансформирует, если вообще трансформирует, государственную систему и государственное устройство активная международная деятельность субнациональных единиц?

Анализ концепций парадипломатии западных политологов в показывает нам, что многие исследователи не дали развернутых ответов на все выделенные нами вопросы в своих концепциях, в большей степени сфокусировавшись на каком-либо одном или нескольких аспектах участия субнациональных акторов на международной арене. Этот недостаток мы можем преодолеть через выстраивание анализа нашей собственной сборной теоретической модели, в которой мы с помощью компиляции сведём в единое целое элементы концепций, прошедших наш критический анализ.

Причины развития парадипломатии

В своих работах, посвященных проблеме парадипломатии, исследователи выявляют как общие причины интереса регионов к парадипломатии, так и весьма специфические обстоятельства, характерные только для конкретных случаев.¹ Говоря о причинах бурного развития участия субнациональных акторов в международных отношениях, логичным будет разделить эти причины на две основных составляющих. Первая составляющая – это глобальные тенденции, которые оказали значительное влияние на развитие парадипломатии. В данной работе в качестве концептуального обозначения для такого рода причин предлагается ввести название «универсальные» причины. Вторая составляющая – это специфические и локальные в масштабах континента или нескольких стран политические, исторические и социально-экономические проблемы, которые стали катализаторами для развития парадипломатии отдельно взятых регионов.

Таким образом, при изучении парадипломатической деятельности отдельного региона,

например Свердловской области, исследователь, отвечая на вопрос, в чем причины развития международной активности этого субнационального актора, должен, посмотреть какие универсальные и какие специфические причины могли оказать особое влияние на этот регион. Исходя из анализа концепции западных политологов список универсальных причин можно обозначить следующим образом:

- Глобализация;
- Регионализация;
- Демократизация;
- Усиление роли прав человека;
- Информационная революция;
- Стирание четких границ между внутренней и внешней политикой государства;
- Транснационализация международных отношений.

Специфические причины:

- Внутренняя эволюция государства (усиление процессов федерализации);
- Неэффективность внешней политики центральных властей;
- Тенденция к увеличению асимметричности в развитии регионов одного государства;
- Проблема с построением нации внутри государства;
- Национализм;
- Другие локальные причины экономического, культурного, правового характера.

Данный список причин не окончателен, но, сформированный на базе концепций ведущих западных политологов, таких, как Иво Духачек, Панайотис Солдатос, Майкл Китинг и Джон Кинкайд, он позволяет исследователю, изучать отдельный пример парадипломатии конкретного региона через сопоставление вышеобозначенных причин с ситуацией, связанной с его исследовательским кейсом и выбрать наиболее подходящие варианты ответов.

Мотивы парадипломатической деятельности субнациональных акторов

Пытаясь оценить мотивы, которые двигают субнациональную единицу на международную арену, исследователь должен особое внимание уделить четырем основным мотивационным

блокам: политическому, экономическому, культурному и экологическому. Кроме того, как было установлено, Иво Духачеком и Панайотисом Солдатосом, возможно и существование такого мотива, который обозначается как «ми-туизм».² В парадипломатии изучаемого случая могут присутствовать все вышеобозначенные мотивации, однако, одна или две из них будут, безусловно, доминирующими, и исследователю необходимо это учитывать.

Формы парадипломатии

Существует несколько вариантов типологизации форм парадипломатии. Из всех описанных типологий, наиболее полной можно считать типологию американца Духачека. По мнению этого ученого, парадипломатия может принимать разные формы, разную степень интенсивности, однако, взяв в качестве критерия объект, на который направлена деятельность региона, можно условно разделить парадипломатическую деятельность следующим образом: трансграничная региональная парадипломатия («transborder regional paradiplomacy»), трансрегиональная парадипломатия («transregional paradiplomacy»), глобальная парадипломатия («global paradiplomacy»)³ При анализе изучаемого случая исследователь может использовать и другие типологии форм парадипломатии, но типология Духачека представляется наиболее разработанной и сбалансированной, позволяющей описать большое количество возможных парадипломатических кейсов.

Каналы парадипломатической активности

Как и в случае с типологией форм парадипломатии, наиболее полный список возможных каналов выхода регионов в международные отношения дает концепция Иво Духачека. Большинство политологов восприняли его список, как наиболее разработанный, и практически все ученые стали брать его за основу при анализе каналов парадипломатической активности. Таким образом, и в нашей сборной концепции исследователю предлагается брать этот «список Духачека» на вооружение и проецировать на изучаемый регион.

Американский политолог предположил, что существует пять принципиальных каналов и формул, которые субнациональные власти используют для проведения своей политики на международной арене⁴. Эти формулы выхода на международную арену являются наиболее распространенными и варьируются лишь по степени интенсивности.

- Открытие постоянных представительств в столицах иностранных государств или в центрах промышленности и экономики, представляющих субнациональное правительство за рубежом. Кроме этого, можно расширить данный пункт Духачека, подчеркнув, что, кроме ориентации на открытия представительств за рубежом, местные власти активно способствуют открытию консульств и дипломатических отделов зарубежных стран и регионов у себя дома.

- Хорошо организованные и медийно «раскрученные» поездки глав нецентральных правительств в заграничные турне. При этом часто главы регионов входят в состав делегаций, которые возглавляются представителями национальных правительств, но ведут себя при этом достаточно независимо.

- Краткосрочные деловые, ориентированные на какое-то конкретное мероприятие или событие поездки за границу представителей местных правительств.

- Проведение международных торговых и промышленно-инвестиционных выставок, которые демонстрируют и рекламируют возможности субнациональных экономик.

- Участие представителей нецентральных правительств в работе международных конференций и другого рода мероприятиях по экономическим, политическим, культурным, экологическим и другим проблемам.

Отношение центра и регионов в контексте парадипломатии

Изучение взаимоотношений между центральными и субнациональными властями является, пожалуй, одной из самых трудных задач при проведении исследования парадипломатической деятельности отдельного региона. Дело в том, что для полноценного

анализа этой составляющей феномена участия регионов в международных отношениях необходимо прибегать к социологическим методам исследования. В частности большинство западных исследователей проводили экспертное интервью с представителями центральных и региональных властей, что позволяло им выстраивать наиболее объективную картину по данному вопросу.

Однако даже без использования социологических методов, обращение к концепциям западных политологов дает примерное представление, на что должен обратить особое внимание исследователь при изучении своего кейса. Исходя из идей Майкла Китинга, необходимо при анализе отношений между центром и регионами в контексте парадипломатии сфокусироваться на правовых и политических факторах, определяющих взаимоотношение между регионами и центром в политической системе страны в целом. При этом анализу политических факторов отдать предпочтение, так как именно политические переменные во взаимоотношениях по оси центр – регион, по мнению ирландского профессора, являются наиболее значимыми. Например, посмотреть ретроспективно, как меняется отношение к парадипломатии у центральных властей в зависимости от смены у руля субнациональной единицы разных политических региональных элит.⁵

Обращаясь к идеям Джона Кинкайда, исследователю при изучении вопроса взаимоотношений центра и регионов необходимо оценивать в целом политическую ситуацию в стране, степень федерализации государства и разработанность такой составляющей политической системы, как «межвластные отношения», того, что в западной политологии принято обозначать как «intergovernmental relations».

Также исследователь, отвечая на этот вопрос, может использовать типологию Панайотиса Солдатоса. В своей концепции парадипломатии канадский ученый выделяет два принципиальных способа реагирования центра на участие регионов в международных отношениях, которые условно можно обозначить как конструктивный и деконструктивный.⁶

Деконструктивный способ реакции заклю-

чается в попытке центра найти механизмы, позволяющие контролировать прямые внешние контакты регионов с помощью формальных или неформальных схем забюрокративания принятия регионами решений в области международных отношений.

Конструктивный подход центрального правительства к парадипломатической деятельности субнациональных акторов предполагает понимание центральными властями международной активности своих регионов как способа рационализации в процессе принятия решения во внешней политике государства. По мнению Солдатоса, однако, это возможно только в случае, когда выполняются следующие условия. Во-первых, парадипломатическая деятельность субнациональных правительств не входит в противоречие с общенациональными интересами. Во-вторых, оба уровня власти готовы разделить бремя ответственности за создание и функционирование механизма по гармонизации и координации взаимных действий на международной арене.⁷

Кроме того, отметим еще одно крайне важное обстоятельство, необходимость учитывать которое стоит перед исследователем. Разделение способов реакции центральных властей на конструктивную и деструктивную не несет в себе в самих этих терминах позитивного или негативного отношения к используемым государством способам реакции на парадипломатию. Напротив, деструктивный способ реагирования может в ряде случаев быть единственно эффективным способом взаимодействия центральных властей с региональными по вопросу участия последних в международных отношениях.

Трансформация государства под влиянием парадипломатии

Ответ на вопрос о трансформации государства под влиянием парадипломатии требует от исследователя приложения его лучших аналитических способностей, так как необходимо не только понимание феномена парадипломатии как таковой, но и осознание всего контекста развития государства и политической системы. Исследователь должен в первую очередь также

дать ответ на вопрос, происходит ли вообще трансформация государства, в случае, когда регионы выходят на международную арену. Если ответ даётся утвердительный, то можно воспользоваться схемой трех «идеальных моделей» развития ситуации, которую предложил профессор Иво Духачек.⁸

- Децентрализация внешней политики, в этом случае, если перед субнациональной единицей стоит задача на отделение и получение статуса суверенного государства, то, развитые в рамках парадипломатии институты, такие как, например, «протопосольства» могут трансформироваться в обыкновенные посольства, и произойдет сецессия, если и не де-юре, то де-факто.

- Централизация внешней политики государства со стороны центрального правительства.

- Комбинативная (combinative) политика центральных властей, которая дает возможность регионам заниматься прямыми международными контактами, при этом сфера международной деятельности субнациональных правительств не должна входить в область вопросов, связанных с национальной безопасностью. В этом сценарии центральные власти допускают нецентральные правительства к формированию повестки национальной внешней политики через парадипломатическую деятельность, которая демонстрирует значимость той или иной региональной инициативы. Другими словами, этот сценарий, предложенный Духачеком, работает по тому же принципу, что и «новый федерализм», то есть международная инициатива или проект региона, в случае успеха, ставится на общенациональные рельсы.

Это своеобразные, как уже подчеркивалось выше, «идеальные модели», которые в чистом виде имеют малый шанс на реализацию, но для исследователя, при проецировании его исследовательского случая на эту модель Духачека, можно постараться найти максимально близкий истине ответ на вопрос о трансформации.

Таким образом, опираясь на концепции парадипломатии ведущих западных политологов, нам удастся создать собственную исследовательскую модель-матрицу, которая предлагает политологам и ученым из других областей зна-

ния алгоритм, по которому наиболее оптимальным образом можно проводить исследования парадипломатической деятельности конкретных регионов. Кроме того, научная значимость и новизна предлагаемой интегративной модели заключается в том, что она строится на наиболее проработанных основаниях концепций западных политологов, которые прошли наш критический анализ. Несомненно, это дает шанс надеяться на открытие новых исследовательских горизонтов по данному направлению развития современной политической науки в России.

1. Например, см. Duchacek I. Multicommunal and Bicommunal Polities and Their International Relations. // Perforated Sovereignities and International Relations. New York 1988 P. 3-28; Keating M. Paradiplomacy and Regional Networking. // Forum of Federations: an International Federalism, Hanover, October 2000 Working paper 9 p. и др.

2. Duchacek I. Perforated sovereignties: towards a typology of new actors in international relations. // Federalism and International relations, Oxford 1990, p.7.

3. Duchacek I. Perforated sovereignties: towards a typology of new actors in international relations. // Federalism and International relations, Oxford 1990, p.18.

4. Duchacek I. Perforated Sovereignities: Towards a Typology of new Actors in International Relations. // Federalism and International Relations. The role of subnational units. Oxford 1990, p. 14-15.

5. Keating M. Paradiplomacy and regional networking. // Working paper from forum of federations, Hanover, 2000, p. 10

6. Отметим, что у Панайтиса Солдатоса не употребляется ни термин «конструктивный», ни термин «деконструктивный», однако мы вводим такое обозначение сами, рассматривая эти два лейбла как концепты наиболее адекватно отвечающие, на наш взгляд, содержанию идей Солдатоса по этому вопросу.

7. Soldatos P. Cascading subnational paradiplomacy in an interdependent and transnational world. // Foreign relations and federal states. London 1993, p.48.

8. Duchacek I. The International Dimension of Subnational Self-Government. // Publius: The Journal of federalism 14 (Fall 1984), p. 20-22.

ДИСКУРС БРЭНДА «РОССИЯ»

Д.Н. Устюжанина

Устюжанина

Дарья Николаевна

Магистрант факультета
политологии и социологии
УрГУ
E-mail: ud512@rambler.ru

Рассуждения о дискурсе бренда «Россия», следует начать с определения понятия «бренд», поскольку на сегодняшний день исследователи расходятся во мнениях относительно трактовки данного термина. Таким образом, проведя анализ наиболее распространенных определений «бренд», мы можем обобщить их следующим образом: бренд - это комбинация функциональных и эмоциональных характеристик, существующих в представлениях его целевой аудитории, определяющих его индивидуальность, которая, в свою очередь, стимулирует потребительские предпочтения определенной категории людей. Для бренда «Россия» мы выделили четыре группы, являющихся его целевой аудиторией:

1. Инвесторы;

2. Иностранные туристы;

3. Потребители российских товаров на экспортном рынке;

4. Российские жители.

Понятие же «бренд-государство» (государство с брендом) включает в себя представления прежде всего внешнего мира о данной стране. В условиях перенасыщенности современного информационного поля мощный бренд весьма важен с точки зрения привлечения прямых зарубежных инвестиций, притока туристов и экспорта товаров. «Умные» государства сегодня строят свои бренды вокруг «хорошей репутации». (Сурен Сарьян. Бренд государства: западный контекст. <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=271>) без бренда государству трудно привлечь политическое и финансовое внимание в XXI веке.

Бренды государств не формируются в одночасье. Как правило, они являются результатом исторических, культурных, политических и экономических событий за многие десятилетия.

Бренд государства основывается на реальности – он не основан на лжи или на мифе, что и отличает его от бренда товаров, услуг и организаций. Создавая бренд страны, прежде

всего, необходимо выяснить, что же страна сама думает о себе, а именно ее жители. В рамках исследования на тему «Брэнд «Россия» как ресурс укрепления государственного суверенитета» мы провели опрос внутри нашего государства среди 150 человек, отличающихся по возрасту, образованию, социальному статусу, т.к. изучая брэнд государства необходимо, в первую очередь, взглянуть на народ именно так, как он сам себя представляет. Респондентам предлагалось назвать 3 ассоциации со словом «Россия», а также представить себя представителем каждой из четырех целевых аудиторий национального брэнда и назвать привлекательные и отрицательные для них черты в имидже России. Казалось бы, не сложные открытые вопросы, но анкета вызвала затруднения у респондентов, возникшие трудности, мы полагаем, связаны с отсутствием национальной идеи нашего государства.

Итак, на первый вопрос, «Какие ассоциации у Вас возникают при слове «Россия»» респондентам предлагалось назвать три образа, обобщив полученные ответы, мы получили следующие результаты:

Ассоциация	Количество процентов от опрошенных
территория	23%
родина	22%
флаг	6,8%
герб	5%
медведь	5%
другое	38,2%

Из полученных данных получается, что с точки зрения самих же граждан, Россия – это большая территория, обладающая флагом и гербом, по которой бродят медведи. Весьма печальный образ. Из приведенного выше определения понятия «брэнд», мы видим, что характеристики, существующие в умах российского населения, определяют индивидуальность государства, которая, в свою очередь, оказывает влияние на потребительские предпочтения выделенных нами целевых аудиторий.

Второй вопрос звучал следующим образом: «Что, на Ваш взгляд, является наиболее привлекательным в имидже России?» и мы получили

следующие данные:

Привлекательное для жителей России	Количество процентов от опрошенных
территория	23%
природа	16%
национальный характер	16%
ресурсы	9,8%

Привлекательное для покупателей товаров и услуг	Количество процентов от опрошенных
цены	25,8%
ресурсы	17%
качество	16,4%
другое	40,8%

Привлекательное для посетителей (туристов)	Количество процентов от опрошенных
история	30,1%
природа	24,5%
культура	16,1%
территория	6%
другое	23,3%

Привлекательное для иностранных и отечественных инвесторов	Количество процентов от опрошенных
ресурсы	24,3%
возможности	23,9%
рынок	8,3%
территория	4,1%
другое	39,4%

Ответы на данный блок вопросов также не внушают оптимизма. Наиболее привлекательный имидж России, с точки зрения респондентов, формируется благодаря наличию природных ресурсов, природе в целом и опять же территории, но на пороге XXI века природные ресурсы уже не являются уникальным преимуществом перед другими государствами.

Появление солнечных батарей, переход на экологичный вид топлива, не загрязняющий окружающую среду, и тому подобные достижения современной науки отодвигают природные ресурсы на второй план, конечно сегодня ресурсы еще оказывают влияние на экономику государств, но повторимся, бренд государства формируется десятилетиями и при построение брендинговой стратегии России необходимо учитывать данную тенденцию.

Природа же, действительно, является уникальным преимуществом России, вокруг которого, на наш взгляд, возможно построение сильного бренда, ориентированного на туристов и посетителей.

Последний третий вопрос, «Какие факторы, на Ваш взгляд, оказывают негативное влияние на имидж страны» выдал нам следующие результаты:

Негативное с точки зрения жителей России	Количество процентов от опрошенных
экология	19,8%
низкий уровень жизни	18,4%
нестабильность	9,6%
экономика	6,9%
другое	45,3%

Негативное с точки зрения покупателей товаров и услуг на экспортных рынках	Количество процентов от опрошенных
качество	42,6%
подделки	11,5%
цены	4%
коррупция	3,7%
другое	38,2%

Негативное с точки зрения посетителей (туристов)	Количество процентов от опрошенных
сервис	23,2%
экология	12,9%
культура	10,6%
инфраструктура	8,1%
другое	45,2%

Негативное с точки зрения иностранных и отечественных инвесторов	Количество процентов от опрошенных
экономика	18,4%
коррупция	17,9%
нестабильность	14,6%
бюрократия	12,9%
другое	36,2%

Негативными факторами в образе России для респондентов является экономика, нестабильность и коррупция. Сами граждане признают отсталость и недоразвитость своего государства и воспринимают ее как производителя некачественных товаров, также респонденты в качестве негативного фактора называют экологию, но мы считаем, что данный ответ обусловлен местом жительства респондентов – Урал – промышленный центр России, действительно с экологической точки зрения достаточно загрязненный участок России. К счастью этот недостаток компенсируется уникальной красотой уральских гор и неповторимой природой. Относительно же некачественных товаров, сервиса, коррупции и бюрократии, то действительно это слабость России, но закон маркетинга таков, что всегда можно недостатки превратить в достоинства и уникальные характеристики, а если же это не удастся, то необходимо, чтобы все забыли об их существовании. А чтобы забыть необходима сильная национальная идея, как совокупность ценностных ориентиров, формирующих российскую идентичность.

Как мы видим, из полученных результатов в ходе проведенного нами исследования, имидж России весьма слаб, прежде всего, в глазах самих граждан России, а поскольку носителями бренда является население страны, то и формирование бренда государства необходимо начинать с построения его изнутри, с формирования национальной идеи.

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК СРЕДОТОЧИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ

Е.Л. Сысолятина

Сысолятина

Елена Леонидовна

аспирант Уральского
государственного
университета
им. А.М. Горького
г. Екатеринбург
E-mail:
elenasysoyatina@mail.ru

Институционально-правовой подход, традиционно применяющийся для анализа деятельности важнейших политических акторов, предлагает рассматривать парламент в качестве механизма, представляющего интересы граждан на государственном уровне. Однако, учитывая тот факт, что глобальные политические системы и режимы современности во многом перешли на неоинституциональный уровень развития, попытаемся взглянуть на такой важный политический институт как парламент с иного ракурса – нормативно-ценностного.

В рамках нормативно-ценностного подхода парламент наравне с другими институтами власти рассматривается не как механизм представительства гражданских интересов, а как «живой политический организм, динамично развивающаяся институция, отвечающая на вызовы времени и формирующая свою архитектуру и функции без чрезмерной нормативной заданности» (Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Власть. 2006. №3. С. 20.). Следовательно, развитие институтов парламентаризма подчиняется динамике соотношения сил в конкретной политической реальности и обусловлено спецификой национального менталитета.

Представители нормативно-ценностного подхода, придерживаясь вышеописанной точки зрения, рассматривают парламент в качестве «организации, состоящей, с одной

стороны, из структур, правил взаимодействия, а, с другой, из живого сознания людей, входящих в депутатский корпус и обслуживающий его аппарат» (Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Агентство «Издательский сервис», 2004. С. 13 – 14.). Исследователи приходят к выводу о том, что «внутренняя среда» парламента – знания, привычки, поведенческие стереотипы, социальные установки людей – это социокультурные факторы, оказывающие непосредственное влияние на механизм реализации парламентаризма внутри определенной политической системы.

В самом деле, при анализе деятельности представительных органов власти в социальной среде, политическая культура которой кардинально отличается от политической культуры, породившей эти представительные институты, возникает вопрос о том: каким же образом политическая культура оказывает влияние на реализацию принципов парламентаризма?

Здесь следует отметить, что с точки зрения политической теории парламентаризм отождествляется с политической культурой демократии, ее базовыми ценностями: гражданским обществом, верховенством права, приоритетом прав и свобод личности в отношениях с государством. В свою очередь, парламент призван реализовывать эти ценности посредством представительной функции, реализуемой в деятельности политических партий и практике избирательной системы.

Реализация социокультурных факторов в структуре современного российского парламентаризма свидетельствует о том, что «отношение россиян к демократии вообще и к ее западной модели, в частности, остается крайне амбивалентным» (Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 139.). В чем же это выражается? Прежде всего,

в том, что у многих россиян сформировалось негативное отношение к демократии. Причиной подобного рода отношения послужило влияние следующих факторов: «отсутствие или слабость демократических традиций в нашей политической культуре, многочисленные тяготы переходного периода и негативная роль элиты, которая своими действиями дискредитировала в глазах рядовых граждан многие институты и принципы демократии» (Там же; С. 139.).

Однако, согласно результатам исследований последних лет, проводимых социологическими центрами, ситуация с демократией в России, ее восприятием населением страны является не столь однозначной. Для прояснения этого вопроса обратимся к анализу данных прикладного характера – исследованию, проведенному рабочей группой Института Социологии РАН в сентябре 2007 года, результаты которого представлены в аналитическом докладе «Российская идентичность в социологическом измерении». В разделе «Демократические ценности в структуре массового сознания россиян» (Бараш Р.Э., Бызов Л.Г. Демократические ценности в структуре массового сознания // Полис: Политические исследования. 2008. №2. С. 93 – 104.) ученые выделяют следующие особенности национального восприятия демократических ценностей:

Во-первых, значительное число россиян остаются приверженцами демократических ценностей и институтов, запрос на которые сформировался еще в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. В то же время под влиянием социальной и политической практики представления россиян о важности составляющих демократии претерпели изменения. В частности, сверхактуальными были и остаются правовая основа демократического государства, наличие системы выборов, независимое судопроизводство, напротив, снижается значимость свободы слова и печати, политической конкуренции и оппозиции.

Во-вторых, велик процент опрошенных, не признающих важности партийной системы, что связывается с второстепенной ролью партий в политической жизни страны, их неспособностью влиять на принятие важных

политических решений.

В-третьих, отмечается низкий уровень эффективности демократической модели, сложившейся в России, прежде всего, ее институциональной составляющей, призванной защищать и выражать интересы граждан. «Россияне менее всего склонны доверять политическим партиям, судебной системе, профсоюзам, Государственной Думе и Совету Федерации, прессе и социальным службам» (Там же; С. 93 – 104.), наибольшей степенью доверия пользуются структуры исполнительной власти Российской Федерации. По мнению экспертов, низкий уровень поддержки институтов гражданского общества обусловлен недовольством россиян их деятельностью.

Наконец, результаты исследования свидетельствуют о том, что позитивное отношение россиян к ценностям демократии сочетается со скепсисом по отношению к ее инструментальной составляющей. Подобные тенденции приводят к тому, что демократические ценности не преобразуются в социальные поведенческие установки.

В целом исследователи (Зудин А.Ю., Кертман Г.Л., Конода И.В., Соломатова С.Н.) указывают на то, что для многих россиян западная модель демократии по-прежнему служит эталоном общественного развития, в качестве важнейших составляющих которого выступают такие ценности, как права человека и социально-экономические права.

Между тем ориентация на демократизацию сочетается с консервативным характером массовых предпочтений в отношении модели власти. Российская политическая культура апеллирует к механизму «традиционалистской реинтерпретации институциональных инноваций» (Кертман Г.Л. Статус партии в Российской политической культуре // Полис: Политические исследования. 2007. №1. С. 120.). Основным смысл функционирования подобного механизма состоит в том, что культура «одомашнивает, вписывает импортированные институты в традиционный ценностно-нормативный контекст и вырабатывает спектр мотиваций политического поведения, органичный для среднего россиянина» (Там же; С. 120.).

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ПРАКТИКА»

Е.Н. Коваленко

Коваленко
Елена Николаевна

аспирант Уральского
государственного
университета
им. А.М. Горького,
доцент МАДИ

Вышел в свет второй том докладов 3-й международной конференции «Дискурсология: методология, теория, практика». Конференция, посвященная 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, с октября по декабрь 2008 года прошла сразу на нескольких площадках в российских городах – Екатеринбурге, Тюмени, Челябинске, Омске – а также секции были организованы в Мехико и Хельсинки.

Первый сборник включает пять разделов и материалы круглого стола «Объективность средств массовой информации в условиях политического противоборства общества: послесловие к российско-грузинскому конфликту в августе 2008 г.» с участием исследователей из Швеции, Финляндии и России.

В раздел «Гуманитарный и социологический дискурс» вошли тексты докладов по проблемам трансгуманизма, культурного развития и общественных изменений. Особенности правового дискурса, а также анализу идеологических конструкций и политических институтов, отраженных в политическом дискурсе, посвящен второй раздел сборника. Материалы, помещенные в раздел «Дискурс туризма и сервиса», рассматривают индустрию туристических

услуг как особую дискурсивную среду, имеющую ряд характеристик и определенным образом функционирующую. Специфика дискурса СМИ, PR, маркетинга, медиадискурса и проблемы информационной безопасности нашли свое отражение в материалах докладов отдельной секции, представленной в сборнике.

Во второй том докладов 3-й международной конференции «Дискурсология: методология, теория, практика» вошли работы мексиканских философов и политологов на испанском языке, посвященные анализу творчества Э. Кассирера, Э.М. Чоран, К.Поппера, М. Хайдеггера, А. Бергсона, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Бердяева, А. Арто, М. Мерло-Понти, Л. Витгенштейна и Ж. Делеза. Авторы определяют философские понятия в категориях дискурса и анализируют политические дискурсы, опираясь на эмпирический материал, отражающий мексиканский опыт. В отдельные разделы выделены доклады российских исследователей молодежного дискурса, а также материалы представителей уральской школы дискурс-анализа, затрагивающие сюжеты, которые связаны с понятиями революции, власти, символического пространства, идеологий. Данные тексты позволяют составить представление о многообразии исследовательских направлений, развиваемых в рамках школы.

Книги будут полезны исследователям гуманитарных проблем, использующих дискурсивный подход, философам, политологам, социологам, культурологам и правоведам, а также всем желающим ознакомиться с направлением дискурс-исследований в современной науке.

ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА (отчет секции 3-й международной конференции «Дискурсология»)

В.М. Русаков

С 31.01 по 11.02 2008 г. в г. Санья на о. Хайнань (КНР) состоялась научная конференция «Дискурс травелога». Ее организаторами стали Институт международных связей (Екатеринбург), Институт философии и права Уральского отделения РАН, Международная академия дискурс исследований и Уральское культурно-историческое общество друзей Конфуция.

В проведении конференции активное участие приняли – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Института международных связей **В.М. Русаков** (Председатель оргкомитета); д.п.н., профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрОРАН, Президент Международной академии дискурс исследований **О.Ф. Русакова**; д.ф.н., профессор кафедры истории философии Уральского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ **Б.В. Емельянов**; д.п.н., главный научный сотрудник Института философии и права УрОРАН **М.А. Фадеева**; д.и.н., профессор, заведующий сектором Института экономики УрОРАН **В.Л. Берсенов**; д.п.н., главный научный сотрудник Института философии и права УрОРАН **С.В. Мошкин**; д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии Уральского государственного университета

путей сообщения **О.В. Коркунова**; д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой социокультурного сервиса, проректор Гуманитарного университета **Л.А. Мясникова**; д.ф.н., профессор Нижневартковского гуманитарного университета **Р.А. Бурханов**; д.п.н., профессор проректор Уральского государственного педагогического университета **А.П. Чудинов**; к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой философии Уральской горной академии **И.В. Гладкова**; к.ф.н., старший научный сотрудник Института философии и права УрОРАН **К.С. Романова**; к.п.н., доцент Уральского государственного педагогического университета **И.С. Чудинова**.

На пленарных заседаниях в отеле Rendezvous Baohong (г. Санья, Хайнань) были заслушаны следующие доклады:

О.Ф. Русакова

Дегустация Китая в травелог-дискурсе.

А.П. Чудинов

Метафоры травелога в политическом дискурсе.

С.В. Мошкин

Китайская экспедиция барона Маннергейма

Б.В. Емельянов, И.В. Гладкова

Архимандрит Иоакимфий Бичурин: китайский травелог.

М.А. Фадеева

Три современных ксенофобских предубеждения и китайская кухня.

В.М. Русаков

Образ Пути и Путника в мировой культуре.

В.Л. Берсенов

Экономический цикл как путь: китайские

зарисовки.

О.В. Коркунова

Дискурс природы и судьбы человека в символике «Книги перемен».

К.С. Романова

Дискурс травелога как форма освоения мира.

Р.А. Бурханов

«Осевое время» мировой истории: становление древнекитайской философии.

Л.А. Мясникова

Путь, путник/странствие, странник: символы и смыслы путешествия в китайской и русской культурах.

К обсуждению докладов присоединились: к.э.н., доцент А.Е. Кенжебаев (Челябинск), Ле Минь (Чаньчунь, КНР), к.п.н., доцент В.Б.Носкова, к.п.н., доцент И.С.Чудинова, к.с.н., доцент А.И.Севастьянов, Л.Русакова, Е.Калужникова, С.Каменский и др.

Участниками конференции было принято решение об издании материалов конференции.

В рамках большой культурной программы были такие события, как знакомство с чайной церемонией и традиционными местными производствами, достижениями традиционной китайской медицины, встреча китайского Нового года, посещение центров буддизма и даосизма, заповедников и термальных источников.

ФИЛОСОФ НА ОКРАИНЕ (афоризмы и наблюдения)

А.А. Коряковцев

**Коряковцев
Андрей Александрович**

Докторант Института философии и права, кандидат философских наук, член Московского клуба афористики

1. Философов надо читать два раза: один раз для удовольствия, второй – для опровержения.

2. Сторожа спят профессионально.

3. Талант – это деятельное бесстрашие.

4. Мужчина в полном расцвете женщин.

5. Смелость похожа на безответственность: они обе не задумываются над последствиями.

6. Ранние дети – ранняя старость. Поздние дети – поздняя молодость.

7. Когда прошлое борется с будущим, проигрывает всегда настоящее.

8. Солдаты бога – плохие снайперы.
9. На бронзовеющие головы очень удобно срать в полете.
10. Невежи с академическими степенями для науки то же самое, что воры в законе – для частной собственности.
11. Зимой деревья думают о том, о чем разговаривать летом.
12. Жизни бояться – детей не рожать.
13. Истина делится только на всех.
14. В двадцать лет мы думаем о смерти, чтобы в восемьдесят думать только о жизни.
15. Чем выше нравственность гражданского общества, тем очевидней для него безнравственность чиновников и клира...
16. Вы толкуете про тонкие миры? А что может быть тоньше человеческих отношений? Например, любовь?
17. Если случается любовь, то она может быть только несчастной. Потому что счастливая любовь носит другое имя – семья.
18. На баррикадах мыслишь быстрее.
19. Ну и что, что из меня будет расти лопух? Есть те, из кого ничего, кроме плесени, не вырастет.
20. Есть революции, участвовать в которых настоящим революционерам – стыдно.
21. В эпоху свободы слова народ продолжает безмолвствовать. Но уже с другой интонацией.
22. Низкая зарплата должна быть вознаграждена избытком свободного времени.
23. Запах нефти – запах демократии.
24. Ничто не является столь далеким от истины, как гонорар за служение ей.
25. Россия столь часто меняла прошлое, что ее будущее уже и не знает, с чего ему начаться.
26. Жажду познания святая вода не утолит.
27. Не столь страшен Ад, как те, кто им пугает.
28. Если революцией торгуют, значит, она уже проиграна.
29. Если вечность имеет запах, то это – запах книг. А не ладана.
30. Говорить о бессмертии имеет смысл только в раю.
31. Счастливые властей не наблюдают.
32. Капитализм – это деньги как образ жизни.
33. Кто не работает, тот не есть.
34. Философия любит трезвость.
35. Век живи – век лучись.
36. Кто оправдывает веру окопами, тот окопы оправдает верой.
37. Мы отдаем свой голос на выборах, чтобы потом замолчать.
38. История христианства – это длинная-предлинная пьеса, где все самое важное произошло уже в первом акте. Поэтому остальное и не вызывает интереса.
39. «А народ-то – голый!»
40. Молчание чиновников заглушит самый отчаянный крик боли.
41. Эвтаназия – приватизация смерти.
42. Молодость проходит вместе с желанием

изменить мир.

43. Пиар во время чумы.

44. Среди философов, как и среди футболистов, ценится игра головой. И среди них так же есть нападающие, защитники и запасные.

45. Власть любит свой народ. Но, как правило, предохраняется.

46. В прошлом – нет будущего.

47. Когда идешь по проторенным следам, впечатывай свой след глубже.

ВРЕМЯ, ИЛЛЮЗИЯ, НАДЕЖДА (парадоксы и ироничные фразы)

М.А. Малышев

Малышев
Михаил Алексеевич

профессор Автономного университета штата Мехико Мексика, член редколлегии научных журналов «La Colmena», «Coatepec», «Ciencia ergo sum»,

Смысл жизни изменяется вместе с самой жизнью, и это заставляет зрелого человека смеяться или плакать, вспоминая свои юношеские надежды.

Бытие находится перед нашим взором, но, как и Протей, оно перевоплощается в зависимости от того, *кто, почему и для чего* вопрошает о его смысле.

Что такое человек? Мы задаем этот вопрос уже несколько тысячелетий и каждый раз, пытаясь на него ответить, испытываем все большее удивление, смешанное с чувством растерянности и страха.

Человек питает большие иллюзии, связанные с достижением общественного признания, возможно потому, что ему неизвестна цена, которую он должен заплатить за него, а также потому, что не догадывается какой ничтожной и эфемерной может оказаться его будущая слава.

Чувство превосходства, внушаемое сознанием того, что мы ещё живы, помогает нам одерживать верх в споре с тенью своих предков.

Как только обезьяна превратилась в человека, последний избрал каменный топор для охоты на диких животных и немедленно пустил его в ход для убийства своих сородичей.

Каждый человек – это частица вселенной; но он не может существовать, не сознавая себя центром собственного микрокосма.

Золотое правило морали: *не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы они тебе делали*, не подкрепленное угрозой применения силы, отнюдь не гарантирует того, что никто не покусится на твое око и не попытается выбить тебе зуб.

Когда ничто не нарушает спокойного течения нашей жизни, мы испытываем странное предчувствие, что судьба накажет нас за гедонизм беззаботности.

Борьба за существование превращает гамлетовское сомнение «быть или не быть» в непоколебимую уверенность – быть!

«Против судьбы не попрешь» и «бес попутал» – это самые популярные козлы отпущения.

Время – это волшебник, превращающий гадкого утенка в стройного лебедя; но время это и колдун: он выщипывает перья величественной птицы и делает ее похожей на задрипанную ворону.

Монотонность «бесконечного» пейзажа рождает иллюзию, будто время притворилась вечностью.

Все попытки истории родить вечную справедливость завершались абортом. Будь это иначе, человечество скончалась бы во время родов любимого детища.

Случайность – это взбесившаяся свобода, ведущая нас в рабство непредсказуемости.

По мере приближения к настоящему, лучи светлого будущего постепенно бледнеют, пока не растворятся в тумане разочарования.

Нетерпение – это агония надежды, не утратившая иллюзии увидеть свет в конце туннеля.

Искушение самоубийством – это экзистенциальное сомнение, бросающее вызов приоритету бытия над небытием.

Наши скромные достижения вызывает в нас чувства стыда, когда мы воображаем то, что мы могли бы сделать, но не сделали. Но сослагательное наклонение не всегда делает нас скромными, ибо нас соблазняет надежда: «ещё не поздно это сделать».

«Дай Бог, чтобы завтра было бы не хуже, чем сегодня». Этот скептицизм – плата за крах попытки штурмом прорваться в светлое будущее.

Если бы мы исключили из языка сослагательное наклонение, то, возможно, сберегли бы немало нервной энергии, которую мы тратим на переживание того, что мы не сделали, но могли бы осуществить. Однако с утратой сослагательного наклонения мы потеряли бы стыд и вину.

Когда монета выбора жизненной альтернативы находится в воздухе, случайность на мгновение становится хозяйкой нашей судьбы.

Что такое нетерпение, как не попытка пришить «клячу» монотонности ожидания.

Самоирония – это элегантная манера примириться с собственными недостатками, превратив их в милый пустяк.

Если утверждение и отрицание – это проявление «жажды реальности», заставляющей человека торопить наступление будущего, то сомнение – это «замороженное настоящее», «унылое безвременье».

Человек чувствует себя взволнованным, но ему не хватает слов для выражения полноты своих переживаний. Когда он успокаивается, к нему возвращается дар слова, но его эмоции рассеиваются в тумане прошлого, а описание их следов, запечатленных памятью, изменяет значение испытанных переживаний.

Невозможно возлюбить ближнего как самого себя, но можно презирать себя как своего ближнего.

Скука преследует человека, но он проворен: вовремя принимает рюмку и... «убегает» от своего преследователя.

Отними у человека привычку жаловаться, и ты сделаешь его несчастным из-за невозможности дать «выход» переживаниям чувства несправедливости.

Сознание быть достойным счастья есть награда для человека выполнившего свой долг. Но сознание хорошо выполненного долга, увы, не отменяет его желания быть не только достойным счастья, но и наслаждаться его заслуженными плодами.

Могущество зла объясняется тем, что зло – это самый богатый обладатель коллекции масок.

Жизнь – это рутина, время от времени прерываемая печальными вздохами по поводу неудовлетворенных желаний, которые, увы, находятся за пределами наших возможностей.

Человек по-настоящему стал человеком, когда начал испытывать стыд за публичные половые связи, практикуемые антропоидными обезьянами, и превратил секс в интимное отношение.

Смерть – это злая колдунья: она никогда не является нам такой, какой мы её себе представляем. Если бы, умирая, мы не утратили способности к удивлению, то могли бы воскликнуть: «Вот ты оказывается какая..., стерва!»

Если бы принцип справедливости – «каждому свое» – удалось совместить с принципом утилитарной эффективности – «получить максимум возможного при минимальной затрате сил» –, то, не исключено, что общество перестало бы страдать от вопиющего неравенства.

Кто не хочет быть никем, но не утратил желание жить, тот, на худой конец, может стать... обыкновенным «существователем».

Важно возлюбить своих близких, но не менее важно – не причинять зла и дальним, хотя бы потому, что вторых намного больше, чем первых.

Становление – это враг вечности, которую оно выталкивает из этого мира на «тот свет».

Нам неведомо, что сулит будущее, иначе мы не расставались бы так беззаботно со своим прошлым.

Память и надежда – это антиподы мгновения, которое переживает время изнутри настоящего. Однако наше сознание не может сосредоточиться на мгновении и то и дело соскальзывает вовне: к будущему или к прошлому.

Если бы то, чего уже нет могло бы научить нас тому, что еще только будет, то кто из нас посмел бы оспорить древнюю максиму о том, что «история – это учитель жизни».

Вычти из жизни человека все, что вносит в неё культура, и ты превратишь ее в кошмар существования.

Между возможным и невозможным простирается зона вероятного, притягивающая как магнит любителей острых ощущений.

Часть людей умерла своей смертью, другая – от различных напастей, а третья была раздавлена колесами истории.

В зазор, отделяющий намерение от результата, вклинивается непредвиденная случайность, развенчивающая иллюзию возможности полного торжества намерений воли.

Все люди ошибаются, но невезучий ошибается не в подходящее время и не в подходящем месте.

За многими необъяснимыми событиями скрывается не только каприз случайности, но и непроходимая глупость.

Несколько тысячелетий философия пытается объяснить и преобразовать мир. Но теперь становится ясно, что философии не хватало скромности, ибо ее задача состоит в создании разнообразных вариантов мысли по поводу возможности объяснения и преобразования мира.

Территорию парадокса от владений абсурда разделяет тонкая межа инстинкта истины.

Искушение – это надежда, зараженная вирусом неприятного предчувствия.

Умереть собственной смертью – неотчуждаемое право каждого человека, если бы судьба не вставляла палки в колеса его жизни.

Сознание неизбежности смерти сообщает ощущение незначительности как гению, так и ничтожеству. Но если первому эта идея причиняет огорчение, то второй извлекает из нее немало для себя утешение.

На лицах некоторых меланхоликов написано: «Жизнь, возможно, не стоит того, чтобы за неё цепляться, но, с другой стороны, не существует и достаточных оснований для добровольного ухода в небытие».

С точки зрения Чорана, «смерть безнравственна: умирая, мы тянем за собой в могилу весь мир». Но, к счастью, существует «животная вера», которая, согласно Сантаяне, сопротивля-

ется солипсизму смерти. «Да, мы умрем, в этом нет и не должно быть никакого сомнения, как несомненно и то, что мир обойдется и без нас».

С ОБЛЕГЧЕНЬИЦЕМ ВАС, «ПРИЛИЧНЫЕ ЛЮДИ»

В.М. Русаков

Известно, что у всякого приличного человека должна быть хоть парочка врагов. Пусть не ядреных, отпетых, а хотя бы так – завалыщеньких.

Золотое правило! Если бы не эта чертова политкорректность и треклятушая толерантность. Из-за них-то вся и морока. Ну как, скажите на милость, в этом вселенском доме терпимости (сиречь толерантности) отличить приличного человека от неприличного? То-то и оно.

А тут еще эти археологи с их находками: открывают, понимаете, пыльный египетский папирус периода Древнего Царства и нате вам, читаем – «Настали теперь тяжелые времена, никто не почитает старших и всякая зараза норовит написать книгу». Вот как. Одно утешает, что лозунг «А кому сейчас легко?», оказывается, был всегда актуален.

И все же, оглядевшись немного по сторонам, мы с облегчением можем обнаружить, что дело не вовсе пропащее.

Есть, есть, оказывается, еще один, хотя бы один враг, которого всякий «приличный» человек (особенно писатель книг, скажем, или сочинитель газетных статей) с совершенно спокойной совестью (извиняемся за неполиткорректное выражение) может зачислить в свой список врагов.

Кто не догадался с первого раза? Ну конечно

– это Карл Маркс. И ведь чем он столь чудовищно удобен: если поскрести по дыроватым сусекам скудного образования нынешнего «приличного» человека, то можно даже обнаружить, что их было целых два! Карл Маркс-Фридрих Энгельс! А наиболее продвинутые юзеры всевозможных «политпорталов» (особенно таких сочно звучащих сегодня, как всякие около-, про- и просто правительственные, – они так и называются gov.ru – ей-ей, это не мы придумали, нам слабо!), сразу же подскажут, что их вообще-то было целых три. Маркс-Энгельс-Ленин.

Вот оно, не было ни копейки, да вдруг алтын! И что еще здесь удобно: в приступе облегчения у «приличного» человека мгновенно проходят спазмы политкорректности и потуги толерантности. Только услышал слово «Маркс» и сразу припечатал им, как ругательством. Так ведь верно и обратное: чуть какой бандитизм-кретинизм приключился, – одним словом, мракс-с, господа, – так мы сразу крепким словом «Маркс!». Можно даже, как народ любит, трехэтажно так, с наворотом: «Эк, Маркс-Энгельс-Ленин, твою!». И снова: облегчение-то какое!

О благотворности мата для облегчения психики современного человека сегодня только ленивые академики не пишут. А если, скажем, женщины и дети где-то рядом и какие-никакие неудобства для облегчения создать могут, то тут-то как раз и годится это: «Ать, Маркс-Энгельс-Ленин, в качель!». И порядок.

О-о, как легко задышал сегодня «приличный» человек, не то, что давеча. Теперь он готов к любой ситуации.

– Почему-то непрерывно разворачиваемая и мордуемая псевдореформами страна никак не может уже в течение жизни целого поколения приподняться хотя бы на корячки, ясное дело: Маркс-Энгельс-Ленин, растак их, довели...

- Почему-то тоже не в пансионах благородных девиц выросшая элита многих стран, прежде считавшихся патологически отсталыми, за те же двадцать лет сделались то «азиатскими тиграми», то экономические чудеса у себя сотворили, так, что заваливают нас дешевыми компьютерами и автомобилями: ну разве не Маркс-Энгельс-Ленин, так их и так, виноваты?!

А то кто же! Сегодня редкий украшенный благородными седидами степенями-званиями – всякими там «академик АН СССР», «народный артист СССР», «Герой Социалистического Труда» и т.п. – не рассказывает истории про то, как его в детстве этим самым марксизмом-ленинизмом травили, рассудка лишали. Голливудские блокбастеры-ужастики и рядом не валялись.

Кровь в жилах стынет, волос дыбом. Одно утешает, господь спас, не попустил: абсолютно ничего он вымолвить не может из того, чем его, сердешного, уродовали, – «и одно только слово твердит «Лимпопо-Лимпопо» и молвит:

—Так-растак Маркс-Энгельс-Ленин!

Все облегчение...

А тут еще напасть – Дэн Браун со своим «Кодом Да Винчи», прости господи, приключился: чтоб ему, – в креста, Христа и деву Марию, – богохульник! Всех достал! Да слава всевышнему, вспомнили: не иначе, как Маркс его рукой водил! А уж голливудский сценарий они точно все вчетвером ваяли: Эх их, Карл Маркс-Фридрих Энгельс-Владимир Ильич Ленин-Дэн Браун, так его и так, и... Уффф!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИФОЛОГИИ ТЕРРОРА В ВАЖНЕЙШЕМ ИЗ ИСКУССТВ

В.С. Мартьянов

Мартьянов
Виктор Сергеевич

кандидат политических наук,
ученый секретарь Института
философии и права УрО РАН,
член-корреспондент МАДИ
E-mail: martianovy@rambler.ru

Борьба с экстремизмом выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она обосновывает и проявляет на конкретных примерах «борьбы» моральность действующего государства, политического режима, социально-экономической системы и всех тех, кто действует от их имени. Во-вторых, она проводит основополагающие границы: нормального/патологического, легального/нелегального, закона/насилия, морального/аморального. То есть легитимирует действующий политический проект, одновременно позволяя методами монополии на классификацию политического поля выводить за его пределы все то, что угрожает его дальнейшему существованию. Рассмотрим, какие смыслы

закладываются официальным политическим дискурсом в кинопродукцию, посвященную производству смыслов в области теории и практики борьбы современных государств с террором.

Политическая символика в массовом искусстве.

Известно, что кино согласно Ленину «является важнейшим из искусств». Правда мало кто знает, что в контексте фразы звучало «в эпоху всеобщей безграмотности масс». В современном потребительском обществе, кино сохранило и упрочило свое символическое влияние на общество, что, наверное, такое общество не красит. Тем более, что из визуальных и дискурсивных алгоритмов кино рождаются современные «электронные искусства», прежде всего, телевидение. Поэтому было бы ошибкой пройти мимо идеологических и символических функций современной фабрики грез, которая продолжает оказывать серьезное влияние на функционирующие в обществе потребления цели, ценности и смыслы. Мало кто знает, что

Голливуд в целом убыточен, однако зоной его идеологического влияния является весь мир, программируемый ценностями американского общества как «идеального». И символическое влияние Голливуда, пропаганда определенного образа жизни и сопутствующей ему мифологии окупается в виде позитивного образа США.

Не случайно голливудский фастфуд мгновенно отыгрывает и переинтерпретирует политические события и темы, где действия американцев фактически оказались провалены, в выгодном для США ключе. Будь то международный терроризм, природные катастрофы, войны США в Корее, Вьетнаме, Ираке. Например, наблюдательные зрители могли заметить, что в период холодной войны в антисоветской продукции Голливуда, в частности в сериале о Джемсе Бонде, русские злодеи часто имеют фамилии великих русских писателей – Пушкина, Гоголя, Толстого. Казалось бы разве мало русских фамилий!

Тем не менее, выбор не случаен, поскольку предполагает на уровне фамилий-символов русской культуры ее тотальное неприятие. Человек на Западе впервые берет в руки книгу Толстого, но ассоциативный ряд – с шаблонным злодеем, строящим некие глобальные замыслы. Книжка возвращается массовым читателем на полку. Естественно читать книгу, видеть, что русская культура тоньше, разнообразнее и глубже, чем единственно верные идеологические шаблоны американского масскульта уже мало кому захочется.

Рассмотрим на примере наиболее «интеллектуальных» и нешаблонных произведений как в массовом кино отыгрывается поле смыслов современного терроризма.

Политический террор - дурная бесконечность?

Сюжет фильма Стивена Спилберга «Мюнхен» (2006) основан на интерпретации реальных событий. Во время Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене 11 израильских атлетов были убиты палестинской террористической группировкой «Черный Сентябрь». В ходе неудачной операции западногерманских спецслужб по освобождению израильских заложников-спорт-

сменов погибают и палестинские боевики. С целью возмездия израильское правительство организует группу агентов Моссада с заданием выследить и уничтожить предполагаемых организаторов и идеологов преступления.

Главный мейнстримовский режиссер Голливуда Спилберг взялся за актуальную политическую проблему современности – о природе терроризма, праве на отмщение и возможности установления всеобщей справедливости. Трагическое событие в Мюнхене фактически описывается Спилбергом как мини-Холокост, который «как бы» дает моральное право Израилю ответить террором на террор, без доказательств чьей-либо вины, следствия и суда. Волей-неволей Спилберг склоняется в пользу оправдания «ответного террора» Израиля. «Ангелами контр-террора» оказывается хорошие парни из Моссад, в то время как «демонами зла» – палестинские экстремисты.

Но не все так просто. Как оказывается приставка «контр-» не делает террористов кем то иным. Сама практика выслеживания и уничтожения идеологов «Черного Сентября», которой посвящено почти все экранное время фильма, показывает отсутствие какой-либо нравственной противоположности между группой ангелов-мстителей из израильской разведки Моссад и палестинскими террористами. Гуманистическая современность трактует человеческую жизнь как высшую ценность. Поэтому с позиций современности правых и виноватых террористов не существует. Рассудит ли их будущее, когда современность станет историей? Может быть. Ясно лишь одно: когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, аксиомы нашей современности перестают действовать. В практике террора человек не цель, но средство для сверхценных человеку целей. Поэтому террористы как нарушители негласной конвенции современности приобретают дьявольскую эффективность в сравнении со своими противниками, скованными гуманистической моралью, судами, законами и т.п.

Более того, исторически реализация прав и свобод угнетенного, бесправного человека часто осуществлялась с помощью насилия, будь то восстание рабов под руководством Спартака в Древнем Риме, крестьянские бунты за отмену

крепостного права в России, освобождение рабов в ходе гражданской войны в США и т.п. Но это насилие имело нравственную легитимность и историческое оправдание, так как восставливало для значительной части населения всеобщие основы человеческих прав и свобод. В XVIII веке восстание североамериканских колоний против Британской империи могло потерпеть неудачу, и отцы-основатели США были бы казнены как обыкновенные экстремисты. По иному могла повернуться история и оценки ее ключевых субъектов в случае удачи российских декабристов или провала большевистской революции.

С другой стороны, суть современного терроризма заключена в насилии, которое ставит интересы тех или иных групп выше общечеловеческих прав и свобод. Истина, ведущая террористов «в бой», распространяется только на собственную корпорацию, этнос, конфессию, класс, которые противопоставляют остальному человечеству. И эта истина заведомо неуниверсальна, в сравнении, например, с десятью христианскими заповедями.

«Мюнхен» еще раз демонстрирует, что средства террора как «оружия слабых» фактически перечеркивают оправдание каких угодно возвышенных целей, будь то возмездие государства Израиль или борьба палестинцев за национальное государство. В итоге сам терроризм, какими бы благими целями он не прикрывался, становится безусловным злом. Согласно фильму, который отражает документальные события, ответные меры Моссад порождают новый виток террора со стороны «Черного сентября». Эскалация террора ведет к гибели десятков новых жертв. Из пяти членов контр-террористического отряда Моссад в итоге погибают трое, из «черного списка» 11 идеологов-террористов уничтожено 9. Но в итоге оказывается, что террор ответным террором не излечивает, ведя лишь к умножению зла и гибели неповинных людей.

Главному герою фильма – командиру отряда мщения Моссад Авнеру Кауфману – остается лишь констатировать в конце фильма, что на место одного уничтоженного боевика приходят шесть новых, движимых чувством мести. Очевидно, что альтернатива террору может

быть лишь совершенно иной. Но какой? На этот вопрос ответа не дается. Однако в ходе фильма становится ясно, что отмщение не может стать на нравственный уровень закона, а террор без суда и следствия – являться справедливой практикой возмездия. Кроме того, сам по себе террор может быть не более, чем доходным бизнесом, который будет существовать пока есть соответствующий запрос. Собственно этим и занят разочарованный во всех идеология бывший участник французского «сопротивления», чей бизнес заключается в продаже «наводок» как на террористов, так и на тех, кто с ними борется.

Впрочем, можно ли дать окончательные ответы на извечные вопросы? Причем так, чтобы эти ответы в то же время не оказались прописными истинами? Скорее всего, нет. Ибо насилие порождает насилие – такова нехитрая мораль Спилберга. Но если рассматривать «Мюнхен» как попытку осмыслить проблему террора с разных сторон, а не решить ее, то она Спилбергу, безусловно, удалась.

И все-таки, можно ли совместить современную концепцию прав и свобод человека с практикой терроризма? Теоретически такое возможно лишь в одном случае – если эта практика добровольно обращена террористом на самого себя. Например, публичный отказ от тех или иных гражданских прав и свобод, голодовка или даже самоуничтожение в знак протеста действительно могут быть экстремальной практикой привлечения общественного внимания к политическим проблемам. Реализацией законного права человека поступать плохо не в ущерб другим. И степень «глухоты» власти к манифестациям существующих в обществе несправедливостей здесь напрямую связана с уровнем терроризма.

Террор как утопия, оправдывающая насилие?

Действие политического комикса «*V* значит вендетта» (2006) спродюсированного создателями «Матрицы» братьями Вачовски разворачивается в альтернативном настоящем. Германия выигрывает Вторую мировую войну, а Великобритания становится одной из про-

винций Третьего рейха. Оплотом демократии и свободы остается США, но их одолевают внутренние проблемы. В Великобритании правит канцлер с неограниченными полномочиями, лидер гитлеровского толка. Как часто случается (со времен античных полисов) харизматичный тиран пришел к власти путем демократических выборов.

После этого английская демократия постепенно начала куда-то исчезать: люди не верят теленовостям, вводится комендантский час, начинаются аресты инакомыслящих и сексуальных меньшинств и т.д. И как обычно бывает в комиксах, тирану способен противостоять лишь неуязвимый герой-одиночка. Причем герой предстает не просто в бандитском чулке, а в вычурной исторической маске Гая Фокса, героя Порохового заговора – террориста пытавшегося взорвать английский парламент вместе с королем и парламентариями 5 ноября 1605 г. Кстати, избавление монарха Якова I и его семьи от печальной участи до сих пор является в Великобритании одним из национальных праздников.

Вообще удивляет насколько в англосаксонских странах – Великобритании и США популярны легенды о героях-одиночках, будь то Робин Гуд, Супермен или Человек-паук, способных восстановить глобальную справедливость. Здесь государство с его законами и институтами отходит на второй план, уступая место исконно-посконной справедливости, за которую хорошие парни сражаются с плохими. Плохие – естественно, властолюбивые политики, хорошие – ошибавшиеся избиратели, исправляющие свои ошибки методом прямого действия. Действительно, исторически сложилось так, что такие географически изолированные государства как США и Великобритания, не имеющие границ с потенциально опасными соперниками, могут позволить себе роскошь минимального государства. Причем сквозь призму уникального «островного» политического менталитета государство с функциями «больше минимальных» автоматически превращается в глазах англосаксов в тоталитарное.

Этот парадокс легко разрешим, если учесть отсутствие у англичан и американцев исторического опыта континентальной державы, обре-

ченной во имя собственного выживания иметь регулярную сухопутную армию и постоянно находится в состоянии готовности к вооруженному отпору. Вы представляете Великобританию со своим традиционным государством как «ночным сторожем» способную выжить в 17-20 веках без регулярной сухопутной армии в центре Европы? Я лично – нет. Отсюда кстати крайняя неубедительность попыток авторов фильма показать «тоталитарную» английскую действительность, почерпнутую в основном в романах Солженицына и Оруэлла. Начиная с пыток в камере-одиночке, которым подвергается главная героиня. (Позже оказывается, что это было всего лишь проверкой на стойкость). Продолжая опытами над людьми, почерпнутыми из нацистской хроники. Заканчивая контролируемой властью теленовостями и СМИ, которым английские обыватели почему-то «интуитивно не верят».

В качестве своего кредо герой-одиночка «V» произносит ключевую фразу: *«Народу нужны не мертвые символы, а надежда»*. Главным мертвым символом предстает здание английского парламента, которое давно перестало быть средоточием народного интереса. Поэтому главный герой хочет взорвать символ мертвой демократии, о чем объявляет за год до готовящегося взрыва, проникнув в прямой эфир национального телевидения. Впрочем, россияне, пережившие танковый расстрел парламента Президентом РФ Б. Ельциным в 1993 году, «смелый» поворот авторского замысла вряд ли шокирует.

Здания превращаются в мертвые символы, поскольку живо лишь то, за что люди готовы умереть. То есть идеалы, которые люди носят в себе, иногда забывая, иногда предавая их, иногда переоткрывая вновь. Естественно, народ в едином порыве выходит в «час X» на улицы, вспомнив славные демократические традиции. Люди вновь готовы умереть за надежду, то есть за *«иное будущее»*. В результате армия братается с народом. Тиран повержен. Правда будет ли восстановлена демократия или начнется анархия и погромы? Эта проблема остается за кадром финальных титров. Тем не менее, хрестоматийное право народа свергнуть тирана реализовано в конце фильма во всей красе

современных спецэффектов.

Финальная мораль фильма: одиночка-террорист, взрывающий парламент под гимн российской империи «Боже царя храни!» из увертюры Петра Чайковского «1812 год», тоже может быть прав. Особенно если опирается на молчаливое одобрение народа. В отличие от демократически избранных тиранов. Согласно логике авторов фильма, помимо нищееанской воли сверхлюдей к власти существует и противоположная воля народа к демократии. Кстати, прообразом канцлера-тирана у автора комиксов Алана Мура, по мотивам которых и был снят фильм, в 80-е годы 20 века выступала Маргарет Тэтчер. Такие вот у англичан ассоциации с тоталитаризмом!

Финал фильма смотрится как диссидентский и еретический, если рассматривать его как иносказательное повествование о современной западной действительности. Поскольку взрывы Биг-Бена и здания парламента, «оживившие» в итоге английскую демократию, навевают прямые ассоциации с взрывом нью-йоркских башен-близнецов. Остается лишь надеяться, что радикалы и экстремисты не воспримут фильм как руководство к действию. Ведь в политической практике – сколько партий, столько и идей демократии.

Объективная невыполнимость декларируемых целей, явная недостаточность возможностей экстремистов в отношении декларируемых ими целей приводит к героизации и эстетизации самого насилия. С психологических позиций исключенность экстремистов из общества предполагает компенсацию в виде «исключительности» исповедуемого политического учения, нетерпимость к «иному», ультимативный и де-факто невыполнимый характер политических требований. Это, согласно Н. Луману, типичная стратегия провоцирующего детского поведения по отношению к взрослым. Власть, генетически вырастая из насилия, строится затем именно на его исключении и недопущении как на неприемлемой альтернативе. Поэтому необходимость государства прибегать к насилию дискредитирует власть: «Провокация является вызовом для властителя, требующим от него демонстрации или даже реализации своих альтернатив избежания, что приводит к

разрушению его власти им же самим».¹ Поэтому реакции государства в виде ужесточения законов и правоприменительной практики является прямым успехом экстремистов, так как неизбежно ведет к негативной реакции СМИ и всех значимых общественно-политических сил, которые в свою очередь тем или иным образом попадают под действие данных ужесточений и даже часто начинают классифицироваться именно как экстремистские.

Что делать или умножение зла добром.

Представляется, что борьба государства с экстремизмом, его профилактика, предупреждение и законодательное регулирование неизбежно порождают экстремизм, также как борьба с энтропией способствует ее увеличению. Вопреки утверждениям политиков и чиновников некоторые феномены, такие как терроризм, вообще не поддаются регулированию, это лишь иллюзия, рассчитанная на обывателей – полной безопасности не может быть нигде, никогда и ни для кого. Поэтому некоторые маловероятные опасности можно лишь не замечать и игнорировать. Жертвой политического экстремизма российский гражданин может стать с вероятностью примерно в 1000 раз меньшей, чем жертвой автокатастрофы или преступления на бытовой почве. Однако на этом основании почему-то в российском обществе не наблюдается активных общественных движений и публикаций, ратующих за запрет автомобилей, самолетов или кухонных ножей. С экстремизмом, несмотря на статистическую малость его реальных жертв, ситуация противоположная, культурный интерес к нему несоизмерим с реальной опасностью.

Широкая популяризация в массовом искусстве темы борьбы с экстремизмом не добавляет в нее эффективности, а назойливые призывы из всех динамиков к гражданам следить за подозрительными вещами и лицами лишь порождает массовый стресс: «В Америке было 4 захвата самолетов 11-го сентября. Однако в первой половине 70-х годов в Европе, в странах Азии и в Соединенных Штатах Америки среднее количество инцидентов по захвату самолетов составляло 15-18 раз в квартал. При таких

масштабах какая бы истерия существовала сегодня!».²

Любое упоминание является рекламой «проклятой стороны вещей», а те или иные популистские инициативы государства по свежим событиям или массированное освещение СМИ лишь выступают детонаторами нежелательных явлений, многократно мультиплицируя преступления, где, например, преступнику и жертве довелось быть представителями разных этносов или вероисповеданий. Представляется, что попадание экстремизма в сферу приоритетов официальных СМИ обусловлено использованием этой темы для достижения дополнительных целей, связанных с легитимацией власти или канализацией общественного мнения с реальных проблем на выгодные для политического режима объекты, для чего обычные националисты переименовываются в ксенофобов и расистов, а хулиганы и футбольные болельщики, спешно классифицируются как скинхеды.

Проблема в том, что государство не может эффективно бороться с теми, кто готов умереть во имя неких экстремистских с официальных позиций целей. И люди готовые умереть за новые цели, за изменения, за надежду, за *«иное будущее»* не могут быть предупреждены или перевоспитаны, поскольку они выходят за грань тех оснований законов и морали, которые действуют в современных обществах, рассматривающих позиции гуманизма человеческую жизнь как высшую ценность. Ясно лишь одно: когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, аксиомы всей нашей современности перестают действовать. И вопреки всей суммарной гражданской и государственной «бдительности» они сделают то, что намерены сделать. И чисто эстетически данная позиция смотрится выигрышной и убедительней тех, кто действует от имени государства. Поэтому террористы как нарушители негласной конвенции гуманистической современности приобретают воистину дьявольскую эффективность в технотронном обществе в сравнении со своими противниками, скованными гуманистической моралью, судами, законами и т.п.

Но не все так просто, поскольку приставка «контр-» к борцам с террористами не дает им автоматически морального права быть выше, если они пользуются теми же и даже более изощренными методами. Экстремистские средства как «оружие слабых» фактически нейтрализуют оправдание каких угодно возвышенных целей экстремистского политического субъекта, будь то борьба с бесчеловечным политическим режимом, колониальное освобождение, протест против военного присутствия или создание национального государства. Поэтому контр-экстремизм, какими бы благими целями он не прикрывался, тоже является безусловным злом. Экстремизм ответным государственным террором не излечивает, ведя лишь к *умножению зла*. История показывает, что экстремизм нельзя уничтожить аналогичными средствами. Очевидно, что альтернатива террору может быть лишь совершенно иной. Отмщение не может стать на нравственный уровень закона и являться справедливой практикой возмездия.

И все-таки, можно ли на уровне морали совместить доминирующую в современности правовую концепцию естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека с практикой экстремизма? Теоретически такое возможно лишь в одном случае - если эта практика добровольно обращена экстремистом на самого себя. Например, публичный отказ от тех или иных гражданских прав и свобод, забастовка, голодовка или даже самоуничтожение в знак протеста действительно могут быть экстремальной практикой привлечения общественного внимания к политическим проблемам. Реализацией законного права человека распорядиться своей жизнью, поступать плохо не в ущерб другим. И степень «глухоты» власти к подобным манифестациям существующих в обществе несправедливостей здесь напрямую связана с уровнем ее легитимности.

1. Луман Н. Власть. М., 2001. с. 183.
2. Почему Россия – не Ирак? (интервью с В. Иноземцевым) // Top-Manager. № 8(74), сентябрь 2007.

БЕСЕДЫ СО «ЗНАЮЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ» О ПРЕВРАТНОСТЯХ ШОУ-БИЗНЕСА И КУЛЬТУРЫ В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ГОРОДЕ

Г.М. Скопин

Скопин
Глеб Михайлович

студент факультета
политологии и
социологии УрГУ

Однажды я получил учебно-практическое задание взять «интервью» у известного уральского режиссера *Кирилла Котельникова*. Лично я бы дал хоть и не Оскара, но приличную отечественную премию за его музыкально-художественно-документальный фильм под названием «Сон в красном тереме». Однако почему-то фильм не получил вообще ни одной награды, являясь по сути знаковым, так как такого рода фильмов, посвященных свердловской музыкальной тусовке, вообще не было. Вот краткое вводное слово самого режиссера к своей работе:

- Перед Вами первый DVD - проект, выпущенный «Студией А.Н.Т. и К.»: культовый фильм конца 80-х «Сон в красном тереме». Это вовсе не экранизация классического китайского романа, а фильм о Рок-н-ролле, о людях, ставшими ныне звездами отечественного рока...

Фильм, в котором нынешние Легенды Отечественного Рок-н-ролла еще не успели стать «монстрами» сцены: «Агата Кристи», «Наутилус - Помпилиус», «Чай-Ф», «Настя», «Отражение», «Ассоциация...», «Во-

допады им. В. Кикабидзе», «Апрельский марш», – с ними (и не только) вам предстоит встретиться, посмотрев этот фильм, вернувшись при этом в 1988 -1989 год. И услышать из уст самих «звезд» то что, возможно, вы считали небылицами... Когда фильм впервые вышел на экраны, многие неправильно понимали его название. Да может оно и к лучшему...

О чем же этот фильм? Конечно, в первую очередь, о рок-музыке, о Свердловском рок-клубе и о том времени, когда его слава гремела по всей стране. Но есть в фильме и другие герои: город Свердловск, тогда, кстати, еще «закрытый», люди, да и само время, время, которое диктовало авторам определенный стиль.

Передо мной стояла задача не просто подробно расспросить Кирилла о фильме,

истории его создания, но и, главным образом, об общественной ситуации тех нелегких для страны лет (конец 80-х – начало 90-х гг.), о ситуации в современной рок-музыке, шоу-бизнесе в целом, о состоянии культуры (во всех смыслах этого слова), отношении с политикой и т. д.

Итак, представляю само интервью. Кирилл

Котельников – *К.К.*; Глеб Скопин – *Г.С.*

Г.С.: Кирилл, есть ли у Екатеринбурга свой неповторимый образ? Если есть, то какой?

К.К.: Да, конечно есть. А какой он? Мне кажется, для каждого человека он раскрывается по-своему. Я вижу город таким, каким я и показал его в своем фильме. Для каждого человека город ценен и характерен какими-

то мелкими деталями, которые для другого человека попросту не имеют значения. Если взять в частности меня, то, по крайней мере, лет 20 назад, когда я начал заниматься уже профессиональным кино, я всегда показывал какой-то уголок города, потому что он для меня лично был очень дорог. Свердловск (Екатеринбург), безусловно, является неповторимым городом. Может быть, он не является в прямом смысле и чисто внешне столичным городом, потому что он достаточно небольшой по размерам, особенно как выражаются – в поперечнике.

Недавно я проводил вертолетную съемку: мы пролетели город, наверное, минуты за две. Это было потрясающе. Но, тем не менее, это «лицо» с каждым днем теряется, я конечно в первую очередь имею в виду архитектуру. Как я сейчас все больше убеждаюсь, при той власти, при коммунистической, как бы ее сейчас не ругали, было много и хорошего, не нужно об этом забывать. Я не ярый коммунист, но и сегодняшний режим категорически не приемлю. Я не могу судить о культе личности Сталина. Я тогда не жил, меня не коснулись репрессии. Я жил в застойный период, при Брежнев. Сейчас кричат, что не было свободы, «душили». Я могу сказать: у меня была свобода, меня никто не «душил». Именно тогда я снимал любительские фильмы и начал снимать профессионально. А чего хорошего когда есть свобода, но нет денег? Сейчас ведь можно снимать все что угодно. Но тогда можно было под хорошую идею найти деньги. Способ был только один – нужно было написать сценарий, который бы понравился. Просто все зависело от того, что ты понимаешь под словом «свобода»? Если это снимать порнографию и воровать – в таком случае свободы не было. У коммунистов гнев был направлен исключительно

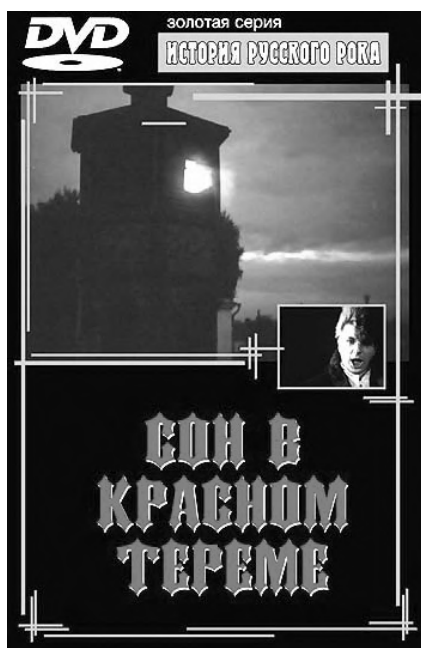
на церковь. То есть они конкретно боролись не со зданиями, а с религией. Могли, например, из здания церкви сделать клуб. А сейчас пошла волна восстанавливать церкви. А что, если на этом месте стояло здание уже историческое? То есть, нас бросает в крайности. С каждым годом, я боюсь, облик города нарушается. Бетон и стекло есть везде.

Г.С.: Бытует мнение, что Екатеринбург является 3-й столицей РФ после Москвы и С-Петербурга. Согласны ли Вы с ним?

К.К.: Да, согласен. И в этом я не оригинален. И не потому что я здесь живу. Здесь существует определенная аура: может быть, это что-то материальное, а может и духовное.

Г.С.: А совпадают ли, например, масштабы Питера и его рок-клуба и Екатеринбурга (Свердловска) и Свердловского рок-клуба (СРК)?

К.К.: По масштабам города мы действительно на 3-м месте. А что касается рок-клуба, здесь интересная вещь: скорее всего мы их обогнали. Буквально не так давно на фестивале «Старый Новый Рок-2008» мне довелось

снять 30-минутный фильм-концерт о группе «Трек» – первой в чистом виде рок-группе Свердловска. Нужно сказать, что они не играли практически 25! лет. Например, род занятий Михаила Перова, солиста группы, совершенно не связан с музыкой. Честно скажу: я просто обалдел, когда увидел их на репетиции. Это круче питерского рока. Эта музыка ничуть не хуже по мастерству исполнения, чем тот же Pink Floyd. И как выяснилось, записи Трека крутили на BBC у Севы Новгородцева. Он даже хотел издать Трек в Америке, но не знал, как с ними связаться.

Г.С.: Как вы считаете, является ли

СРК, рок-музыка одним из символов города?

К.К.: Ну, безусловно. Как говорят, у нас расстреляли царскую семью, у нас родился первый президент и у нас же родился Наутилус Помпилиус.

Г.С.: Как вы считаете, какую роль сыграл СРК в жизни города?

К.К.: На мой взгляд, Свердловск стал одной из столиц рок-музыки и здесь он столица не третья, а вторая или даже первая. Появление рок-клуба, это, конечно, уже была перестройка... Это уже были не какие-то подвальные записи и подпольные концерты. Но побывать на подпольном концерте «Урфина Джюса» мне довелось.

Г.С.: Как вы считаете, необходимо ли целенаправленно формировать образ Екатеринбург?

К.К.: Мне кажется скорее да, чем нет. На самом деле, жили бы мы в нормальной стране, он сформировался бы сам. В нашей ситуации это нужно делать целенаправленно. Все зависит от человека, от его головы, от его культуры. И тогда человек будет строить красивые здания, не будет сносить памятники, будет создавать прекрасные песни, спектакли и пр.

Г.С.: Как вы считаете, какой образ города транслируют СМИ?

К.К.: Мне кажется, что СМИ сейчас все очень правдиво отражают. Может, только частные каналы больше уходят в «грязь», показывают более темную сторону. Если посмотреть ряд передач, то сложится абсолютно объективное представление о городе.

Г.С.: Есть ли в городе места, которые являются его лицом?

К.К.: Конечно, есть. Я не буду оригинален. Храм на крови, потому что это бизнес-проект, который не имеет никакого отношения к духовному. Духовное – это когда там была деревянная часовенка... Много таких мест, они известные. У каждого коренного жителя, кто отсюда не уезжает, у них, безусловно, есть какие-то знаковые места.

Г.С.: Кто или что натолкнуло на создание фильма?

К.К.: На самом деле никто не наталкивал – чистая случайность. В тот момент я оканчивал Юридический институт. Так вот, у меня в тот момент бела практика, а, поскольку, бабушка у меня работала юристконсультантом на киностудии, я решил сачконуть: попросил распределения на практику на Свердловскую киностудию. Делать было особо нечего. А мой бывший одноклассник предложил сделать кино про первый конкурс красоты «Уральская красавица». И чтобы как-то сделать фильм более идиотским (а нужно понимать, что первые советские конкурсы красоты – это полный цирк), и чтобы этот цирк немного подчеркнуть, я пригласил поучаствовать в фильме группу «Апрельский Марш», которая сама по себе противоречит понятиям красоты и симпатичности.

А на студии уже снимался «Сон в красном тереме». Но как это нередко бывает, произошел конфликт сценариста и режиссера. Как раз ушел один из операторов. Меня сначала пригласили вторым оператором. А позже по причине ухода второго оператора я стал оператором-постановщиком. Сценарий писали два сценариста – Александр Калужский и Аркадий Застырец, писавшей для «Трека». Я подключился к ним в начале 1989-го года. На тот момент они работали уже месяца три-четыре. Премьера была на новый год, в Доме кино, наступал 90-й.

Г.С.: Были ли какие-либо награды, премии?

К.К.: У этого фильма ничего не было. У него была смешная судьба. Когда его зарегистрировали в Москве на Госкино РСФСР, комиссия сказала: Такое кино нам не нужно! Молодой человек, зачем делать такой фильм, когда такой же фильм сделал режиссер Учитель? (фильм «Рок»). Зарегистрировать зарегистрировали, но в прокат он не вышел.

Г.С.: Какие конкретно индивидуальные черты каждой группы удалось раскрыть?

К.К.: Наиболее ярко мне, кажется, здесь удалось раскрыть «Чайф» и «Апрельский марш». В фильме участники говорят о своей

позиции, и это тоже сказалось. Был уклон в их сторону. Какими они там являются зрителю, такие они и есть сейчас.

Г.С.: *Был ли фильм попыткой вызова – показать, какой он, наш рок?*

К.К.: Нет, просто хотелось рассказать, и, кстати, неизвестно, о чем больше, может быть даже и о городе.

Г.С.: *чем вы объясните парадокс, что многие уехали, а «Чайф» остался?*

К.К.: Ну да действительно парадокс. Сложно говорить, я не специалист в шоу-бизнесе.

Г.С.: *Каким образом фильм помог раскрыть индивидуальные черты каждого из групп?*

К.К.: Я знаю, что он немножко помог многим. Когда мы его закончили, вышла программа «Взгляд», из фильма вырезали несколько клипов и там показали. Это был всесоюзный эфир, это всех жутко разрекламировало и меня, кстати, в том числе. А черты? Чайф, например, согласился плыть по Шарташу, кто-то чинно сидел у рояля. У Насти это проявилось в некой мистике. Я могу судить по «Апрельскому маршу». К тому моменту Свердловский рок настолько стал разным... Это был какой-то панк,

Причем, какой-то вывернутый ... Вообще все, что снималось, было фильмом и не было понятия клипа, просто потом некоторые нарезали и сделали себе клипы. Например, у «Чайфа» в «Эта игра» наворочено много всего. Никакого в этом смысла не было, многое делалось по принципу «а почему бы не сделать?».

Г.С.: *С какими трудностями столкнулись в процессе съемок?*

К.К.: Удивительное дело. Что хотели, то и снимали.

Г.С.: *Было ли какое-то неприятие со стороны общества или власти?*

К.К.: Ну, было... Это как обычно. Со стороны власти уже скорее нет, чем да. Это

уже 89-й год, уже прошли все эти войны. А что касается интеллигенции – это был просто конфликт поколений. Все было на самом деле спокойно. Там очень много стеба было.

Г.С.: *А что вообще дал рок-клуб?*

К.К.: Он дал концерты, возможность не скрываясь официально выступать на сцене. Припоминаю такой случай. В Железнодорожном институте был концерт группы «Урфин Джюс». Мы тогда еще никого не знали и пошли туда как обычные зрители. Как-то нам из-под полы показали, куда идти, где-то нас тормознули, какие-то билетки мы купили – все это было втихаря. Поднялись в зал – мрак такой, что соседа там не увидишь ... Едва освещенная сцена... Играли они громко. Не знаю, чем для них закончилось это, но концерт они не доиграли.

Г.С.: *Формировал ли СРК какую-либо идеологию?*

К.К.: Нет, у нас музыка все-таки была более сложная, смысл был более зашифрованный. Хотелось чего-то нестандартного, снимал я тогда, как мне казалось, высокохудожественный фильм, в которых особого смысла не было.

Г.С.: *Можно ли считать рокеров представителями правозащитного движения?*

К.К.: Ну кого-то, безусловно, можно, кого-то – нет. Ведь не все были такими диссидентами. Сейчас сложно судить, «Трек», например, можно назвать. Если судить по текстам, то можно назвать и «Чайф» в определенном смысле.

Г.С.: *Был ли кто-то из рок музыкантов связан с политикой?*

К.К.: Не знаю, но кто-то так или иначе связан. Если ты участвуешь в каких-то предвыборных концертах, как вы считаете? Но, по крайней – она все-таки часть шоу-бизнеса.

Анатолий Гагарин

КОСМАТЫЕ СЕРДЦА

Косматые сердца Патрокла, Пилеме
 таятся в Илиаде, в Гомерово

Сократ сказал: «Сердца косматые – жестоки...»
 Как мутный, грязный воск соч

И даймону в ущерб не нарушай заветы.
 Но мечутся сердца в распластанной груди,
 и ставрос прорастет христовою приметой,
 по света сторонам ты логос отряди...

...Но тут реальность вдруг –
 под сердце ножик финский,
 и забываю я про греков этих двух...

Старый крот

Истории

Ты обречен теперь, дружище,
 на то, что роешь хорошо.
 Коль докопаешься до днища,
 перетолкуешь как Ошо
 всю толщу почвы фолиантной
 наладишь норы сквозь века
 с маниакальностью педанта
 перетрясешь до остяка...

А. Гагарин

В цитатных холмиках поляна.
 Ты роешь где-то глубоко.
 А мы в те норные изъязы
 впадаем сдуру так легко.
 Ломая шеи, мозг и ноги,
 и вспоминаем всякий раз,
 когда нас оставляют боги,
 тебя, гребущий землелаз...

Я засыпаю нынче с краю,
 скользнув солдатиком под полог.
 и по секунде в сон ссыпаюсь
 и крутит-вертит мною молох.

И между жерновами муки
 я от хлопка пустой ладони
 вновь постигаю дзен разлуки,
 распластанный в ночном поклоне.

Пролетаешь на раз время дрёмы,
 И в морозную звонкость – на два,
 Где весь вымысел снегом зарёван,
 И меня, словно пешку, едва,
 Сжав виски, двинет в лес безрассудно
 Принадлежная миру щепоть,
 Обовьет поволокой остудной,
 Разделяющей душу и плоть.

Вновь из тулова олово плавит
 Незабвенный солдатик в тиши.
 Обезножит себя, обезглавит
 И умчаться в прогал поспешит
 Усмирять притяжение страха
 И осин надоевших нытьё...
 Захрустит диафрагма-рубаха
 Задубевшим морозным бельём.

Когда договорюсь до днища,
До донца – там не будет сути,
Сотрет все буквы с полотнища
Озноб подспудной сладкой жути.
И вот, в предощущеньи такта
Вся в предвкушеньи вспышки света
Машинка «Зингер» скажет «так-так».
...Вот *так* начнется жизнь поэта.

Луна застряла в горле неба
И ночь не в силах продохнуть.
Душа размочит корку хлеба,
Чтоб в слёзной тюре утонуть.
И упадет крупой небесной
В ладони жадные земли,
И станет ей, душе, так тесно
И сладко, что вновь замели
Снега по пояс, грудь... по темя,
Куда ударит утром луч...
Душа слезою силит время
И камень, что бел и горюч.

Игорь Михайловский

Колыбельная

Поколению взрасти дали,
Поколение росло быстро.
Нам казалось: оно в печали,
Им внушалось, что мы фашисты.

Мутной жижею неслось время
Селем с гор из звёзд, с небес павших,
Их чертили на всех эмблемах,
Только в руки взять было страшно...

Что теперь, когда в душе пена?
Что теперь, когда ветра в поле?
Ведь не пустят нас туда стены
И иные средства контроля.

Расшифруют их сигнал верно,
Будут вмиг поражены цели.
Будет вечно вращаться жернов
Государственного апреля...

Может, лучше уснуть скорее?
Натюрморт бытия не трогать?
Колыбельные Лорелеи
В этом деле как раз помогут.

Их чарующий мотив слыша,
Я готов за ним идти всюду.
Пусть темнеют скалы всё ближе -
Убаюкан подлец-рассудок!..

И. Михайловский

Здесь любитель полотен Гойи
Ухмыльнётся, наморщив рыло,
Колыбельная течёт с кровью
По его поражённым жилам.

Ведь без разницы, что за форму
Принимает она конкретно:
Это может быть труд Адорно
Или детектив трафаретный...

Или мысль вдруг в голове вспыхнет:
Завтра утром надо встать раньше.
Колыбельные уже стихнут,
Но ещё не загремят марши.

Сесть в автобус, любой, до центра,
Сон кондуктора не нарушить.
И водитель, как мудрый ментор,
Сообщит мне, когда наружу.

Не попасться на его трюки,
Выйти там, где чисты костюмы,
Где намазаны кремом руки
И сценарий любой продуман.

Эту мелочь другим оставить:
Будет повод раздать листовки.
У меня ж цель не столь простая:
С бытия сорвать драпировку!

Но в динамиках уже голос.
Расцветает. Круг опять замкнут.
Освежив ротовую полость,
Натюрморт я вставляю в рамку...

Аргументы привожу в пользу,
Быть терпимей прошу бывшее.
Но оно не забудет боль за
Измену своим героям,

Не простит нам бывшее фальши,
Что внесли мы в герба и флаги.
Мы бежим от него всё дальше,
По дороге чертя зигзаги.

Пусть с экранов ему верны мы,
Пусть клеймим тех, кто страну продал -
Не простит бывшее нам грима
И исчезнет за поворотом...

Поколению взрасти дали,
Поколение росло быстро,
Представители его стали
Чем-то белым, скользким, волнистым...

Стоит только позабыть руки
Под струей горячей намылить,
Как тотчас мириады штук их
Поспешат тебя обескрылить.

Июнь 2006 г.

Урбанизация

Когда в городах выключается свет,
В высоких ретортах готовят растворы.
Хотят отыскать чей-то древний секрет,
Доверив процесс современным приборам.

Когда в городах - только лай из окна.
Добычу преследуют своры собачьи,
Кого-то вселенной влечёт глубина,
А кто-то о жизни непрожитой плачет...

Когда города рассыпают, как соль,
По карте, разорванной, будто бы рана,
Кого-то забытый заботит пароль,
А где-то вода набирается в ванну.

А где-то она же морскою волной
Наносит по зонам прибрежным удары.
И знак направляет на путь объездной,
И действует рациональность, как чары,

И голос торопится предупредить,
И предупреждение вновь штормовое...
Из хроник подмигивает Кон-Бендит,
Но хроники тоже смывает волною.

Возводятся дамбы в надежде спастись,
Тоннели исследуют аквалангисты,
Но волны взмывают, крылатые, ввысь,
И рушится насыпь обыденных истин.

И слышатся марши забытых времён,
И мистика рун предстаёт перед взором.
И, пусть в города зазывает неон,
Миганье его темнотой станет скоро.

Мозаика красок пусть режет глаза,
Ждать новой авроры недолго осталось.
В пурпурных лучах её стрелка «Назад!»
На верный бы путь города направляла...

Но только пока что не виден рассвет.
Всё те же оттенки наносятся кистью.
И вновь города оставляют свой след
На пыльной дороге обыденных истин.

Июнь 2008 г.

Плюрализм

- У рабов должен быть подконтрольный досуг,
Чтобы не было времени думать и петь.
Чтобы, дав облегчение бицепсам рук,
Завтра вновь придать смысл Аппарату успеть...

Чтобы вновь Аппарату позволить расти,
Обретать громкий голос и тысячу эх.

Ну а громкость способным его превзойти
Свяжут руки пожатем, засунут в рот смех...
- Нет, рабам предоставим отменный досуг!
Чтобы было и время, и выбор, и злость,
Пусть возможностей этих был узок бы круг,
Но иллюзию в голову б вбить удалось.
Увенчался б успехом и следующий шаг:
Передать по наследству оформленный миф,
Чтобы сами илоты готовили лак
Для покрытия дней кумачом перспектив.
Затянулась дискуссия. Кто ж из них прав?
У сторон доказательств хватает вполне.
Важной вехою в планах предателей став,
Плюрализм триумфально шагал по стране...
И под поступи грохот его роковой,
Заряжаясь энергией спорящих масс,

Аппарат конструировал новый гос. строй,
Деспотичнее старого в тысячу раз.
Приезжали конструкторы издалека,
Проявляли участие и интерес,
Заменяли призыв заводского гудка
Завыванием демократических месс,
В одночасье рабов превратили в господ.
Новый статус осмыслить помог Аппарат,
Заменил на досуг выполнение рабов,
Тяжелый оказавшийся в тысячу раз...
- У рабов должен быть подконтрольный досуг!
- Нет, рабам предоставим отменный!..

2006 г.

Ульяна Возная-Любутина

ШОКОЛАДНАЯ ОСЕНЬ

Ночь.

Я, не уснувшая в ночи.
Ночь, не уснувшая во мне.
В даль открывающем окне
Город в таинственном огне.
Ночь, не уснувшая во мне.
Я помню ночи до сих пор,
Когда ко тьме привыкший взор
Мог видеть звездный разговор.
Мне бы уснуть еще вчера,
До полночи, пока горят
Все фонари, что не дают
Взгляд ищущий до туч поднять.
Но мне вчерашним днем уснуть,
И полночь мимо пролистнуть?
Ведь ночь тогда бы не смогла
Всю дивную открыть мне суть...
А завтра снова белый день,
(Не будет, кажется, его!)
И утром снова белый свет
А ночь? Иллюзия и сон...

У. Возная-Любутина

Осень.

Я держала камешки в горсти -
Я хотела осень донести.
Только осень тяжела была
И сквозь пальцы в землю утекла.
Хотела осень донести
До зеленой радости весны,
Только осень эту, как листок,
Зимним ветром выдуло из рук.
Я хотела осень отыскать,
Из-под снега осень откопать -
Только мало было снега и весной
Слишком быстро он растаял сам собой.
А весной не было дождей,
Только небо делалось светлей.
Мне из осени воды бы взять,
Но она рассыпалась опять.
Дети неба до земли дошли,
Чтоб весной яблони цвели.
Что ж, в цветах пусть будет, как в раю-
Все равно на осени стою.

Я млечный путь не видела никогда -
Здесь лишь земля, стекло и вода.
Здесь только окон отблеск закат
В окно приносит, где солнца скат.
Сбежать из города под небеса,
Степи и сумрачные леса,
Пустыни в желтом немог огне -
Всю землю видеть хотелось мне.
А фонари лишь слепят глаза,
А в городе и гроза - не гроза,
А в городе и весна - не весна,
И остаются лишь имена.

Туман.

Рассветает, и красных крыш
Исчезает в ночь синева.
Почему-то мне снится Париж,
Хоть я там никогда не была...
А туман - это тайны вуаль,
А туман открывает мечты.
Пусть сирень еще не расцвела,
Но во мгле я вижу цветы.
Но туман - это только дожди,
Но туман - это только вода.
Летом ночи ужасно ясны
И одна над землею звезда.
И не будет темно и тепло,
И туманы - деревьям плащи.
Может, лето до нас не дошло -
Только осень, и снова дожди...

Корабли.

Невесомое солнце. Лето.
Корабли отправлялись в путь
Морем ветром, и чтоб куда-то
Долететь или утонуть.
Кораблям или людям проводы?
Провожают: прощай-прости.
Те свободны, а те прикованы
К тонкой проволоке пути.
У кого-то - и путь, и знанья,
А кому-то и так ясны
Одинокие расстоянья,
Прерывающиеся сны.

Порог

Перешагнуть порог.
Ступенью выше.
Вот чистый лист.
Назад дороги нет.
Назад - к концу.
Оставшийся в прошедшем
Ещё зовёт.
А обернешься - смерть.

Утро.

Утром кажется - синий снег,
Когда в доме включают свет.
Это в день луны и час луны
Так глаза распахивают сны.

Ночь.

Миллионом черных глаз
Смотрит ночь в глаза
неспящим.
Льется в синь за часом час
Время тайны настоящей.
Если кто-нибудь уснет,
Засыпая, улетаая,
Он живую воду пьет,
О реальном забывая.
Если мы увидим сны -
Это странные мгновенья...
Это - тонкие миры
Параллельных измерений.
Если мы увидим сны,
Это - отблески сознания...
Эти сны в часы Луны -
Образы-воспоминанья.

Древность.

Эхо стекает
Вниз по ступеням
Вместе со временем.
Время свивает
В свитки столетья,
Тонет во мраморе.
В глубине мыслей
Скрыты в гробницах
Синие тайны...
Суммы веков
Собирают шаги
В золото статуй...

Виктор Говорков

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом на углу,
на развилке дорог!
Шероховатость твоих черных досок...
Твоя завалинка давно прохудилась –
из нее уже сыпался шлак...
Я, бывало, к тебе прислонялся,
от ветра когда спасался,
трамвая домой ожидая.
Шлак завалинки был
словно старого времени прах.

Старый дом на углу,
на углу моей жизни!
Пролетали ветра,
обдавая газом тебя,
мимо мчались машины.
...Шла жизнь, как всегда, на дощатом фоне...
И я, если смуту в душе проношу,
на тебя, бывало, случайно взгляну –
и снова появится прочность во мне.
Крупным планом твое выступало дерево...

Но сегодня я вышел на этот угол,
где дороги в тугой перехлест...
расплетаясь,
вонзались каждая в свой горизонт.
И звезды плодами
висели в деревьях.
В двух шагах чернел –
как-то жутко! - космос...
Непонятно мне было -
откуда деревья?
И от ветра невозможно мне было укрыться. Почему
здесь деревья?!
Зачем беззащитно у всех на виду?
Почему здесь устроен стриптиз?
Так открыто раздет этот сад?..

И потом уже понял:
не стало забора и дома.

И тоскливо я вдруг осознал:
не всегда до конца продвигаться нужно
в познании тайн.
Обернуться может горечью это.

В. Говорков

Я яблоки другу в больницу привёз.
Однако, в смущении он извинился,
но яблоки взять у меня отказался.
«Пусть будет тебе не в обиду, - сказал он, -
но ими меня завалили, ей богу!
И тёща и мать и жена нанесли...»
Ну что тут поделать?

Я ехал обратно
и всем свои яблоки я раздавал.
Запомнил особенно я конопушку
двенадцати лет, или, может чуть больше,
которая рядом со мною сидела
в трамвае и яблоко грызла моё.
Пока на трамваях, автобусах ехал,
учебник листал и, засунув в портфель
его кое-как, продвигался на выход,
кому-то звонил, на колене своём
какую-то просьбу записывал вкось,
опять на трамвай, на автобус садился,
знакомых встречал или так... из окна
едва успевал им рукою махнуть,
и что-то читал я и что-то писал
(наверное, было местами неплохо),
и что-то я делал, кого-то любил,
садился куда-то я снова и ехал,
вот так я не яблоки только одни,
вот так я для всех раздавал свои дни.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ И ПРАВУ

Подготовила Е.М. Сурина

Сурина
Елена Михайловна

заведующая научной
библиотекой института
философии и права УрО
РАН,
доцент МАДИ

Борисов А.А., Василенко Ю.В. Иммигрантские сообщества в России: модели интеграции / А. Борисов, Ю. Василенко; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Перм. филиал по исследованию полит. ин-тов и процессов; отв. ред. К.В. Киселев; науч. ред. сер.: В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 285, [4] с.

В монографии анализируются основные формы интеграции различных иммиграционных сообществ в современный российский социум. В работе освещаются особенности иммиграционных процессов на региональном уровне, процессы трансформации этнокультурной идентичности у иммигрантов, их формальные и неформальные организационные структуры, характер взаимодействия иммигрантов с принимающим их социумом.

Издание адресовано, прежде всего, специалистам в области политической науки и социологии, а также практикующим политикам, всем интересующимся политикой и миграционными процессами в современной России.

Войтович В.Ю. Муниципальная служба: учеб. пособие / В.Ю. Войтович; Ин-т философии и права УрО РАН. Удмурт. филиал, Удмурт. гос. ун-т, Удмурт. республ. обществ. организация «Союз научных и инженерных общественных отделений». – Ижевск: Ассоциация «Науч. кн.», 2008. – 260, [1] с.

В учебном пособии рассматриваются актуальные вопросы развития местного само-

управления, его конституционно-правовые основы. Раскрываются понятие и правовое обеспечение статуса муниципальных служащих. Подробно освещаются функции и принципы организаций муниципальной службы; права и обязанности муниципальных служащих; профессиональная подготовка и квалифицированные требования по муниципальным должностям; формирование резерва муниципальных служащих; значительное внимание уделяется процессуальным вопросам муниципальной службы.

Адресовано студентам, аспирантам и преподавателям юридических вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», а также для образовательных учреждений по повышению квалификации муниципальных служащих и работников кадровых служб муниципальных органов.

Дискурсология: методология, теория, практика: Докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Ж. Бодрийяра, г. Екатеринбург, 4 дек. 2007 г.: Т. 3 / Ин-т философии и права УрО РАН, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Гуманит. ун-т и др.; Под общ. ред. В.Е. Хвощева. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи»; Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2008. – (Дискурсология. Вып. 7). – 240 с.

Настоящее издание включает доклады участников Второй Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика», посвященной памяти Ж. Бодрийяра, заседания которой прошли с 21 ноября по 14 декабря 2007 г. в Институте философии и права УрО РАН, в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, в Тюменском государственном университете, в Южно-Уральском государственном университете, в Гуманитарном университете путей сообщения.

В третьем томе представлены доклады

сессии, которая состоялась 4 декабря 2007 г. На ней обсуждались общие проблемы дискурсологии, политического дискурса, дискурса национальной безопасности, вопросы дискурс-анализа, касающиеся широкой социально-гуманитарной тематики.

Дискурсология: методология, теория, практика: Докл. Третьей Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, 2 окт. – 19 дек. 2008 г.: Т. 1 / Ин-т философии и права УрО РАН, Междунар. акад. дискурс-исследований, Свердл. отд-ние РАПН и др.; под общ. ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2008. – (Дискурсология. Вып. 7). – 228 с.

Настоящее издание включает доклады участников третьей международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория практика», посвященной 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, заседания которой прошли со 2 октября по 19 декабря 2008 г. в Институте философии и права УрО РАН, в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, в Тюменском государственном университете, в Южно-Уральском государственном университете, в Гуманитарном университете, в Уральском государственном университете путей сообщения, в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского, в Институте международных связей, в Уральской академии государственной службы.

В первом томе представлены доклады, в которых рассматриваются проблемы теории и методологии дискурс-исследований, парадигмы и дискурсы современного философского мышления, проблемы культуры как взаимодействия дискурсов, дискурсы социальных процессов и институтов.

Дискурс-Пи: науч.-практ. альм. Вып. 7: Новый левый дискурс / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Екатеринбург. обществ. благотворит. фонд «Дом ученых» и др.; гл. ред.

О.Ф. Русакова. – Екатеринбург, 2007. – 194, [2] с.

Интеллектуальные трансформации. Новые теоретические парадигмы / А.Б. Белоусов, А.Б. Дидикин, О.А. Доманов и др.; РАН. Ин-т философии и права УрО РАН, Ин-т философии и права СО РАН; науч. ред. сер.: К.В. Киселев, В.Н. Руденко; отв. Коллективная монография является итогом научных исследований, совместно осуществленных учеными Института философии и права УрО РАН и Института философии и права СО РАН по проекту «Интеллектуальные трансформации: феномены и тренды».

В работе анализируются тенденции развития современного обществознания, выявляются изменения в научных концепциях, описывающих политико-правовые феномены. Особое внимание в монографии уделяется трансформации теоретических представлений об актуальных проявлениях политического. Отдельная глава работы посвящена изменениям в научных представлениях о современных правовых институтах.

Книга адресована специалистам по теории науки, политологам, юристам, культурологам, а также всем интересующимся процессами, происходящими в современном обществознании.

Ким В.В. Семиотика и научное познание: философско-методологический анализ / В.В. Ким; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Межвуз. центр по проблемам гуманитар. и социально-эконом. образования; науч. ред. Н.В. Блажевич. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 411, [4] с.

В монографии впервые в отечественной литературе предпринята попытка теоретически реконструировать структуру научного познания в целом через призму общенаучных семиотических идей и понятий, средств и методов. Знаковая деятельность в научном познании объясняется через процессуальный, субстратный и продуктивный компоненты научно-познавательной деятельности. Природа языка науки исследуется строго в рам-

ках гносеологического подхода, развивается структурно-функциональная концепция языка современной науки.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Местное самоуправление – основа управления обществом: [сб. статей / под общ. ред. В.Ю. Войтовича]; Ин-т философии и права УрО РАН. Удмурт. филиал, Удмурт. гос. ун-т, Удмурт. республ. обществ. организация «Союз научных и инженерных общественных отделений», Правовое отделение УРОО СНИОО «Гос. и муницип. строительство». – Ижевск: Науч. книга, 2008. – 153, [1] с.

В сборнике раскрываются методологические и правовые основы местного самоуправления как основы управления обществом.

Направления и содержание организации муниципального управления показаны с учетом действующего законодательства, наличия различных проблем, имеющих место в процессе продолжающегося реформирования местного самоуправления в Российской Федерации входящих в ее состав субъектов, в том числе и Удмуртской Республики.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов и соискателей учебных заведений юридического и экономического профиля, а также практических работников органов местного самоуправления.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 8 / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; гл. ред. В.Н. Руденко; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков и др.; отв. за вып.: М.Ф. Казанцев К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 516 с.

В восьмом выпуске Научного ежегодника философии и права УрО РАН представлены наиболее значимые результаты научных исследований в области философии, политологии, права, выполненные в институте в 2007 г. и в начале 2008 г.

Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации / А.Б. Белоусов, С.Л. Богданов, К.В. Киселев и др.; Урал. фонд социальных исслед.; ред. кол.: Руденко В.Н. (отв. ред.), Киселев К.В., Мартьянов В.С., Фишман Л.Г.; науч. ред. сер.: В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 477, [4] с. – (Феноменология полит. пространства).

В работе дается оценка состояния отечественного обществознания, главным образом политических, юридических, философских наук. Анализируются взаимные вызовы власти и общественных наук. Рассматриваются основные парадигмы, определяющие сущность интеллектуальных трансформаций в системе общественных наук и власти. Публикуется инициативный проект закона субъекта Российской Федерации, регулирующий отношения в сфере науки.

Издание предназначено для ученых, политиков, органов государственной власти и местного самоуправления, а также всех интересующихся процессами, происходящими в общественных науках, в отношениях между обществознанием и властью.

Панкевич Н.В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации / Н.В. Панкевич; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; отв. ред. К.В. Киселев; науч. ред. сер.: В.Н. Руденко, К.В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 192, [3] с. – (Феноменология полит. пространства).

Монография посвящена исследованию динамики моделей федеративного устройства, изучению факторов их стабильности и структурной трансформации. Особое место в работе уделено анализу влияния субъектных факторов, в том числе политически значимых групп на процессы динамики федеративных систем. В монографии также анализируется специфика трансформации федеративного устройства в современной России.

Книга адресована специалистам в области

общественно-политических наук, политологам, социологам, а также студентам соответствующих факультетов.

Руденко Виктор Николаевич: биобиблиография ученого (к 50-летию со дня рождения) / РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права; под ред. К.В. Киселева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2008. – 122 с.

Книга посвящена видному представителю Уральской школы конституционного права и Уральской философской школы, доктору юридических наук, кандидату философских наук, директору Института философии и права УрО РАН Руденко В.Н.

Книга включает краткую биографию ученого, хронологическую библиографию трудов, вспомогательные указатели.

Для ученых-юристов, философов и историков науки.

Скоробогатский В.В. Анти-Сизиф, или Человек в зеркале философии / В.В. Скоробогатский. – Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2008. – 479,[1] с.

В сборнике публикуются работы, написанные автором в разные годы, освещающие духовную ситуацию нашего времени, культурно-исторические типы отношения философии к действительности, взаимосвязь философии и литературы, метафизическое существование и генеалогию русского нигилизма.

Способ существования – читать, думать, писать. К 60-летию со дня рождения В.В. Скоробогатского / Урал. акад. гос. службы. – Екатеринбург: УрАГС, 2008. – 311, [1] с.

Книга посвящена 60-летию со дня рождения видного российского философа, представителя уральской философской школы – первого проректора Уральской академии государственной службы, доктора философских наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы РФ В.В. Скоробогатского. В ней представлены краткие биографические сведения о В.В. Скоробогатском, интервью с ним, труды ряда его учеников.

Для ученых-философов и историков науки.

Уфимцев В.В. На переломе эпох (Курсанты): художественно-социологическое повествование / Рук. проекта: О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский; [Гл. науч. ред. О.Ф. Русакова]. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2007. – 113, [1] с. – (Офицерский дискурс).

В центре повествования, написанного на основе личного авторского опыта, – повседневная жизнь курсантов – начинающих военнослужащих, будущих офицеров, показанная на стыке 70-80-х гг. в начале великого перелома эпох. Что было накануне перестройки и рыночных реформ, Как формировалось и подготавливалось общественное мнение к переменам? Какова была атмосфера данной эпохи – эпохи «перед бурей»? Как формировались стиль будущей жизни, мировоззрение, убеждения будущих офицеров? Это интересно в том плане, что представители армии и других силовых структур оставили свой след в истории постперестроечной России, пусть по-разному, иногда диаметрально противоположно, но оставили. Кто-то из них был курсантом в описываемую эпоху, кто-то уже служил на первичных офицерских должностях. Попытка ответить на вышепоставленные и подобные им вопросы – в данном повествовании.

Дискурсология: методология, теория, практика: Докл. Третьей Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, 2 окт. – 19 дек. 2008 г. РОССИЯ-МЕКСИКА - Екатеринбург, Челябинск: Издательский дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2009. - Том 2. – 381 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. - 340 с.

Дискурс травелога. Сборник статей. Авт.-сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС - Издательский дом «Дискурс-Пи», Уральский финансово-юридический институт, 2009 - 190 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

[illegible]

Тема следующего выпуска:
**«Дискурс
виртуального
мира»**

Дискурс Ни. Выпуск 8: Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций / Под редакцией О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2009 – 192 с.

ISSN 1817-9568

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук*

Екатеринбург, 2009

Главный редактор
О.Ф. Русакова

Дизайн-макет
А.А. Панов
Дизайн обложки
В.В. Русаков
Компьютерная верстка
GEO

Подписано в печать
23.04.2009
Формат 60 x 84 1/8.
Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 24
Тираж 500.
Отпечатано в типографии ООО ИРА УТК.
620219,
г. Екатеринбург,
ул. К. Либкнехта, 42.
Заказ № 289